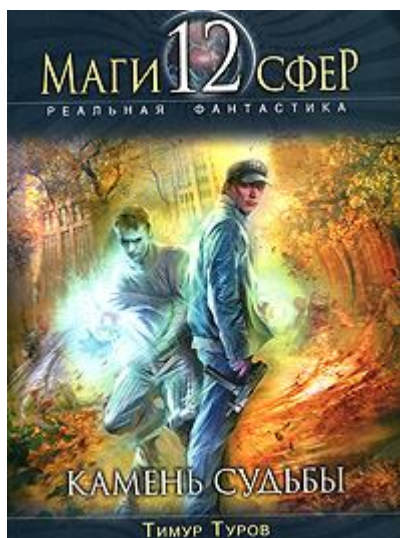

Тимур Туров Камень судьбы

Маги 12 сфер – 2

Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
«Камень судьбы»: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41421-5

Аннотация

В ходе вечерней прогулки по одному из московских парков профессиональный геймер Глеб Погодин становится свидетелем заказного убийства. Умиравший незнакомец отдает ему серебряный футляр, в котором лежит крупный изумруд. С этого момента жизнь Глеба летит под откос: за ним начинается слежка, в квартире проходит скрытый обыск, он видит необычные сны.

Но это лишь предвестники зловещих событий, участником которых предстоит стать Погодину. Он встретится с жуткими созданиями – оборотнями, вампирами и безжалостными магами, шагнет за Пелену и узнает страшную правду о нашем мире – мире «12 сфер».

Роман основан на реальных событиях.

Тимур Туров Камень судьбы

Роман основан на реальных событиях. Имена, названия и отдельные детали изменены. Любые совпадения имен и названий – случайны.

Глава 1

Солнце опускалось за острые вершины дальних гор, выкрасив их ледяные склоны алым. Долину внизу уже заливали фиолетовые сумерки. Глеб крался по травянистому склону, сжимая в руках длинное копьё-рунку. Это оружие он выбрал не случайно. Таким копьём с серпообразным ограничителем на конце удобно действовать в бою против нескольких противников – ты наносишь удар и тут же тянешь копьё на себя, чтобы ударить

вновь. Ограничитель не дает узкому наконечнику глубоко вонзиться и застрять в теле врага, а длинное древко позволяет держаться на приличном расстоянии, избегая ближнего боя.

Орки прятались в густом кустарнике на опушке соснового бора. Оттуда, с вершины холма, они могли наблюдать за долиной, через которую лежал путь хоббитов. Как сказал умирающий пастух-роханец, посланцев Черной крепости было пятеро – так называемая «рука смерти», отряд жестоких убийц, закованных в вороненные латы и вооруженных с головы до ног.

Отборные твари из Мордора, они были уверены в успехе. Предвкушая легкую победу над парой малорослых хоббитов, орки особо не таились. Из зарослей слышались их гортанные голоса, лязг доспехов и грубый смех.

Глеб, ступая бесшумно, как и подобает настоящему эльф-охотнику, вплотную подобрался к кустам, наудачу ткнул рункой сквозь густую листву – и попал. Раненый орк оглушительно взревел, и тут же его разъяренные сородичи сквозь затрепавшие ветки бросились на Глеба.

Поймав одного из набегающих воинов на острие, Глеб сделал несколько шагов назад и с досадой чертыхнулся. Пастух ошибся, орков было вовсе не пятеро! Мордор решил действовать наверняка и направил сюда не одну, а три «руки смерти»!

«Вот так сюрприз, – хладнокровно подумал Глеб, скользя вниз по склону. – Пятнадцать человек на сундук... Тыфу ты! Не человек, а орков. И не на сундук, а на лук. На верный эльфийский лук, что висит за спиной...»

Собственно, именно стрельба из лука была главной специализацией Глеба. Он прокачал эту функцию своего персонажа до максимума, а владыка Ривенделла Элронд за удачное выполнение миссии в Могильниках вручил ему «Золотой месяц» – легендарный лук самого Последнего Всеэльфийского государя Гиль-Гэлада.

Отбросив окровавленную рунку, Глеб вытащил лук и изготовился к стрельбе. Он удалился от зарослей шагов на двадцать пять и в принципе мог бы успеть расстрелять врагов до того, как те сблизятся с ним. Проблема заключалась в стрелах. Их было всего одиннадцать, а орков – тринадцать здоровых и двое подраненных копьем.

«Зря я потратил столько стрел на волкодлаков в предыдущей локации, – запоздало укорил себя Глеб. – Надо было магию использовать».

Первым выстрелом Глеб свалил здорового урука, бежавшего далеко впереди орочьего отряда. Стрела вонзилась в Т-образную прорезь глухого рогатого шлема, и воин Черной крепости с предсмертным стоном грохнулся в высокую траву, выронив ятаган и щит.

В течение нескольких секунд Глеб положил еще троих. Орки сообразили, что при таком раскладе их ждет бесславная гибель, сгруппировались в клин и со всех ног устремились на одинокого стрелка, прикрываясь щитами. Глеб поменял тактику. Теперь он долго выцеливал, прежде чем спустить тетиву.

Выстрел! Серебряная стрела выбила из плотного строя орков невесть как затесавшегося в отряд мордорских уруков двухметрового Саруманова урук-хая с белой дланью на щите. Еще выстрел!

– Зараза! – произнес Глеб. Он промахнулся!

Орки приблизились почти вплотную. Пришлось показать врагам спину, чтобы увеличить разрыв и дистанцию стрельбы. Тяжеловооруженные посланцы Мордора не могли состязаться в беге с легконогим эльфом, и вскоре Глеб восстановил статус-кво. Присев на одно колено, он произвел несколько удачных выстрелов подряд, вынеся все острие орочьего клина. Врагов осталось шестеро, стрел – одна. Даже если умудриться убить ею двоих противников, нечего и пытаться выстоять против четверых в ближнем бою с фальчионом в руках, имея из защиты лишь легкую, пусть и мифрильную, кольчугу.

«Рунка моя валяется где-то возле кустов. Неужто я провалю миссию? – расстроился Глеб. – А ведь провалю. Магии у меня кот наплакал. Против оборотней она еще сработала бы, а вот против орков... Эх, если бы я был высоким эльфом, а не телери. Хотя...»

В его дорожном мешке лежал «Хвост Волка», артефакт, полученный за истребление

волкодлаков от старосты деревни в Дунланде.

«Надо было заранее посмотреть, что это за фиговина...»

Орки между тем рывком преодолели отделявшее их от Глеба расстояние, окружив незадачливого стрелка. В упор всадив последнюю стрелу прямо в оскаленную пасть косоглазого урука, Глеб отбросил лук и выхватил изящный фальчион с эмблемой дома Трандуила на клинке. Но тут боевое счастье было явно не на его стороне. Орки обрушили на него град ударов, и золотая нить жизненной силы эльфа затрепетала, стремительно сокращаясь. Перед глазами повисла красная пелена, тяжело забухало сердце, отсчитывая последние удары...

Глеб, скрипя зубами от боли, успел-таки сделать пару выпадов и даже поразил одного из врагов в незащищенное горло. Падая, орк окатил его настоящим кровавым водопадом. В смертельном кольце, сжавшемся вокруг Глеба, образовалась брешь. Рванувшись в нее, он одновременно выхватил «Хвост Волка» и наудачу активировал его. На миг все вокруг стало серым, орки замерли, бестолково озираясь.

«Артефакт сработал! – радостно понял Глеб. – Он отводит глаза и замечает следы. Ну, теперь поглядим, кто кого...»

Вырвавшись из-под ударов ятаганов, Глеб бросился вверх по склону, лихорадочно поглощая на бегу фиалы со здравуром. Золотая нить начала медленно, но верно удлиняться. Силы возвращались, пелена перед глазами рассеялась. За спиной что-то вопили орки.

Добежав до груды тел в черных доспехах, Глеб подхватил пару серебряных стрел и помчался дальше, к следующей куче орочьих трупов. Вскоре в его колчане было шесть стрел, а за поясом – на всякий случай – андорский двусторонний метательный топорик-франциска, оказавшийся в снаряге у того самого урук-хая.

– Ну, все, ребята, партия! – захохотал Глеб, разворачиваясь к оркам, – и тут же выругался, останавливаясь.

Пока он бегал по склону и мародерничал, его враги и не думали преследовать легконогого эльфа. А крики их, что слышал Глеб за спиной, вовсе не были криками бессильной ярости и злобы. Как оказалось, орки вопили от радости, ибо у подножия холма появились двое маленьких испуганных хоббитов-хранителей, волею создателей гейма вынужденных тупо идти по тропе на виду у всех и вся. Уруки набросились на них и мгновенно изрубили на куски.

Солнечный свет померк, небеса окрасились темно-багровым. Там, среди сгустившихся туч, возникло отвратительное мурло Саурана, и громовой глас потряс все Средиземье:

– Кольцо Всевластия – мое!! Ха-ха-ха!

– Тьфу ты! – расстроено пробормотал Глеб, откидываясь в кресле.

Несколько секунд он массировал веки – все же шесть часов игры кряду давали о себе знать. Потом настроился на выход из гейма, сделал пару дыхательных упражнений, потянулся, скинул наушники и открыл глаза. По экрану монитора бежали строки эбаута. Выход прошел быстро и безболезненно, скорее всего, потому, что Глебу гейм не понравился. Слишком декоративный мир, слишком прямолинейный сюжет, слишком ограниченный «искин», слишком картонные персонажи. В общем, слишком много «слишком» для игры, которую авторы собираются позиционировать как «прорыв на рынке». Только формат названия – «Х.Р.А.Н.И.Т.Е.Л.Ь. Война за Кольцо» – чего стоит!

Нашарив наладонник, Глеб быстро набил замечания по пройденным локациям и устало потянулся за сигаретами. За окном уже стемнело, сильный ветер качал пожелтевшие липы, срывая с них листву. Глеб затаился и выпустил в потолок струю сизого дыма. Работа окончена, можно расслабиться. На беготню по виртуальному Средиземью и ловлю багов он потратил двадцать шесть дней. Завтра нужно будет съездить за деньгами, и все – можно на пару недель забыть о компе.

Захотелось есть. Ничего готового в холодильнике не было, но это никогда не останавливало Глеба. Готовить он умел и любил.

«Значит, поскольку сегодня конец работы, типа пятница, можно немного гульнуть, –

пуская дымные колечки, размышлял Глеб. – Сварю-ка я картошечки да заделаю фирменный погодинский салат, такой, как мама делала когда-то. Картошка, селедочка и репчатый лучок с подсолнечным маслом! И пару стопок водки под это дело! А на горячее пусть будет запеченная свинина – где-то в морозилке у меня был кусок окорока. Нашпиговую чесноком, натру хмели-сунели и в духовку. Ух и оторвусь! Да здравствует праздник живота!»

Телефон коротко тренькнул и тут же залился песенкой Ману Чао про маму и папу.

– Черт, – пробормотал Глеб, ткнул сигарету в пепельницу.

Звонила Милка Игнашевич, редактор из производящей игры компании «4В». С Милкой у Глеба пару лет назад был роман, закончившийся весьма скоро, но, к обоюдному удовольствию, без эксцессов; с «4В» он сотрудничал регулярно, тестируя новые геймы компании.

– Похоже, отдых отменяется.

Глеб всегда, когда был один, разговаривал вслух. Он развалился в кресле, нажал кнопку ответа и буркнул в трубку:

– Здесь Погодин.

– При-ивет, Суперский! – зашебетала Милка.

Глеб представил ее, рыжую, с усыпанным конопушками лицом, улыбающуюся, всю такую непоседливую, кругленькую, миленькую, – и скривился.

«Небось опять крутится в кресле и одновременно пасьянс раскладывает на компе», – ухмыльнулся он.

– Привет-привет...

– Суперский, у нас к тебе предложенице. Погоди-погоди, не говори пока ничего. Мне шеф велел сразу сумму озвучить. Пять!

– Пять штук? – удивленно переспросил Глеб, выпрямляясь. Это было примерно втрое больше его обычного гонорара за тест стандартного гейма.

– Да-да-да, Суперский! – Милка захихикала. – Игрушка новая, совсем. Движочек кротимовский взяли, все остальное наше.

– Как называется?

– «Пришествие тьмы». – Милка снова засмеялась. – Московская готика в двадцать первом веке, хи-хи. Шутер от первого лица, как ты любишь. Но сделать надо срочно. Очень.

– Очень – это когда?

– Вчера, Суперский!

– Мила, – строгим голосом произнес Глеб, – перестань, пожалуйста, веселиться и объясни толком.

– Все-все-все! Я – сама серьезность! – заверила его Игнашевич, шумно вздохнула и начала говорить...

В небольшой комнате отдыха, расположенной в офисе «Фонда Ксенофонтова», одной из крупнейших благотворительных организаций Москвы, обычно царила тишина. Исключение составляли ситуации, когда тут появлялся хозяин – могучий, слегка отяжелевший с годами, седоволосый Дмитрий Георгиевич Ксенофонтов, хозяин фонда, а заодно и многих других фирм, один из богатейших бизнесменов столицы.

Вот и сегодня безмолвие оказалось нарушенным, когда дверь распахнулась и вошел Ксенофонтов, а следом за ним шагнул его помощник и консультант Декатин, маленький, толстенький и лысый.

– Эти ваши пиарщики вгонят меня в гроб раньше времени! – Устало отдуваясь, Дмитрий Георгиевич рухнул в жалобно скрипнувшее под его грузным телом кресло. – Василий Леонтьевич, ты бы притормозил коней, что ли... Я чувствую себя врио Деда Мороза: «Ксенофонтов подарил школе-интернату оборудование для компьютерного класса», «Ксенофонтов оплатил операцию пострадавшему мальчику», «Ксенофонтов оказал спонсорскую помощь театру». Просто «Фигаро здесь, Фигаро там» какой-то.

– Но как же так? «Фонд Ксенофонтова» создавался...

– Понятно, для чего он создавался! – Дмитрий Георгиевич нахмурился, выразительно покачал головой. – Эту тему мы поднимать сейчас не будем. Лишняя она, понимаешь? Так?

– Конечно, босс. – Василий Леонтьевич Декатин с готовностью заулыбался. – Прошу прощения. Но сейчас, в самый разгар пиар-кампании, мы не можем все бросить. Вложены немалые средства...

– Да я не говорю, что нужно останавливаться! – загремел Ксенофонтов. – Просто – без меня. Сейчас есть дела поважнее имиджа.

– Ясно, – кивнул Декатин. – «Сибнефть». Акции растут...

– Нет, Василий Леонтьевич, ничего тебе не ясно, – тяжело вздохнул Ксенофонтов. – Акции-шмакции – это все семечки. Ты помнишь, сколько мне лет?

Декатин вновь кивнул. Он понял, что имеет в виду патрон, которому мало кто мог дать его восемьдесят пять. Понял – и осторожно произнес:

– Вам не кажется, босс, что все это – пустая трата средств и времени?

– Кажется, – грустно наклонил увенчанную полуседой шевелюрой голову Ксенофонтов. – Но пока есть хотя бы минимальный шанс, я буду пробовать. Мне нужен сын, друг мой. Мне очень нужен сын. Только ему я могу передать... Эх, если бы я был уверен, что тогда, двадцать семь лет назад...

– Увы, – вздохнул Декатин. – Чудес не бывает.

Дмитрий Георгиевич приподнялся, утопил клавишу селектора на столике:

– Елизавета Львовна, Царев не появлялся?

В динамике зашелестел голос секретарши:

– Он как раз входит в здание, Дмитрий Георгиевич.

– Как поднимется, сразу ко мне!

– Может быть, вина? – Декатин кивнул на украшавший комнату отдыха антикварный буфет. – Есть «Шабли», еще старой закладки, приготовлено до тысяча восемьсот семьдесят восьмого года, когда виноградники погибли от мучнистой росы. Или желаете чего-нибудь особенного, неведомого людям?

Ксенофонтов улыбнулся, причмокнул, сложив губы трубочкой.

– Гурман ты, Василий Леонтьевич. Но – нет, нельзя. Если Царев договорился о приеме, я не хочу дышать на доктора Яновски перегаром. Этот элохим-врачеватель, как ты знаешь, не переносит алкоголя.

– Не доверяю я этим крылатым... – Толстяк остановился на полпути к буфету. – Босс... Э-э-э, Дмитрий Георгиевич, а может, все же не надо? У меня нехорошее предчувствие...

– Как в девяносто первом? – иронично выгнул косматую бровь Ксенофонтов.

– Почти, – с тревогой глядя в глаза патрона, кивнул Декатин.

Двери комнаты отдыха бесшумно отворились. На пороге появился помощник Ксенофонтова Вадим Царев, высокий мужчина с квадратной челюстью, шапкой кудрявых волос и плечами борца. Аккуратно прикрыв дверные створки, он склонил голову, бухнул себя открытой ладонью в грудь и сообщил:

– Янаэль принял плату и согласен осмотреть вас!

Поморщившись, Ксенофонтов показал референту кулак.

– Ну, любитель церемоний... Вадик, сколько раз я просил! Этикет оставь для официальных церемоний. Давай к делу: где, когда, во сколько?

– Яна... Профессор Яновски будет ждать вас после полуночи в московском филиале своей клиники. В том, что для особых клиентов, недалеко от нас. Я уже передал адрес водителю...

– Хорошо. – Ксенофонтов неожиданно резво для своей весьма внушительной комплекции вскочил и забежал по пушистому персидскому ковру ручной работы. – Ну, вот сегодня ночью все и решится. Про этого Яновски говорят, что он мастер своего дела. Я озолочу его, если все получится. Василий Леонтьевич, ну ты что такой мрачный? Плюнь ты на свое предчувствие. Тоже мне пифия нашлась, ха-ха!

Царев широко улыбнулся шутке босса. Декатин же, напротив, нахмурился.

– Босс, я поеду с вами, – сказал он.

– Еще чего! – задрал подбородок Ксенофонтов. – Этак ты скоро меня в сортир за ручку будешь водить. Нет, милый друг, ты займешься своими делами. Да не волнуйся, я возьму охрану. Пятерку Дита.

– Среди них нет ни одного мага, – буркнул Декатин.

– Иди ты к лешему! – взорвался Ксенофонтов. – Кто может угрожать Ксенфу из Ксенфов в Москве? Всё, ступайте работать. Оба. А я подремлю тут по-стариковски. Вадик, разбудишь в двадцать два ноль-ноль.

Вепрь – Гюрзе:

Сом заглотил наживку. Место и время в аттаче. Удочки можно взять обычные, но крючки нужно заточить. Сомы сопровождают пять окуней, однако налима с ними не будет. По окончании рыбаков можно рассчитать. Помните о содержимом желудка. Удачной рыбалки!

Гюрза – Вепрю:

К рыбалке готовы, крючки точатся. О результатах вскрытия улова сообщу дополнительно.

Курьер прибыл спустя тридцать одну минуту после разговора с Милкой. Глеб за это время успел только почистить картошку и лук и разморозить в микроволновке мясо.

«Он что, на крыльях летел? – расписываясь в получении дисков и аванса, удивился Глеб. – Хотя, зная Милку, можно было предположить, что она отправила курьера еще до разговора со мной, до того, как я согласился. Бывают белокурые бестии, а эта – бестия рыжая».

Заперев дверь, Глеб мимо кухни прошел в комнату, освещенную лишь мерцающим на мониторе скринсейвером. Полученный задаток – две тысячи долларов в фирменном конверте «4В» – он сунул в импровизированный тайник, а проще говоря, под тумбочку стола. Диски с новым геймом легли на полку. Глеб решил сперва все же поесть, а уж потом «ставить гейм».

Готовить что-то особенное расхотелось. Новая работа заинтриговала Глеба, диски манили – быстрее, быстрее! Пожарив картошку, он решил не возиться с мясом и попросту сварил венских сосисок. Запивая немудреное блюдо чаем, Глеб в очередной раз вспоминал все, что сказала ему Милка:

«Сюжет там простой: в современную Москву из другого измерения просачивается группа неких inferнальных существ, типа демоны. За главную у них Лилит. Это такая рыжая тетка, первая жена Адама, хи-хи. У нее и демонов задача – открыть врата в ад и обеспечить проход в наш мир легионов армии Князя Тьмы. Главгер, ну, то есть ты, становится свидетелем появления Лилит и демонов-разведчиков. Ну, а дальше начинается собственно игрушка – ты, ну, главгер, вступаешь в тайную организацию, которая противостоит тварям из ада, получаешь оружие там всякое, снаряжение и начинаешь выполнять различные миссии по всей Москве. Главное, Суперский, постарайся как можно быстрее отгестить эту штуку. Конкуренты на пятки наступают. Если мы успеем запуститься раньше – рынок наш. Имей в виду – за скорость будет бонус».

– Да, бонус – это наше все, – усмехнулся Глеб, сложил грязную посуду в раковину и выключил свет на кухне.

В голове сами собой сложились строчки:

Мы копошимся, словно черви,
В навозной куче бытия.
Суда судеб гниют на верфи,
Где трудимся и вы, и я...

В темноте он подошел к окну, закурил, наблюдая, как по стеклу бегут наперегонки дождевые капли.

«У них тоже соревнование – кто быстрее доберется до подоконника. Скорость, скорость – с ума все сошли, что ли? «Рынок наш», «прорыв на рынке»... Опередить, урвать, хапнуть раньше других... М-да... А ведь придется «входить в гейм» без передышки. Впрочем, чего стонать? В конце концов, я – лучший гейм-тестер Москвы, не зря же меня прозвали Супер-бета. Американцы, когда нужно сделать что-то «через не могу», обычно говорят: «do or die», «сделай или умри». А мы, русские: «умри, но сделай». То есть у нас даже смерть не считается уважительной причиной. Ничего, как-нибудь справлюсь. Но начинать надо все же завтра. А сейчас хорошо бы пройтись, продышаться...»

Мысль о прогулке посетила Глеба неожиданно. Вообще-то он не был большим поклонником уличных променадов, предпочитая отдыхать на даче за городом или вообще за границей. Москва всегда казалась Погодину малоподходящим для прогулок, особенно в вечернее время, местом. Бесконечные сообщения об убийствах, ограблениях, нападениях на прохожих, массовых драках скинхедов с выходцами из южных республик имидж Москвы отнюдь не улучшали, а поскольку Глеб постоянно торчал в Сети и воленс-ноленс читал новости, у него к двадцати пяти годам сформировалось резко негативное отношение к родному городу. Здесь – только работа, а отдыхать лучше где-нибудь в другом месте. Но в данный момент организму просто требовалась встряска и проветривание.

Дом, в котором жил Глеб, старый, еще сталинской постройки, фасадом выходил на широкую улицу с бодрым названием «шоссе Энтузиастов». Сразу за ней начинался огромный Измайловский парк, местами больше напоминавший дремучий лес.

«Дело к ночи, на улице дождь. В такое время и в такую погоду гопота по хатам сидит, пивом заливается, а не по мокрому парку шастает», – решил Глеб и начал переодеваться, попутно поглядывая на себя в зеркало, занимавшее целый простенок в просторной прихожей.

Оттуда на него смотрел больше похожий на подростка, чем на взрослого мужчину, разменявшего четверть века, человек. Среднего роста, худощавый, белобрысый, с узким треугольным лицом, чуть вздернутым носом и большими голубыми глазами. Сам Глеб всегда казался себе похожим на такого русского Джонни Деппа. Когда он сказал об этом все той же Милке Игнашевич, острая на язык девушка мгновенно окрестила его «Ваней Депповым» и, пока они встречались, порой беззлобно поддразнивала Глеба.

Натянув камуфлированную куртку, он прихватил «счастливую» кожаную бейсболку, телефон, проверил перцовый баллончик в кармане и вышел из квартиры. В подъезде царила гулкая тишина. Машинально посмотрев на часы, Глеб отметил – без двенадцати минут полночь. Все нормальные люди уже спят.

– Ну и хорошо, – прошептал он, сбегая по лестнице.

На первом этаже, за толстым стеклом и кружевной занавесочкой, пожилая консьержка в своей каморке смотрела телевизор. Глеб, ехидно улыбаясь, прошел мимо нее незамеченным, нажал кнопку кодового замка и толкнул дверь.

Улица встретила его холодным ветром и неожиданно прояснившимся небом. Дождь закончился, но все вокруг – деревья, фонари, дома, заборчики, машины – было мокрым, и тяжелые холодные капли градом сыпались с кленов и лип.

Обогнув дом, Глеб остановился на заполненном машинами, несмотря на поздний час, шоссе Энтузиастов. На память пришли стихи, придумавшиеся несколько лет назад во время вот такой же вечерне-ночной прогулки.

Ночь. Улица. Фонарь. Путана.
Автомобилей мерный бег.
Она красива, как ни странно.
И в ночь ее умчал «хач-бек».

– Чего ж вам не спится, люди? – безадресно поинтересовался он у автомобильного стада и послушно поплелся к перекрестку, где празднично мигал разноцветными глазами светофор.

Ждать пришлось недолго. Когда загорелся зеленый, Глеб уверенно ступил на проезжую часть, и тут из застывшего строя машин вперед выдвинулась морда огромного черного джипа.

– Куда ты прешься?! Не видишь – зеленый! Ослеп, что ли... – возмущенно начал заводиться Глеб, но, приглядевшись, вдруг понял, что перед ним машина для похорон, или, проще говоря, катафалк.

Оборвав себя на полуслове, он, махнув рукой, почти бегом добрался до тротуара и по асфальтовой дорожке углубился в парк, пониже надвинув бейсболку и вжимая голову в воротник, чтобы капли не попадали за шиворот.

Глеб шагал, огибая лужи. Мысли его были чернее той тьмы, что залегла меж мокрых деревьев. Он думал о катафалке, точь-в-точь таком же, как тот, что шесть лет назад увез в последний путь всех старших Погодиных – маму, отца, брата Виктора... Глеб вновь остро ощутил свое одиночество. Это чувство, постоянно жившее в нем, с годами притупилось, стало привычным, фоновым, как боль в желудке у человека, страдающего гастритом, и лишь временами под влиянием обстоятельств случались приступы, вот как сейчас.

В общем-то Глеб тоже должен был погибнуть. Это случилось в конце июня. Старший брат окончил военное училище и получил погоны лейтенанта, а сам Глеб досадовал сессию в своем радиотехническом. Ему остался последний экзамен, нудное «управление информационными системами», после чего вся семья должна была лететь на отдых к друзьям в Грецию. Уже были куплены билеты, сложены вещи, но тут выяснилось, что преподаватель заболел и экзамен Глеба переносится на пять дней.

«Негоже оставлять за спиной долги, – сказал отец, хлопнув Глеба по плечу. – Мы поедем, а ты прилетишь к нам после сессии».

Жизнь Глебу спасло то, что он не отправился провожать семью в аэропорт, засев дома за учебники. На семнадцатом километре дороги на Домодедово, у деревни с глупым названием Шишкино, такси, в котором ехали Погодины, вылетело за отбойник, трижды перевернулось и врезалось в дерево. Погибли все, кто находился в машине. Позже медэкспертиза установила – у водителя случился сердечный приступ. День выдался очень жарким, а кондиционера в такси не было.

Спустя шесть лет Глеб по-прежнему ясно и отчетливо помнил свое состояние в тот момент, когда он узнал, что теперь навсегда остался один. Его зашатало. Исчезли невидимые руки, что многие годы заботливо поддерживали его со всех сторон. Впрочем, почему невидимые? Он хорошо помнил их, эти руки, – ласковые, мягкие мамины ладони; твердые, сильные рукопожатия отца; крепкие кулаки Виктора, от которых, бывало, в детстве доставалось Глебу, а потом, уже в подростковом возрасте, – его обидчикам во дворе и школе.

Все пропало, сгнуло, растворилось, перестало существовать. Глеб Погодин остался один в большой квартире, где каждая вещь напоминала о родителях и брате. Он не мог там находиться, не мог жить и бежал прочь – в компании, к знакомым и незнакомым людям, к отзывчивым сокурсникам, в ночные клубы, в алкогольный омут, в наркотический бездонный провал... Глеб, бездумно тратя родительские сбережения, ел что придется, ночевал где придется и с кем придется. Как он не подцепил какую-нибудь смертельную заразу, не погиб в пьяной драке, не выпал из окна очередного общежития или сабантуйной квартиры и не сел – один Бог и знает.

В небесной канцелярии, видимо, решили, что Глебу не суждено спиться, сторчатся и погибнуть, как гибнут тысячи его сверстников по всему миру. Ангелом-спасителем младшего Погодина стал так и оставшийся неизвестным парнишка, что раздавал рекламные листочки-стикеры у входа в интернет-кафе на «Соколе». Глеб приехал туда, чтобы встретиться с пушером и купить очередную дозу кокаина. Стикер он взял машинально – и прочел: «Хочешь погрузиться в виртуальную реальность, забыть этот мир и все его

проблемы? Мы приглашаем всех желающих стать бета-тестерами игр, выпускаемых нашей компанией. Приходи, будет интересно!» Глеб до сих пор не мог понять, что – похмелье, скука или наитие – заставило его отправиться по указанному в стикере адресу. Это оказался какой-то офисный центр на «Китай-городе» – длинные коридоры, множество дверей, скучающие охранники и неприступные секретарши.

Его в числе двух десятков таких же жаждущих «забыть этот мир и все его проблемы» усадили за компьютеры и предложили пройти уровень какой-то новой игры про приключения майора НКВД в военной Москве. Играть нужно было не просто так, не на скорость, а на внимательность, вылавливая и занося на специальный лист все баги и недоработки создателей. Кто выполнит задание лучше и быстрее всех, получит контракт на бета-тестинг всей игры. Цена вопроса – пятьсот долларов наличными.

До этого момента Глеб никогда не увлекался компьютерными играми. Нет, в соответствующем возрасте он, конечно же, отдал дань и «Думу», и «Фоллауту», и «Хайлайфу», и «Контрстрайку», и второму «Варкрафту», и третьим «Героям», но потом как-то охладел к виртуальным мирам, а после смерти родителей и брата за компьютер садился только по необходимости – списаться с нужным человеком или найти какую-либо информацию.

Лениво гоняя мышкой своего героя, Глеб постреливал в коварных агентов абвера, спускался в подвалы, бегал по улицам и откровенно скучал. Никаких ошибок, или, говоря сленгом программистов, багов, в игре он не замечал, впрочем, как и большинство соискателей, сидевших по обе стороны от Погодина.

И вдруг что-то произошло. «Что-то» – потому что Глеб до сих пор не придумал, как называть это состояние погружения, вхождения в игру, когда то, что происходит на мониторе, становится вдруг для тебя реальностью. Еще несколько секунд назад он сидел на довольно неудобном офисном стуле, двигая мышкой, – и вот уже нет ни компьютера, ни клавиатуры, ни людей вокруг, а сам Глеб в диагоналевой гимнастерке защитного цвета крадется по коридору обшарпанной коммуналки с верным «ГТ» наготове к двери, за которой радист Штольц передает в Берлин данные о минных полях на западных рубежах Москвы, и счет идет на секунды. Глеб успел прервать передачу и понесся дальше, преследуя коварного Штольца – по крышам, чердакам, подвалам, пустырям, складам угрюмого прифронтового города. Все казалось абсолютно настоящим, реальным – запахи, звуки, предметы. Персонажи игры превратились в людей, обычных живых людей с родинками, небритостью, с разным цветом глаз. Но при этом сразу же стали видны баги и недочеты программеров, делавших игру. Не прописанные детали зияли как чернильные кляксы, иногда у персонажей не хватало конечностей, то и дело вылезали пикселеватые текстуры, заедали двери, не давалось в руки найденное оружие, сбоил звук. Тем не менее Глеб уверенно прошел уровень до конца, захватил резидента абвера барона Геммеля, сдал его во внутреннюю тюрьму НКВД и получил заслуженный орден Красной Звезды.

Выход из игрового состояния оказался куда тяжелее. Несколько минут Глеб сидел перед монитором, очумело вертя головой, и не мог понять, где он и что тут делает. Постепенно его отпустило, все встало на свои места, память прояснилась. Быстро заполнив карточку, Глеб поднял руку, подзывая лысоватого менеджера, который раздавал геймерам задания.

– Вы решили не участвовать? – сухо осведомился тот.

– Почему? – не понял Глеб. – Просто я уже все. Вот результаты. Одиннадцать ошибок, тридцать шесть замечаний.

– Сколько?! – Менеджер снял очки и близоруко поднес лист к глазам. – Невероятно! Ну-ка, посмотри...

Он достал из папки другой лист и принялся сличать два документа, бормоча:

– За четырнадцать минут... И это, и это... Ого, даже прилипающие к стенам стреляные гильзы...

Наконец он закончил и посмотрел на Глеба с плохо скрываемым удивлением.

– У вас талант, молодой человек. Будьте добры, пройдите со мной к руководству.

Так Глеб Погодин нашел себя. Он перестал быть вечно кайфанутым отморозком, перестал плыть по жизни, как плывет сломанная ветка в бурном речном потоке, превратившись в «Супер-бету», лучшего гейм-тестера, чья работа оплачивалась весьма и весьма неплохо. Разгульная жизнь осталась в прошлом. Глеб плотно ушел в виртуальный мир и два с лишним года выбирался оттуда, только чтобы поесть или поспать. Теперь, по прошествии лет, он понимал – судьба просто подсунула ему вместо одного наркотика другой, не такой убийственный, но дарующий более надежный способ ухода от реальности.

Постепенно «отпали», растворились где-то в мегаполисе старые друзья и подруги. Кое-как окончив институт, Глеб положил диплом на полку и забыл о нем, как забываются сувениры или открытки, в которых нет никакой надобности, но выбросить жалко. Поднакопив денег, он сделал ремонт, полностью перестроив квартиру под себя. В родительской спальне теперь был мемориал семьи Погодиных, в гостиной – комната отдыха с телевизором, велотренажером и диваном. Сам Глеб жил в кабинете, где помещалась его кровать, стол, три компа и шкаф с вещами, а когда не работал и не спал, то проводил время на большой кухне, сияющей стеклом и никелем. В мемориальную комнату он заходил три раза в год, в дни рождения родителей и брата, в гостиную – чуть чаще.

Мысли о квартире вернули его из страны воспоминаний в день сегодняшний.

«Надо бы ковер пропылесосить и пыль вытереть с тренажера и телевизора, – напомнил себе Глеб. – Эх, и окна перед зимой я не помыл. Хозяин хренов».

Прозаические размышления освежили, как холодный душ в жаркий июльский день. Он остановился посреди темной аллеи, закурил и осмотрелся.

Вокруг шумел от ветра ночной парк. Над головой в разрывах облаков посверкивали звезды. Впереди угадывался прогал между деревьями – там аллея выходила на широкую просеку, освещенную фонарями.

«Куда ж это я забрел? – удивился Глеб. – Большую поляну и Серебрянку я не пересекал, к окультуренной части парка и детской площадке не выходил. Значит, кружу в лесопарковой зоне. Наверное, где-то рядом Красный пруд. Точно, если пойти по аллее с фонарями направо, как раз выйду к нему. Дойду до пруда, еще раз покурю – и домой, в люлю. После такой прогулки здоровый сон мне гарантирован...»

Пруд возник между деревьями, безмолвный и таинственный. Днем, в хорошую погоду, его берега были усыпаны отдыхающими – бездельниками с пивом, строгими бабушками с галдящими детьми, влюбленными парочками. Сейчас же лишь ночной ветер гнул ветви ив и морщил непроявленное зеркало воды.

«Как будто я не в Москве, а где-то за тысячи километров, в настоящем лесу», – подумал Глеб.

Он хотел присесть на ствол поваленного клена, но тот оказался мокрым, и, постояв немного, Погодин двинулся в обход пруда, намереваясь выйти на одну из просек, ведущих к шоссе Энтузиастов. Одинокие фонари выхватывали из темноты куски асфальта, залепленные опавшими листьями. Снова начал накрапывать дождь. Где-то далеко провыла собака. В кустах шуршали то ли птицы, то ли мыши.

Компанию молодых людей Глеб заметил издали. Пятеро или шестеро парней в коротких куртках и тренировочных штанах толпились под фонарем, что-то оживленно обсуждая. На асфальте вокруг стояло несколько пластиковых полторалитровых баллонов с пивом. Грубый смех, мат, характерные движения, когда говорящему точно не хватает слов и он помогает себе руками и всем телом, – в жизни Глебу не раз приходилось сталкиваться с такими типами. Его передернуло от отвращения. Если продолжать идти по аллее, парни обязательно заметят одинокого прохожего. Что будет дальше, понятно: «Э, пацанчик, дай телефон, позвонить очень надо».

Глеба больше всего бесило вот это «очень надо». Типа к тебе обращаются как к воспитанному, отзывчивому человеку. Мама с папой же учили в детстве – ближнему надо помогать. Вот и помоги. Далее события будут разворачиваться по похожему сценарию:

«Братан, дай кепку поносить. Жалко тебе, что ли? Давай куртофанами махнемся. Да не жмись, у меня тоже классный, правда, рукав прожженный. О, кроссы у тебя крутые. Дай чисто погонять, на дискач сходить. Я потом отдам...» Ну а в завершение этого спектакля жертва гоп-стопа в лучшем случае огребет пару поджопников и под обидный смех и улюлюканье поплетется прочь, униженная и напуганная. Если же ломать сценарий гопников, сразу «идти в отмах», могут и ножом пырнуть, и череп кастетом проломить. В общем, куда ни кинь, везде засада.

– Хрен вам по всей морде! – прошептал Глеб.

Он давно и твердо уяснил: главное – не быть жертвой. А лучший бой – тот, который не состоялся, тем более что против пятерых гопников, бывалых уличных бойцов, у него даже с баллончиком нет никаких шансов. Ну, пшикнет он в рожу одному, зато остальные уделают его за эту выходку так, что потом всю оставшуюся жизнь придется быть спонсором фармацевтической промышленности. Баллончик вообще хорош только против собак да одиноких агрессивных бомжей, и то в случае, если успеешь выхватить и попасть струей жгучего кайенского перца куда надо.

Еще раз с ненавистью посмотрев на потенциальных обидчиков, Глеб зло сплюнул в мокрую траву и быстро свернул с асфальтовой дорожки, растворившись в зарослях.

Он буквально на ощупь пробирался между деревьями, поминутно запинаясь за упавшие ветки и оскальзываясь на мокрой глине. Впереди стеной встала молодая поросль, пришлось идти напролом. Глеб мгновенно промок до нитки, а в довершение всех бед не заметил под ногами глубокой канавы, упал, извозившись в грязи, и окончательно потерял направление.

Теперь он брел наугад, твердя про себя: «Этот парк все равно когда-нибудь кончится». Раздражение и злость на гопников сменились усталостью. Замерзли руки. Остановившись перекурить, Глеб не удержал в окоченевших пальцах и обронил зажигалку. Потратив несколько минут, он так и не сумел найти ее в темноте. Это окончательно вывело его из себя. Глеб начал материться вслух, с треском ломая мешавшие идти ветки, потом побежал.

Наконец впереди мелькнул оранжевый отсвет уличного фонаря. Сумасшедший оффроуд марафон, в который превратилась обычная прогулка, похоже, близился к финалу. Глеб немного успокоился и пошел медленнее, восстанавливая дыхание.

«Надо будет как-то почиститься, в таком виде менты загребут за милую душу, – подумал он, пытаясь сориентироваться, куда его занесло. – Да это же Главная аллея! Ничего себе я дал крыюка!»

Безумно хотелось курить. По улице, разделявшей Измайловский парк надвое, изредка проносились автомобили. Глеб не спеша приблизился к проезжей части и вдруг заметил в тени елей несколько темных фигур. Он тут же застыл, прижавшись щекой к стволу ближайшего дерева. Неизвестные люди прятались от кого-то и явно не хотели, чтобы их заметили. Внезапно Глебу стало страшно. От темных фигур веяло настоящей, смертельной опасностью. В голове паническим хороводом закружились мысли:

«Надо валить отсюда! Быстро! И очень тихо».

Глеб оттолкнулся от дерева, сделал шаг, другой. Дорогу осветил мертвенный свет ксеноновых фар, и из темноты появился низкий черный лимузин в сопровождении квадратного джипа охраны. Машины двигались на приличной скорости, в тонированных стеклах посверкивали огни проносящихся мимо фонарей.

Прятавшиеся за елями люди зашевелились. Глеб, вместо того, чтобы сломя голову бежать прочь, неожиданно для себя самого замер, затаился. Какое-то извращенное любопытство удерживало его на месте. Это чувство было сродни тому интересу, что заставляет людей смотреть криминальную хронику, с замиранием сердца смакуя подробности убийств и грабежей.

Стоя в тени деревьев, Глеб слышал несколько отчетливых металлических щелчков и похолодел, догадавшись, что это были за звуки. Он хотел броситься на землю, но не успел – автомобили поравнялись с ним, и тут же раздался слитный стрекот, точно заработало сразу

несколько швейных машинок. На капоте лимузина заплясали искры, машина вильнула, сбрасывая скорость. Джип вырвался вперед, вспыхнули мощные прожекторы, на долю секунды выхватив из темноты силуэты стрелявших. Глеб успел заметить только, что они были в масках, а стволы оружия, издававшего тот самый мирный стрекот, венчали толстые глушители. Завизжали тормоза, джип на полном ходу будто споткнулся, резко повернул и опрокинулся.

Взрыв ослепил и оглушил Глеба. Огненный клуб вырвался из корпуса джипа, осколки стекол и какие-то детали полетели во все стороны, сбивая листья с веток. Уже ничего не соображая, Глеб на четвереньках рванулся через кусты, стремясь убежать подальше от страшных стрелков, – и оказался на краю дороги. Он увидел лимузин, затормозивший буквально в двух шагах, и даже разглядел в просвете окна силуэт водителя. Снова застрекотали швейные машинки, пули с мерзким цоканьем били в стекло, крыло, дверцу автомобиля. Водитель осел и опустил голову на руль. Одновременно распахнулись задние дверцы, и наружу выскочило трое мужчин. Двое начали стрелять из пистолетов, а третий, пригибаясь, бросился к спасительным зарослям – прямо на Глеба.

Дальше все произошло настолько стремительно, что потом, уже дома, успокоившись, Глеб так и не смог воссоздать всей картины событий.

Вот один за другим падают под автоматным огнем телохранители, прикрывавшие бегство своего босса. Одному из них, невысокому крепышу, пуля пробивает лоб, и затылок бодигарда буквально взрывается кровавым фонтаном. Второй получает пулю в горло, падает у задней дверцы машины и начинает скрести по асфальту ногами, точно пытаясь убежать. Глеб слышит, как булькает и клокочет кровь в пробитой гортани.

Их хозяину, высокому, грузному, плечистому мужчине в дорогом костюме, удается сделать несколько шагов, но это все, что позволили нападавшие. С простреленным бедром он падает на обочину дороги в полуметре от ошарашенного Глеба. Пожилой, с холемым лицом, крупным породистым носом, выразительными гневными глазами и полуседой гривой волос, он приподнимается на руках и видит стоящего на четвереньках в кустах Глеба. Еще одна пуля выбивает из плеча пиджака материал набивки. Мужчина кривит полные губы, быстро сует правую руку за пазуху. Швейные машинки стрекочут без умолку, высекая искры из асфальта. В руке хозяина лимузина появляется тускло блеснувший яйцеобразный предмет. Судорожным движением он бросает его прямо в лицо Глебу, и тут сразу несколько пуль дырявят его спину.

– Он... сам найдет наследника! – непонятно прохрипел мужчина в агонии. Его слова утонули в грохоте нового взрыва – одна из пуль нападавших попала в бензобак лимузина.

Глеб вскочил и наобум побежал в чащу – прочь от дороги. Когда спустя некоторое время он остановился в лесу, до него дошло, что именно этот взрыв спас ему жизнь – за вспышкой и грохотом люди в масках не разглядели случайного свидетеля убийства.

Домой он приплелся только под утро. Консьержка мирно спала и никак не отреагировала на звук открывающейся двери подъезда. Глеб дождался лифта, ввалился в кабинку и съехал по стене на пол, оставив на пластике мокрый глинистый след. Его трясло, зубы выбивали барабанную дробь, в глазах плавали радужные пятна.

Войдя в квартиру, он первым делом, как был в облепленных грязью кроссовках, прошел на кухню, рванул дверцу холодильника и достал «праздничную» бутылку «Хеннесси». И только потом вынул из кармана тот предмет, что бросил в него убитый хозяин лимузина...

Это был довольно тяжелый футляр или даже маленькая шкатулка, сработанная из неизвестного Глебу металла. Сначала он подумал, что футляр сделан из серебра, но по мягкому блеску и отсутствию темной пленки окисла решил, что это платина. Вдоль тонкой линии, отделяющей крышку от футляра, вился растительный орнамент, у крохотной кнопочки замка распускавшийся цветочным букетом. В целом вещица производила впечатление очень старинной и очень дорогой.

«Ох и вляпался я в историю», – тупо подумал Глеб и решил пока не открывать футляр. Осторожно, словно гранату на боевом взводе, он положил нечаянный подарок на кухонный стол и взялся за «Хеннеси», пробормотав:

Муху на лету съел воробей
И в гнездо помчался поскорей.
Долететь ему не суждено —
Сослепу разбился об окно.

Двухсотграммовый стакан коньяка согрел тело, прояснил голову, но не успокоил душу. Пошатываясь, Глеб вернулся в прихожую, свалил на пол мокрую и грязную одежду. Наскоро вымывшись в ванной, он натянул пушистый махровый халат, босиком прошлепал в комнату и рухнул на кровать. Мысли в голове то ползли, как гусеницы, то вдруг начинали хаотично метаться, точно мотыльки у свечи:

«В любой ситуации есть положительные и отрицательные стороны. Актив и пассив. Что у меня в активе? Меня не заметили. Вроде бы не заметили, тьфу-тьфу-тьфу! А что в пассиве? Я стал свидетелем массового убийства. Надо будет посмотреть криминальные сводки за сегодняшнюю ночь... Итак – я свидетель. Но что я видел? Несколько нечетких силуэтов. Я даже не разглядел, сколько было убийц... Будут они меня искать? Да они даже и не догадываются, что я там был! То есть если я сам не совершу какую-нибудь глупость, не пойду в милицию с чистосердечными признаниями – мне ничего не угрожает. Ни-че-го!»

Глеб приободрился, обветренные губы его растянула пьяная улыбочка. В самом деле – все уже закончилось, никакого продолжения эта история иметь не будет. Ну, грохнули какого-то олигарха или криминального авторитета... Вспомнив лицо мужчины, выбравшегося из лимузина, Глеб решил, что человек с такой внешностью может быть и тем, и другим. Точнее, мог быть. Теперь его нет. Родственники, друзья, поделщики, коллеги или еще кто-то там постараются найти убийц, отомстить, но и тут Глеб Погодин им не помощник – он ничего толком не видел и ничего не знает.

Правда, есть одно «но». Это «но» лежит на кухонном столе, и оно, это самое «но», должно, по словам умирающего, само «найти наследника».

«Ох, черт!» – Глеб вскочил с кровати.

От эйфории, охватившей его несколько секунд назад, не осталось и следа. В отчаянии забежав по комнате, он ругал себя последними словами:

«Тупица! Аналитик хренов! «Актив-пассив»... Все мои выводы не стоят выеденного яйца в том случае, если целью нападения было не убийство, а этот самый платиновый футляр и его содержимое. И тогда...»

И тогда его жизнь в опасности. В большой опасности.

«Люди это серьезные, хотя бы судя по оружию. Такие «швейные машинки», как у них, я где-то видел. В каком-то гейме. И даже звук знакомый... Ну-ка, ну-ка...»

Метнувшись к компу, Глеб начал лихорадочно шерстить оружейные сайты. Поиски увенчались успехом довольно быстро. С монитора на побледневшего Погодина хищно смотрела снайперская винтовка-автомат ВСК-94. В свете фар на Главной аллее Глеб хорошо разглядел оружие убийц. Ошибки быть не могло – тот же толстый глушитель, маленький магазин, короткий ствол, приклад с прямоугольными вырезами. Пробежав глазами основные характеристики оружия, Глеб дрожащим голосом прочитал вслух:

– «ВСК-94 состоит на вооружении и используется различными правоохранительными структурами России. Винтовка ВСК-94 может использоваться для малошумной стрельбы по целям на дальностях до 200–300 метров, в том числе и по целям в средствах индивидуальной защиты (бронежилетах). Из недостатков стоит отметить: винтовка не является абсолютно бесшумной. Ее лязгающий затвор (особенно при стрельбе очередями) далеко слышен, особенно в ночное время и при отсутствии достаточно сильных фоновых шумов...»

Выключив комп, Глеб сунулся за сигаретами, вспомнил, что те промокли насквозь, и с

досадой выругался.

«ВСК-девяносто четыре состоит на вооружении и используется различными правоохранительными структурами России, – повторил он про себя. – Этого только не хватало. Выходит, я был свидетелем не убийства, а спецоперации? Хрен редьки не слаще. Впрочем, чего я психую? Даже если они найдут следы и запустят собаку – ночью шел дождь, все мокрое, утром тысячи людей отправятся на работу и все затопчут. Нет, меня не найдет никто! А все мои панические мысли просто от усталости. Надо махнуть еще коньяка, поглядеть, что за Кошечева смерть живет в платиновом яйце, и ложиться спать».

Нетвердой походкой пройдя на кухню, Глеб налил «Хеннесси», выпил, закусил яблоком и дрожащими руками взял футляр. Надавив ногтем на кнопочку замка, он откинул крышку и замер, пораженный. Внутри, в ложе из черного бархата, лежал прозрачный зеленый камень величиной с перепелиное яйцо. Странно ограненный – по поверхности шли полосы из крохотных треугольников и квадратов – камень лучился чистым зеленым светом, будто внутри горела маленькая лампочка. Несомненно, это было настоящее сокровище, стоившее очень дорого. Страх снова сковал Глеба, в голове зашумело.

– Убьют. Меня убьют... – По лицу Погодина потекли пьяные слезы. – Надо уничтожить все! Улики! Улики!

Он бросился в прихожую, сгреб грязную одежду, потащил в ванную. Куртка, штаны, кроссовки... А где же?..

– Бейсболка! – выдохнул Глеб, опускаясь на кафельный пол.

Любимая, «счастливая» кожаная бейсболка, подарок все той же Милки Игнашевич! Ее нигде не было.

«Обронил в лесу? Где? Когда? Когда ломился от гопников или... Или там, на Главной аллее?..»

Он снова заплакал. Если кепка потеряна на месте убийства, то страшных гостей стоит ждать в любой момент. Дело в том, что на тканевой подкладке бейсболки рукой Милки, несмываемым, «вечным» фломастером было написано: «Глебу Погодину с любовью. Твое Солнышко»...

Глеб заметался по квартире в поисках дорожной сумки. «Бежать, бежать, бежать!» – билась в голове единственная мысль. А куда бежать? Наобум, куда глаза глядят? Он остановился, посмотрел на отражение в полированной дверце шкафа. Там застыл нелепый человек с опухшим лицом и всклокоченными волосами. Из-под пушистого халата торчали худые волосатые ноги.

– Соберись, раскис, как баба! – громко обратился Глеб к своему двойнику.

Нарочито грубый тон подействовал. Дрожь прошла, голова прояснилась. Правда, в ней разливался обессиливающий коньячный звон, но он не мешал, скорее наоборот – «Хеннесси» сработал как транквилизатор, заглушив ненужные эмоции.

Вытащив из заляпанного уже подсыхающей глиной кармана куртки телефон, Глеб набрал Милку.

– Алло! Здесь Погодин. Слушай внимательно – мне придется...

– Суперский, ну ты ва-аще! – перебила его Милка сонным голосом. – Ты времени знаешь скока? Восьми еще нет! А я легла только в четыре!

– Да погоди ты! – рявкнул Глеб. – Мила! Я – уезжаю. Дней на десять. Это очень важно.

Сработал таймер телевизора – Глеб использовал его вместо будильника, – и на экране появился диктор. Шел утренний выпуск новостей.

– Куда-а? – не поняла Милка. – А работа? Ты ж только вчера вечером...

– Так получилось. Обстоятельства, понимаешь? Я возьму диски с собой, постараюсь там... – Глеб замялся.

Легко сказать «постараюсь», когда он даже не догадывается еще, где будет это самое «там».

Диктор на экране вяло бубнил про успехи российской экономики на фоне мирового финансового кризиса.

– Суперский! – Голос Милки посуровел. – Ты пьяный, что ли? А ну-ка, скажи «трансформаторная трансмутация»!

Не удержавшись, Глеб глуповато хихикнул. Словосочетание «трансформаторная трансмутация» Милка придумала, еще когда они жили вместе. Глеб почему-то никогда не мог его выговорить правильно с первого раза, хоть пьяный, хоть трезвый.

– Точно – выпил! – уверенно сказала Милка. – С утра! Алкаш! Выпил – и потянуло на подвиги. Но имей в виду, Суперский: я – это твой уже совершённый подвиг. И титул чемпиона передо мной защищать не надо...

Между тем новости экономики сменил криминал. Вместо диктора на экране появилась крашеная корреспондентка-блондинка с микрофоном на фоне пожарной машины. Сбоку угадывалась «Скорая помощь», сновали какие-то люди.

– Очередное громкое заказное убийство совершено нынешней ночью в столице, – весело, чуть не с дежурной улыбкой на силиконовых губах, сообщила блондинка. – Около двух часов ночи на машину, в которой ехал известный предприниматель Дмитрий Ксенофонтов, и джип с охраной было совершено вооруженное нападение. Неизвестные открыли массированный огонь из автоматического оружия. В перестрелке погибло семь человек – телохранители предпринимателя, двое водителей и сам консультант Правительства Российской Федерации по экономическим вопросам, глава холдинга «Гелиополь», владелец банка «Олимп-инвест» Дмитрий Георгиевич Ксенофонтов. Прокуратура возбудила уголовное дело, вести расследование будут работники Следственного Комитета, и один из них, следователь по особо важным делам Владимир Юрьев, согласился прокомментировать убийство бизнесмена...

– Суперский! Алё, ты где? Глеб! – Милка едва не визжала от негодования.

– Что? А... – С трудом оторвавшись от телевизора, Глеб зачем-то посмотрел на экранчик телефона и крикнул: – Милка, я позже перезвоню!

Отбросив трубку, он сделал звук телевизора погромче. Следователь Юрьев, угрюмый плотный дядька с лицом никогда не высыпающегося человека, бухтел в микрофон:

– Предварительный осмотр места преступления позволяет сделать вывод, что убийство тщательно планировалось. У следствия пока нет версий относительно мотивов преступления, хотя мы не исключаем, что оно связано с профессиональной деятельностью покойного. Обращает на себя внимание крайне удачно... кхм... крайне... кхм-кхм... В общем, преступники не случайно выбрали это место.

Юрьев сбился, беспомощно посмотрел куда-то в сторону. Ему на помощь пришла блондинка, бойко зататорив:

– Вы хотите сказать, что в ночное время здесь практически не бывает ни людей, ни машин?

– Именно, – хмуро улыбнулся Юрьев. – Таким образом, пока у следствия нет ни одного свидетельского показания, но работы в этом направлении ведутся, и мы уверены, что в самое ближайшее время нам удастся выйти на след преступников.

Поморщившись, Глеб пнул босой ногой дверцу шкафа, сел на ковер и рассмеялся. У следствия нет свидетелей! Нет и не будет, потому что его, единственного реального свидетеля, даже консьержка не видела. Все, свобода! Бегство отменяется! Как говорится, жизнь снова прекрасна и удивительна!

Спустя несколько секунд Глеб Погодин уже спал, спал спокойным сном почти счастливого человека.

Гюрза – Вепрю:

Рыбалка закончена. Сом попался. Рыбаки отправились изучать жизнь рыб в их среде обитания. Но ситуация осложнилась, не исключено вмешательство третьих лиц. Для прояснения всех обстоятельств дела требуется личная встреча.

Вепрь – Гюрзе:

Глава 2

Коньяк – напиток богов. Но богов злых. Они дарят блаженство вначале, но потом взимают жестокую виру в виде похмелья за пережитое наяву райское наслаждение. Глеб проснулся около двух часов дня и ощутил на себе все прелести этого состояния. Болела голова, тряслись руки, мерзкий привкус во рту сводил с ума. Чтобы хоть немного прийти в форму, потребовался контрастный душ. Стоя под безжалостно секущими тело струями воды, он вспоминал вчерашний день:

«Ох, чего ж я так надрался, да еще в одиночку? И сон такой дикий приснился... Н-дя, с алкоголем надо завязывать».

Выбравшись из ванной, Глеб босиком прошлепал на кухню и недоуменно уставился на зеленый камень в открытом футляре.

– Так это был не сон... – прошептал он, без сил опускаясь на табуретку. – Чер-рт!

Судорожным движением захлопнув футляр, он сунул его в карман халата и двинулся в комнату. Включив комп, Глеб начал мониторить криминальные новости за минувшую ночь. Об убийстве в Измайловском парке писали все – Ксенофонов, судя по всему, был весьма заметной фигурой в экономическом и политическом истеблишменте. Глеб проглядел его биографию на сайте «Кто есть кто в России», посмотрел на фотографию, несколько раз перечитал заявление «Российского союза бизнесменов»: «...криминал бросил вызов всему предпринимательскому сообществу... для нас расследование этого жестокого убийства станет делом чести... сплотим ряды перед лицом очередной волны беспредела... преступникам не удастся вырвать Россию из лона цивилизованных стран... все мировое сообщество скорбит... благотворительные программы господина Ксенофопова будут продолжены... мы никогда не забудем...» – и подписи.

«Небось кто-нибудь из подписавших и заказал этого олигарха, – со злорадством подумал Глеб. – Ох, как же башка трещит. Похмелиться, что ли? Сто грамм под соляночку? Или под яишенку с помидорами и салом? А может, поехать в «Кавай», взять запеченных в раковинах мидий с чесночным соусом и черепаховый суп? М-м-м, как пойдет под него холодненькая, из графинчика... И сразу станет хо-ро-шо! Голова прояснится, руки-ноги дрожать перестанут. Нет, нельзя. Надо работать. А посему кофе, цитрамон – и к станку».

Помрачневший Глеб поплелся на кухню варить кофе, тиская в руках футляр с камнем. Пока джезва стояла на огне, он разглядывал кристалл.

«Определенно, это изумруд. Большой и очень дорогой изумруд необычайной огранки. Камень приметный. Надо будет потом поискать, может, он где и засветился в Сети. А пока спрячу-ка я его подальше от греха».

Глеб взгромоздился на табурет, отодвинул решетку вентиляции и сунул футляр с камнем в темную дыру, из которой едва ощутимо сквозило.

«А ведь лучше держать его вне дома», – прошелестел в голове еле различимый шепоток.

Глеб дернулся, едва не навернувшись с табуретки. У него появилось ощущение, что это была не его мысль, а некие слова, пришедшие извне.

– Пить надо меньше! – громко произнес Глеб и выругался – пока он прятал камень, кофе закипел и убежал...

Скамейки и дорожки Таганского парка обычно заполняются народом не ранее восьми. До этого в его пределах находятся только редкие любители ночных прогулок и разные темные личности.

Поэтому бомж, задолго до рассвета собиравший урожай пустых бутылок неподалеку от детской площадки, был сильно удивлен, когда из тьмы появились двое крепких парней, по повадкам похожих на ментов. Он даже попятился, надеясь, что его не заметят, но надеждам

не суждено было оправдаться.

Парни решительно направились к бомжу, но затем повели себя так, как никогда не поведут настоящие менты.

– Мужик, выпить хочешь? – спросил один из них.

– Кто же не хочет? – вопросом ответил бомж, все еще подозревая какую-то каверзу.

В руках второго парня блеснула «поллитра», клацнула снимаемая с горлышка пробка, и бродяга мгновенно забыл обо всем, уловив знакомый, почти родной запах «беленькой».

– О, класс... – прошептал он, сделал два глотка, после чего обмяк и свалился на землю.

– Порядок, – сказал второй, успевший выхватить бутылку из руки бомжа. – До утра проваляется.

– Утащим в кусты – пусть дрыхнет, – добавил первый.

Они отволокли тело в сторону от игровой площадки, а затем, мягко шагая, растворились среди ночных теней. Через некоторое время у железной горки появился приземистый, тяжело дышащий человек, а мгновением позже из-за ствола старого дуба, что раскинул узловатые ветви над качелями и песочницей, возник второй, куда более стройный.

Услышав шорох шагов, первый вздрогнул, заозирался.

– А, это вы? – проговорил он с облегчением и поднял руку, чтобы вытереть пот со лба.

– Не надо нервничать, – ответил ему низкий женский голос с характерной хрипотцой, способной свести с ума как прожженного ловеласа, так и достопочтенного отца семейства. – Ситуация под полным контролем, и под обычным, и под магическим. Все будет в порядке. Впрочем, как всегда, когда за дело беремся мы.

– Берутся они, как же, – буркнул мужчина, успокаиваясь. – И все же я бы вас впредь попросил избегать такого риска, какой несет личная встреча... Надеюсь, вы понимаете, чем я рискую?

– Отлично понимаю, – в голосе женщины послышалась улыбка. – Но уверяю вас, что никто нам не помешает, никто нашу встречу не зафиксирует. Зачистка территории прошла в штатном режиме, и все подходы охраняются. Поэтому идите ближе, садитесь вот сюда, на скамью. Нам предстоит серьезный разговор...

Две фигуры разместились на скамейке, и женщина негромко сказала:

– По условиям контракта мы должны были снять с тела клиента некий предмет, заключенный в блокирующий магическое излучение контейнер, и, не открывая его, передать заказчику. Искомый предмет, как известно, обнаружить не удалось. Однако мы выяснили, что в момент проведения операции на месте присутствовал посторонний...

– Вы что, нарушили главное условие?! – задыхаясь от негодования, произнес мужчина. – Вы использовали сканирующее заклинание?

– Тс-с! Мой дорогой, не надо так спешить. И с выводами в том числе. – Женщина говорила с явной иронией. Голос ее звучал ровно. – Магия тут ни при чем. Свидетель – «коричневый» – оставил нам улику. Улику, как у нас говорят, авторизованную.

– Понимаю, – прорычал мужчина. – Вы его нашли? Ка... предмет у него?

– Мы его найдем, – томно потянулась женщина. Скамейка заскрипела. Звякнула и откатилась задетая ногой пивная бутылка. – Но прежде... Именно поэтому я и попросила о встрече. Мне нужно прояснить две вещи, вытекающие одна из другой: наши дальнейшие действия и расширение контракта.

– «Коричневого» – убрать, предмет – найти! – отрезал мужчина, шумно дыша. – Мне кажется, вы хотите затеять свою, непредусмотренную контрактом игру. А я такого не потерплю.

– Вот как? – Возглас женщины прозвучал иронично, но под иронией таилась угроза, точно гадюка под корягой. – И каким же образом «не потерпите»? Мы выполняем заказы вот уже много сотен лет, и никто до сих пор не смог нам повредить.

– Хм... прошу прощения...

– Я понимаю, что вам нужно какое-то время подумать, – на этот раз голос женщины прозвучал резче, чем в начале беседы. – Вопросы поставлены. Мне необходим ответ, причем

четкий и ясный. Я жду.

Мужчина вздохнул. Некоторое время над игровой площадкой стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом ветвей и шумом проносящихся где-то вдалеке автомобилей.

– Ликвидировать свидетеля неразумно, – наконец проворчал мужчина. – Он может хранить предмет где угодно. Если это место – не жилище, мы потеряем его навсегда. Обнаружить предмет, пока он в защитном футляре, также невозможно, даже если применить какую угодно магию. Остается одно – слежка. И обыск квартиры в отсутствие хозяина. Мне не хотелось бы подключать к этому делу лишних персон. Кроме того, если вы решите, что сможете использовать мое дело в своих целях...

– «Силлипитирья» не занимается подобными вещами, и вам, мой дорогой, это отлично известно, – промурлыкала женщина. – Мы только исполняем заказы, причем делаем это безупречно.

– Я удвою сумму контракта, только принесите мне предмет! – рявкнул мужчина.

– Утроите, – голос женщины зазвенел сталью. – Действовать будем по прежней схеме – никакой магии, задействованы только «коричневые» исполнители. Если что – это их разборки. И еще: мне нужна информация по предмету. Больше вслепую я работать не стану. Мы договорились?

Скамейка заскрипела, и через несколько томительных секунд мужчина со стоном выдохнул:

– Да... Она у вас будет!

Диск с игрой скользнул в щель привода, и компьютер сыто заурчал, переваривая добычу. Глеб глубоко вздохнул, настраиваясь на погружение в гейм. На экране заплесала фирменная заставка «4В», выскочили титры, в колонках зазвучала тревожная, inferнальная музыка. А потом для Глеба исчезло все – и комната, и компьютер, и кресло, в котором он сидел...

Глеб выходит из подъезда и оглядывается. Судя по всему, он находится где-то в Измайлово, в районе номерных Парковых улиц. Эту часть Москвы он знает неплохо, но все равно вначале чувствует растерянность, стоя посреди детской площадки во дворе старого двухэтажного дома. Такие уютные основательные здания строились после войны, и, по слухам, занимались строительством пленные немцы, причем и проект тоже был немецким.

«Видимо, я, то есть герой, здесь живу, – понимает Глеб, вертя головой. – Вот мой подъезд, квартира на первом этаже. Сегодня воскресенье. Н-да, начало довольно-таки тривиальное...»

Стоит теплый летний день. Над кронами тополей лучится в бездне небес солнце, чирикают воробы, легкий ветерок шелестит листвой. Двор вначале кажется Глебу безлюдным, но, оглядевшись, он замечает женщин на скамеечках, карапуза в песочнице, пацанов со скейтом, дворников-таджиков, впятером красящих низенький заборчик вокруг клумбы. На капоте машины, вишневой «пятерки», дремлет кошка. Настоящая идиллия, московский рай, уходящая натура. Во дворах многоэтажных коробок спальных районов такого уже не встретить. Там слишком много людей, слишком много машин и вообще слишком много всего – и хорошего, и плохого.

Однако что-то мешает до конца расслабиться и насладиться воскресной московской нирваной. То ли наполненная тревожными обертонами музыка, долетающая из открытого окна, то ли стремительно-хищные силуэты ласточек, черными звездочками вспарывающих небо над головой, то ли случайно попавшаяся на глаза киноафиша с изображением оскаленного вампира.

«Как там у Брэдли? «Что-то страшное грядет»? Кажется, так. Вот и тут такое ощущение, что это самое страшное где-то на подходе. Ладно, запомним», – и Глеб идет по двору, не спеша осваиваясь в новом для него мире.

Задание у него простенькое, «стартовое», – дойти до почтового отделения на соседней улице и получить бандероль от заботливых родственников. Обычное житейское дело,

обычный день. Но Глеб уже не просто чувствует, а твердо знает – эта обыденность, эта тихая благодать, разлитая в воздухе, неспроста и все вот-вот закончится, причем закончится плохо.

Покинув родной двор, он успевает пройти по тихой улице не более квартала. Воздух чуть струится от зноя, на углу одиноко желтеет бочка с прохладной надписью «Квас» на боку. Несколько встречных прохожих, пара автомобилей, прогудевший в небе самолет – все настраивает на неторопливое, линейное развитие событий.

Вот и почта. Народу нет, лишь уборщица в синем халате шаркает тряпкой по выложенному метлахской плиткой полу. В прохладном гулком помещении за прозрачным стеклом молодая хорошенькая приемщица разгадывает кроссворд. Глеб отдает квитанцию, готовится к ожиданию. Приемщица вскоре возвращается и говорит с виноватой улыбкой:

– Вы знаете, произошла какая-то ошибка, и ваша бандероль осталась на складе. Ее нет в отделе выдачи. Можете зайти завтра, или, если хотите, давайте спустимся на склад и вы мне поможете ее найти.

Естественно, Глеб соглашается помочь. Чтобы попасть на склад, нужно выйти во двор. Девушка открывает железную дверь, и вот они уже на лестнице, ведущей в подвальное помещение. Девушка идет впереди. У нее стройная фигура, короткая юбка подчеркивает длинные ноги, розовый топик открывает талию, и там, на загорелой коже, двигается цветная радужная татуировка – золотая рыбка-вуалехвостка словно бы плывет куда-то в такт шагам девушки.

Подвал, освещенный тусклыми лампами в решетчатых колпаках. Горы посылок, пирамиды бандеролей.

– Ищите по номеру, который указан в квитанции. Она должна быть где-то с краю, – говорит девушка. – Я сейчас вернусь и помогу вам.

«Вот с женщинами так всегда, – думает Глеб. – Сначала «вы мне не поможете?», а потом: «ну, я вам потом помогу». А ведь это ее обязанность... Впрочем, ладно, чего бухтеть. Сам напросился. Назвался груздем – будь готов к засолке».

Он не успевает осмотреть и трети бандеролей, когда тревожно мигает свет – раз, другой. Несильный, но весьма ощутимый удар сотрясает каменный пол, выбивая пыль из швов между плитками.

«Что за чертовщина?» – думает Глеб, тревожно озираясь.

Подвал наполняется тихим гулом; от вибрации гора посылок расползается, едва не завалив Глеба. Забившись в угол, он выглядывает из-за посылочной баррикады и чувствует, как от страха холодеют руки: пол посреди подвала начинает вспучиваться, по плитке змеятся трещины. Вот уже целые куски бетона отваливаются в стороны, открывая залитую мертвенным светом дыру.

Первая мысль Глеба: это ограбление. Он пару лет назад смотрел какое-то американское кино, где грабители проникли в банк, прокопав подземный ход прямо в хранилище с золотом.

«Но это ж почта, а не банк, – резонно возражает рациональная сторона мозга Глеба стороне эмоциональной. – Что тут грабить? Посылки? Варенье из райских яблочек для любимого племянника разыскивать? Так проще договориться с приемщицей. Кстати, а где она?»

Дыра в полу между тем становится все больше и больше. В потолок бьет столб огня, и из этой пламенной колонны появляется рука. Нет, не рука, а лапа, когтистая, покрытая бугристой коричневой кожей лапа с огромными кривыми когтями! Глеб едва сдерживает крик ужаса. Лапа шарит по полу, отгребая в стороны куски бетона и каменное крошево. Расчистив проход, в подвал выбирается жуткое существо – настоящий монстр, могучий, с приплюснутой головой, клыкастой пастью и маленькими красными глазками, прячущимися под покатым лбом. Глеб вжимается в угол, приседает, скрываясь за посылками и молясь только об одном – чтобы его не заметили. Следом за первым монстром из дыры вылезает второй, черный, высокий. Крохотную голову его венчают острые рога, за костлявыми плечами угадываются перепончатые крылья. Третий подземный гость напоминает косматую

собаку с зеленоватой шерстью и раздвоенным голым хвостом. Оглушительно щелкают непропорционально вытянутые челюсти.

Твари окружают дыру, внимательно изучая подземелье тремя парами глаз. Наконец, крылатый что-то хрипит. Видимо, это сигнал – из дыры появляется еще одно существо. Нет, на этот раз не какая-то тварь. Это человек, женщина. Обнаженная женщина, прекрасная, как античная статуя. Высокая грудь, плоский живот, точеные бедра, изящная головка на длинной шее – и копна роскошных огненно-рыжих волос, пожаром растекшихся по голым плечам. Если бы Глебу довелось встретить такую в жизни, он все отдал бы, чтобы получить взамен хоть толику внимания этого божественного создания.

– Госпожа, – задыхаясь хрипит монстр с приплюснутой головой. – Купол взломан. Проход открыт. Мы в мире смертных.

Женщина кивает, прищурившись. Огромные зеленые глаза оглядывают подвал, скользят по груде посылок, за которыми прячется Глеб. У него обрывается сердце:

«Заметила! Сейчас она отдаст приказ своим подручным...»

И тут с лестницы доносится цокот каблучков – возвращается приемщица. Глеб хочет крикнуть, предупредить девушку об опасности, но, когда в голове возникает образ скромной почтовой служащей, его тут же вытесняет рыжеволосая незнакомка, хозяйка и повелительница монстров.

– Смертную убить! – приказывает она, грациозно махнув в сторону приемщицы, парализованно застывшей на нижних ступенях лестницы. – Ее кровь укрепит нашу силу.

Косматый пес с коротким рыком бросается вперед – стальные когти оставляют на плитке пола глубокие борозды. Несчастная девушка не успевает даже вскрикнуть. Огромные челюсти смыкаются на ее горле, и окровавленная голова катится к ногам рыжеволосой. Далее следует омерзительный обряд – монстры и их госпожа пьют кровь приемщицы и натираются ею, как живительным бальзамом. Они рвут тело на куски, едят внутренности и гложут кости. Глебу становится дурно, и он зажимает рот руками, чтобы рвотные позывы не выдали его.

– Время деяний пришло, – голосом, от которого гудят стены, провозглашает наконец рыжеволосая. – Час настал! Мы откроем Врата, и легионы нашего повелителя вернут власть над миром тому, кто ее заслуживает по праву! Вперед! Ты, Йама, Хозяин мертвых, иди на юг, поднимай отряды белоглазых, ищи Врата!

Красноглазый почтительно кланяется и первым покидает подвал.

– Ты, Эйрра, Убивающий без стрел, иди на север, буди алчущих крови, ищи замки!

Рогатый целует кончики волос своей госпожи и уходит следом за Йамой.

– Ты, Зипакна, Выгрызающий сердца, иди на восток, призывай духов, ищи печати!

Пес коротко воет и мчится прочь.

– А я, Лилит, Госпожа господ, Бесплодная мать смертных, пойду на яростный закат – собирать кровавую жатву в поисках ключей!

Но прежде чем уйти, рыжеволосая шепотом произносит заклинание. Яма в полу сама собой зарастает, куски бетона и осколки плитки превращаются в пыль, пятна крови и останки несчастной приемщицы исчезают. Удовлетворенно тряхнув пламенеющей копной волос, Лилит покидает подземелье. Подвал пуст. И только теперь Глеб позволяет себе пошевелиться.

Шатаясь, он выбирается из склада во двор и нос к носу сталкивается с уборщицей, той самой, что протирала полы в помещении почты. Впрочем, нет, это вовсе не уборщица! Из-под старушечьего платка на Глеба мрачно смотрит бородатый мужчина с суровыми глазами.

– Ты все видел? – тихо спрашивает он.

Глеб кивает.

– Пойдем... Нам надо спешить.

Летят в стороны платок и синий халат. Звякает откатившееся ведро. Затянутый в черную кожу крепыш, скрывавшийся под личиной уборщицы, выводит из кустов сверкающий хромом и никелем мотоцикл. На выпуклой бочине черного бензобака –

изображение волчьей головы и название, написанное пламенеющими готическими буквами: «Волк».

– Садись и держись крепче, Избранный! – рявкает байкер, заводя двигатель. – Мы поедем быстро.

Могучий «Волк» несется по улицам города. Мелькают дома, машины, люди. Глеб пытается запомнить дорогу, но вскоре теряется – байкер гонит своего железного коня на максимальной скорости. Головокружительная поездка заканчивается у дверей неприметного трехэтажного особнячка где-то в центре столицы. Над входом в нише высится фигура рыцаря в полных максимилиановских доспехах. Скромная вывеска извещает, что здесь находится фирма «Замок и К°».

Седой привратник отпирает дверь, понимающе кивает. Глеб в сопровождении байкера поднимается по лестнице на второй этаж. В просторном зале его ждут. Здесь собралось несколько человек. Представительный седой мужчина в белом плаще, похожий на всех виденных ранее Глебом в кино магов сразу, приветственно поднимает руку и немедленно переходит к делу:

– Расскажи нам все, что ты видел, Избранный!

Глеб кратко пересказывает то, что произошло в подвале. Собравшиеся обмениваются тревожными взглядами.

– Пророчество сбывается. Лилит и три демона из преисподней уже здесь. Наш мир под угрозой, – говорит человек в белом. Некоторое время он раздумывает, затем обращается к Глебу: – Избранный, сама судьба назначила тебя стать Воином Света, бросающим вызов тварям из бездны. Я понимаю – тебе кажется, что ты слаб, сердце твое сковывает страх. Но ты не можешь противиться року. Тебе предстоит сокрушить посланцев мрака. В противном случае погибнет все, что дорого тебе и всем нам. Мы – Хранители Врат ада, Ключники и Сторожа. Не наша вина, что тот, чье имя мы никогда не произносим, нашел способ послать в наш мир своих исчадий. Мы поможем тебе в битве с ними, хотя шансов на победу ничтожно мало. Готовься. Хранитель знаний поведаст тебе обо всем, что нам известно про этих тварей. Хранитель замков даст тебе оружие и снаряжение – «Святые доспехи», «Меч Архангела Гавриила» и «Карающий жезл». Хранитель печатей наделит тебя артефактами и заклинаниями против адских созданий. Я, Хранитель ключей, вложу в твое тело и душу силу и ярость, дабы не убоился ты врагов своих. Иди же, во имя Света!

Выход из гейма прошел гладко. Глеб выключил комп, перебрался на диван и замер в расслабленной позе хорошо потрудившегося человека. Пролог игры, или, как он сам называл это, «фёст левел», пройден. Впечатления в общем положительные. Пятерка за антураж, пятерка за графику. Звук очень реалистичный, полная иллюзия присутствия в мире игры. Саспенс, эмоциональный накал... Тут можно было бы и поспорить. Хотя... Когда Глеб находился «в гейме», он действительно испытывал все те эмоции, которые обрушиваются на простого обывателя, вдруг оказавшегося в подобной передрыге. Но стоило покинуть игру, вернуться в «тварный мир», в настоящую жизнь, как все переживания потускнели, острота стерлась.

«А ведь человечество постоянно забавляется такими игрищами. – Глеб потянулся за сигаретами. – Сколько их было в истории, этих божеств зла и смерти, всевозможных шакалоголовых анубисов, черепообразных миктлантекутли, воронокрылых морриган. Сколько было жутких идолов, ваалов и молохов, шив и сетов, танатосов и аидов, немезид и гекат, завулонов и азагтотов, спящих и неназываемых, черных властелинов и темных владык! А уж их подручных – духов и демонов, оборотней, призраков, драконов, аспидов, горгулий, химер, василисков, тарасков, волчезубых коней, вампиров, гоблинов и прочих кровожадных тварей – и вовсе без счета. Но всегда находился герой... нет, не так: Герой с большой буквы, который во имя света, во имя добра, во имя жизни, в конце концов, побеждал зло, и благодарные современники и потомки пели ему осанну, облегченно вздыхая – пронесло! Вздыхали, хотя в глубине души знали, были уверены на все сто процентов –

ничего такого на самом деле нет и не было. Но как же сладко сперва бояться до дрожи, трястись за дверями и запорами, сквозь узкие оконца поглядывая на залитые призрачным лунным светом пустоши за городской стеной, а потом искренне радоваться, когда кто-то другой победил твой страх, сделал это за тебя, выкатил солнце на небо и не потребовал платы за сделанную работу. Ну а затем все это злоборчество перекочевало в книги, фильмы и вот наконец – в компьютерные игры. Обывателю постоянно нужна адреналиновая подпитка извне. Он не хочет получать ее в подлинной жизни, потому что это обычно связано с реальным страхом, с реальными неприятностями. Действительно, чего стоят мои переживания в мире игры, когда подручные Лилит разрывали бедную приемщицу на части, если сравнить их со вчерашним происшествием на Главной аллее? Да меня до сих пор колотит, едва я вспомню, как стрекотали «швейные машинки» и пули дырявили спину этого Ксенофонта... Уж лучше все компьютерные ужасы мира, вместе взятые, чем еще раз пережить такое. Так что за эмоции, за саспенс и хоррор пока тоже твердая пятерка. А дальше посмотрим».

Глеб докурил и решил сходить в магазин – игра обещала много интересного и увлекательного, следовательно, необходимо было забить холодильник, чтобы в ходе дальнейшего тестинга не отвлекаться на бытовые мелочи.

Уже в подъезде, на лестнице, его кольнуло – изумруд! Нельзя оставлять такую вещь без присмотра.

«Да я быстро! – пообещал себе Глеб. – Только туда и обратно».

Двор жил своей обычной жизнью. Рабочий день близился к концу, но трудящийся люд еще не добрался сюда из своих контор. Поэтому машин на стоянке и у подъездов было мало, а во дворе царили пенсионерки и дети. Старушки чинно прохаживались, совершая ежедневный моцион, ведя неспешные беседы на извечные темы – здоровье, пенсии, молодежь, правительство. Малолетки гоняли между качелей мячик, подростки густо обсели скамейку в глубине двора, и оттуда временами доносились пикиканья мобильных телефонов и гогот.

Еще Глеб заметил, даже не то чтобы заметил, а просто случайно зацепил боковым зрением красно-желтый микроавтобус службы доставки, распахнувший дверцы у крайнего подъезда. Несколько молодцов в форменных комбинезонах вытаскивали из недр машины коробки и ящики. Рядом прохаживался мужчина в плаще неопределенного цвета.

«Живут же люди, – усмехнулся Глеб. – У всех кризис, а кому-то покупки коробками доставляют...»

В супермаркете он набрал побольше полуфабрикатов, купил макароны, картошку, гречку, сахар, яйца. Не удержавшись, взял две упаковки «морского коктейля», мидий, васаби и соевый соус, решив: «Как-нибудь побалую себя блюдом а-ля японская кухня». Продуктовый набор дополнила литровая бутылка разливного «живого» пива – на вечер, в качестве снотворного.

Пока Глеб стоял в очереди к кассе, его мысли снова и снова возвращались к изумруду.

«Зачем оставил? Надо было с собой взять. Положить во внутренний карман куртки, он на «молнии», там надежнее, чем в сейфе. Мало ли что может случиться!»

Квартирных воров Глеб не боялся – ну кто догадается залезть в вентиляционную отдушину, учитывая, что решетка со стороны выглядит как прикрученная намертво? А вот случись пожар или еще какое бедствие...

«Интересно, что станет с изумрудом, если он попадет в огонь? Расплавится? Лопнет, как стекло? Надо будет посмотреть, из чего вообще, из каких химических элементов состоит этот камень. – Глеб не заметил, как начал нервничать. – Камень, камень! Надо быстрее возвращаться домой. Что ж очередь-то еле шевелится?»

Неожиданно в голове зашумело, перед глазами замелькали какие-то искорки. Так бывает, когда резко встаешь. Мама в детстве объясняла, что это происходит из-за перепада давления. Глеб несколько раз крепко зажмурился, прогоняя неприятное ощущение, перехватил тяжелую корзину и случайно толкнул впереди стоящего человека, высокого

мужчину с аккуратно подстриженным затылком. Обычно в таких случаях москвичи и гости столицы реагируют немедленно и в выражениях не стесняются. Мужчина же даже не обернулся.

– Извините, – пробормотал Глеб.

Где-то он уже видел этого человека. Где? Когда? Шум в голове усилился. Теперь он напоминал звуки морского прибоя, накатывая волнами. Постепенно из повторяющихся «в-ш-ш-ш-х!», «в-ш-ш-ш-х!» стали образовываться слова, точнее, одно слово: «Вос-с-звраш-ш-щайся!»

«Меня будто бы кто-то зовет», – запаниковал Глеб.

Он слышал о людях, у которых в голове звучали голоса. Обычно это были фигуранты кровавых уголовных дел, признанные невменяемыми и до конца дней своих обреченные сидеть в спецпсихушках.

«Возвращайся!» – на этот раз слово прозвучало отчетливо.

Стриженный затылок уже расплачивался. Глеб вывалил свои покупки на ленту транспортера, мельком глянул на удаляющегося мужчину и вдруг понял, что видел он его совсем недавно, во дворе, у машины доставки. Тот же плащ странного цвета – вроде и серый, а вроде и коричневый, та же чуть ссутуленная спина.

«Ну и что? – прорываясь сквозь неумолчное «возвращайся», задал себе вопрос Глеб. – Пошел человек за бутылкой водки, чтобы расплатиться с грузчиками. Или просто еды зашел купить. Или еще зачем-то. Пить надо меньше, вот что. И больше спать».

Домой Глеб почти бежал. Пакеты с покупками оттягивали руки. Несмотря на достаточно прохладный осенний день, ему было жарко. Вот и родной двор. Осталось пройти буквально сотню метров. Красно-оранжевого микроавтобуса нет и в помине, все спокойно, все в порядке.

«Да что со мной такое? – разозлился Глеб. – Зачем я себя успокаиваю, ведь ничего же не произошло!»

И тут он увидел, как мужчина со стриженным затылком выходит из его подъезда. Правда, он успел где-то снять плащ и сейчас был в пиджаке, но внутри у Глеба все оборвалось:

«Это – тот самый!»

Мужчина не спеша притворил за собой дверь и двинулся к машине, темно-синему «Шевроле». Хлопнула дверца, и автомобиль уехал.

У Глеба от непонятного страха закружилась голова, ноги сделались ватными, в ушах зазвенело. Он едва сумел доковылять до скамейки у соседнего подъезда и плюхнулся на сырые крашенные брусья, опустив рядом пакеты с покупками.

– Выпил, что ли? – с осуждением спросила старушка, выводящая на прогулку крохотного пекинеса. Во дворе все звали ее тетей Ядвигой, а за глаза – бабой-ягой. – Зря ты это, Глеб. Водка стольким людям жизнь поломала.

– Да не... – задыхаясь, прохрипел Глеб. – Просто плохо что-то мне, тетя Ядвига... Погода меняется...

– А ты посиди, посиди, – участливо затрясла седой головой старушка. – А как полегчает, иди домой, ляг. Да врача вызови, не забудь.

Пройдя мимо хватающего воздух ртом Глеба, она потащила пекинеса на детскую площадку, бормоча себе под нос:

– Надо же... Такой молодой... Семейку схоронил и сам, видать, скоро к ним отправится... Надо же...

Переждав накатившую обморочность, Глеб побрел домой. Войдя в подъезд, он, преодолевая дурноту, поинтересовался у консьержки – к кому приходил «стриженный затылок»? Оказалось – ни к кому, в смысле дежурная просто никого не видела.

– Карга слепощарая! – выругался вполголоса Глеб, заходя в лифт.

У себя на этаже, вставив ключ в замочную скважину, он вдруг остро ощутил, насколько одинок.

«Вот так случись что – и никто не поможет. Да какое там поможет, воды некому подать, «Скорую» вызвать. Милке позвонить, что ли? Пусть приедет, чаю попьем, поболтаем».

Но, свалив покупки на пол, первым делом Глеб бросился не к телефону, а на кухню. Как был в кроссовках, он взобрался на табуретку и дрожащими руками сдвинул вентиляционную решетку. Пальцы коснулись запыленных кирпичей ниши, вниз, на край мойки, посыпался песок.

– Да где же? – взвизгнул Глеб, приподнялся на цыпочки и сунул руку дальше. – Нету?!

Есть! Пальцы ощупали гладкий холодный бок футляра. Мгновение спустя Глеб уже разглядывал камень, катая его по ладони. И удивительное дело – исчезли страхи, исчез шум в ушах, организм перестал бунтовать, а настроение улучшилось настолько, что захотелось сделать какую-нибудь глупость – пройтись колесом, запеть во весь голос, устроить кому-нибудь веселый розыгрыш.

– Ты всегда будешь со мной, – сказал Глеб изумруд, защелкнул футляр и убрал его в карман. – Ну, теперь можно и Милке звякнуть. Хотя...

На самом деле Глеб знал, что звонить бывшей подруге он не будет. Их отношения расстроились именно по его вине, точнее, по его желанию.

– Я не тот человек, который тебе нужен, – сказал Глеб в памятный вечер расстановки всех точек над «і», который неизбежно наступает на определенном этапе у всякой влюбленной пары. – Со мной тебе ничего не светит – ни достатка, ни детей, ни стабильности и спокойствия. Это во-первых. А во-вторых, я мизантроп и привык жить один. Твой темперамент, Солнышко, доведет меня до нервного истощения.

– Су-уперский, ты дурак, – ответила ему тогда Милка. – Я же люблю тебя, понимаешь? Просто люблю. И какая мне разница...

Глеб не дал ей договорить, почувствовав, что еще минута – и обратной дороги у него не будет.

– Но я-то тебя не люблю! – довольно бесцеремонно прервал он девушку и, увидев слезы у нее на глазах, поспешно добавил: – Ты очень хорошая, красивая, веселая, добрая, но... Не могу же я заставить себя, понимаешь?

– П-понимаю, – часто-часто закивала Милка, смахивая слезинки. – Но мы ведь все равно будем друзьями, правда?

– Конечно, малыш, – с облегчением улыбнулся Глеб.

И надо сказать, с тех пор он несколько раз пользовался этой странноватой «дружбой», хотя и чувствовал себя наутро после проведенной с Милкой ночи, мягко говоря, эгоистичной скотиной.

Быть может, я прав? А может быть, крив?

Быть может, урод? А может, красив?

Кто я? Какой я? Нет мне ответа.

Ночь, жара, бессонница, лето...

Раздумывая над странностями отношений между мужчиной и женщиной, Глеб приготовил себе омлет с ветчиной, намазал ломтик черного хлеба маслом, уложил листик салата, а на него – пару копченых шпрот. Сверху этот маленький шедевр бутербродного искусства украсил зеленый лук и несколько маринованных каперсов.

– Хм, – произнес Глеб, вертя бутерброд и так и эдак, – грех пускать такую красоту всухую. По-моему, там еще осталась капелька коньячка...

Коньячок действительно остался, и отнюдь не капелька, а целых сто граммов. Употребив их, Глеб закусил бутербродом, с аппетитом умял омлет и решил, что можно попробовать пройти первый уровень игры. Ни о «стриженом затылке», ни о странных голосах в голове, ни об одиночестве и Милке он больше не думал. Изумруд был в кармане, в желудке тлел коньяк – что еще нужно человеку для счастья?

Гюрза – Вепрю:

Наш пропавший теленок обнаружен. В стойло пока не заходили. До связи.

Вепрь – Гюрзе:

Поторопитесь. Время дорого. Счет идет на дни.

Базовый набор снаряжения, выданный Хранителем замков, разочаровывает Глеба. «Святые доспехи» оказываются громоздким и неудобным армейским бронежилетом Ж-86-2, устаревшим лет пятнадцать назад. Веса эти «доспехи» семь с лишним килограммов, и бегать в них можно только на очень короткие расстояния. «Меч Архангела Гавриила» оборачивается десантным штык-ножом. Лишь «Карающий жезл» – пистолет «стечкин» с пластиковой кобурой, которую можно прикреплять к оружию и использовать в качестве приклада при прицельной стрельбе на дальние дистанции, – несколько успокаивает Глеба. Три обоймы, рация, навигатор, противогаз и рюкзак десантника завершают экипировку.

– Иди же, Избранный, и пусть Свет хранит тебя! – напутствует его Хранитель замков.

Обещанные артефакты и заклинания нужно получить у Хранителя печатей, но оказывается, что, пока Глеб не достиг первого уровня мастерства, ему они не положены. Он получает только склянку с жизненной силой и пучок освященных листьев подорожника – останавливать кровотечения. Затем Глеба принимает Хранитель знаний, высокий, абсолютно лысый старик в белой мантии.

– Тебе предстоит сразиться с армией Хозяина мертвых, демона Йамы, – тихим голосом книжника говорит он. – Йама невероятно силен, но не отличается мудростью. Зато он может поднимать мертвецов и отправлять их в бой, как воинов. Сейчас Йама в Марьино, создает отряды зомби для поисков Врат. Торопись, ибо каждая секунда промедления означает, что в ряды воинства Йамы встал новый боец. Хранитель ключей напутствует тебя. Свет с тобой, Избранный!

Напутствие оказывается кратким.

– Ты станешь тенью ветра и отблеском молнии, – торжественно произносит седой Хранитель. – Я наделяю тебя силой барса и быстротой змеи. Иди и убей порождений Йамы. Свет поможет тебе!

И вновь уже знакомый Глебу мотоцикл мчит его по улицам столицы. В городе беспокойно. В тревожные закатные небеса поднимаются дымы пожаров, на обычно оживленных трассах пусто, в окнах домов не горят огни. Сводные армейско-милицейские патрули на перекрестках и бронетранспортеры, издали похожие на гробы, придают городскому пейзажу особый колорит. Слышатся завывания сирен «Скорой» и пожарных машин. Рация трещит, сквозь помехи то и дело прорываются сообщения групп спецназа, ведущих бои в разных районах города. Из отрывистых и скупых слов гибнущих в столкновениях с монстрами бойцов Глеб понимает – все еще хуже, чем он предполагал.

– В Марьино мне не прорваться! – кричит через плечо байкер. – Я высажу тебя у метро «Люблино». Твоя задача – добраться до автомобильного кольца на пересечении улиц Братиславской и Перервы. Там группа спецназа попала в окружение, ее со всех сторон теснят отряды зомби. Поможешь им. Их командир, майор Егоров, должен знать, где найти Йаму.

Глеб кивает, проверяет, заряжен ли «стечкин».

– Зомби можно убить, только если попадешь в голову! – продолжает инструктаж байкер. – Береги патроны, пополнить боезапас ты сможешь только на кольце. Если тебе повезет, найдешь патроны, автомат или другое оружие погибших спецназовцев. Все, приехали! Удачи, Избранный! Храни тебя Свет!

Мотоцикл взрывается и уносится прочь. Глеб остается один. Он стоит на пересечении улиц с названиями, которые в другой ситуации позабавили бы его, – Краснодарская и Совхозная. Но сейчас ему не до шуток. На проезжей части он замечает несколько

брошенных машин. Дико видеть новенький джип «Фольксваген Туарег», абсолютно целый, с распахнутыми дверцами, с ключами зажигания в замке – и ни души вокруг.

«Приметы сошествия тьмы, – думает Глеб. – Демон Йама. Зомби. Город вымер».

По левую руку от Глеба расстилается обширный пустырь, справа уступами поднимаются многоэтажные, недавно отстроенные дома. Один из них горит – пламя бушует на верхних этажах; звонко лопаются стекла в окнах, густой дым плывет в вечернем небе.

«Интересно все же, а куда делись жители? – размышляет Глеб, двигаясь по краю проезжей части и оглядываясь. – Здесь должны жить тысячи, десятки тысяч людей...»

Первых зомби Глеб замечает, прошагав чуть менее квартала. Из двора на дорогу, пьяно покачиваясь, выходит группа мужчин и женщин. Очень бледные, с пустыми, широко раскрытыми глазами, они бредут вдоль по улице, не обращая на одинокого человека никакого внимания.

«Кажется, теперь ясно, что случилось с обитателями этого района». – Глеб хмурится.

Зомби он насчитывает не менее десятка. Самое время опробовать в деле оружие, пристрелять «Карающий жезл». Сняв «стечкин» с предохранителя, он готовится к стрельбе, но тут оживает рация.

– Избранный, не отвлекайся, – советует Хранитель ключей. – Вступай в бой, только если враги преградят тебе дорогу. Торопись, Егоров теряет людей!

Сверившись с навигатором, Глеб решает, что правильнее будет срезать путь к кольцу, и бежит через дворы. Это едва не стоит ему жизни. Между гаражей-ракушек и кирпичной трансформаторной будкой путь одинокому бойцу преграждает завал из автомобилей. Глеб разворачивается и видит, что оказался в ловушке – несколько зомби, вооруженных чем попало, от кусков арматуры до камней, на удивление быстро и слаженно отрезают ему все пути к отступлению. Издавая заунывные вопли, порождения Йамы бросаются в атаку.

Три патрона Глеб тратит на пристрелку. У «стечкина» оказывается сильная отдача и слишком чувствительный спуск. Пули с мерзким чавканьем вонзаются в мертвую плоть зомби, оставляя рваные дыры, из которых немедленно начинает сочиться бурая слизь. Никакого вреда противникам эти ранения не наносят.

«Зомби можно убить, только если попадешь в голову», – вспоминает Глеб слова байкера.

Он начинает целиться более тщательно и едва не пропускает момент, когда зомби подбираются слишком близко. В воздухе свистят камни, и один из них попадает Глебу в голову. Перед глазами на несколько секунд возникает кровавая пелена, но времени на то, чтобы прийти в себя, уже не остается, и Глеб открывает огонь едва ли не наугад.

Ему везет – со второго выстрела он попадает в голову здоровенному мужику с кувалдой в руках. Раздается треск, и голова зомби лопается, словно упавший на асфальт арбуз.

– Один готов, – шепчет Глеб, переводя ствол «стечкина» на оскалившую желтые зубы толстуху, вооруженную кухонным ножом.

Выстрел – и череп женщины разлетается брызгами.

– Дело пошло! – азартно подбадривает себя Глеб, отбегая к стене трансформаторной будки.

Оставшихся зомби он укладывает в четыре патрона. Теперь ловушка позади и можно продолжать выполнять задание. Все время шуршащая фоном рация неожиданно выдает ясно различимую фразу:

– Улица Малые Каменщики, дом сорок один. Срочно требуется помощь...

«С ума они посходили, что ли? – раздраженно косится на рацию Глеб. – Малые Каменщики – это же где-то в центре. Как я туда успею из Марьино?»

Теперь он двигается осторожнее, далеко обходя группы зомби.

«Ничего, вот прокачаю оружие – и вернусь. Тут-то и начнется потеха. Отстреляю все, что движется».

Группа майора Егорова держит оборону за баррикадой из раскуроченных,

перевернутых, нагроможденных друг на друга автомобилей. Зомби, числом не меньше сотни, идут в атаку с трех сторон. За спинами живых мертвецов дымят пожары. Где-то там, среди многоэтажек-муравейников, демон Йама убивает людей, чтобы сделать из мертвых тел новых бойцов своей армии.

– А, Избранный. Пришел все-таки, – устало приветствует Глеба раненый Егоров.

Майор сидит, привалясь спиной к изрешеченному пулями борту «Лады Калины», неловко бинтуя левой рукой правое предплечье. Рядом валяется окровавленный арматурный дрын.

– Метров с двадцати залимонил, сука. Как из пушки, – поясняет майор. – Сила у них зверская. Не выстоим мы. У меня шестеро пацанов осталось и патронов с гулькин хрен. Но главное – башки не дают поднять, а их, тварей, только в голову, прицельно, можно завалить. Уходить надо, пока не окружили полностью.

– погоди, – останавливает его Глеб. – Сейчас поглядим, что к чему...

По капотам, крышам, лобовым стеклам автомобилей барабанит частый дождь из камней, осколков бетона, кусков стекла, из железных штырей вроде того, что ранил Егорова.

Зомби, стараясь не приближаться вплотную, пытаются поразить засевших за грудой металла спецназовцев. Те огрызаются редкими выстрелами. Глеб высовывается, осматривается и намечает для себя задачу – пробраться на правый фланг баррикады. На четвереньках он доползает до серебристого «каблука» «Рено Канго», со скрежетом отворяет заднюю дверцу и пролезает в салон. Отсюда до передового отряда зомби всего с десятков шагов. Оказывается, что у машины разбита вся водительская сторона – смято крыло, с мясом вырвана дверь, сорвано сиденье. Устроившись в полулежащем положении и стараясь не обращать внимания на липкие пятна крови, краснеющие повсюду, Глеб пристегивает кобуру, кладет ствол «стечкина» на согнутый локоть и открывает прицельный огонь. Расстреляв обойму в двадцать патронов, он громко объявляет неизвестно кому:

– Восемнадцать – в минус!

Противник обращает внимание на удачливого стрелка. Основная масса зомби собирается теперь напротив того места, где засел Глеб. Крышу «Канго» уже трижды пробивают арматурины, вокруг с грохотом разлетаются красной пылью куски кирпичей.

– Молодчик, – шуршит рация голосом Егорова. – Потерпи еще минуту – теперь мы можем стрелять прицельно. Ну, пацаны, начали!

Залп спецназовцев оглушает Глеба. Толпа зомби шевелится, пытаясь перестроиться, но тщетно – живые мертвецы начинают падать один за другим. Сменив обойму, Глеб подключается к отстрелу слуг Йамы, стараясь не обращать внимания на летящие в него камни и железяки. Он уже не считает уничтоженных врагов, да это теперь и невозможно сделать – началось побоище, зомби дрогнули и ринулись в последнюю атаку, пытаясь уничтожить людей в рукопашной схватке. Тут приходится стрелять на скорость – выстоять против могучих мертвяков в ближнем бою у спецназовцев попросту нет шансов.

Последнего зомби Глеб уничтожает в двух шагах от своего укрытия и в азарте боя еще раз стреляет в уже падающего врага. «Стечкин» сухо щелкает – кончились патроны.

– А ведь это была последняя обойма, – выбравшись из «Канго», сообщает Глеб подходящим спецназовцам. – Вот такая фигня, мужики...

Тут он вспоминает, что байкер говорил об оружии и патронах погибших спецназовцев, которые можно подобрать и использовать против зомби.

«Надо же, я так увлекся, что даже забыл об этом», – удивляется себе Глеб.

– Ну, все, отбились! – майор Егоров размашисто крестится здоровой рукой. – Колонна вэвэшников на подходе. У них бэтээры, огнеметы, агээсы. Они закрепятся здесь и начнут зачистку района. Спасибо, Избранный, если бы не ты...

– Все нормально, – скромно усмехается Глеб, отметив про себя классическую логическую нестыковку, характерную для шутеров, – герой-одиночка расчищает плацдарм для целой армии с тяжелым вооружением.

Оживает рация. Хранитель ключей поздравляет Глеба с выполнением задания и

приглашает на базу.

– Перед боем с самим Йамой тебе надлежит укрепить тело, разум и получить новое оружие, способное совладать с демоном. На базу тебя доста...

Рация неожиданно замолкает, а спустя несколько секунд уже знакомый голос произносит, раздельно выговаривая слова:

– Улица Малые Каменщики, дом сорок один. Срочно требуется помощь... Срочно требуется помощь...

Глеб записался и вышел из гейма. Похоже, он набрел на серьезный трабл в игре.

– Если у них на первой локации такая ерунда, что дальше-то будет? – пробормотал Глеб, фиксируя ошибку. – Малые Каменщики... Что там за беда, на этих Каменщиках, случилась? Ключевой эпизод игры? Или просто глюк? Ладно, в свой черед доберемся и туда.

Глава 3

В зале приемов недавно выстроенного неподалеку от станции метро «Партизанская» стеклянно-бетонного здания «Фонда Ксенофонтова» былолюдно. Под высоким потолком, отделанным голубым сиаемским мрамором, фоном звучала «Песня Сольвейг». На возвышении, украшенном перевитыми виноградными лозами ветвями ели и лавра, стоял палисандровый гроб-ковчег с откинутой крышкой. Скорбная вереница облаченных в траурные одежды людей, пожелавших проститься с покойным, мерно двигалась от дверей, черной змеей извиваясь по залу. К зданию фонда то и дело подъезжали автомобили с правительственными номерами. Декатин, после смерти Ксенофонтова де-юре ставший исполняющим обязанности главы холдинга «Гелиополь», встречал высоких гостей у дверей, сокрушенно тряс головой, выслушивая слова соболезнований. Огромный Царев, застыв за его спиной, как изваяние античного титана, смотрел прямо перед собой, погруженный в тягостное раздумье.

Смерть Ксенофонтова искренне переживали все его подчиненные. Секретаршу Елизавету Львовну Трубину увезли на «Скорой» – с ней случился сердечный приступ. Дело тут было, впрочем, не только в любви к погибшему патрону. Сын Елизаветы Львовны, офицер-десантник, служил в Чечне, и как раз накануне его жена родила сына. Ксенофонтов буквально за день до покушения обещал помочь с переводом капитана Трубина в Москву, а также выделить беспроцентную ссуду на покупку квартиры. Таких, как Елизавета Львовна, было немало. Но их человеческое, житейское горе, глубинность переживаний меркли на фоне до поры упрятанных под маску скорби, растерянности, злобы и даже ненависти, которые несли в себе хозяева высоких кабинетов, приехавшие проститься с Ксенофонтовым. Смерть главы «Гелиополя» рушила отлаженные бизнес-схемы, обрывала важные связи, миллиардные сделки оказывались под угрозой. Поджимая губы, опустив глаза долу, мимо гроба шли и шли те, кого журналисты именуют не иначе как «надеждой российской экономики», а обыватели – олигархами. Каждый из них сейчас думал о двух вещах: кто посмел поднять руку на Ксенофонтова и как сделать так, чтобы оказаться в числе избранных, допущенных к дележу активов погибшего бизнесмена.

Церемония прощания закончилась в одиннадцать вечера. Панихида и похороны были назначены на завтра. Здание фонда погрузилось во тьму. Царев приказал охранникам дневной смены отдыхать, встретил бригаду «ночников», лично развел их по постам и обошел все помещения и постройки на территории, проверяя, не остались ли где люди. В половине двенадцатого он доложил Декатину, что «коричневых» в фонде нет. Тот, коротая время в теперь уже бывшем кабинете Ксенофонтова с бокалом виски, кивнул и взялся за мобильный телефон.

Старинные напольные часы в кабинете пробили полночь, и к воротам начали прибывать новые гости. Это была уже совсем другая публика. Кто-то приехал на роскошной иномарке, кто-то – на стареньких «Жигулях», а некоторые и вовсе пришли пешком. Объединяло их всех, и мужчин, и женщин, только одно – довольно крепкое сложение и

густые шапки волос. Многие мужчины носили усы, бороды и бакенбарды. Охранники из ночной смены неизменно низко кланялись каждому, кто входил в калитку, а Царев провожал к стеклянным дверям подъезда, где Декатин также встречал приехавших поклоном.

В половине первого ночи поток иссяк. Странные гости безмолвно замерли вдоль стен зала приемов. Охрана заперла ворота, Царев привел в действие аппаратуру слежения и проверил посты. В зале, по сторонам от гроба, зажгли факелы. «Песня Сольвейг» затихла, и спустя мгновение одинокая скрипка заиграла «Реквием» Никколо Паганини. Казалось, что не музыкальный инструмент, а живое существо заплакало, зарыдало под каменными сводами. Музыка нарастала, билась о стены, точно запертая в клетку птица, – и вдруг стихла.

Переодевшийся в зеленую бархатную мантию Декатин поднялся на несколько ступенек лестницы, с тем чтобы видеть всех присутствующих. Вперед выступил седой старик с длинной белой бородой и зычным голосом произнес:

– О, Дэфтер, Стоящий у престола! Мы пришли.

Декатин-Дэфтер склонил голову и ответил:

– Настал час. Скорбь наша безгранична, как время. Горе наше необъятно, как океан. Слезы наши горьки, как сок растений. Ушел наш Владыка, Ксенф из Ксенфов. Простимся же с ним!

Пламя факелов заметалось, точно под порывами сильного ветра. Единый вздох прошелестел над головами собравшихся. Если бы в этот момент случайный человек, оказавшийся в зале, сумел пронзить взглядом невидимую грань, что отделяет привычный мир от мира скрытого, доступного не каждому, он увидел бы истинный облик тех, кто пришел проститься с погибшим.

Исчезла привычная для живущих в начале двадцать первого века одежда – вместо костюмов и платьев, вместо курток и джинсов появились шерстяные накидки, пестрые вязаные плащи, туники и камзолы, кожаные жилеты и юбки-килты. Изменились и сами обладатели столь удивительных одеяний. Их ноги увеличились, выгнулись в коленях назад, вместо ступней появились раздвоенные копыта. Но самая удивительная перемена произошла с глазами. Опушенные густыми ресницами, они теперь не выглядели человеческими – огромная радужка вытеснила белок, а черный зрачок посередине слегка вытянулся. Десятки этих необыкновенных глаз смотрели на Дэфтера, с которым произошла точно такая же метаморфоза.

– Сотворим же обряд Всемерной Печали, о сатра и сатрессы! – прогудел он, кривя большегубый рот. – Принесем же Владыке последнюю виру, достойную его – Ксенфа из Ксенфов!

Седой старик и еще двое мужчин помоложе встали треугольником вокруг гроба. Зеленое сияние поплыло от их рук, пологом повисло в воздухе, повсюду разлился горький аромат полыни. Собравшиеся в едином порыве пали на колени и поползли к гробу, громко стелая и протягивая огромные руки к телу своего мертвого господина. Они были, как дикие звери, рвали на себе одежды и волосы, орошая слезами каменный пол. И долго, очень долго скорбное безумие властвовало над ними, и не было никого, кто бы не поддался этому чувству.

Наконец стенания начали стихать. Поднимаясь на ноги, сатра утирали слезы, поправляли одежду. Зеленое сияние растаяло, терпкий полынный запах исчез. Дэфтер вззошел на возвышение у гроба и угрюмо оглядел ряды своих соплеменников.

– О сатра и сатрессы! – изрек он. – Горек повод, что вынудил меня собрать сегодня вас, старейшин и набольших родов клана Ксенфа. Но как бы ни была велика наша скорбь, мы не вправе забывать, что жизнь продолжается. Сейчас я оглашу завещание Владыки. Оно хранилось в сейфе, и до сего печального часа никто не касался его.

Дэфтер извлек из-под мантии желтый свиток, скрепленный зеленой восковой печатью. Сломав печать, он развернул завещание и пробежал его глазами. На лице Стоящего у престола отразилось замешательство. Удивленно хмыкнув, Дэфтер громко прочел:

– «Я, Ксенф из Ксенфов, Владыка клана, завещаю власть над кланом и

принадлежащими клану источниками силы своему прямому наследнику по крови. Только он может стать полноправным Владыкой и разблокировать колодцы. Да будет так и никак иначе».

– И все? – воскликнула пожилая сатресса, морщинистую шею которой украшало массивное золотое ожерелье.

– Тут подпись и дата двухлетней давности, уважаемая Локонда. – Дэфтер повернул развернутый свиток так, чтобы его видели все собравшиеся.

– Через несколько часов после смерти Владыки источники действительно сделались недоступными нашим магам, – сказал смуглый старец с бородой, заплетенной в аккуратную косицу. В отличие от большинства собравшихся, его глаза были черными как смоль, а телосложением он скорее походил на человека, чем на могучего сатра. – И это ставит под угрозу не только благополучие и безопасность клана, а само его существование. Но как это произошло – я понять не могу, механизм блокировки неведом.

– В свой черед мы доберемся и до этого вопроса, – остановил его Дэфтер. – А сейчас мы обязаны обсудить насущные дела и то положение, в котором оказался клан в связи со смертью Владыки. Нам еще предстоит расследовать это преступление, дабы наказать подлых убийц. Самая большая проблема – престолонаследие. Как известно, Ксенф из Ксенфов ушел от нас, не оставив наследника. Итак, по традиции первым будет говорить самый молодой из нас. Пекрес из рода Гиппосов, Совет клана слушает тебя!

Из толпы сатра вышел мрачный мужчина с длинными, до плеч, черными волосами. Мохнатые брови его сошлись на переносице, квадратная челюсть, украшенная аккуратно подстриженной бородкой, дрогнула, когда он произнес первые слова:

– Смерть Владыки... требует отмщения. Чтобы найти убийцу, нужно понять – кто мог желать гибели Ксенфа из Ксенфов? Я убежден – это не просто нападение, это вызов клану. Наверняка кто-то из наших врагов жаждет войны, нашего ослабления, и он же, возможно, виноват в том, что стали недоступными источники.

Белобородый старик при этих словах поморщился, но Пекрес из рода Гиппосов не обратил на это внимания.

– Нужно собирать боевые группы, – продолжил он, сжимая кулаки, – поднимать магов и готовиться. Нанеся один удар, подлый враг не успокоится, пока полностью не уничтожит всех нас. Поэтому предлагаю: власть в клане до конца войны передать Совету. Нового Владыку мы изберем после победы! Я сказал.

Дэфтер долгим взглядом проводил возвратившегося в задние ряды Пекреса и поднял левую руку:

– Что скажет род Фемикисов? Дорот, твое слово.

Одетый в зеленый клетчатый плащ сатра средних лет, тряхнув гривой рыжеватых волос, развел руками:

– Совет клана, наш род в замешательстве. Мы ведем активную торговлю и обмен с другими кланами сатра не только в Москве, но и в других городах и странах. Я уверен, что Пекрес из рода Гиппосов ошибается. Никто не готовит войну. Напротив, именно сейчас она не нужна никому. Тяжелая ситуация в мировой экономике одинаковым бременем легла на всех. Когда торговля не приносит прибыли, когда разоряются банки и падают цены на товары, даже безумцы не станут думать о ведении боевых действий. Это первое. Смерти оплакиваемого всеми нами Владыки, да будет вечно мягким мох под его копытами в райских кущах, могли, на мой скромный взгляд, желать лишь «коричневые», причем из тех, кто не знает о Пелене и о нашем существовании. Недаром на месте убийства не обнаружено никаких следов заклинаний. Я не люблю слово «бизнес», ибо это понятие всегда сочетает в себе большие деньги и кровь. Мы, сатра, торгуем и ведем дела. «Коричневые» занимаются бизнесом. Ксенф из Ксенфов пал жертвой этого занятия. И я не исключаю, что у убийц, да падет на их головы черный прах сожженной цикуты, были сообщники из числа близких к Владыке сатра. Это второе...

Дэфтер при этих словах бросил быстрый взгляд на Царева. Тот стоял с равнодушным

лицом. Казалось, он ничего не слышит и не видит. Дэфтер нахмурился, что-то припоминая, но тут снова зазвучал голос Дорота из рода Фемиксов:

– И, наконец, третье. Избрание нового Владыки возможно лишь в том случае, если мы все, Совет клана, будем уверены, что Ксенф из Ксенфов действительно не оставил наследника. И надо разобраться, что произошло с нашими источниками. Без них наш клан обречен. Думаю, это ясно всем.

Вздрогнув, Дэфтер оторвался от тяжелых дум и с удивлением спросил:

– Разве у кого-то есть сомнения касательно вопроса с наследником?

Глава рода Фемиксов сделал успокаивающий жест:

– Уважаемый Дэфтер, уважаемые сатра и сатрессы! У меня – и, прошу заметить, не только у меня – есть все основания полагать, что вопрос с престолонаследием не так ясен и прост, как нам всегда казалось...

– Но Владыка не раз говорил, что ему нужен сын! – вдруг вступил в разговор Царев. Его низкий гудящий бас поколебал пламя факелов, ударил в уши членов Совета клана, тяжким эхом отразился от стен. – Он и погиб по дороге к врачевателю... – Царев, носивший среди сатра имя Базэл, смешался и умолк, беспомощно разведя сильные руки.

– Тут что-то нечисто! – Дэфтер прищелкнул пальцами. – Базэл прав. Мы все знаем, что Владыка не мог иметь детей и действительно прикладывал усилия, чтобы справиться с этим недугом. И вдруг это завещание... Я хотел сказать – необычное завещание. О каких неясностях говоришь ты, уважаемый Дорот?

– Я передаю слово Старшему магу клана, многомудрому Крице. Он лучше меня изложит все, что касается этого вопроса, – поспешно проговорил глава рода Фемиксов, обернулся и кивнул: – Прошу, уважаемый.

– Как верно заметил Стоящий у престола, – белобородый старик отвесил изящный кивок в сторону Дэфтера, – Владыка действительно не мог иметь детей. Но так было не всегда...

После этих слов по рядам сатра пробежал сдержанный шепоток. Крица выждал, пока вновь наступит тишина, и продолжил:

– Да, так было не всегда. Косвенно на это указывает тот факт, что, обследовав тело Ксенфа из Ксенфов, мои помощники обнаружили в крови Владыки следы оленьей росы...

На этот раз пауза оказалась куда продолжительнее. Шепоток перешел во взволнованный ропот. То и дело слышались возгласы: «Оленья роса! Невозможно!»

– Я продолжу, – так и не дождавшись тишины, возвысил голос Крица. – Владыка, как мы считаем, в течение ряда лет принимал с питьем и пищей это вещество, как всем известно, лишаящее мужчин нашей сферы мужского естества, и оно пагубно отразилось на его детородной силе.

– Ксенфа травили! – бухнул Базэл, гневно сверкнув глазами. – В клане измена!

– Тихо! Тихо! – Дэфтер поднял руку, призывая Совет к порядку. – Многомудрый Крица, отдаешь ли ты себе отчет в том, что только что предъявил пусть и безличное, но очень тяжкое обвинение?

– Конечно, Дэфтер, – чуть улыбнулся старец.

– А ты, Базэл, Тень Владыки, Главный Страж клана, – обратился Дэфтер к гиганту. – Понимаешь ли ты, что в первую очередь подозрение падает на тебя, ибо именно ты многие годы отвечал за безопасность Ксенфа из Ксенфов?

Базэл шумно задышал, раздувая ноздри. На его широком лице сменилась целая гамма чувств – от изумления до полной растерянности. Махнув рукой, он нахмурился и отвернулся.

– Я продолжу, – спокойно сказал Крица. – Итак, мы сейчас говорим о том, что когда-то – я беру временной отрезок в тридцать или около того лет, не более, – Владыка имел возможность подарить какой-то сатрессе ребенка.

– Какой-то? – срывающимся голосом выкрикнул молодой Пекрес. – Это что, предположение? Или...

– Если меня будут постоянно перебивать, я никогда не дойду до сути, – раздраженно

дернул плечом Крица. – Итак, давайте вспомним события тридцатилетней давности.

– Тогда была война. – Дэфтер спустился с возвышения и встал рядом с Крицей. – Война с кланами Брегнов, Псари и Акалонов. Она продолжалась почти десять лет, и в итоге мы, Ксенфы, разгромили врагов, захватили многие источники и заняли господствующее положение в зеленой сфере Москвы.

– Именно так, – кивнул Крица. – Я не буду касаться всех эпизодов того долгого противостояния, тем паче что многие из здесь присутствующих участвовали в боевых действиях и знают больше меня. Но был один момент, когда из тактических соображений мы заключили перемирие с кланом Псари. Это случилось...

– Это случилось в самом начале войны, двадцать шесть... нет, двадцать семь лет назад, – вступил в разговор Дорот. – Наши маги оказались ослабленными после коварного удара Брегнов.

– В тот момент, – подхватил Крица, – клан Псари остался без владыки, погибшего во время Балашихинского рейда. Ты, Адал, должен помнить те события. В ту пору ты еще не стал сотником дружины...

Могучий старик, лицо которого густо поросло седой курчавой шерстью, важно кивнул, пряча в бороде ухмылку.

– Драка была знатная, – прошамкал он беззубым ртом. – Псари не выдержали схватки и бежали. Да-а, славное было дело... Локонда, это ведь твои парни настигли конвой владыки Псари?

Сатресса рассмеялась, и золотое кольцо на ее шее зазвенело.

– Все так и было, Адал.

– После этого поражения клан Псари возглавила дочь убитого владыки. Ее звали Герата. – Крица поднял руку с вытянутым указательным пальцем. – Именно с ней Ксенф из Ксенфов и заключил перемирие, дабы ослабленные, но все еще достаточно опасные Псари не нанесли нам удар в спину во время столкновения с Акалонами. Владыка встречался с Гератой трижды...

– Дважды, – пробасил Базэл. – Мой предшественник сопровождал его, я видел записи.

– Трижды! – упрямо повторил Крица. – Третья встреча состоялась втайне от всех. В сущности, это было свидание. Да, сатра и сатрессы, любовное свидание, и произошло оно на нейтральной территории, в одной небольшой гостинице, находящейся во владениях Часовщиков. Ксенф из Ксенфов и Герата из Псари воспылали страстью друг к другу и соединились на ложе любви.

– Это неслыханно! – рявкнул Дэфтер. – Чтобы Владыка – и с врагом, дочерью врага...

Крица покачал головой:

– С точки зрения Закона сатра она уже не была врагом – мы заключили с Псари перемирие, и продлилось оно, как ты помнишь, почти год. И потом... Ты же знаешь, Стоящий у престола: любовь сильнее войны.

– Что же случилось дальше? – в нетерпении спросил Пекрес. – Почему было только одно свидание?

– Потому что Брегны пошли на очень хитрый ход. – Базэл сжал огромные кулаки. – Их удар оказался внезапным и столь коварным, что мы во всем разобрались только через год. Говоря просто, нас подставили! Брегны напали на Псари и убили многих. Псари были уверены, что это наших рук дело, и разорвали соглашение. Война вспыхнула с новой силой.

– Да, Ксенф из Ксенфов и Герата из Псари действительно больше не виделись. – Крица вздохнул. – Но осенью того же года Герата родила ребенка.

– Девочку? – Дэфтер подался вперед, горящими глазами буравя старца.

Тот замешкался и ответил не сразу:

– Не знаю. После победы нам достались лишь фрагменты хроник клана Псари. Большая часть документов сгорела. Удалось выяснить лишь, что... – Крица замолчал, и в зале наступила поистине гробовая тишина, нарушаемая лишь треском факелов. Сатра смотрели на него и ждали. Каждый понимал – сейчас решается судьба клана.

– Удалось выяснить, что ребенок выжил. Его просто не было в резиденции клана Псари в день штурма. Я не знаю, что за сатрессой была Герата из Псари, но она приняла мудрое и единственно верное решение – передала ребенка на воспитание «коричневым», вывела его за Пелену. Впрочем, таких «утраченных» детей после войны было много, очень много. Как вы знаете, мы провели огромную работу по их поиску и возвращению в сферу. Сейчас все они – дети клана Ксенфов. И очень может быть, что где-то среди них...

– Наследник... – потрясенно пробормотал Базэл. – У Владыки есть наследник... Он чувствовал... Поэтому и оставил это завещание...

– Почему вы, многомудрый Крица, не сообщили об этом Владыке? – жестко спросил Дэфтер.

Старец пожал костлявыми плечами:

– Потому что сам узнал обо всем буквально вчера. Обнаружение оленьей росы в крови Ксенфа из Ксенфов побудило меня к размышлениям и изысканиям в архиве клана.

– Значит, если мы найдем наследника, клан обретет законного Владыку. – Дэфтер снова прищелкнул пальцами. – Воистину, перед нами стоит трудная задача.

– Детей клана, родившихся в обозначенный мною ранее период, – несколько сотен, – сказал Крица. – Магия тут бессильна, нужны сравнительные анализы крови. Даже если мы привлечем наемных врачей, это займет месяцы... Но мы не можем столько ждать, ведь наши источники стали недоступными! Стоит об этом узнать тем, кто нас ненавидит, как клан станет легкой добычей для врага. Мы...

– Я полагаю, что источниками займешься ты, многомудрый Крица, – довольно резко оборвал его Дэфтер. – Ведь ты мудрейший из магов сатра в Москве, да и по всей стране. Мы же займемся поисками наследника и подготовкой к обороне. Скрывать информацию о том, что источники нам недоступны, долго не удастся. Пекрес не так уж и погорячился, когда говорил о новой войне. Грядут черные времена.

– Близится утро, Стоящий у престола. Пора подводить итоги Совета. – Крица бросил на Дэфтера подозрительный взгляд. – А иначе мы рискуем ни к чему не прийти.

Дэфтер некоторое время в задумчивости покусывал губу. Члены Совета ждали. В зале для приемов вновь воцарилась тишина.

– О сатра и сатрессы! – наконец заговорил Стоящий у престола. – Как местоблюститель Владыки клана я принял следующие решения: мы создаем Комиссию по расследованию смерти Ксенфа из Ксенфов и выявлению измены в клане. Состав Комиссии я оглашу позже. Кроме того, а точнее, в первую очередь мы начинаем поиск наследника Владыки. Эти поиски я возглавляю лично. Проблемой источников займется Крица, и для этого он получает право на использование всех ресурсов клана: денежных, информационных, магических. Совет объявляется закрытым. Думайте, о сатра и сатрессы. Любые предложения, пожелания и помощь я приму с открытой душой. А теперь в последний раз поклонимся нашему Владыке и проводим его в последний путь, туда, где со временем окажется каждый из нас и откуда никому нет возврата...

Под сводами зала вновь зарыдала скрипка. Сатра хором шептали слова заклинания. Над гробом Ксенфа из Ксенфов сгустилась мгла, которую вдруг пронзила молния. Она пробила потолок и ушла в далекое темное небо.

– Прощай, Владыка! – торжественным многоголосием отозвались старейшины и главы родов клана.

Церемония прощания завершилась. Сатра двинулись к выходу, вполголоса обсуждая между собой все, что узнали на Совете.

Вскоре в зале приемов остались лишь Дэфтер, Базэл, Дорот и мрачно сопящий Крица.

– Стоящий у престола, – тихим голосом обратился старец к Дэфтеру. – Мне кажется, мы слишком мало времени потратили на обсуждение ситуации с источниками. Ведь она удивительна. Владыки время от времени умирают, а источники служат их наследникам. Случая, подобного нынешнему, я припомнить не могу. Возникают подозрения, что Ксенф из Ксенфов владел неким загадочным артефактом, который как-то связан с источниками силы.

Нужно провести тщательные поиски в покоях владыки, в его вещах. Я не хотел озвучивать это при всех, дабы не вселять в сердца сатра ложного уныния.

Базэл подался вперед, нависнув над щуплым Крицей, и прорычал, наливаясь кровью:

– Ты обязан сообщить нам все! Может, Ксенфа из Ксенфов убили из-за этого артефакта?

Старец отшатнулся, его смуглое морщинистое лицо побледнело.

– Спокойно. – Дэфтер положил руку на плечо гиганта. – Если многомудрый Крица считает, что для достижения полной ясности ему следует поступить так, а не иначе, ни ты, ни я не вправе его принуждать. У нас масса других дел.

– Я готов возглавить Комиссию по расследованию смерти Владыки, – остывая, проворчал Базэл.

– Страж клана, уважаемый Базэл, – осторожно проговорил молчавший до этого Дорот, – доблесть твоя и сила в бою известны всем. Но я, как глава самого большого и могущественного рода нашего клана, хочу отметить – тебе не следует становиться во главе расследования. Тень подозрения, возникшая во время Совета, краем коснулась тебя. Мне кажется, не стоит давать врагам повод для домыслов – мол, тот, кто отвечал за безопасность Владыки...

– Что?! Я верно служу клану! Я голыми руками разорву каждого... – вновь взревел гигант.

– Уважаемый Дорот прав. Он и возглавит Комиссию. – Дэфтер устало махнул рукой. – Разумеется, уважаемый Базэл войдет в нее – но лишь на правах рядового участника. Идите с миром, сатра. Базэл, к вечеру предоставь списки всех «коричневых», работавших с Владыкой в последние полгода. Я пошел спать...

Гюрза – Вепрю:

Сегодня осмотрим стойло. О результатах доложу.

Вепрь – Гюрзе:

После сегодняшнего ночного Совета обратной дороги нет. Действуйте более решительно.

Утром следующего дня Глеб вновь вернулся к игре. Ему не давала покоя странная ошибка, нарушившая логику гейма.

– Малые Каменщики, Малые Каменщики, – повторял он, дожидаясь, пока закончится загрузка уровня. – Какой бог кого туда поволок...

«Это твоя судьба, – пришла неожиданная мысль. – Ничего в жизни не происходит просто так. Мы окружены тайными знаками, и нужно лишь уметь прочесть их и не противиться воле рока. Случайностей не бывает. Все предопределено заранее, свыше. Причинно-следственные связи выстроены для каждого из живущих. Это алгоритмы существования. Он и есть то, что люди называют фатумом, фортуной. Каждый человек втайне уверен, что он сам себе хозяин. Но это иллюзия, обман. Недаром самые просвещенные и понимающие создали высшую формулу бытия: «делай что должно и будь что будет». Нужно прислушиваться к намекам, уметь распознать и вычленив их из хаотической массы событий и явлений, ежедневно окружающих тебя. Нужно слушать жизнь. Если это получится – ты станешь властелином собственной судьбы. Если нет – будешь, словно слепой щенок, бессмысленно тыкаться мордой, каждый раз упираясь в глухие стены».

– Да я прямо философ! – вслух произнес несколько очумевший от собственных рассуждений Глеб. И вдруг ему захотелось, очень сильно захотелось посмотреть на изумруд. – Нужно слушать жизнь, – пробормотал он, вытащил из кармана футляр и открыл крышку.

Камень, покоясь на своем черном бархатном ложе, таинственно мерцал глубокой

зеленью. Включив точечный светильник, Глеб сдвинул руку с футляром так, чтобы луч света падал на камень. Ему показалось, что он держит в ладони странно округлившийся кусочек пронзенного солнцем океана и – одновременно – июньского нескошенного луга, где каждая травинка украшена хрустальными каплями росы.

– Интересно, сколько же ты стоишь? – задумчиво пробормотал Глеб, двумя пальцами взял изумруд и вытащил его из футляра.

Ему показалось, что полированная поверхность камня источает еле заметное тепло. Подняв зеленое яйцо, Глеб посмотрел сквозь него на светильник – и вскрикнул. Электрический свет раздробился на множество острых золотых искр, больно уколовших глаза. Тильной стороной ладони вытирая слезы, Глеб угнездил изумруд в футляре, но закрывать не стал и положил футляр на компьютерный стол.

– Значит, так тебе не нравится. Учтем. Ладно, надо работать...

Глебу предстоит поединок с демоном Йамой. Хранители обеспечили его новым снаряжением и оружием. Теперь он защищен кевларовым бронежилетом, а к «стечкину» добавился пистолет-пулемет «Кедр», мощная машинка для ближнего боя. Кроме того, Глеб получает свиток с заклинанием первого уровня «Живая кровь», позволяющим восстанавливать здоровье без использования аптечек, силой одной лишь магии. Хранитель замков щедро отсыпает ему патронов, обратив внимание на маркировку:

– Эти – обычные, эти – бронебойные, эти – разрывные, а эти – со смещенным центром тяжести. Разберешься, что где использовать?

Глеб кивает. Коробки с патронами заняли свои места в кармашках жилета-разгрузки.

– Уязвимых зон на теле Йамы немного, – напутствует его Хранитель ключей. – Но все же они есть. Это глаза, горло и паховая область. Не подходи к нему слишком близко – Йама, несмотря на кажущуюся неповоротливость, проворен и быстр. Его шкуру трудно пробить одной пулей. Тебе придется несколько раз попасть в одно и то же место, чтобы ранить демона. После этого заставь его двигаться, тогда он вскоре ослабеет от потери крови. Удачи, Избранный! Да хранит тебя Свет!

Байкер мчит Глеба вдоль верениц бэтээров и танков, легко обходя громоздкую военную технику. Солдаты на перекрестках приветственно машут руками – все уже знают, кто такой этот боец на мотоцикле. Изредка навстречу попадают колонны беженцев. Испуганные горожане, вырванные из привычной жизни нашествием адских тварей, несут сумки и чемоданы, катят детские коляски. То и дело попадают автобусы и армейские грузовики, полные женщин и детей. Закопченные пожарные машины и микроавтобусы «Скорой помощи» с трудом протискиваются через забитые улицы. Над крышами опустевших домов рокочут вертолеты, пару раз с гулким ревом, оставляя за собой белесые полосы инверсионных следов, в небе проносятся штурмовики «Су-25».

На знакомом кольце в Марьино стоит хорошо оборудованный блокпост – бетонные глыбы, огневые точки круговой обороны, два танка, с десятков БМП. Орудия боевых машин смотрят в сторону Капотни. Оттуда слышна стрельба. Командиром здесь по-прежнему знакомый Глебу майор Егоров. По законам гейма поврежденная рука спецназовца уже в полном порядке. Он сидит на снаряжном ящике и ведет переговоры сразу по двум рациям, время от времени сверяясь с картой. По его команде группы бойцов лезут на броню, и БМП, плюясь черным дымом, приседают, чтобы сорваться с места и исчезнуть в дымных прогалах между домами.

– Привет, Избранный! – машет майор Глебу. – Ты опять вовремя. Мы зачистили кварталы к югу и западу, выкурив оттуда зомби. Но тут явился их хозяин и господин, демон, неуязвимый и быстрый. При нем эти сволочи начинают биться с утроенной силой. Нам все же удалось оттеснить их к нефтезаводу, но там они уперлись, и теперь уже моим бойцам приходится обороняться. Если бы тебе удалось хотя бы отвлечь демона...

– Хорошо, – успокаивает майора Глеб, проверяя оружие.

Он присоединяет кобуру-приклад к «стечкину», устанавливает переключатель режима

стрельбы пистолета на одиночные выстрелы, передергивает затвор «Кедра» и отправляется туда, откуда доносится отрывистый грохот автоматических пушек БМП.

– Держи связь! – кричит в спину Глебу Егоров. – Мы подцепили демона на крючок – над городом ходит вертушка-радар. Я буду сообщать тебе обо всех передвижениях этой твари!

Поначалу все идет как по маслу. Глеб, на ходу отстреливая одиноких зомби, то и дело преграждающих ему дорогу, приближается к зоне огневого контакта. Он приноровился к «стечкину» и теперь стреляет по принципу «один патрон – один враг». Майор с блокпоста время от времени кричит в рацию:

– Противник выдвинулся к ангарам в северо-западной части завода... Противник захватил два крайних жилых дома... Мы зачистили здание супермаркета и подземную автостоянку... Демон по-прежнему на территории нефтеперерабатывающего комплекса...

Завернув за угол некогда бело-розового, а теперь покрытого жирной копотью дома, Глеб видит довольно обширный пустырь, за которым в дымке угадывается серый бетонный забор нефтезавода. Оттуда волнами идут зомби. Несколько БМП, выстроившись вдоль дороги, короткими очередями бьют по противнику. Спецназ, рассыпавшись в цепь, ведет прицельный огонь. Со стороны Москвы-реки дует сильный ветер. Небо над головой пламенеет феерическим закатом.

Вновь оживает рация.

– Демон покинул территорию завода и движется к гаражам на востоке! – кричит Егоров. – Его сопровождает не более десятка зомби. Это хороший случай достать монстра! Он проходит сейчас слева от тебя, за бензозаправкой. Поторопись!

Глеб срывается с места и бежит через придорожный бурьян к низеньким строениям заправки, на ходу меняя «стечкин» на «Кедр». Зарядив автомат бронебойными патронами, он вскидывает оружие, напряженно выискивая Йаму между брошенных машин и красных параллелепипедов заправочных автоматов. На перехват одинокого бойца бросается отряд зомби. БМП начинают бить по ним, отсекая живых мертвецов от Глеба. Снаряды взрываются с оглушительным треском, во все стороны летит окровавленная плоть, оторванные конечности, комья земли.

Йаму Глеб замечает совсем не там, где предполагалось. Демон вместе с группой зомби уже миновал заправку и теперь приближается к кирпичному трехэтажному зданию гаража. Похожий на огромную коричневую гориллу, он горбится, на бегу помогая себе длинными руками. Глеб дает очередь, привлекая к себе внимание. Он понимает – если Йама сумеет добраться до гаража, биться с ним в темных залах, заполненных автомобилями, будет намного труднее, чем здесь, на открытом пространстве.

Пули, выпущенные «Кедром», уносятся вдаль. Демон останавливается, поворачивает уродливую плоскую голову в сторону Глеба. Их разделяет не больше пятидесяти метров. Даже с такого расстояния видны горящие красным огнем злобные глаза монстра. Вторая очередь выбивает фонтанчики земли у ног Йамы. Зомби, сгрудившись возле своего повелителя, по первому его приказу бросаются в атаку на Глеба. Видимо, Йама вложил в них немало силы – живые мертвецы передвигаются на удивление быстро.

– Избранный, мы не можем поддержать тебя огнем, – прорывается сквозь треск помех голос майора Егорова. – Заправка мешает! Я вызвал вертушку, но, пока она придет, демон может уйти в здание гаража. Действуй самостоятельно!

Сохранившись, Глеб ускоряется и идет на сближение с отрядом зомби, стараясь не выпускать из поля зрения Йаму. Похоже, демон выжидает. Присев у железного забора гаражного комплекса, он делает какие-то пассы когтистыми лапами, скаля желтые клыки.

Когда между ним и зомби остается с десятков метров, Глеб останавливается, переводит «Кедр» на одиночный огонь и начинает стрелять. В ответ зомби, завывая, мечут в него топоры, кухонные ножи и пустые бутылки. Догадка о том, что это не просто бестолковые мертвяки, а отборные гвардейцы Йамы, накачанные магией, подтверждается. Их броски удивительно точны. Не проходит и нескольких секунд, как Глеб получает одно ранение,

затем второе, третье... Красная полоска-индикатор, отображающая здоровье, ползет вниз. Приходится вспомнить о подаренном Хранителем печатей заклęcia «Живой крови». Восстановившись, Глеб смещается в сторону, уходя из опасной зоны. Пока зомби поворачиваются, у него есть несколько мгновений, чтобы сократить поголовье исчадий Йама. В таких ситуациях главное – не суетиться. Глеб стреляет, головы зомби рвутся в клочья, как воздушные шары в тире. Вскоре против него остается лишь четверо врагов.

– Йама начал движение! – сообщает рация.

Глеб вскидывает голову – действительно, демон срывается с места и мчится к забору. Отчетливо видно, как когтистые конечности разбрасывают землю, а под коричневой чешуей на горбатой спине перекачиваются комья мышц. Йама, не останавливаясь, оборачивается, вывернув кошмарную голову из-под вынесенной вперед руки, и глумливо хохочет. Глеб, стреляя на бегу, устремляется за ним. В ногу попадает метко брошенный кем-то из уцелевших зомби топорик для разделки мяса. Приходится потратить несколько драгоценных мгновений на заживление раны и восстановление сил. Йама уже у забора. Перемахнув через стальные пики прыжком, которому позавидовал бы Сергей Бубка, демон скрывается в темном проеме въезда.

– Он внутри, Избранный! – трещит рация. – Теперь тебе придется сражаться с ним в темноте. У тебя нет прибора ночного видения, поэтому используй фальшфейеры, но помни – в разгрузке их всего пять. Фальшфейер горит пятнадцать секунд, так что поторопись покончить с Йамой за это время, иначе он легко убьет тебя. Мрак – это его стихия...

Поморщившись – все же майор Егоров для офицера спецназа выглядит слишком осведомленным в деле борьбы с порождениями ада, – Глеб бежит к воротам гаражного комплекса. Снова включается рация, но, прохрипев что-то неразборчивое, умолкает.

Оказавшись на территории, Глеб приближается к зданию, отмечая про себя, что наверняка помимо трех надземных этажей гараж имеет и не менее двух подземных. Йама, скорее всего, укрылся где-то там, внизу. Пробежав мимо стеклянной будки диспетчера, Глеб останавливается перед въездом. Он видит силуэты запаркованных автомобилей внутри, желтые стрелы разметки на бетонном полу, опорные столбы и плавно уходящий справа вниз закругляющийся пандус.

– Малые Каменщики, дом сорок один! – взрывается истошным криком рация. Голос незнакомый, резкий и требовательный. – Срочно требуется помощь! Избранный, поспеши! Малые Каменщики, дом сорок один!

«Мать твою! – с изумлением и злостью думает Глеб. – Да что ж это такое! Я же не выполнил миссию. Или это не глюк, а ветвление сюжета? Ну, разработки тогда совсем сдвинулись. Нельзя заставлять геймера бросать задание на самом интересном месте!»

И тут он видит на полу, на грязном бетонном полу гаража – сияющий изумруд. Тот самый изумруд, который сейчас лежит в кармане джинсов...

Рывком выйдя из гейма, Глеб откинулся на спинку кресла. Бешено колотилось сердце, во рту стоял противный металлический привкус, руки-ноги дрожали, перед глазами плавали фиолетовые круги. Это состояние наступало всегда, когда он резко заканчивал игру. Глеб старался никогда так не поступать, но в данном случае требовалось понять, увидеть, что на самом деле происходит в «Пришествии тьмы».

Переждав дурноту, он протер слезившиеся глаза и посмотрел на монитор взглядом обычного юзера. Картинка была та же самая – силуэты машин, желтые стрелы разметки, пандус. И никакого изумруда! В колонках зашуршала привычная уже скороговорка майора Егорова:

– Избранный, не стой, двигайся! Йама может уйти через подземные коммуникации и поднять новых зомби. Повторяю: двигайся...

– Что-то тут очень сильно не так, – пробормотал Глеб. – Или я сбрендил, или...

Он посмотрел на изумруд, зачем-то подышал на камень, рукавом вытер матовую побелелость, возникшую на гладкой поверхности от его дыхания.

– Может, правда в поликлинику сходить? Или бросить все, съездить куда-нибудь?

В голову немедленно пришло:

«Конечно, съезди. На Малые Каменщики, дом сорок один».

Глеб выругался, спрятал изумруд.

«В конце концов, если я сейчас войду в игру и попробую добраться до этих Каменщиков, ничего страшного не произойдет. В худшем случае я просто не смогу покинуть локацию. Сохранился я возле заправки, продолжу потом с этого места».

Глеб вышел на кухню, взял сигарету. Задумчиво провожая взглядом синеватые пряди дыма, уплывающие в вентиляцию, он случайно заметил на краю раковины давешний мусор – песок, хлопья пыли, – нападавший, когда он доставал из тайника изумруд. Стерев грязь губкой, он вернулся в комнату, зачем-то достал изумруд, положил его рядом с клавиатурой и решительно уселся в кресло...

Покинув гаражный комплекс, Глеб, не обращая внимания на инструкции майора Егорова, двигается в сторону Люблино. Там он повернет на запад и пойдет к центру города. Малые Каменщики – небольшая улица, возникающая на месте разрушенного в шестидесятых годах Таганского тюремного замка. Того самого, который «Таганка, все ночи, полные огня...» и «...разломали старую Таганку». Идти, конечно, придется долго, но ведь Глеб никуда не торопится.

Гейм живет своей виртуальной жизнью. Грохочет бронетехника, проносятся тентованные грузовики с солдатами, тащатся беженцы. В небе кружат вертолеты огневой поддержки «Ми-24», за вытянутые хищные силуэты прозванные в войсках «крокодилами». Добравшись до границы локации, Глеб неожиданно легко преодолевает переход и оказывается сразу на Нижегородской улице. Тут царит совсем другая атмосфера. Редкие испуганные прохожие жмутся к стенам домов. Некоторые из них пытаются заговорить с Глебом, видимо предлагая побочные по отношению к основному сюжету квесты, но он, не вступая ни с кем в диалог, упрямо идет к своей цели, на всякий случай держа оружие наготове.

Рация, на предыдущей локации буквально разрывавшаяся от инструкций и предостережений майора Егорова, молчит. Лишь однажды, где-то в районе Каланчевки, она коротко гавкает:

– Избранный, Малые Каменщики, дом сорок один, седьмой этаж, сразу налево.

Предосторожность с оружием оказывается не лишней – на Абельмановской площади Глеба атакует целый выводок каких-то перепончатокрылых тварей, напоминающих исполинских летучих мышей. Отпугнув монстров автоматной очередью, Глеб сворачивает на Воронцовскую улицу, дворами срезает путь, пересекает Большие Каменщики и выходит к Малым.

Дом номер сорок один обнаруживается без труда. Это старая, семидесятых годов, одноподъездная девятиэтажка. «Дом-пенек», как такие называют в народе. Оглядев пустынный двор, Глеб начинает двигаться к дверям подъезда, и тут вновь видит изумруд, на этот раз лежащий на асфальте у входа в дом. Камень словно намекает – все правильно, ты идешь куда надо. Затем происходит необъяснимое – стены девятиэтажки тают, Глеба возносит на седьмой этаж. Он видит черную дверь с «глазком», которая тоже становится прозрачной. За дверью, в крохотной прихожей, перед зеркалом стоит человек, мужчина, одетый в одни лишь брюки от тренировочного костюма. У него тело атлета, ухоженные черные волосы до плеч. В зеркале Глеб замечает лицо незнакомца – волевое, с крупными чертами и густыми бровями. Общее впечатление – человек не похож на простого обывателя. Неожиданно Глеб чувствует, что ему что-то мешает. Появляется необъяснимо сильное желание выйти из гейма и убрать лежащий на столе изумруд в футляр. Последнее, что бросается в глаза, – на правой лопатке человека у зеркала синее искусно выполненная татуировка в виде виноградного листа...

Вывалившись из гейма, Глеб несколько секунд очумело крутил головой, пытаясь понять, что случилось.

«Изумруд! Немедленно закрой футляр! – возникла в мозгу сверлящая мысль. – Скорее! Закрой футляр!»

Заболела голова, виски сдавило, словно обручем.

– Чертовщина какая-то, – прошептал Глеб, захлопнул крышку и спрятал футляр с изумрудом в карман.

Боль тут же исчезла, обруч разжался.

– Нет, на воздух, на воздух! Курить я буду, но пить – не брошу! – подбодрил себя немудреной шуткой Глеб и, повинаясь спонтанному желанию, позвонил старому приятелю и однокласснику Андрею Блинову, а попросту Андрюхе-Брюхе.

– Брюхоногий, здорово! Это Погодин. Ты как насчет пивка попить где-нибудь в центре?

– Да легко, Глебыч, – рассмеялся в трубке сочным баском Блинов. – Давай подгребай к «Мельнице», столешницу я закажу, Юльку с Алинкой подтяну. Оки?

– Выезжаю, – с облегчением улыбнулся Глеб и отправился одеваться.

Глава 4

С Андрюхой-Брюхой Погодин был знаком с пятого класса, в школе они дружили. Но и после того, как жизненные дороги развели приятелей – Блинов поступил в военное училище, Глеб в радиотехнический институт, – связи не теряли, время от времени встречаясь, дабы вспомнить молодость, обменяться новостями, свежими анекдотами и житейскими историями. Глеб ценил в Брюхе удивительный для россиянина начала двадцать первого века оптимизм, легкий взгляд на любую проблему и отсутствие снобизма, или, по-простому говоря, понтов. Как известно, если бы они светились, над Москвой стояли бы вечные белые ночи. Глеб же эту манеру земляков «казаться, а не быть» ненавидел всей душой и старался не иметь дела с представителями племени понтярщиков.

Мне бы крылья! Мне бы пулемет!
Ты в окно, родная, не кричи.
Пуль свистящих сказочный полет
Я дарю вам даром, москвичи!

Кроме того, записной пикапер, а говоря по-русски, бабник, Брюха всегда мог подогнать приятелю ненапрягающую пассивность для общения и всего, что может за ним воспоследовать. Глеба это устраивало на все сто.

На улице вечерело. Фонари еще не зажглись, и дома укутали серые тоскливые сумерки. Глеб сунул в рот сигарету, прикурил и краем глаза заметил уже знакомый микроавтобус-грузоперевозку. Однако на этот раз никаких тревожных мыслей не возникло, никакого мандража не наступило. Заключение в футляр изумруд покоилось в кармане, впереди был заведомо приятный вечер в хорошей компании, а микроавтобус...

– Да и хрен с ним, – усмехнулся Глеб, оглядывая дом.

Он вышел к краю проезжей части, поймал горного бомбилу на «семерке», в народе именуемой «хач-бек», и лениво процедил:

– Старая площадь. Пятихатка.

– Поехали, – белозубо отозвался сквозь доносящуюся из динамиков этническую музыку родных гор погонщик «хач-бека».

И Глеб поехал.

Вернулся он за полночь, в меру подшофе, умиротворенный – и без единой глупой мысли в голове. Посиделки прошли как по маслу, пиво оказалось хорошим, еда и закуски тоже на уровне, а в перспективе наклеивался необременительный романчик с чернявой лупоглазой студенткой юрфака МАИ Алиной, подружкой Андрюхиной пассии Юли.

Вспомнив об Алине, Глеб захихикал и, напевая про себя: «В голове ни бум-бум,

малолетка, дура душой», отправился мыть руки и переодеваться.

подавив в зародыше рефлекторное желание сесть за комп, Глеб включил телевизор и полчаса пытался вникнуть в интригу какого-то заокеанского триллера. Когда бороться со сном надоело, он принял душ, почистил зубы и завернул на кухню – проверить, перекрыт ли газовый вентиль. Оказалось, что перекрыт. Потянувшись рукой к выключателю, Глеб зацепился взглядом за какие-то темные пятнышки на краю мойки. Присмотревшись, он увидел, что это грязь, просыпавшаяся из вентиляционной отдушины. Глеба бросило в жар, сердце заколотилось часто-часто. Он отчетливо помнил, что вытирал мусор после того, как доставал изумруд из тайника...

– А может, не вытирал? – усомнился на мгновение Глеб, но память упрямо сигналила – вытирал, вытирал абсолютно точно.

– Значит... – И, не закончив фразы, он бросился в комнату, упал на колени и сунул руку под тумбочку.

Деньги были на месте, но в конверт явно кто-то заглядывал. Глеб всегда клал последнюю купюру в пачке «нос к носу» с предыдущей, этой его привычке было много лет. Сейчас же все банкноты лежали тривиально, «затылок к носу». Такой способ укладки использует большинство людей в мире и, по всей видимости, тот, кто побывал в квартире Погодина. Побывал, чтобы найти...

– Изумруд, – озвучил финальное слово Глеб. – Так-так-так... А ведь это и вправду хреново...

Сорвавшись с места, он заметался по квартире, всюду обнаруживая следы тщательно скрытого обыска. Одежда в шкафу, книги на полках, диски, безделушки, бумаги в ящиках стола – везде не обошлось без вмешательства чужих рук, рук умелых, аккуратных, но все же оставивших заметные придирчивому хозяйскому взгляду признаки досмотра. Глеб не считал себя педантом, однако Милка, например, всегда говорила: «Суперский, ты же настоящий немец! Все у тебя по полочкам, все на своих местах – как в аптеке».

И вот теперь этот аптекарский порядок был нарушен. Наверное, обычный человек и не заметил бы вмешательства, но Глеб по торчащим из пачки уголкам бумажных листов, по не идеально выровненным стопкам дисков, по чуть повернутым фигуркам гипсовых обезьянок на полке твердо уверился в страшном откровении – его дом больше не крепость.

Нелепо на прогулке вдруг,
Споткнувшись, провалиться в люк.
Еще нелепее, друзья,
Что люка избежать нельзя.

Только заперев входную дверь на мощную задвижку-щеколду, которую открыть снаружи было совершенно невозможно, он несколько успокоился. Хмель давно выветрился из головы, руки дрожали. Появившуюся было идею о бегстве Глеб сразу отменил как наиболее опасную.

– Они искали изумруд – и не нашли. Значит... Значит, они сделали простой и логичный вывод – я ношу его с собой. Следовательно, стоит мне покинуть квартиру, как будет предпринята попытка изъять камень. Проще всего это сделать... О господи, как ни смешно звучит фраза из «Бриллиантовой руки», но проще всего это сделать, сняв камень с трупа. С моего трупа. Пока я дома, я в относительной безопасности. Они будут ждать, будут стеречь, караулить... Или все же попробуют достать меня здесь? Наверняка они видели щеколду. С нею им не справиться, придется выкорчевывать весь дверной блок. Это время и шум. Я успею вызвать милицию, соседи тоже обратят внимание. Нет, они не дураки – так подставляться. Значит, засада. Уходить все равно придется, но утром, когда в подъезде полно народу. А потом...

Что будет потом, Глеб с ходу придумать не смог. Куда ему бежать? К Милке? На дачу? К кому-то из друзей-приятелей, к тому же Андрюхе-Брюхе? Чисто теоретически те, кто

охотится за изумрудом, вполне могли навести справки о Глебе Погодине и его связях. А могли и не навести. В конце концов, это же явно не милиция, не ФСБ. Те пришли бы официально, с положенными бумагами.

«Малые Каменщики, дом сорок один, – мелькнуло в голове. – Вот там тебя точно никто не станет искать».

– А ведь верно, – согласился Глеб, не замечая, что вступил в диалог с неким неведомым собеседником. – Только что или кто ждет меня там?

«Ты видел. Встретишься – все поймешь».

– Ладно, утро вечера, точнее, ночи мудренее. Особенно если удастся пережить эту самую ночь. – Глеб зевнул. – Но изумруд я с собой не потащу. Спрячу в надежном месте...

Он помолчал, глядя в темное окно, и с мрачной усмешкой добавил:

– Это будет гарантией того, что сразу меня не убьют. Все, отбой.

Но стоило Погодину лечь, как страх, самый обычный животный страх буквально взял его за горло. Ему чудились приглушенные голоса в подъезде, воображение рисовало картины одну ужаснее другой – как те самые пресловутые «они», черные люди без лиц, но со стриженными затылками, с помощью хитроумных инструментов отодвигают щеколду. Бесшумно повернувшись на заранее смазанных петлях, отворяется входная дверь, и темные тени неслышно скользят по коридору, сжимая в руках смертоносные «швейные машинки». Вот они подходят к комнате, вот появляются в дверном проеме...

Задышавшись от ужаса, Глеб вскочил с постели, щелкнул выключателем. Никого. Матерясь вполголоса, он, включив везде свет, оделся, на цыпочках подошел к входной двери и прижался ухом к холодной обивке. Тишина. Глеб снова лег, положив рядом заряженное ружье для подводной охоты и самый большой из кухонных ножей. Проворочавшись с полчаса, он наконец соскользнул в сонный омут, полный неясных видений. А под утро Глебу приснился странный сон...

Океанские волны с грохотом разбивались о глыбы черного обсидиана. Мириады брызг взлетали в белое от зноя небо, и многоцветные радуги несколько мгновений трепетали в воздухе, пронзаемые серокрылыми чайками. Чайки пировали на туше выбросившегося на камни кита-гринды, но их спугнул одетый в рубаху из козьих шкур человек, чье лицо скрывала медная маска. Опираясь на кривой посох с расщепленным наверху, сработанный из ребра акулы-кархародона, он брел вдоль кромки воды, всматриваясь в завалы серебряных от соли бревен, принесенных на этот пустынный берег осенними штормами.

Как иногда бывает во снах, Глеб знал, где он находится и что видит, и в знании этом не было никаких сомнений.

Человек тяжело дышал. Судя по морщинистой шее, коричневым пятнам на тыльных сторонах ладоней и перевитым темными венами ногам, это был глубокий старик. Маска, скрывавшая его лицо, имела абсолютно гладкую, тщательно отполированную поверхность, в которой отражались и море, и радуги, и чайки, и черные обсидиановые глыбы. Выполненная в виде двух третей сферы, маска оставляла незащищенным лишь затылок. Длинные, достигающие середины бедер седые волосы старика развевались на ветру, точно шлейф.

Сбитые в кровь ступни и медленный шаг человека в маске говорили о том, что он проделал долгий путь. Черный стервятник, крупная тварь из числа тех, что некогда жили в саду императорского дворца на острове Ста Золотых Башен и питались телами казненных, неотрывно следовал за стариком, ожидая его смерти. Ветер ерошил облезлые перья на спине птицы, и стервятник хрипло клекотал, разевая желтый загнутый клюв.

Добравшись до очередной груды плавника, старик остановился и принялся разглядывать бревна и сучья, что-то бормоча. Концом посоха он ворошил намытый океаном мусор, бил по вырванным с корнем стволам, и тогда к реву прибоя примешивался сухой костяной стук.

Волей ветров и течений к этому пустынному берегу приносило останки деревьев со

всего света. Здесь были гигантские бронзовые сосны, что растут в полуночных странах, золотистые суковатые липы из закатных земель, черные кипарисы из полуденных краев и даже фиолетовые гладкие стволы пальм с восходных островов. Все они сильно пострадали от ярости штормовых волн, лишились листьев, ветвей; разбитые, расколотые о камни деревья превратились в убежище крабов, песчаных блох, червей и моллюсков. Не годные ни на постройку жилища, ни на починку корабля, ни даже на плот, жалкие останки некогда величавых лесных исполинов обречены были гнить среди камней, постепенно превращаясь в прах. Однако человеку в маске что-то нужно было от этого океанского мусора. Он опустился на колени, положил посох на песок и, разогнав гревшихся на солнце оранжевых ящериц, принялся руками разбирать завал из сучьев.

Когда светило начало клониться к далекому горизонту, старик воздел руки к небу и, торжествуя, пропел хвалу Запретным богам, за одно упоминание имен которых в благословенной Аталане человеку вырывали язык. Раскатистое пение вспугнуло задремавшего стервятника, но старик не обратил на птицу никакого внимания. Многодневные поиски оказались не напрасными. Он нашел искомое – кривой красный сук священного дерева хом, великого дерева хом, дерева тайн, дерева жрецов и колдунов, которое пьет не воду, а человеческую кровь и растет десять тысяч лет. Вот уже несколько столетий никто из живущих и существующих ни в пределах империи Аталана, ни в других землях не встречал дерева хом. Но старик, отправляясь в путь, был твердо уверен, что на берегах Одинокого острова, высящегося над океанскими водами там, где скрещиваются пять главных мировых течений, он отыщет то, что требовалось для совершения колдовского действия.

Ставив с плеч кожаную котомку, старик сел на песок и принялся вытаскивать из нее крохотные стеклянные бутылочки, связки кореньев, птичьи перья, кости животных, мешочки и куски разноцветных камней. За ними последовала серебряная ступка с хрустальным пестиком, стальной треногий тигель и небольшой округлый предмет, завернутый в чистую холстину.

Кремневым ножом с рукоятью в виде свернувшейся змеи человек в маске расщепил сук дерева хом и сложил на плоском камне костерок-колодец, но не стал поджигать его. Затем он начал развязывать мешочки и бросать в ступку щепотки белого и черного порошка, тщательно перемешивая все серебряной палочкой. Растерев коренья, старик добавил в ступку жидкостей из бутылочек, вновь перемешал все и ножом накрошил поверх перья, срезая лишь мягкие верхушки. Раздробленные тяжелым камнем кости также отправились в ступку. Три камешка – синий, белый и желтый – довершили набор ингредиентов, и в дело вступил пестик. Через некоторое время старик отложил потускневший пестик и пробормотал слова заклинания. Над ступкой поднялся легкий красноватый дымок. Удовлетворенно кивнув, человек в маске перелил густую вязкую массу из ступки в тигель и вызвал небесный огонь. Тот явился в виде яркого парящего шарика, разбрасывающего искры. Медленно опустившись в приготовленный колодец из щепок дерева хом, шарик родил бесплотное пламя. В воздухе, перебивая запах гниющих водорослей и вонь разлагающейся туши гринды, поплыл резкий дурманящий аромат. Старик утвердил тигель над огнем и начал вслух отсчитывать уносящиеся в вечность мгновения на давно забытом в этом мире языке Синих ведунов.

Из-под выпуклой крышки тигля вскоре повалил густой бурый дым, сменившийся дрожащим маревом, в котором то и дело посверкивали голубые молнии. Отсчитав три сотни, три десятка и еще три мгновения, человек в маске взял завернутый в холстину предмет. Развернув материю, он выкатил на сморщенную коричневую ладонь круглый зеленый камень. Сняв крышку тигля, старик бестрепетно опустил руку с камнем в кипящую массу и застонал от боли, качая головой с роняющей блики маской. Это продолжалось долго, до тех пор, пока костер не прогорел полностью и седой пепел не подернул угли. Только тогда старик вытащил руку. На костях его пальцев не осталось плоти, она дотла сгорела в тигле. Сияющий чистой зеленью камень сжимала рука скелета.

Осторожно положив изумруд на песок, старик пропел над ним заклинание на все том же забытом языке, который бездну лет назад использовали для колдовских обрядов. Наконец, закрепив камень в расщепе посоха, человек в маске с помощью крохотных резцов, извлеченных из поясного кошель-зепи, нанес на поверхность камня кольца из повторяющихся геометрических фигур и, устало опустив руки, откинулся на полупрозрачную глыбу обсидиана. В полированной маске отразились прощальные лучи уходящего на покой светила. Сипло крикнул стервятник. Птице показалось, что ее час настал, но горящий зеленым огнем камень, венчавший теперь посох, пугал падальщика.

Восемь обнаженных воинов в гребенчатых шлемах, вооруженных бронзовыми боевыми веслами, вышли из-за скал и окружили старика. Их крашенные хной бороды трепал ветер, грудь каждого украшало вырезанное на коже шрамованное изображение острова Ста Золотых Башен.

— Большие колодцы вселенской мощи гnevаются все сильнее! — крикнул старший из воинов. — В своей ярости они колеблют землю и раскалывают горы. Колдун, ты выполнил приказ императора?

Человек в маске пошевелился. Из-под полированной меди глухо прозвучал усталый голос:

— Я не отдам камень.

— Мы возьмем его силой, — с угрозой произнес вожак императорских гвардейцев.

— Тогда я сниму маску.

— И умрешь.

— Но вы тоже не выполните повеление своего господина. Лучше покиньте меня. Дни империи сочтены. Смарагд, что я изготовил, возможно, запечатает колодцы, но уже не сумеет остановить катастрофу. Время упущено. Земля Ста Золотых Башен, Великая Аталана, погибнет. Это — истина.

— Мы не верим тебе, старик. Отдай камень! — Воин вскинул боевое весло, и отточенные грани широкого листовидного клинка зажглись багровым отсветом умирающего заката.

— Хорошо, берите. — Человек в маске с трудом поднял руку, указывая на пламенеющий чистым зеленым огнем изумруд. — Берите, но только как можно скорее покидайте пределы империи. Плывите в Темные земли, на восход и на полдень, несите тяжесть знаний тем, кто ныне пребывает в счастливой легкости неведения.

Воин гордо вскинул голову:

— Мы служим императору!

— Вам уже некому служить, — в словах старика ясно слышалась усмешка. — Повелитель Ста Золотых Башен еще жив, и дворец его еще высится в круге из тридцати водных колец. Но светило не успеет закончить полный цикл своего движения, как силы, живущие в колодцах, окончательно взъярятся. Они разорвут острова империи на куски, и все поглотит бушующий океан. Клочок суши, что ныне служит нам приютом, возможно, уцелеет, но к завтрашнему закату на нем не останется ничего живого. Повторяю в последний раз, глупцы, — спешите к своему тримарану, поднимайте сразу двух змеев и уходите на восход или полдень.

Воины заколебались. Ночь, стремительно падавшая на мир, казалась им теперь полной неясной, но грозной опасности. Чувство беды сковало сердца, острый рог вырастающего из океанских вод месяца напоминал Копье Судьбы, уже занесенное для смертельного удара.

— И главное! — вдруг выкрикнул старик, выпрямляясь на дрожащих ногах. — Запомните главное! Все случилось из-за того, что мы были слишком алчны, слишком жадно качали силу! И скоро произойдет непоправимое! Идите же, безумцы! Бегите! Первый толчок уже произошел. Когда его отзвук докатится сюда, будет поздно!

Неожиданно с той стороны, где уже померк закат, подул горячий ветер. Он завыл в острых гранях глыб обсидиана, взьерошил водную поверхность, растрепал волосы старика.

— Мудрейший, — обратился старший воин к человеку в маске. — Пойдем с нами. На тримаране девять седел. Мы оставим того, кто ныне стережет судно, на берегу и уйдем к

восходу. Под двумя змеями через два цикла тримаран достигнет Континента Тысячи Рек. Твои знания понадобятся...

– Нет, – покачал головой старик. – Моя жизнь кончена. Мне не хватило решительности и ума, чтобы вразумить императора заботиться не только о дне нынешнем, но и о грядущих веках. Он хотел все и сразу. Его желание исполнилось. Сегодня повелитель получит сполна, а вместе с ним навеки сгинет весь народ Аталана, платя за алчность и властолюбие своего правителя. Я не вправе искать для себя иной судьбы. Уходите. И постарайтесь, чтобы память о Великой империи Аталана пережила ваших потомков...

Когда воины покинули берег, унося с собой камень, старик воздал хвалу Вселенской силе и Запретным богам. Потом он повернулся к стервятнику, перебиравшему когтистыми лапами по белому стволу плавника у самой кромки воды. Птица встревоженно расправила черные крылья, низко нагнула голову, не понимая, что нужно от нее этому человеку, одной ногой уже ступившему в мир мертвых. Стервятник чувствовал себя в безопасности и не спешил улетать. И тут земля содрогнулась. Зашелестел, осыпаясь со склона, песок, расселись обсидиановые останцы. Темное небо закатной стороны окрасили кровавые отблески новой зари, но это не были вестники умиротворенного засыпания светила или радостные гонцы его пробуждения. То вершился рок империи Аталана. Старик снял маску. У него не было лица, лишь сгусток голубого тумана, колышущийся в полой черепной коробке, как в чаше.

Взглянув в эту перевитую темно-синими прядями мглу, стервятник отчаянно забил крыльями, крикнул – и упал замертво, ломая кости о грани камней. Земля вновь содрогнулась, и вдруг жутко зашумел океан, стремительно отступая от берега. Вода уходила – вся. Обнажилось каменистое дно, покрытое опавшими купами водорослей и раковинами моллюсков. Ветвистые кораллы торчали, как диковинные кусты, морские звезды, черви, трепанги шевелились, пытаясь спастись от обжигающего дыхания воздушной стихии. А вода все уходила и уходила, втягиваясь в гигантскую расселину, расколовшую дно где-то далеко за горизонтом, у берегов острова Ста Золотых Башен.

– Я ненадолго переживу тебя, птица! – перекрывая шум океанских потоков, крикнул человек без лица мертвому стервятнику и поднял руку с зажатой в ней маской. Секунду он колебался, а потом повернул ее полированной поверхностью к себе, ловя отражение синей мглы.

С протяжным стоном, в котором одновременно слышались и боль утраты, и радость освобождения, старик рухнул на песок – мертвый.

Его тело пролежало у края опустевшей океанской чаши недолго. Когда минула полночь, с заката пришла исполинская волна, превышающая самую высокую гору Одинокого острова минимум втрое. Она жадно поглотила все, что попало ей на пути, и рванулась дальше, но не сумела погубить боевой имперский тримаран, на котором уходили к диким берегам Континента Тысячи Рек девять последних аталанов...

Проснувшись, Глеб несколько минут вспоминал подробности удивительного сна, ощущая себя зрителем, только что покинувшим кинозал после просмотра захватывающего блокбастера. Постепенно в памяти восстановились и события вчерашней ночи. Вернулись все страхи и опасения, противное чувство нависшей над ним угрозы прочно поселилось в голове, побуждая торопиться.

Он вскочил с постели, лихорадочно покидал в сумку трусы, носки, футболки, сунул туда же зарядку для телефона, документы, деньги и зачем-то диски с так и неотестированной игрой. Вынес сумку в прихожую, Глеб на несколько секунд замер перед зеркалом.

– Надо умыться и перекусить, – сказал он своему взлохмаченному отражению и глянул на часы. – Ого! Уже первый час! Вот так поспал...

Наскоро ополоснув лицо, Глеб сложил и убрал в сумку зубную щетку, пасту, бритву, мыло, полотенце и отправился на кухню.

– Яичница с ветчиной и кофе – как раз то, что мне нужно, – сообщил он холодильнику,

открывая дверцу.

Яйца хранились в пластмассовой коробке с ячейками. Приподняв крышку, Глеб уже протянул руку – и замер. Он хорошо помнил, что, когда последний раз делал себе омлет, в коробке оставалось пять яиц. Теперь их было шесть. Память услужливо подсказала крылатую фразу, сказанную много сотен лет назад кем-то из членов семейства известных отравителей Борджиа: «При желании отраву можно подложить даже в куриное яйцо».

Выкинув коробку с яйцами в ведро, Глеб поспешно захлопнул дверцу холодильника и громко произнес:

– Береженого Бог бережет.

Он натянул кроссовки, повесил сумку на плечо и приник к дверному глазку. На лестничной площадке было пусто. План дальнейших действий уже сложился в голове Глеба, и теперь оставалось только качественно его выполнить. Уверенный, что неизвестные «они» следят за квартирой, Глеб сделал ставку на быстроту и нелогичность своего поведения. На крайний случай он набрал на телефоне номер дежурного московского СОБРа, найденный в Интернете. На сайте МВД рекомендовалось звонить по этому номеру в случаях, связанных с нападениями, похищениями и прочими малоприятными вещами; собровцы обещали скорую и квалифицированную помощь. Теперь, если ситуация станет критической, Глебу достаточно нажать лишь одну кнопку на телефоне, чтобы соединиться с дежурным. Но это была действительно крайняя мера – вмешивать правоохранительные органы в историю с убийством Ксенофонтова и обретением изумруда он не хотел.

Погремев ключами, Глеб распахнул дверь, захлопнул ее за собой и рванул вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки кряду. Выскочив из подъезда, он на бегу постарался осмотреться, но ни «стриженого затылка», ни знакомого микроавтобуса не заметил. Выскочив на улицу, Глеб на секунду замер, оглядываясь. Как и предполагалось, автобусно-троллейбусная остановка была пустынной, но в потоке машин ехала желтая «Газель»-маршрутка. Глеб поправил сумку и отчаянно замахал рукой, сигналивая водителю. Маршрутка вильнула, едва не протаранив красный «Форд», и остановилась. Откатив тугую дверцу, Глеб ввалился в пахнущее потом и пластмассой нутро, наступая на ноги пассажирам и извиняясь, и пробрался на заднее сиденье. Повернувшись, всмотрелся сквозь забрызганное грязью стекло в машины позади «Газели». Он очень хотел засечь автомобиль, на котором «они» станут следить за маршруткой. По идее, это могла быть любая машина – припаркованная на улице, выехавшая со двора, – которая начнет движение следом за «Газелью».

И такая машина нашлась, причем не одна! Стально-серая «Нива»-длинномер вынырнула из-за остановки, а белый малолитражный «Фиат» появился в арке дома и едва ли не вплотную пристроился к маршрутке. Глебу показалось даже, что он различает лица людей в «Фиате». Это были двое крупных мордастых мужчин, что усилило его подозрения – в таких крохотных автомобильчиках обычно ездят крашенные блондинки со статусом «жена успешного менеджера средней руки».

Довольный тем, что ему удалось засечь «хвосты», Глеб передал деньги за проезд и поинтересовался у женщины, сидящей перед ним – а куда, собственно, идет маршрутка? Та, поджав крашенные губы, сухо бросила через плечо:

– В Балашиху.

В планы Глеба не входило покидать пределы Кольцевой автодороги. Дождавшись, когда «Газель» проедет перекресток со Свободным проспектом, он крикнул водителю:

– Остановите, пожалуйста!

Продравшись по узкому проходу между сиденьями, Глеб выскочил из маршрутки, не обращая внимания на нелicenseприятные реплики пассажиров. «Нива», ехавшая во втором ряду, не успела перестроиться и ушла вместе с потоком автомобилей дальше. «Фиат» обогнул «Газель» и замигал правым поворотником, явно намереваясь остановиться. Придерживая сумку, Глеб опять перешел на бег. Дворами, срезая путь и распугивая выгуливающих собак прохожих, он добрался до Федеративного проспекта, и тут ему крепко

повезло – к остановке подъехал троллейбус с аляповатой рекламой на грязном борту. В полупустом салоне Глеб осмотрелся – ни «Фиата», ни «Нивы» он не заметил и, тяжело дыша, рухнул на холодное дерматиновое сиденье, пробормотав:

– Нет, курить надо бросать. Однозначно.

Троллейбус, кренясь на поворотах и грузно оседая перед светофорами, довез Глеба до метро «Новогиреево». Это была крайняя станция желтой, Калининской, линии. На большой площади перед входом в подземку раскинулось множество ларьков и палаток, торгующих снедью, цветами, газетами, фруктами и овощами. Покинув салон троллейбуса, Глеб смешался с толпой и, скрываясь за спинами москвичей и гостей столицы, спустился в метро, где уже стоял готовый к посадке поезд. На всякий случай он трижды поменял вагоны, перебегая из одного в другой, а проехав две станции, вышел на «Авиамоторной» и перешел на противоположную сторону платформы, внимательно следя, кто еще из пассажиров проделает такой же маневр. Таковых не оказалось, и Глеб несколько успокоился. Похоже, ему удалось оторваться от «хвоста». Он сел в поезд до «Перово», там опять поменял направление и отправился в полупустом вагоне к центру города. Прикрыл глаза и сосчитал до ста, чтобы успокоиться. Нужно было максимально отдохнуть перед посещением Малых Каменщиков.

«Дом сорок один, седьмой этаж, направо», – немедленно прозвучал в голове чей-то голос.

«Да помню я, помню!» – раздраженно ответил Глеб и уже не удивился этому диалогу.

Гюрза – Вепрь:

Теленок пытается сбежать от пастухов. Продолжаем наблюдение.

Вепрь – Гюрзе:

Пора загнать его в стойло. Поторопитесь.

Он все-таки решил перестраховаться и не поехал сразу на улицу Малые Каменщики, а до самого вечера ездил и ходил по Москве, проверяя, нет ли слежки. И лишь ближе к вечеру отправился туда.

Сорок первый дом отыскался на удивление быстро, почти так же, как в гейме. Глеб выбрался из метро, покрутился в трубе-переходе под Таганской площадью, несколько раз останавливался, делая вид, что завязывает шнурки, и оглядывался. Такой способ обнаружения слежки он видел в кино. Подозрительных личностей Глеб не заметил, покинул переход и через Воронцовскую улицу и Большие Каменщики вышел к Малым. Было уже совсем темно. Холодный ветер с Москвы-реки гнал низкие облака, изредка пробрасывало ледяной крупкой. Глеб, отслеживая номера, шел вдоль по улице, натянув на голову капюшон.

Это был самый обыкновенный девятиэтажный «дом-пенек», каких много во всех районах Москвы. Он один в один походил на виденный Глебом в игре, даже матерная надпись на стене возле подъезда была точно такой же. Сложенный из бетонных блоков, посеревший от времени, дом высился над кронами желтеющих тополей, напоминая не столько построенное человеком жилище, сколько утес с заросшей антеннами-кустами вершиной.

Двор, густо заставленный гаражами-ракушками, асфальтовый пятак перед единственным подъездом, унылая детская площадка – грибок, горка, качели.

Железная дверь подъезда была выкрашена в экономичный коричневый цвет. Кодовый замок не работал, как, впрочем, и лифт. Вдохнув, Глеб начал подниматься по лестнице, озирая замусоренный подъезд с покрытыми разнообразными граффити стенами. Здесь пахло мочой, дешевым табаком, гнилью; грязные стекла пропускали мало света, а под потолком колыхалась паутина.

«Странно, – подумал Глеб, минуя третий этаж, – человек из гейма не похож на жителя

этой трущобы».

Следом пришла другая мысль, тяжелая и унылая:

«Господи, зачем я все это делаю?!»

– Потому что я сошел с ума, – вслух произнес Глеб, останавливаясь на седьмом этаже перед оббитой черной кожей дверью с «глазком».

Если жизнь твоя тосклива,
Покупай машину «Нива».
Сразу станет не до скуки —
В пятнах брюки,
В смазке руки...

Он еще раз проверил – все сходилось с виденным в гейме – и утопил кнопку звонка. За дверью мелодично залился колокольчик, и снова наступила тишина. Подождав минуту, Глеб снова позвонил. Никакого ответа.

«Ну и слава богу», – облегченно подумал он, собираясь уйти, но тут дверь вдруг распахнулась и чья-то сильная рука втянула Глеба в квартиру.

– Да какого... – возмущенно начал он, но взлохмаченный, по пояс голый парень с могучим торсом, одетый в цветастые трусы, напористо перебил Глеба:

– Это я спрашиваю – какого, мля?! Какого хрена ты тут шастаешь, а?! Я же сказал – в пятницу бабки будут, в пятницу, понял? Ваш шеф что, тупой, а? Че молчишь?

От хозяина квартиры сильно пахло перегаром и почему-то медом.

– Я, наверное, квартирой ошибся... – пролепетал Глеб, тщетно пытаясь высвободить руку. – Мне надо... Не сюда, в общем... Дапусти ты!

Парень замолчал, несколько секунд разглядывал гостя, по-прежнему удерживая его в приходежей, потом, не глядя, ткнул пальцем в выключатель. Глеб сощурился от яркого света двух бра. Ему очень хотелось пнуть этого спортсмена в голень и убежать.

– А я думал – ты из банка, – примирительно и даже несколько разочарованно, как показалось Глебу, пробормотал хозяин квартиры и наконец разжал стальную хватку, отпустив гостя.

– Из какого еще банка? – зло и обиженно сощурил глаза Глеб. – Разберись сперва, а потом уже...

– Ну, все, все, чувак. – Лохматый атлет поднял вверх обе ладони, улыбнулся, блеснув необыкновенно белыми зубами. – Виноват, ошибся. Тебе кого надо-то?

– Никого... – пробурчал Глеб и шагнул к двери. Он уже переступил через порог, но неожиданно для себя самого остановился и спросил через плечо: – У тебя на спине есть татуировка?

– Чего?! – опешил парень, выкатив глаза. – Ну, есть...

– Виноградный лист?

– А ты откуда... – Он изменился в лице, хотел что-то спросить, но оборвал сам себя: – Стоп! Ну-ка заходи... не, не в кухню. Вон, в комнату. У меня, правда, ха-ха, типа не прибрано.

В небольшой комнате стояло непонятное амбре – смесь дорогого парфюма, алкоголя, прелой травы и поношенной обуви. Стены, оклеенные явно еще советскими, розовыми в цветочек, обоями, украшали плакаты неизвестных Глебу музыкальных групп, на продавленном диване лежало смятое черное шелковое постельное белье. Рядом стоял треногий журнальный столик, помнящий, наверное, еще полет Юрия Гагарина. Столик был щедро уставлен банками и бутылками с белыми наклейками дьюти-фри. Открытую дверцу обшарпанного шкафа густо обвесили разноцветные майки, рубахи, куртки и штаны. В углу высились поставленные друг на друга серебристые хай-тек колонки. На разостланной газете, заботливо положенной на пыльный подоконник, стояли три пары очень навороченных кроссовок, дизайном и формой более похожих на космические корабли, чем на обувь.

«Налицо когнитивный диссонанс, – подумал Глеб, морщась от всего увиденного. – Как в кино про залегшего на дно уголовного».

– Че кривишься? Типа ты в атасе? Да, брат, вот так теперь живет звезда паркура Алекс Акундин. – Парень с горечью усмехнулся, тяжело рухнул на диван. – Выпить хошь?

Глеб отрицательно помотал головой.

– Ну, нет так нет. И главное – ведь тридцать штук евриков обещали, суки! – Алексей запустил огромную пятерню в густые волосы. – Я тачку взял под это дело, в кредит. «Селику» «двести вторую», спортивку. Видел, может, – во дворе стоит, красная. А они, гады, голландский мастер-класс отменили. Кризис, мать его так! Пришлось хату свою сдать и в этом гадюшнике осесть, временно. Квартиранты баблосы только в пятницу принесут, а у меня уже просрочка по кредиту идет. Точно бухать не будешь? Ну, тогда я один...

Подхватив квадратную бутылку «Баллантайнса», парень щедро набуздal в высокий стакан виски, несколько секунд смотрел на него гипнотическим взглядом, потом выпил одним длинным глотком и шумно выдохнул:

– Ф-фух! Счас полегчает. Садись, чего стоишь! Ну, рассказывай давай – чем тебя моя татуха зацепила?

Гюрза – Вепрю:

Срочно! Объект пошел на контакт с молодым сатра из числа детей клана Ксенфа. Ситуация пока под контролем. Перехожу на запасной канал связи. Жду указаний.

Вепрь – Гюрзе:

Немедленно взять обоих! Повторяю – немедленно!

Глава 5

Откровенно говоря, Глеб не был готов к такому повороту событий. Всю программу его визита на Малые Каменщики можно было описать двумя начальными словами известной латинской фразы «veni, vidi, vici». Точнее, прийти и увидеть Глеб смог. А вот дальше...

«Не буду же я рассказывать этому мажору про убийство Ксенофонта и изумруд, – собираясь с мыслями, прикидывал варианты Глеб. – А что тогда говорить? Хм... Остается тупо задвинуть телегу про переглотивший гейм, выслушать обвинение в шизофрении и уйти».

– Ну так че там, братуха? – порозовевший Алексей, которому явно полегчало после виски, подмигнул Глебу.

– Да понимаешь... Я занимаюсь тестированием компьютерных игр... – собравшись с духом, начал Глеб, ерзая на жестком стуле.

В течение десяти минут он изложил новому знакомому очень сильно кастрированную версию событий последних дней и замолчал, выжидательно глядя на хозяина квартиры.

– Как, говоришь, называется фирма, что слабала игруху? – задумчиво спросил тот.

– «Четыре В». Ну, это известная компания по производству...

– Никогда не слышал, – перебил Глеба Алексей. – И не такой уж я популярный тип, чтобы меня... Не, я еще понял бы, будь эта твоя игруха про паркур. А так... В общем, тут одно из двух: или ты с катушек съехал, или грузишь меня леваком. Я думаю, скорее первое. На психа ты здорово похож, ха-ха. Обыск, слежка. Точно – псих.

– И чего теперь делать? – тупо спросил Глеб.

– Тебе – не знаю. В Кащенко обратиться, наверное, ха-ха. А лично я собираюсь придавить на массу. Минуток двести мне явно пойдут на пользу, – широко улыбнулся Алексей, в очередной раз продемонстрировав безупречно белые зубы.

– Ну, я тогда пойду. – Глеб поднялся со стула. – До свидания...

– Пока! – отсалютовал ему рукой хозяин квартиры. – Дверь захлопни.

И тут зажужжал телефон в кармане Акундина.

– Кому еще там... – сердито нахмурился Алексей, извлекая трубку. – Да, алё? Что? Ни хрена она никому не мешает! Там до помойки метров пять! Ладно, ладно, спускаюсь.

Захлопнув крышку, он выругался.

– Тачила моя мусоровозу развернуться не дает. Переставить надо. Пошли, заодно тебя провожу, а то вдруг тебя в подъезде пасут эти твои, ха-ха, «стриженные затылки».

Натянув футболку и джинсы, Акундин прихватил ключи от машины и вытолкнул Глеба за дверь. Они молча начали спускаться по лестнице, едва освещенной падавшим в окна подъезда оранжевым светом уличных фонарей.

– Что-то не так, – вдруг совершенно трезвым голосом сказал Алексей. – Мусоровоз-то всегда рано утром приезжает, да и подъезд к помойке – с другой стороны. Никак не может моя «Селика» ему мешать. И главное – откуда у его водилы мой номер, а?

– Не знаю, – растерянно прошептал Глеб. – Может, в справочной узнал.

– Да в какой, на хрен, справочной! Тайга это, понял? Ну, засада полная. Блин, братуха, а ведь ты меня в блудню какую-то втащил.

– Да не тащил я никуда! – разозлился Глеб. – Это еще вопрос, кто из нас псих. Подумаешь, водитель мусорки позвонил...

– Тш-ш-ш! – прошипел Алексей, останавливаясь.

Глеб уперся грудью в его вытянутую руку и послушно замер. Во рту неожиданно сделалось сухо, спина же мгновенно вспотела.

– Назад! – одними губами произнес Алексей, поворачиваясь. – И ти-и-ихо!

Глеб на цыпочках начал подниматься обратно. Миновав запертую дверь квартиры Акундина, он оглянулся и увидел блеснувшие в полоске тусклого света глаза нового знакомого. Там, в глубине этих глаз, бился страх.

«Он тоже ничего не понимает», – с обреченностью подумал Глеб.

Давным-давно, еще в детстве, на даче у бабушки, он случайно увидел, как две мыши забрались в пылесос. Старый аппарат, похожий на торпеду и называвшийся «Буран», стоял за дверью. Глеб сидел в кресле и читал, когда его внимание привлек странный шорох. Оторвавшись от книги (кажется, это был Жюль Верн, «Дети капитана Гранта»), он начал оглядываться и заметил, как мыши одна за другой выскочили из чулана и напрямик побежали к пылесосу, чтобы спрятаться в черной дыре для шланга. Бабушка очень боялась мышей, и Глеб решил сделать доброе дело. Осторожно поднявшись, он снял с гвоздя шланг и быстро подсоединил его к «Бурану». Мыши бросились по шлангу наружу. Их лапки с крохотными коготками скребли изнутри полиэтиленовую трубу. Еще немного – и зверьки вырвались бы на свободу. Поняв это, Глеб включил пылесос. Услышав шум, из кухни появилась бабушка и с удивлением посмотрела на радостно приплясывающего внука со шлангом в руках. Потом, когда пылесос выключили, в полотняном мешке для сбора пыли нашли два серых трупика. Глеб посмотрел на покрытые липкой кашицей мордочки мышей – от давления у них лопнули глаза, – и его вырвало. С тех пор он терпеть не мог пылесосы.

«Мы сейчас как те мыши. Бежим по шлангу, стараемся, напрягаем силы, а в этот момент чья-то рука уже тянется к кнопке», – мелькнула безрадостная мысль.

Глеб всего лишь на секунду отвлекся, представляя себе эту руку и эту кнопку, и тут за его спиной буквально из ниоткуда возник человек в черном и прыгнул на Акундина. Алексея спасло то, что он находился на несколько ступеней ниже нападавшего. Присев, он перебросил через себя черного человека, но не удержался и полетел вслед за ним вниз, на лестничную площадку. Там сразу же завязалась борьба, молчаливая, отчаянная, с глухими ударами, надсадным хаканьем и тихими стонами. Глеб стоял над этой схваткой, точно соляной столб, не в силах двинуться с места. Он никак не мог заставить себя принять решение – броситься ли на помощь Акундину или бежать.

Бежать было стыдно, лезть в драку – страшно.

Тем временем Алексей сумел отбросить от себя нападавшего, вскочил на ноги, готовя атаку, но человек в черном, сообразив, видимо, что врукопашную ему не одолеть сильного и ловкого противника, быстро сунул руку за пазуху. Акундин совершил странный финт,

припав на руки и разворачивая корпус. На фоне окна мелькнули его ноги в белых теннисных туфлях. К Глебу отлетел какой-то железный предмет, со стуком ударившийся о бетон ступеней. Действуя скорее инстинктивно, чем осознанно, Глеб присел, пошарил рукой и сжал влажными пальцами холодную рукоять.

«Пистолет!» – понял он, обмирая.

Тяжелый, угловатый, с широким квадратным стволом и толстым глушителем, пистолет был настолько реален, настолько осязаем, грозен и страшен, что Глеба передернуло, как от разряда тока. И тут же ступор прошел. Мысли, чувства, эмоции – все рванулось с бешеной скоростью, замелькало, словно в крутящемся калейдоскопе. Глеб крепко стиснул оружие двумя руками и шагнул с верхней ступеньки...

Черный человек, потеряв пистолет, выхватил нож и сделал глубокий выпад, пытаясь достать Акундина и закончить схватку, прежде чем второй его противник успеет что-то предпринять. Узкий клинок льдисто блеснул в полумраке, полоснув по руке Алексея. Тот яростно выматерился и крикнул Глебу:

– Стреляй! Ну!!

Глеб первый раз в жизни держал в руках реальное оружие. Подняв пистолет на уровень глаз, он вспомнил читанную пару лет назад статью о теории и практике стрельбы и постарался, чтобы темный силуэт атакующего Акундина человека оказался на воображаемой линии, продолжающей ствол, после чего нажал на гладкий спусковой крючок. Но тот, вопреки ожиданиям, даже не сдвинулся с места.

– Стреляй! – снова крикнул Алексей, с трудом уворачиваясь от очередного выпада противника.

Он и черный человек танцевали на небольшой площадке завораживающий танец смерти, и было ясно – победитель в этом жутком танцевальном марафоне будет только один.

Подъезд наполнился шумом – снизу грохотали по ступенькам сразу несколько человек, чьи-то шаги слышались и наверху.

«Это как в игре, – облизнув пересохшие губы, сам себя успокаивал Глеб. – Просто нужно все сделать правильно и не суетиться. Пусть там грохочут, пусть тут машут ножом. Есть миссия. Есть оружие. Секунды бегут, но я успею. Я всегда успеваю. Итак: пистолет. Почему он не стреляет? Предохранитель потому что не снят. Это какая-то фиговина сбоку от ствола. Где? Вот это? Это? Или это?»

Лихорадочно нажимая и пытаясь сдвинуть, повернуть все, что только можно, Глеб нажал какой-то рычажок, и ему под ноги грохнулась продолговатая деталь пистолета.

«Обойма!» – искрой пролетело и кануло во тьму осознание собственной никчемности.

– Мать твою! – закричал Алексей, припав на одно колено – нападавший проткнул ему бедро и теперь готовился добить раненого.

– Второго не упустить! – загремел, отражаясь от стен, властный голос снизу.

И тогда «компьютерный мальчик» Глеб Погодин, «Супер-бета», «Виртуальный киллер» и прочая, и прочая, и прочая, совершил второй в своей жизни необдуманный поступок. Перехватив оружие за круглую трубку глушителя, он с диким воплем не прыгнул даже, а буквально рухнул с лестницы на спину черному человеку, яростно молотя пистолетом как молотком – по голове, шее, плечам...

– Все, все! Да все же, успокойся! – Алексей буквально отодрал Глеба от обмякшего тела. – Валим, быстро! Ох, черт, нога... Помогите...

Опираясь на плечо Глеба, Акундин поднялся, шепотом матерясь сквозь сжатые зубы. Глеб от неожиданности присел – Алексей оказался очень тяжелым. Они не сделали и пары шагов, как на лестнице, ведущей вниз, появился странно размазанный силуэт.

– Обложили, твари! Не уйти! – Алексей дернул Глеба обратно. – Окно!

– Седьмой этаж! – испуганно выкрикнул Глеб.

– Не бойся, я к такому варианту готовился, – произнес Акундин внезапно забасовевшим голосом и ударил кулаком в оконную раму.

Дерево затрещало и проломилось, посыпались стекла. Алексей рывком поднялся на

подоконник, потащил за собой упирающегося Глеба. Внизу виднелись освещенные фонарями крыши припаркованных у подъезда машин; мокрый из-за начавшегося дождя асфальт блестел, как лаковая кожа. Акундин выдернул что-то из кармана, швырнул вниз и уверенно шагнул в бездну, увлекая за собой Глеба. Последнее, что тот увидел, была черноволосая женщина с искаженным от ярости лицом, появившаяся на лестничной площадке.

Внизу что-то грохнуло. Ветер засвистел в ушах, сердце замерло, в горле встал упругий ком. Алексей что-то говорил, но слов было не разобрать.

«Вот и все, – подумал Глеб, зажмуривая глаза. – Только бы сразу... Только бы не мучиться...»

Но вместо ожидаемого удара о землю его тело вдруг врезалось в переплетение толстых и мягких побегов. Ощущение было такое, будто он упал на огромную подушку, батут из мясистых стеблей и листьев какого-то растения. С треском проминаясь под Глебом, этот батут затормозил падение, а затем пружинисто подбросил его и Акундина. Кожа на руках и лице вспыхнула, будто по ней прошлись теркой. Облитые терпким соком, облепленные продолговатыми листьями, но живые – живые! – они лежали в зеленой каше густейших кустов, неведь как возникших посреди обычного московского двора.

– Что... что это?.. – с трудом ворочая языком, спросил Глеб.

– Потом, после, – прогудел Акундин, разгребая ветви. – Ползи за мной!

И Глеб, упрятав поглубже все чувства – и ужас, и любопытство, и боль, – пополз, раздвигая стебли, за этим человеком, только что непонятным образом спасшим ему жизнь.

Они сползли наземь, стихли шелест листьев и треск ломающихся побегов. Донеслись привычные звуки большого города – шум машин, далекое завывание сигнализации, лай собак, приглушенная музыка и какой-то грохот. Впрочем, по поводу грохота Глеб понял сразу – это по их с Алексеем душу. Преследователи выбегали из подъезда, хлопая дверью. Они уже не таились, и от беглецов их отделял лишь пяточок непонятно откуда взявшихся на асфальте кустов.

В звуки дождливого вечера вплелось несколько приглушенных хлопков, и меж стеблей завжикали пули, с хряском раздирая листву.

– В машину, быстрее! – прохрипел Алексей, оглядываясь. – Да не та, дурило! Вон, за мусоркой стоит.

Низкая, зализанная двухдверная «Тойота Селика» спряталась в тени деревьев. Тихо пискнула отключенная Акундиным сигнализация. Глеб оббежал машину, дернул дверцу и упал на холодное кожаное сиденье.

– Все, рвем когти, – радостно выдохнул Алексей, поворачивая ключ зажигания.

Вспыхнула приборная панель, утробно заворчал двигатель. «Тойота», повинувшись воле человека, рванулась с места и красной стрелой промчалась по двору. Акундин не включил фары, но Глеб все равно разглядел несколько быстро отступивших с дороги темных фигур. Звуков выстрелов они не слышали, но, когда автомобиль уже выезжал на улицу, в заднем стекле появилась аккуратная дырочка, а подголовник пассажирского сиденья лопнул, разбросав по салону набивку.

– Че делают, твари! – выругался Акундин, скосив глаза на побледневшего Глеба. – Таковую тачилу испортили... А ты везучий. На пару сантиметров ниже – и как раз в шею бы попало. Ну, все, брат, пристегивайся. Теперь ты персонаж фильма «Тойота» уходит от погони». Саундтрек к фильму – песня группы «Тату» «Нас не догонят»... Или нет?

С этими словами Алексей включил CD-плеер, и машина едва не подпрыгнула от басовито рявкнувших динамиков. Это были вовсе не «Тату», а «Раммштайн», композиция «Ду хаст». Вжатый ускорением в сиденье, подавленный водопадом грохочущих звуков, Глеб запутался в ремнях безопасности. У Акундина они оказались нестандартными, не просто матерчатая полоса через плечо, а две широкие мягкие лямки, застегивающиеся на груди и животе. Наконец Глеб пристегнулся и на мгновение зажмурился, пытаясь прийти в себя. Когда он открыл глаза, «Тойота» уже мчалась по набережной в сторону Большого

Краснохолмского моста. Над Москвой-рекой летели клочья тумана, прошитые дождевыми струями, в темной воде плавило отражение прожекторов подсветки Дома музыки. Мимо стремительно проносились дома, столбы, припаркованные машины, одинокие прохожие – все это лишь на долю секунды возникало перед глазами и тут же исчезало где-то позади. Глеб посмотрел на светящийся красным спидометр – его новый знакомый гнал машину со скоростью под двести километров в час...

– Так все-таки что это было – во дворе? – проорал он, пытаясь перекричать «Раммштайн».

– А тебе не по херу? Тополя старые вырубали, ветки в кучу свалили! – крикнул в ответ Акундин, не отрывая взгляд от дороги.

«Какие ветки, зима же скоро?» – вспыхнула и погасла в голове у Глеба одинокая мысль.

– А что это за люди? – не унимался он, пытаясь с помощью вопросов хоть как-то избавиться от липкого страха.

– Ты че, мент?! Много будешь знать – мало проживешь! – вдруг взорвался Алексей и зыркнул на него так, что Глеб вздрогнул.

Ему на мгновение показалось, что каждая радужка Акундина заполнила весь глаз, полностью вытеснив белок, и хозяин «Тойоты» стал похож на дикого зверя, большого и очень опасного.

Глеб сморгнул, пригляделся:

«Уф, показалось. Это от усталости и нервов. Выпить бы сейчас...»

– Куда мы едем? – крикнул он.

Алексей неожиданно спокойно указал сложенной лодочкой рукой – туда, мол, вперед.

Проскочив мост, Акундин резко свернул во двор, сбрасывая скорость, завертелся по каким-то проулкам, подворотням; фары «Тойоты» то и дело выхватывали из темноты мусорные баки, алкашей на скамейках, целующиеся парочки...

«Следы замечает», – решил Глеб, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Ему безумно захотелось спать.

Гюрза – Вепрю:

Срочно нужна вся информация по сатра Акунду. На данный момент мы потеряли клиента. Пробиваем по связям.

Вепрь – Гюрзе:

Информация будет в самое ближайшее время. Я разочарован.

Гюрза – Вепрю:

Успокойтесь, ничего фатального не произошло. Рабочий момент.

Они ездили так еще часа три, петляя по Москве, пока Алексей наконец не остановил машину в глухом закутке между гаражами. Здесь было темно и тихо. Справа нависала громада многоэтажного дома, слева, за гаражами, серела огромная опора эстакады Третьего транспортного кольца.

Погасли огни на приборной панели, выключилась музыка. Салон «Селики» затопила звенящая тишина. С треском расстегнув ремни, Алексей повернулся к Глебу, открыл крышку бардачка и принялся что-то искать там, бормоча:

– Я же точно помню... Блин, да где же? Ага, вот он!

Сквозь лобовое стекло в салон проникал жиденький свет, не свет даже, а отблеск московских огней. И в этом неверном сумраке Глеб увидел, что рука Акундина сжимает раскладной нож и лезвие движется прямо к его голове.

– Ты что?! Ты что?! – Вскрикнув, Глеб забился в ремнях, тщетно пытаясь освободиться.

– Не дергайся, – с усмешкой произнес Алексей и ткнул ножом в разорванный пулей подголовник. Несколько секунд он ковырял лезвием в дыре, потом что-то скрежетнуло.

– Есть! – удовлетворенно оскалился Акундин, двумя пальцами сжимая пулю. – Тэ-экс, посмотрим, посмотрим...

Нагнувшись над рулем, он включил диодный брелок-фонарик и несколько секунд рассматривал кусочек металла, едва не отправивший Глеба на тот свет. За это время Погодину удалось справиться с замком и отстегнуться.

– Меченая! Вот ведь суки, а! – взревел вдруг Алексей. – Все, быстро рвем когти! Бегом!

– Что происходит? – пролепетал Глеб.

– Потом, потом. Вылазь!

Они выскочили в темноту. Акундин махнул рукой – за мной, и Глеб, спотыкаясь, побежал за ним вдоль гаражей. На бегу Алексей широко размахнулся и зашвырнул пулю куда-то в темноту.

– У тебя деньги есть? – спросил он, не останавливаясь.

– Ну, есть.

– Тогда айда на Каланчевку, тачку ловить. Мою они засекли и найдут без проблем. Ох, ё, готовился я к бегам, но не думал, что так шустро. А амулетик-то как чисто сработал? Не зря я за него такие бабосы отдал, эх, не зря...

– И куда потом? – спросил Глеб, предпочтя не заметить упоминания о каком-то «амулетике».

– После решим. Я замерз.

Глеб только сейчас сообразил, что Алексей вышел из дома в одной футболке, и поежился – на улице был явный минус, дождь усилился и перешел в мокрый снег.

Добравшись до пустынной Малой Каланчевской улицы, они остановились в тени бетонного забора. Алексей выбивал зубами дробь и ругался. Глеб, вымотанный дракой в подъезде, пулей в подголовнике, своими страхами, оказавшимися отнюдь не беспочвенными, и безумной гонкой под «Раммштайн», с надеждой оглядывал улицу. Сесть в теплую машину и уехать отсюда казалось ему верхом мечтаний. О том, что будет завтра, послезавтра и вообще – потом, – он думать не хотел, да и не мог.

Акундин, чтобы хоть как-то согреться, начал приседать, хлопая себя руками по плечам.

– Может, куртку мою наденешь? – предложил Глеб.

– Я ее порву, ты ж дохлак, – пробурчал в ответ Алексей. – У тебя в сумке одеяло, часом, не завалилось?

– Полотенце есть, махровое.

– Сойдет.

Обернув верхнюю часть туловища полосатым зелено-желтым полотенцем, Акундин стал похож на солдата наполеоновской «Гранд армии», отступающего из-под Москвы. В этот момент на дороге появилась одинокая «девятка». Глеб перешагнул через бордюр и поднял руку. Водитель сбавил скорость, но, заметив за его спиной экзотически одетого Алексея, дал газу и умчался прочь, от греха подальше. Вслед «девятке» понесся отборный акундинский мат.

– Ты чего выпялился? – не выдержал Глеб, невольно подражая манере нового знакомого. – Иди к забору и стой там, понял? Подойдешь, когда я договорюсь.

– Ты мне порычи еще, порычи, – с угрозой ответил Акундин, но послушно убред в густую тень.

Машину удалось поймать только спустя полчаса. Хозяину раздолбанного «Рено», классическому ночному бомбиле, было глубоко фиолетово, как выглядят его пассажиры, – лишь бы платили.

– Куда? – моргая слезящимися от недосыпа глазами, лениво спросил он.

«Поедем к Милке, – подумал Глеб. – Час на дорогу, потом перекусим и решим, как быть дальше».

Он назвал адрес, кивком согласился с объявленной бомбилей ценой и махнул

Акундину – садись.

– Мы куда? – спросил Алексей, когда «Рено» тронулся с места.

– К Милке. Это моя бывшая девушка.

– Бывшая – это хорошо, – хмыкнул Акундин. – Красивая?

Глеб хотел ответить утвердительно, но, подумав, уклончиво сказал:

– На любителя. Рыжая.

– Рыжая – это тоже хорошо, – несмотря на бившую его дрожь, засмеялся Алексей. –

Рыжие в постели – огонь! Или нет?

Ничего не ответив, Глеб отвернулся к окну. Ему не нравился этот человек, с которым его свела судьба. Судя по всему, он во всем был полной противоположностью Погодина. И то, что теперь они, как говорится, ходят в одной упряжке, Глебу тоже не нравилось...

Я в жизнь, как в воду —
Нырну с разбега,
Не зная броду,
Не видя берега.
И если свая
Ждет под водою,
Судьба такая
Страшит, не скрою.

Вепрь – Гюрзе:

Информация по Акунду будет утром. Что с клиентом?

Гюрза – Вепрю:

Все нормально, идем по следу.

К дому, где жила Милка Игнашевич, бело-желтой семнадцатизэтажке, торцом выходящей на Ленинский проспект, они подъехали только в половине шестого. Третье транспортное кольцо оказалось закрыто на ночной ремонт, а набережная у Кремля перекрыта милицией из-за аварии – какой-то обкуренный стритрейсер не справился с управлением, протаранил столб, тот рухнул поперек дороги, проломив чугунную ограду набережной и оборвав провода троллейбусной линии.

Милка вставала рано, она была классическим жаворонком, в чем тоже не совпадала с Глебом, любителем поспать. И как всякий жаворонок, утром девушка имела отличное настроение и видела все в радужном свете. «Никаких проблем не будет», – уверил себя Глеб и набрал номер квартиры на пульте домофона.

Под заунывные сигналы, доносящиеся из решетчатого динамика, он начал прикидывать, что станет говорить бывшей подруге. Перебрав в уме разные варианты, решил остановиться на самом простом:

«Мила, привет. Мы с товарищем – кстати, познакомься, Алексей – попали в неприятности. Мы поживем на твоей даче пару дней?»

Про дачу Глеб придумал только что, и это был, пожалуй, самый надежный вариант укрывища. Дело в том, что бревенчатый деревенский дом под Александровом принадлежал двоюродной тетке Милки, очень пожилой и грузной женщине, которая давно уже не покидала своей московской квартиры. Дачу она щедро отдала в распоряжение племянницы, пообещав, что после смерти дом отойдет Милке в собственность.

«Никто ни по одной базе данных не сможет вычислить нас на этой даче», – окончательно уверился в своем решении Глеб.

– Че твоя подруга, подмывается, что ли? – грубо спросил Акундин, пританцовывая от холода у подъездной двери. – Ты ж сказал, что она уже не спит...

Пожав плечами, Глеб перенабрал номер – с тем же результатом. Милки, судя по всему,

не было дома, а это значило, что девушка ночевала где-то в другом месте. Глебу стало на мгновение очень неприятно, но он сам не понял, почему...

Москва просыпалась. В домах зажигались огни, дворы наполнялись бодрым шарканьем дворничьих метел, из подъездов выходили люди с помятыми лицами, спешащие на работу. Милка появилась со стороны улицы. Голубая дутая курточка, спортивная сумка через плечо, рыжие волосы собраны в задорный хвостик – девушка бодро вышагивала по асфальту, стуча каблучками. Заметив Глеба, она улыбнулась:

– Су-уперский, ты! Каким ветром?

– Ты где была? – хмуро спросил Глеб.

– Да с девчонками тусили на покрутонах, – беззаботно отмахнулась Милка, но, словно вспомнив о чем-то, свела к переносице треугольные бровки: – А ты что, волновался? Волновался, да? Су-уперский, ты, может быть, даже ревнуешь?

Глеб не нашел ничего лучше, как глупо промямлить:

– Ничего я не ревную...

И тут в разговор вступил Акундин. Он весь преобразился, перестал дрожать, изящно перекинул полотенце через согнутую руку и изобразил галантный полупоклон.

– Девушка, вы прекрасны, как рассветное солнце на Ривьере. Не удивлюсь, если мой угрюмый друг в минуты страсти роковой именвал вас именно так – Солнышком. Кстати, позвольте представиться: Алексей, обладатель Кубка Москвы по паркуру. Позвольте вашу сумочку. О, я чувствую запах керосина! Вы увлекаетесь пойстингом? Что крутим? Аккордеоны, манкифисты, роллы? Или вы работаете со стаффами? А может, с пальчиками?

– Нет, что вы, – сощурила глаза Милка, в улыбке показывая мелкие зубы. – Я только учусь. У меня носочки-треники.

– На «Болоте» крутите? – Акундин полуобнял Милку, увлекая к двери и перейдя на доверительный бархатный басок. Девушка хихикала, звеня ключами.

– Обычно на «Болоте», там все рупоисты собираются. Иногда в Цэпе катаемся, но там сейчас сыро. Вы голодные, наверное? У меня борщ есть и салат. Су-уперский, ты чего застрял?

Последняя фраза относилась к Глебу, который потерянно топтался в стороне, от злости крепко стиснув зубы. Он не нашел ничего лучше, как спросить в ответ:

– А тебе разве на работу не надо?

– Ну что ты, Су-уперский, – рассмеялась Милка. – Совсем потерялся в своем вирте. Какая работа – у меня ж вольный график!

...Они сидели на чистенькой Милкиной кухне. Глеб уныло ковырялся ложкой в тарелке с борщом, исподволь наблюдая, как Акундин обволакивает рыжую хозяйку вниманием, ловко и умело расставляя разнообразные словесные силки, ловушки и западни. Алексей явно был докой по части слабого пола, причем большим докой, куда там Андрюхе-Брюхе с его «девушка, вы любите оргазм?». Больше всего Глеба бесило, что Милка, весело хихикая, точно крыска за Гамельнским крысоловом, покорно шла в эти ловушки, увязая в трясине профессионального флирта все глубже и глубже.

– Хватит жрать, – бухнул наконец Глеб, отодвигая тарелку. – Милка, нам...

– Фи, Су-уперский, какой ты грубый, – сморщила носик девушка. – Если ты наелся, это же не значит, что все остальные тоже. Алеша, вам налить добавки?

– Солнышко, мы же договорились – на «ты», – осклабился Акундин. – От добавки не откажусь, тем паче что борщ вкуснейший. Ты – отличная хозяйка, мои респекты и тонна зависти будущему супругу.

Милка смущенно хихикнула:

– Это по рецепту моей мамы. Она из Белоруссии, там все так варят.

– «Молодость моя – Бе-ло-рус-си-я», – пропел Акундин, принимая из Милкиных рук наполненную тарелку. – Слышь, Глеб Погодин, ты чего сычом сидишь, волком глядишь? Иди покури, что ли... С тобой рядом кусок в горло не лезет.

– А ты не жрать сюда... – начал Глеб и осекся, поймав Милкин укоризненный взгляд.

Не выдержав, он вскочил и заорал: – Да пошли вы! «Сю-сю, Солнышко, му-сю-сю, отличная хозяйка». Тьфу, уши вянут!

И с грохотом отодвинув стул, ушел на лоджию – ему и впрямь до невозможности захотелось курить.

Спустя минуту туда притопап Акундин, завернувшийся в коричневый клетчатый плед. Он повязал его крест-накрест, стянув на груди узлом. Получилось что-то вроде безрукавки и мексиканского серапе одновременно. Странно было то, что Глеб не увидел крови от ран, которые нанес человек в черном Акундину. И Алексей уже почему-то совсем не хромал.

– Ты чего психуешь, боец? – сыто жмурясь, спросил он. – Я же ничего такого не делаю. И потом – сам же сказал, что Солнышко – твоя бы-бывшая.

Слово «бы-бывшая» он произнес в Милкиной манере, растягивая гласные.

– Она тебе не Солнышко! – процедил Глеб. – И плед этот, кстати, я ей подарил, понял?

– Дурак ты, Глеб Погодин, – отмахиваясь широкой ладонью от сигаретного дыма, зевнул Алексей. – Такая девка, самый сок – а ты быкуешь, красный вон весь, как омар. Не ссы, все путем будет. Давай лучше обмозгуем, что дальше делать. Ситуевина-то хрено...

Он замолчал, привлеченный чем-то внизу, во дворе. Крепко, до боли сжав плечо Глеба, Алексей перегнулся через край лоджии – и тут же отпрянул.

– И тут достали! Глубоко роют. Все, по коням!

– Что там? – Глеб, похолодев, тоже намеревался глянуть вниз, но Акундин уже тащил его в комнату, на ходу бормоча:

– Во влипли так влипли...

Они, толкаясь плечами, лихорадочно обувались в тесной прихожей, когда из кухни вышла Милка с мокрыми руками – девушка мыла посуду.

– Ой, мальчики, а вы куда?

– Потом расскажем, Солнышко! – фальшиво улыбаясь, заверил ее Акундин. – Очень нам сейчас нужно в одно место.

– Дверь никому не открывай, если что, вызови милицию! – уже из подъезда крикнул Глеб и тут же повернулся к Алексею: – Они ей ничего не сделают?

– Я-то откуда знаю, – буркнул тот, шагая к лифту. – Твои ж догонялы.

Но, увидев, как Глеб враз потемнел лицом, мягко добавил:

– Думаю, девка им без надобности. Они нас как-то чувят, врубаешься? На нас маячок есть какой-то. Пуля, что в машине, меченая была – это понятно. А у нас-то что? Или...

Он развернулся, схватил Глеба за отвороты куртки и тряхнул:

– Ты же мне не все рассказал, так? Добавить ничего не хочешь?

– Не хочу, – бестрепетно глядя в глаза Акундину, ответил Глеб. – Не хочу, но придется. Только не сейчас – история у меня длинная.

Зашумел лифт – кто-то, хотя почему кто-то – понятно кто! – вызвал кабину. Подъезд наполнился шорохами, сдержанным гулом – это снизу поднимались поимщики. Глеб вспомнил о «швейных машинках», пистолете, ноже и поправил себя: «Не поимщики, а убийцы!»

– Пошли наверх. Будем уходить через крышу, – распорядился Алексей. – Давай, братуха, шевелись!

Когда они добрались до последнего, технического этажа, у Глеба сердце буквально выпрыгивало из груди. Он пытался не отстать от длинноногого Акундина, но в итоге проиграл тому два лестничных пролета.

– Курить бросай, вставай на лыжи, – усмехнулся Алексей, перевязывая узел пледа. Во взгляде, который он бросил на задыхливо присевшего на ступеньки товарища, явственно читалась неприязнь.

Железная дверь, ведущая на чердак, была заперта на увесистый навесной замок. Чуть выше белела бумажка – в свете борьбы с терроризмом все подсобные помещения жилых домов были опечатаны таким вот немудрящим способом.

– А дальше как? – приуныл Глеб.

– А дальше – так! – уверенно шагнул к двери Акундин.

Его и без того широкая спина вдруг точно раздалась, ноги изогнулись. Огромные ручки вцепились в замок, и через мгновение он вместе с выданным пробоем полетел на пол. Пинком распахнув дверь, Алексей махнул рукой:

– Погнали! Шевелись, боец, шевелись!

Вепрь – Гюрзе:

Сатра Акунд. Полных лет двадцать семь. Родители неизвестны. Предположительно, погибли в ходе Десятилетней войны. Принадлежит к так называемой группе «детей клана Ксенфа». Получил образование в Школе клана. Магические способности – ниже среднего.

Приметы: высокий, темноволосый, кожа смуглая, глаза карие. Особых примет нет.

Дополнительные сведения: ловок, подвижен, легок в общении, необязателен, импульсивен, азартен. Ведет беспорядочный образ жизни, склонен к случайным связям с женщинами из числа «коричневых». Среди сатра заслужил дурную репутацию забияки.

Основной заработок вне Пелены: работа инструктором по паркуру. Слабые способности к магии компенсирует отличным владением как холодным, так и огнестрельным оружием. Имеет высокую апелиду (степень) в боевом искусстве копоэйры – контра-местре.

Как продвигаются дела? По возможности возьмите Акунда живым. Он мне нужен.

Гюрза – Вепрю:

Ведем клиентов по остаточному магическому следу. Видимо, артефакт хранится вне блокирующего футляра. При удобном случае постараемся взять Акунда в соответствии с вашими пожеланиями, но – никаких гарантий дать не могу.

О том, что такое паркур, Глеб имел самые смутные представления: ну, есть такие парни в бриджах и кроссовках, бегают по городу, прыгают через парапеты, умеют не хуже Джеки Чана перемахнуть через любой забор, взобраться на крышу гаража или трансформаторной будки, сигануть с нее вниз, сделав сальто или какой-нибудь другой кульбит. Вроде соревнования по этому самому паркуру проводятся. Судьи намечают трассу, участники выходят на старт – и вперед. В какой-то молодежной телепередаче видел Глеб и короткий мастер-класс по паркуру, который проводил очень похожий на Акундина (а может, это он и был?) молодец, рассказывавший и показывавший, как надо перепрыгивать через заборы и взбираться на козырьки подъездов. В общем и целом паркур не казался Глебу чем-то таким, явлением, событием в жизни человечества. Просто очередная придурилка скучающей молодежи в обществе победившего потребления, типа скейтбординга или хип-хопа. Урбанистическая субкультура. Практическое применение имеет весьма своеобразное – паркур хорош, когда нужно быстро убежать от стражей порядка или враждебной молодежной группировки.

Но это все была теория, знания, почерпнутые из Интернета и телевизора. Оказавшись вслед за Акундиным на крыше, Глеб воочию увидел, что такое паркур.

– Делай, как я, – бросил через плечо Алексей и превратился в тень, стремительно заскользившую между бетонных надолбов вентиляционных труб, лифтовых будочек, антенн и прочих технических объектов, превращающих крышу обычного жилого дома в настоящую полосу препятствий.

Глеб некоторое время пытался держать Акундина в поле зрения и следовать его маршрутом, но, в очередной раз споткнувшись об антенную растяжку и больно ударившись коленом, плюнул и пошел так, как ходят по подобному неудобью все нормальные люди – перелезая через все, что ниже груди, и огибая прочие препятствия.

Акундину пришлось вернуться за Глебом.

– Ты охренел, дорогой товарищ?! – с ходу обрушился он на Погодина. – Они уже на техническом этаже, а ты телепаешься тут, как беременный утконос.

– Почему... ут... утконос? – задыхаясь, спросил Глеб.

Вместо ответа Алексей ухватил его за шкурку и одной рукой втащил наверх, пробормотав что-то про бога, который преподнес ему невероятный по ценности подарок, навьючив в напарники такого вот тюфяка.

– Видишь вон ту будочку?

Глеб кивнул.

– Это вход в крайний подъезд. Иди туда. Дверь я вышиб. Спустись до лифта, сядь и отдыхай. И еще – дай-ка мне телефончик свой...

– А ты? – Глебу очень хотелось отказать, но он не посмел или просто не хватило дыхания.

– Схожу гляну, что ж за персонажи нас гоняют. Не бойся, со мной все будет в порядке.

Глеб вновь кивнул. Теперь, после увиденного на крыше, он и вправду не боялся, что с Акундиным что-то случится. И еще он понял, что такое настоящий паркур...

Алексей вернулся через несколько минут.

– Валим! – коротко приказал он и загрохотал вниз по лестнице, на ходу набирая на мобильном чей-то номер.

– Алё, Додсон? Это Алекс. Извини, что разбудил. Нам с чувачком надо занырнуть по-глухому. Да, все по-взрослому. Требьен. Жди.

– А нас... нас не перехватят там... внизу? – изо всех сил стараясь не отстать, спросил Глеб, когда Акундин закончил разговор.

– Машин было две. Пятеро на крыше, я их покрутил-повалюлял маленько, ха-ха. Еще трое маячили вдалеке, они не успеют. Плюс два водилы. С ними, если что, я разберусь, а стрелять прямо там они не осмелятся. Прорвемся, боец. Наддай!

Они выскочили из подъезда и свернули за угол. Никто не пытался их задержать, никто не преследовал.

– Тачку лови! – сказал Акундин. – Нам надо на Якиманку.

Додсон, оказавшийся бледным, наголо бритым крепышом с модной бородкой, включил свет и отпер ржавую дверь, ведущую в подвал старого двухэтажного особняка, соседствующего с фешенебельным «Александр-хаусом».

– Алекс, там плита на роликах. Ну, ты помнишь. Спуститесь – и задвиньте за собой, чтобы мама родная не заметила.

– Все сделаем, как в аптеке, – с серьезным лицом кивнул Акундин.

– Давай, браза. Удачи тебе. Если кто будет интересоваться – я ничего не видел, никого не знаю. Но маякну на форуме в теме «Снаряжение» – мол, приходил покупатель, интересовался диггерской каской с двумя фонарями. О'кей?

– Спасибо, браза! Сочтемся.

Акундин, а следом за ним и Глеб пожали Додсону руку и спустились в подвал. Плита, о которой говорил крепыш, обнаружилась в самом углу обширного подземелья. Чугунная, толстая, она со скрежетом ушла в стену, открывая темный вертикальный лаз с железными скобами-ступенями. Глеб включил полученный от Додсона налобный фонарик, нагнулся над лазом.

– Глубоко...

– Лезь давай, – поторопил его Алексей.

Хватаясь руками за мокрые, изъеденные коррозией скобы, Глеб услышал, как Акундин задвинул плиту. Сверху посыпался мусор, кирпичная крошка, ржавчина.

Очутившись внизу, Глеб завертел головой. Синеватый луч налобника выхватывал из темноты низкие каменные своды, позеленевшие от времени, слякоть на земляном полу, пятна плесени, груды заросшей белыми грибами гнили. Сырой, тяжелый воздух содержал очень мало кислорода, приходилось дышать открытым ртом. Впрочем, это было даже к лучшему, так меньше чувствовался тошнотворный, густой запах тухлятины, неподвижно стоящий в подземелье.

– Нравится? – усмехнулся Акундин, спрыгнув в грязь рядом с Глебом.

– Мы что, вот тут будем прятаться?

– Жить захочешь – и в заднице у дьявола сныкаешься, – без тени улыбки ответил Алексей, подтягивая узел пледа. – Ладно, пошли. Нам еще топать и топать.

В низком тоннеле, которым брели Глеб и Акундин, гуляло эхо. Оно отражалось от каменных стен, дробилось на множество отзвуков, шелестело, забивая уши тяжким гулом, в котором слышались голоса давно умерших людей, когда-то, столетия назад, вырывших и обустроивших эти катакомбы. Тоннель вел под Москвой-рекой куда-то в сторону храма Христа Спасителя. Изредка попадались боковые ответвления, мрачные отнорки, перекрытые коваными, насквозь проржавевшими решетками.

– Тут где-то, наверное, и спрятана знаменитая «Либерия», – невольно понижая голос, сказал Глеб.

– Чего? – откликнулся идущий впереди Акундин.

– Библиотека Ивана Грозного.

– Если что и было, все давно превратилось в слизь, сгнило и пропало, – ответил Алексей. – Тут черви знаешь какие? В палец толщиной и длиной с руку. Человека обгладывают за ночь до костей. А крысы...

– Да ладно – крысы, – поежившись, нарочито бодро усмехнулся Глеб. – Чем они тут питаются-то?

– Мудакими вроде нас с тобой. Стой!

Акундин указал лучом налобника на проход, уводящий в сторону от основного тоннеля. На закопченной влажной стене Глеб заметил глубоко вырезанный в известняке знак: крест в круге.

– Нам туда, – сказал Алексей. – Слушай, что у тебя все время брякает, а?

– Замочек на куртке, – неуверенно ответил Глеб. – У него висюлька такая.

– Оторви. Задолбало уже – звяк-звяк.

Глеб зажал замок «молнии» в кулаке, на всякий случай подпрыгнул, проверяя, и отчетливо услышал тихий стук.

«Это не замок. А что тогда? Изумруд! Футляр открылся, камень выкатился из него и стучит», – догадался Глеб.

Он сунул руку в карман и нащупал пальцами гладкую и почему-то теплую поверхность камня. Не доставая изумруда, Глеб запихнул его в футляр и защелкнул крышку.

– Стой! – снова скомандовал Акундин. – Тихо! Тш-ш-ш!

– Что случилось? – еле слышным шепотом спросил Глеб.

– Не знаю... – Впервые с момента их знакомства в голосе Алексея послышалась неуверенность. – Как будто тише стало. Или темнее. В общем, хрень какая-то произошла...

Несколько секунд он стоял на месте, озираясь и прислушиваясь. Но кипучая натура в конце концов взяла верх над осторожностью, и Акундин тряхнул закудрявившимися от влажности волосами:

– Ладно, фигня это все. Пошли, до бункера уже немного осталось.

Это и вправду был бункер, настоящий, выстроенный, судя по датам на оборудовании, в конце пятидесятых годов на случай ядерной войны. Чтобы попасть внутрь, Глебу и Алексею пришлось вновь спускаться в вертикальную шахту, а потом прыгать с трехметровой высоты на кучу заботливо уложенных матов.

– Это диггеры постарались, – кивнув на маты, пояснил Акундин. – Тут у них убежище.

Глеб прошелся по бункеру, разглядывая толстенные двери с запорными штурвалами, бетонные своды, кабели, аккуратно уложенные на крюках-держателях, эбонитовые телефоны, попадавшие через каждые десять метров, пол, выложенный дырчатой металлической плиткой, лампочки в сетчатых колпаках. Аппаратура для фильтрации воздуха не работала, телефонные трубки молчали, в кранах не было воды, но электричество каким-то образом поступало в этот реликт давно завершившейся «холодной войны».

– Наверное, просто забыли провод какой-нибудь обрубить, – пожал плечами Акундин в ответ на вопрос Глеба и добавил: – Ничего не трогай. Это комната для совещаний. Вон

дверь, а за ней комната отдыха. Там сухо и тепло. Выбери себе кушетку – и спи. Сюда никто не пролезет, я люк запер.

– А ты куда?

– Никуда. Посижу вот пару минут, помедитирую, ха-ха. Иди, тебе выспаться надо. Не забудь, с тебя еще «длинная история».

Глеб хмыкнул и отправился в комнату отдыха. Уже улегшись на жесткую кушетку – бункер был меблирован чрезвычайно аскетично, – в проеме не до конца прикрытой двери он увидел, как Акундин, сидя на корточках и сжав виски ладонями, раскачивается из стороны в сторону, что-то бормоча под нос. Потом усталость взяла свое. Глеб словно провалился в непроглядную пропасть...

И вновь ему пригрезился странный, удивительный сон.

Золотые масляные лампы, изготовленные специально для Повелителя Ойкумены, давали мало света, и в углах восьмигранного походного шатра залегли густые тени. Тускло поблескивало золотое шитье на парчовых занавесях. От запахов благовоний кружилась голова. Александр взъерошил волосы и стер со лба внезапно выступивший пот. Бешено колотилось сердце, руки сделались слабыми, точно у ребенка. Опять приступ! С трудом приподнявшись на лежанке, Царь царей потянулся к кувшину с вином. Сил наполнить кубок не осталось, и Александр, как простой пастух, припал к краю кувшина, глотая тягучую сладкую влагу в надежде, что она вернет былую мощь его телу. Он всегда пил вино неразбавленным, как и все македоняне. Греки за это называли своих северных соседей варварами. Где сейчас надменная греческая гордость? Там же, где и былая слава Персидской империи – у подошв его сандалий.

Глеб на мгновение удивился, откуда он знает столько, ведь никогда не интересовался этими делами, но удивление ушло, и он вновь потерял себя, растворился в видении...

Оторвавшись от кувшина, Александр повалился на подушки, заскрипел зубами. Проклятие! Через несколько дней его непобедимое войско должно выступать в поход. Непокорная Аравия ляжет под пяту Повелителя Вселенной, как легли десятки иных стран. Будут новые битвы, будут новые города, завоеванные его непобедимой армией. Будут и новые колодцы божественной мощи. Но, во имя Зевса, как он поведет в бой гетайров, если у него нет сил поднять руку, чтобы ударить в медный щит и вызвать слуг?

«Колодцы Вавилона отвергли меня! – В отчаянии Александр скомкал слабеющими пальцами шерстяное покрывало. – Равно как и колодцы других городов. Камень, проклятый камень! Без него мне не вкусить божественной силы, не испытать земной мощи, что вновь позволит показать всем народам, что я, Александр, – Великий и равных мне нет среди живущих».

Горячее винное тепло побежало по жилам, отяжелив веки. Дрема пришла исподволь, как осенние тучи с гор. Александр начал дышать ровнее, пальцы разжались. Он погрузился в воспоминания, точно в прохладную воду бассейна для омовений...

Камень, удивительно крупный изумруд с круговыми насечками, ему подарила мать, царица Олимпиада, когда юному Александру едва исполнилось восемь лет.

– Это Слеза Зевса, – сказала тогда она.

– Разве Громовержец может плакать? – удивился Александр.

– Да. Но он делал это лишь однажды, когда скорбел о смерти своего сына и твоего предка Геракла. Это тайна, поэтому никогда и никому не показывай камень. – Мать помолчала и добавила: – Если древние сказания не лгут, то камень принесет тебе все, чего ты только пожелаешь!

С тех пор он никогда не расставался с изумрудом, хотя до конца понял, что это за камень, только когда остался за отца управлять Македонией. Змеиное отродье, фракийцы из племени медов, подняли восстание, и их войско пошло на столицу страны, Пеллу, грабя и предавая огню все на своем пути. Александр тогда собрал воинов отца и повел их в бой, уверенный в победе. Уверенность эта росла час от часу и ко дню битвы укрепилась в нем

настолько, что он первым бросился на врага, увлекая за собой остальных бойцов. Меды были вырезаны все, до последнего человека. Вернувшись в Пеллу, Александр вдруг почувствовал страшное опустошение. Он буквально валился с ног, побледнел, и испуганные советники отца решили, что сын царя ранен или отравлен. Но это был не недуг. Повинуясь указаниям матери, Александр спустился в пещеру на окраине города и там впервые вкусил земной мощи из колодца богов. Когда он вновь обрел силы, мать сказала:

– А теперь возьми в руку Слезу Зевса и своим именем запечатай колодец. И покуда ты не пожелаешь, этим источником не воспользуется никто.

– Кто еще знает о колодце? – спросил Александр.

– Твой отец, – усмехнулась Олимпиада. – Но я выкрала у него камень, и больше он не сможет черпать здесь силы для своих бессмысленных походов, для всех этих девок из покоренных стран и бесстыдных пирушек.

Отец... Станный человек, так и не понятый Александром до конца. Станный – и страшный! Как он ревел, как рубил мечом равнодушные камни у входа в пещеру, когда вернулся из похода! Но боги не открыли ему пути к колодцу. Филипп слабел, и слабость будила в нем все большую ярость. Он убивал друзей, придворных, слуг, коней, собак и сжег собственный дворец. Отвергнув мать Александра, царь спал с наложницами из покоренных областей Эллады, затем женился на юной Клеопатре, дочери вассального царька Аттала. А потом... Потом отец умер, умер на мече, как и подобает всякому царю из рода богоподобного Геракла. И Аид ведаёт, кто направлял этот меч – рука телохранителя Павсания или воля Александра.

– Нет! – выгнувшись дугой на лежанке, прохрипел Царь царей. – Я не убивал его! Это все персы, это все Молос, это все мать...

На крики в шатер вбежали слуги. Александр обвел их мутным взглядом, потребовал еще вина и велел убираться.

Слеза Зевса пропала во время перехода через пустыни Гедрозии, когда войско Александра возвращалось из Индии. Во время страшной песчаной бури, в которой погибло несколько тысяч воинов, Александр оказался погребенным под слоем песка. Тогда и исчез камень. И колодцы божественной мощи, запечатанные именем Повелителя Ойкумены, стали ему недоступны, а новые нужно было завоевывать. И тогда он решил идти на Аравию.

Вновь воспоминания унесли его в прожитое, в то время, когда он был еще совсем молод и полон сил. После трех лет боев и походов его армия перешла реки Тигр и Евфрат, вступив, наконец, в коренную Персию – на мидийские равнины. К тому времени были найдены и щедро поделились с Александром мощью богов десятки колодцев. Все их он запечатал своим именем с помощью Слезы Зевса. Все они отныне принадлежали лишь ему одному.

Владыка Персии Дарий собрал величайшее в истории войско, чтобы остановить дерзкого македонянина. Глупец! Он не знал, что нельзя противиться мощи богов. У деревни Гавгамелы Александру принесли весть о персидской армии.

– Вперед! – весело приказал молодой царь. – Поторопим наших коней, чтобы победа не смогла ускользнуть!

Ночью в палатку к Александру пришел Парменион. Старый, верный пес Парменион, который водил в бой конные илы македонян еще при Филиппе.

– Вся равнина между Гавгамелами и Арбелой освещена огнями персидского войска, – с тревогой сказал он. – У нас всего семь тысяч гетайров и менее тридцати тысяч сариссофоров. Нам не одолеть Дария в открытом бою! Царь, давай нападём сейчас, внезапно, пока персы не выстроились в боевые порядки и...

– Я не краду победу! – рассмеялся Александр, под плащом поглаживая изумруд. – Ступай. Перед битвой нам всем нужно выспаться.

И он действительно уснул, и сон его был легок, светел и крепок. Так крепок, что, когда на рассвете тот же Парменион, удивленный отсутствием царского приказа к построению войск, явился в палатку, Александр все еще спал.

– О царь, почему ты спишь сном победителя, когда сражение – впереди? – спросил военачальник.

– А что? – улыбнулся ему Александр. – Разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу, хотя бы потому, что не должны более бродить по этой огромной и пустынной стране, преследуя уклоняющегося от битв Дария?

А потом был день. И было сражение, которого еще не знала история.

– Гавгамелы и Арбела станут моими Левкетрами и Мантинеями, – заявил Александр, разводя отряды пеших и конных воинов на позиции.

– Эпаминонд беотийский был великим воином, – осторожно согласился Парменион, – но он воевал со спартамцами, у которых не было такого подавляющего перевеса в людях...

– Число врагов не имеет значения, – перебил его царь. – Важно правильно распределить силы. Гетайры и гипасписты встанут на правом фланге. Все илы и хилиархии, все до единого. Я сам поведу их. Ты возглавишь остальное войско и будешь биться насмерть – это мой приказ. Собери всех, кого только можно, до последнего пельтаста. Сариссофоров выстроим в центре, легкую конницу разместим позади них. Лагерь бросить! Если мы победим – он не достанется врагу. Если потерпим поражение... Зачем нам тогда лагерь? Во имя Зевса и пращура нашего Геракла – за дело!

Когда огромная масса персов, поддерживаемая колесницами и слонами, устремилась на македонян, Александр сразу бросился в передние ряды, отвагой и мужеством подавая пример остальным. Соединенная мощь божественных колотцев бурлила в нем, переполняла, делая движения стремительными, как полет коршуна, а удары – неотвратимыми, как бросок кобры.

Воины шли за царем, не думая о смерти, и их встречный натиск устранил персов, заставил остановиться и отступить. И тогда Александр сам ринулся на сонмище врагов, круша все на своем пути. О, как вопили воины Дария, отчаянно пытаясь избежать смерти от мечей и копий македонян! Хрипели кони, роняя с морд пену на пропитанную кровью землю. Даже боевые слоны устремились ярости Александра. Их трубный рев потряс поле битвы, и это было подобно пению божественных труб, возвестивших Дарию о начале конца его царствования.

Парменион выполнил приказ царя. Он выстоял под ударами персов ровно столько, сколько было нужно, чтобы гетайры Александра разметали конницу Дария, вышли в тыл персидской армии и ударили в самое ее сердце. Это был решающий момент сражения. Скифская конница Дария, обойдя фалангу, вышла к лагерю македонян. Не встретив там ни одного человека – Парменион поставил в строй даже кашеваров и погонщиков ослов, – скифы принялись грабить обоз вместо того, чтобы атаковать врага.

Александр во главе своей агемы, где были только лучшие и преданные всадники и сам Черный Клит, почти пробился к колеснице правителя Персии и даже видел его – крупного бородатого мужчину в высоком золотом шлеме. В грохоте битвы, в треске копий, в звоне мечей и пении стрел их взгляды на мгновение встретились, и Дарий увидел глаза своей смерти. Уже не думая о войске, он обратился в бегство, а следом побежала и вся армия. Македоняне гнали персов всю ночь, до рассвета, пока их кони не начали плакать и падать от усталости...

Память о пережитом триумфе разогнала застоявшуюся кровь. Александр очнулся и, раздувая ноздри, сел.

«Сейчас позову Пармениона, Черного Клита, Филоту, Гефестиона, Еригея, Никанора, Птолемея, Гермоя, Деметрия... Выпьем вина... Нет, не просто выпьем – мы напьемся допьяна, надеремся, как бывало! Пусть зажарят десять быков – Царь царей будет праздновать победу над своими врагами!»

– Врагами... – вслух проговорил Александр. – А кто мои враги? И где мои друзья?

Беспошадная совесть немедленно напомнила:

«Пармениона ты велел казнить по подозрению в заговоре. А Филоту, сына старого полководца и твоего друга, казнил еще раньше. Помнишь, как его пытали, чтобы добиться

имен других заговорщиков? Помнишь, как под ударами бичей мясо слезло с его костей? Но он молчал, ибо не хотел оговаривать безвинных, потому что никакого заговора не было!»

– Замолчи! – крикнул Александр.

«А другой твой друг, Черный Клит... Верный Клит, надежный Клит, Клит-спаситель. Где он? Ты убил его! Сам, своей рукой! И за что? За правду. За слова, которые он передал тебе от имени ветеранов войска, – что царь слишком увлекся пирами и женщинами, забыв о тех, кто погибал за него по всей Азии...»

– Замолчи! – прохрипел Александр.

«Гефестион умер в Экбатанах всего восемь месяцев назад. А знаешь, почему он умер? Его убило вино, которым он напивался допьяна всякий раз, когда слышал, что царь забыл о своем верном друге и не хочет его видеть. А знаешь, сколько раз он слышал это? Каждый день, дважды в день, трижды в день!»

– Замолчи! – выдохнул Александр.

«Еригей, Никанор, Птолемей, Гермолай, Деметрий... Никто не явится на твой зов. Все они мертвы. Их убил ты. Твоя воля, твои желания, а иногда и твои прихоти. За что ты казнил Гермолая? А Деметрия? А помнишь ли ты юного Филиппа, сына Агафокла из Пеллы? Того самого, что умер от изнеможения, потому что ты приказал ему бежать за твоим конем, держась за стремя, а он был так предан тебе, что не смел ослушаться? Ты – убийца друзей...»

– Боги... – прошептал Александр из последних сил. По его впалым щекам потекли слезы. – Я стал как отец, когда у него... Когда я запечатал колодец в Пелле. Значит, и мой смертный час близок...

Через три дня Повелитель Ойкумены, Царь царей, богоподобный Александр Великий умер. Последними его словами были:

– Проклятый камень...

«Удивительно, – зазвучал в голове Глеба бесстрастный голос. – Он умер, так и не поняв, что был одним из величайших магов в истории человеческой расы».

«Кто? Александр Македонский? Магом? – удивился Глеб. – Но какая же это магия, у него просто был талант полководца и стратегическое мышление...»

«Не надо быть глупцом и отвергать очевидное, – прервал его рассуждения все тот же голос. – Ты не знаешь мира, в котором живешь. Повелитель Ойкумены был магом, и магическая мощь была из него, как бьют струи воды из фонтана, орошая всех вокруг. Именно поэтому его воины сражались, как одержимые, не зная страха, не ведая усталости. А восстанавливать силу ему помогали источники. Он пил энергию, объединив несколько источников в единое целое. Кроме того, ставил блокирующие чары, не дававшие другим магам перехватить контроль над источниками. Вот и весь секрет стратегического мышления Царя царей».

«А что было потом? И что за источники такие? Как они хоть выглядят?» – заинтересованно спросил Глеб. Во сне он даже не задавался вопросом, с кем ведет разговор. Какая разница, ведь это сон...

«Александр потерял то, что помогало ему. И долгие годы ОН лежал, погребенный под слоем песка, пока какой-то кочевник, имени которого никто так и не узнал, случайно, во время рытья колодца, не обнаружил в песке крупный смарагд. ОН не задержался у него – при попытке продать камень этого человека убили. Далее ЕМУ пришлось пройти через многие руки, и ни одни из них не были руками мага, так что настоящей ЕГО цены эти несчастные люди не ведали».

«Почему несчастные?»

«Потому что все они умерли не своей смертью. О, сколько крови видел ОН на своем долгом веку! В конце концов ЕГО купил у арабского купца византийский сановник и преподнес в дар императору Константину Пятому Копрониму. В императорской свите были маги. Они сразу поняли, что за драгоценность попала в сокровищницу их повелителя. И разгорелась жестокая тайная схватка, борьба за смарагд, позволяющий не просто контролировать источники силы, а творить невозможное – записать их или перекидывать

энергию на дальние расстояния. Размежевав элиту государства на несколько враждующих родов, ОН в конечном итоге стал причиной крушения Византийской империи. Впрочем, тем, кто не знает правды, до сих пор кажется, что причины гибели этой державы в другом. ОН не увидел краха Византии – ЕГО выкрали в десятом веке от Рождества Христова».

«Интересно, – Глеб представил, что улыбается. – А Юлий Цезарь, Аттила, Карл Великий, Чингисхан, Александр Невский, Тамерлан – они тоже были магами и пользовались силой из этих, как их там... колодцев?»

«Не все, но были, – ответил после некоторой паузы голос. – Однако довольно воспоминаний! Пришла пора обсудить настоящее. ЕМУ трудно говорить с тобой, когда ты бодрствуешь, поэтому нужно поторопиться. Ксенф из Ксенфов, ЕГО последний владелец, был не самым сильным магом и поэтому не совсем представлял, что попало ему в руки. А обращаться к кому-либо за помощью он опасался, не желая вызывать зависти и междоусобиц. И он поступал с НИМ мудро. Но хотел, чтобы ОН достался его сыну, и приложил к этому немало усилий...»

Глава 6

– Боец, подъем! – резкий голос Алексея грубо прервал удивительный разговор.

«С кем я беседовал? – подумал Глеб. – Неужели с изумрудом? Со смарагдом, называющим себя в третьем лице и позволяющим контролировать источники магической энергии. Что это, кстати, за источники такие? Но так же не бывает...»

Акундин где-то раздобыл камуфляжную армейскую куртку-бушлат и теперь внешним видом напоминал охранника автостоянки.

– Вот тушенка, ложка, галеты, банка колы, – сказал он. – Заправишься – и я внимательно тебя слушаю, понял?

– Откуда... это все? – указав на разложенные продукты, поинтересовался Глеб.

– Я же говорил – у диггеров тут убежище. И сухпай заготовлен. Как в таежном зимовье. Все, не трать время.

Тушенка оказалась белорусской, на удивление вкусной и сытной. Допив колу, Глеб сложил пустые банки и упаковку от галет в мусорный пакет, притулившись у входа в комнату отдыха, заметив, что там уже лежат опорожненные Акундиным банки. Их было четыре – вдвое больше, чем у Глеба, и он почувствовал укол обиды. Тоже друг называется!

«Да какой он тебе друг. Так, случайный попутчик, твоей волей втянутый в крупные неприятности».

Эта мысль, в общем-то честная и справедливая, Глебу не понравилась. Он с досадой хлопнул дверью и шагнул к сидящему на лавке у стены бункера Алексею.

– Значит, так: за мной следят... охотятся, потому что я был свидетелем убийства одного крутого бизнесмена. Может, ты слышал – Ксенофонтов, олигарх, его грохнули в Измайловском парке. Ну, а я там был и бейсболку потерял...

– Ксенф? – вытаращил от изумления глаза Акундин. – Ты видел, как убили Ксенфа?

– Ну, типа да, – кивнул Глеб, усаживаясь на колченогий расколотый стул. – Видел. Люди какие-то в масках. Автоматы у них специальные, с глушителями. Они меня не заметили сразу, но потом по кепке потерянной вычислили.

– Лопух, – мрачно отреагировал Алексей, все еще пораженный услышанным. – А чего в ментовку не обратился?

«Потому что Ксенофонтов отдал мне изумруд», – чуть не сказал Глеб, но в последний момент прикусил язык.

– Ну, я хотел... Испугался потом...

– погоди! – оборвал его Акундин. – Если ты просто свидетель, на хрена киллерам делать обыск у тебя дома и следить за тобой? Они же могли спокойно пристрелить тебя – и никаких проблем. Или растяжку у дверей квартиры поставить. Или ДТП с летальным исходом. Да мало ли способов. Э, братуха, а ведь ты опять чего-то недоговариваешь!

Глеб насупился и проворчал:

– Все я договариваю. Откуда мне знать, что им от меня нужно?

Акундин молчал, пристально глядя на него. Глеб едва не упал со стула. Глаза Алексея вновь сделались ненормальными – белки исчезли, радужка заполнила собой все глазное яблоко. Тяжело дыша, Акундин уперся огромными кулаками в лавку, точно готовясь к прыжку.

– Ты что, ты что! – Глеб вскочил, шагнул назад.

– Мне бы не хотелось тебя заставлять, – медленно и раздельно произнес Акундин. – Но, видимо, придется. Прошу последний раз – скажи всю правду.

– Да нечего мне сказать! – заорал Глеб. – Милка бейсболку эту подарила и написала внутри – мол, на память Глебу Погодину от... от Солнышка!

Он и сам не знал, почему в минуту опасности спрятался, как за щит, за имя бывшей подружки. Акундин шумно выдохнул, разжал кулаки и откинулся к стене.

– Может, ты и вправду такой дурак, каким временами кажешься, Глеб Погодин, – сказал он, глядя в бетонный потолок. – А может, ты хитрая гнида, решившая, что с Алексом Акундиным можно играть втемную. Водой и листвой я клянусь тебе, что докопаюсь до истины. И если ты меня обманул...

– Я тебя не обманываю, – торопливо перебил Глеб. – Просто раз уж так все сложилось... В общем, не дергай меня, дай самому во всем разобраться.

– С чего ты, компьютерное чмо, решил, что я буду выполнять твои просьбы? А? – В голосе Акундина вновь послышалась угроза. – Ты останешься здесь. Будешь сидеть на попе ровно и ждать, пока я не вернусь. День, два, неделю... Понял? Выбраться из бункера самостоятельно у тебя все одно не получится. Все, пока. Я пошел.

И легко поднявшись, Алексей вышел из комнаты для совещаний. Глеб дернулся с места, но тяжелая дверь, ведущая в коридор, медленно закрылась, и стальные засовы с лязгом вошли в пазы, накрепко заперев его в бункере...

Гюрза – Вепрь:

Мы вновь потеряли объект и его спутника. «Коричневые» не справляются. Считаю необходимым привлечь оперативников-магов.

Вепрь – Гюрзе:

Игра стоит свеч. Привлекайте всех, кого сочтете нужным. Мне важен результат.

Ненастным днем в конференц-холле гостиницы «Измайловская» собрались двенадцать человек – девятеро мужчин и трое женщин. Менеджер гостиничного комплекса, мужчина средних лет в строгом костюме, сопровождавший их, показал гостям, как пользоваться проекционной аппаратурой, пожелал успешного совещания и вышел, закрыв за собой высокие двери. У него не возникло никаких вопросов – плата за аренду помещения была перечислена на счет вовремя, по документам в конференц-холле происходило рутинное мероприятие – заседание совета директоров торгового дома с незапоминающимся названием. В «Измайловской» подобные собрания происходили едва ли не каждый день. Бизнесменов со всей России привлекали удобные залы и сопутствующие услуги гостиничного комплекса.

Если бы мужчина в костюме мог видеть, кто на самом деле сидит вокруг овального стола конференц-холла, вероятнее всего, он счел бы себя помешавшимся и обратился к врачу, ибо глава рода Фемиксов Дорот избрал одну из крупнейших гостиниц столицы для заседания Комиссии по расследованию смерти Ксенфа из Ксенфов. Выбор был не случаен – «Измайловская» у сатра считалась нейтральной территорией и прослушка в конференц-холле была только «коричневой» – люди играли в свои игры, но сатра не было до них никакого дела. Специалисты клана по безопасности легко нейтрализовали «жучки» и на всякий случай установили собственную защиту, блокирующую возможные попытки со стороны других кланов или выходцев из иных сфер поживиться ценной информацией. Кое-что сделали и

чародеи, но обошлись минимумом ввиду того, что магическую силу в клане Ксенфа теперь ценили на вес золота.

Когда члены Комиссии остались одни, Дорот, обведя тяжелым взглядом собравшихся, нахмурился.

– Сатра и сатрессы! – сказал он. – Прежде всего кратко ознакомлю всех с последними новостями, касающимися хода расследования смерти Ксенфа из Ксенфов. Итак: в первую очередь благодаря стараниям уважаемого Базэла выявлены исполнители убийства. Это пятеро «коричневых», все – отставные офицеры Российской армии, имевшие богатейший практический опыт военных действий.

– Имевшие? – поднял седую косматую бровь Адал. – Не хочешь ли ты сказать, уважаемый Дорот, что...

– Именно, – склонил тяжелую голову глава рода Фемиксов. – Все пятеро мертвы. Их отравили пищей и питьем, а тела спрятали в воде, но так, чтобы ищущий не прошел мимо. Как легко догадаться, сатра и сатрессы, мы имеем дело с очень сильным, коварным и опытным противником.

– «Коричневые» были гнусными наемниками, это понятно, – вступил в разговор Базэл, по привычке выложив на полированную поверхность стола крепко сжатые огромные кулаки. – Но кто их нанял? Мои парни тщательно проверили все контакты отравленных убийц. Там много грязи, но в грязи, как известно, нет следа...

– Ищи, кому выгодно, – подала голос сатресса Локонда. – На прошлом заседании Комиссии сам Стоящий у престола, уважаемый Дэфтер, обещал представить все данные по возможным врагам и недругам Ксенфа из Ксенфов.

Взгляды присутствующих устремились на тучного лысого сатра, задумчиво рисовавшего на листе бумаги цепочки из кругов и треугольников. Он вскинул круглую голову, скривил полные губы в усмешке:

– Ищи, кому выгодно... В том-то и дело, уважаемая Локонда, что – никому. Да, да, уважаемые сатра и сатрессы, уважаемая Комиссия, – никому. Взвесив все «за» и «против», я не нашел ни внешних, ни внутренних недоброжелателей Ксенфа из Ксенфов, не говоря уж об открытых врагах. Зеленая сфера Москвы к моменту гибели Владыки, да будут благословенными его дни за порогом вечности, находилась в состоянии устойчивого равновесия. Я консультировался с обладающими информацией представителями других кланов сатра, со значимыми персонами из остальных сфер, так или иначе связанных с нами. Никто не слышал о том, что у Ксенфа из Ксенфов были враги и что они что-то затевали. Он был мудр и миролюбив, и даже последний слэш-трупоед знал это. Все одинаково поражены случившимся.

– Не было – и все же были, ибо Ксенф из Ксенфов мертв, – скрипуче произнес седобородый Крица.

– А «коричневые»? – прогудел старейшина Адал. – Вдруг убийцы стреляли не в Ксенфа из Ксенфов, а в того, кого знали вне Пелены?

– Вначале мы тоже так думали, – ответил Дорот. – На это указывало и то, что на месте смерти Владыки не было обнаружено ни малейших следов применения заклинаний. Но тщательная проверка...

– «Коричневые» из-за Пелены тут ни при чем, – бухнул Базэл. – Уважаемый Дэфтер прав, когда говорит об отсутствии заинтересованных лиц. И, как я понимаю, мы столкнулись не с прямым вызовом, а со змеиным клубком, который нельзя распутать в одночасье.

– Вот именно, – согласился Дорот, поглядев на Стража клана немного насмешливо, как на начавшего умствовать ребенка.

– Комиссия, как мне помнится, создавалась не только для расследования гибели Владыки, но и для выявления измены в клане. – Локонда покрутила в воздухе рукой, изображая попытку поймать нечто неуловимое. – Получается, что враг находится именно здесь, среди нас. Уважаемый Дорот, на прошлом заседании вы заверили нас, что привлечете магов для прояснения этого вопроса.

– Слово предоставляется многомудрому Крице, – поспешно сказал глава Комиссии.

Старый маг кивнул, поднялся с места и начал расхаживать вдоль стола, сложив руки за спиной.

– Уважаемые сатра и сатрессы! Магам и вашему покорному слуге удалось выяснить на удивление немного. И в том, что касается убийства Владыки, и в том, что связано с закрытием источников...

Члены Комиссии зашумели, послышались негодующие реплики. Дорот жестом призвал всех к порядку и, сузив глаза, поинтересовался:

– Как же так, многомудрый? Все знают, что маги клана Ксенфа – лучшие в зеленой сфере Москвы.

– Источники закрыты, – вздохнул Крица. – У нас осталось очень мало магической энергии, а проведение изысканий требует немалых затрат. Мы и так вынуждены были пустить в ход кое-какие из аккумулирующих артефактов, заложенных на черный день еще нашими прадедами. Насчет причины закрытия источников...

– Давайте о них позже, – махнул пухлой ладошкой Дэфтер. – Если остальные не против.

– Да, лучше вернемся к убийству, – кивнул глава рода Фемиксов.

– Проверены все, кто контактировал с Владыкой, выходцы из вассальных родов, служивших Ксенфу, – продолжил Крица, – «коричневые» и, с их согласия, разумеется – прочие существа, долго и постоянно контактировавшие с Владыкой. Никто из них не злоумышлял против нашего господина, никто не имеет на себе следов оленьей росы. Следующий этап проверки – набольшие клана, главы и старейшины родов, а также... – старик посмотрел на Базэла, – ближайшее окружение Владыки.

– Я верно служил Ксенфу из Ксенфов, – в раздражении повторил уже однажды сказанную фразу Страж клана. – И для меня, воина, оскорбительно подвергаться проверке магией, как какому-то слуге...

– Вассалу, уважаемый Базэл, вассалу, – мягко поправил Дэфтер. – Ты же видишь – даже я, Стоящий у престола, не протестую против этого. Раз так нужно для клана – и я, и уважаемый Дорот, и остальные набольшие, все мы готовы отдаться в руки магов. Или тебе есть что скрывать?

В конференц-холле наступила тишина. Базэл поднялся во весь свой огромный рост, выпятил челюсть.

– Вы не верите моему слову. Что ж... Я пройду проверку. Но клянусь Копытами Праотца, когда все узнают, что на мне нет вины, я уйду со своего поста! – Голос Базэла загремел подобно грому: – Да, уйду! Я служил Ксенфу из Ксенфов, но боле я никому служить не стану. Ибо давал ему обет верности, в котором были такие слова: «обязуюсь служить тебе верно, Владыка, а кроме тебя – никому». Я сказал!

– Я бы посоветовал Стражу клана не горячиться, – тихо сказал Крица. Он все так же расхаживал по конференц-холлу, но теперь руки его были сложены на груди, а в бороде таилась усмешка. – Грядут тяжелые времена. Для клана лишиться предводителя, одно имя которого наводит ужас на врагов, было бы большой потерей.

– По-моему, уважаемый Базэл нас попросту шантажирует, – тряхнула кудрями Локонда. – Мне кажется, уважаемый Дэфтер прав – Стражу клана есть что скрывать. И даже если проверка покажет, что Базэл невиновен, его уход с поста докажет, что тут дело нечисто. Что скажете, сатра и сатрессы?

– Что же тут говорить, когда нечего говорить? – развел руками Дорот. – Уважаемый Дэфтер, я как глава Комиссии обращаюсь к вам как к местоблюстителю с нижайшей просьбой: обязать уважаемого Базэла на этой неделе пройти проверку на верность клану. На этом заседание Комиссии прошу считать законченным...

Сатра поднялись со своих мест. Дэфтер, оглянувшись на расходящихся членов Комиссии, подошел к задумчивому Крице и тихо, чтобы не привлекать внимания, спросил:

– А что с так называемым наследником, о многомудрый? Мне помнится, вы говорили,

что ухватились за кончик нити, ведущей к нему.

– Терпение, о Стоящий у престола, – также не повышая голоса, ответил маг. – Мне еще очень многое надо проверить и уточнить. Пока я не готов информировать Комиссию и Совет клана о результатах – цена ошибки слишком высока.

Дэфтер понимающе кивнул и попрощался. У дверей его обогнал мрачный Базэл. Он, ни на кого не глядя, двигался к выходу. Дорот поспешно шагнул вперед и распахнул дверную створку – казалось, раздосадованный всем произошедшим во время заседания Страж клана так углублен в свои мысли, что может выбить двери, даже не заметив этого...

Вепрь – Гюрзе:

Чем вызвана задержка? Если в течение двух суток артефакт не будет у меня в руках, я разорву контракт.

Гюрза – Вепрю:

Делаем все возможное. Ждите.

В безвыходной ситуации все чувства обостряются.

«Наверное, – размышлял Глеб, слоняясь по бункеру, – это качество досталось людям от их диких предков, вынужденных ежедневно бороться за жизнь, вступая в схватку со свирепыми хищниками, с безжалостными силами природы, с такими же обреченными на вечный бой сородичами».

Вот и он, оказавшись взаперти в бетонной пещере бункера, почувствовал себя отчасти пещерным человеком. Логика, рассудительность отступили на второй план, а откуда-то из глубин подсознания пришла злость и твердое желание сыграть в свою игру, сделать все по-своему, наперекор обстоятельствам и воле Акундина.

Прижавшись к шершавой стене, Глеб чутко вслушивался в неясные отзвуки, наполнявшие подземелье. Вот где-то далеко прогрехотал поезд метро. Вот чуть слышно падают капли воды. Ровный фоновый шум – это тоже вода, ревущий поток, проносающийся по трубе. Изнанка города, неведомый для большинства москвичей мир подземных ходов, тоннелей, каверн, рукотворных и природных пещер, подвалов и склепов, технологических помещений и заброшенных военных объектов, монашских келий и тайных узилищ, линий обычного и секретного метро, связанных воедино коридорами, переходами, лазами, гротами, представился Глебу трехмерным лабиринтом, запутанной головоломкой, требующей немедленного решения. Но прежде еще предстояло выбраться из бункера.

Неожиданно захотелось подстегнуть организм каким-нибудь стимулятором. Глеб хорошо помнил, как это – когда сознание расширяется до невообразимых пределов, когда знаешь и понимаешь все, а мир вокруг становится совсем другим, необычным, замысловатым, но в то же время более понятным.

В тросиках тонких
Запуталось сердце,
Как птица в силках
Стучится и бьется,
Откроешь в груди
Заветную дверцу
И видишь – дай слабинку —
И сорвется.
А чтоб не провисали тросики,
Нужны хорошие «колесики»!

«Неужели правду говорят, что бывших наркоманов не бывает», – вздрогнул Глеб.

Стихи, написанные в «торчальный» период жизни, всплыли из памяти сами собой, а за

ними потянулись те воспоминания, от которых он хотел бы избавиться. Хотел – да не мог.

Чтоб не болела голова,
Нужна хорошая трава.
А если заболит душа,
Не вылечишь без гашиша.

Он много чего написал тогда, особенно когда мучился в очереди ломок, пытаясь в очередной раз «соскочить».

Сломаю пальцы,
Посею в поле.
Пусть ногти зайцы
Грызут на воле.

Не все стихи были такими мрачными и безумными. Например, Глеб буквально за несколько минут, на волне «прихода», сочинил несколько глуповатых куплетов, которые в итоге стали чуть ли не народной студенческой песней, исполняемой по всем общагам столицы:

Граждане, я старый наркоман.
Для меня всего дороже план.
Впрочем, вру – дороже плана
Анаша-марихуана,
От нее впадаю я в нирвану.

Есть такая травка – конопля.
Зеленеют целые поля.
Забиваешь папиросу —
Дым стоит, не видно носу.
Весело вращается Земля!

Водка отравляет организм.
Водка – это путь в алкоголизм.
Лучше уж, чем так травиться,
Всей толпой обкуриться —
Сразу попадешь в коммунизм.

– Все, хватит! – оборвал себя Глеб. – Нужно сосредоточиться. Из этой норы должен, должен, должен быть выход!

Опершись спиной о стену, он еще раз обшарил бункер глазами.

«Это как бы два гейма – квест на выход отсюда и «бродилка», чтобы выбраться из подземелий, – подумал он, закрыв глаза. – И я обязательно должен выиграть. Должен. Хотя бы ради... Милки. Да, ради нее».

Мысль о рыжей девушке, которую они с Акундиным, а фактически он один, Глеб Погодин, подставил, наведя на ее квартиру убийц, не давала Глебу покоя. Пожалуй, впервые в жизни он ощутил тревогу за другого человека. Эта тревога грызла его изнутри, постоянно подталкивая к немедленным действиям. Вкупе с пещерной злостью в душе Глеба она образовала гремучую смесь, требующую выхода. И он взялся за дело...

Начать пришлось с обследования бункера. Глеб скрупулезно обшарил все закутки, шкафы, тумбочки, ящики, приборы, контейнеры в поисках хоть какого-то намека на выход. Одновременно он искал инструменты, которые смогли бы помочь открыть или взломать

дверь.

Удача улыбнулась ему дважды. Во-первых, Глеб обнаружил на дне здорового железного шкафа, под грудой противогазных сумок, брезентовый чехол с набором слесарных инструментов – гаечных ключей, отверток, плоскогубцев, всевозможных зубил и плашек с метчиками. Правда, инструменты были здорово попорчены ржавчиной, но в принципе ими вполне можно было пользоваться. А во-вторых, выяснилось, что если открутить воздушный фильтр, снять решетку и демонтировать вентилятор, то можно пролезть в воздуховод, который в любом случае должен выводить на поверхность. Советские инженеры создавали бункер и оборудование для него надежно, на века, но все тут было нацелено на то, чтобы не допустить проникновения в убежище извне, а не наоборот, так что у Глеба имелся неплохой шанс выбраться.

Отвинчивая гайки на кожухе фильтра, он вдруг понял, что совершенно не волнуется. То ли нервная система, перегруженная впечатлениями последних дней, перестала остро реагировать на критические ситуации, то ли он просто привык к перманентному стрессу и не замечал его, как люди привыкают к ноющему зубу и годами живут с болью, не обращая на нее внимания.

Так или иначе, но Глеба в данный момент куда больше волновала проблема с гайками. Покрытые защитным слоем цинка, за минувшие с момента постройки бункера десятилетия в сыром подземном воздухе они все равно корродировали, намертво прикипев к резьбе. Пока Глеб догадался обстучать гайки молотком, чтобы они «стронулись», пока вспомнил школьный курс физики и нарастил гаечный ключ, примотав к нему монтировку, тем самым увеличив плечо рычага, – прошло немало времени. Ссадив пальцы, изматерившись и вспотев, Глеб наконец-то снял тяжелый кожух и устало присел рядом. Ему очень хотелось курить, но сигареты остались на лоджии у Милки.

– Чем быстрее я отсюда выберусь, тем быстрее покурю, – заверил себя Глеб и вновь взялся за инструменты.

Чтобы выволочь из трубы тяжеленный турбовентилятор, ему пришлось обрезать брезентовые ремни с полутора десятков противогазных сумок и связать из них импровизированную бурлацкую лямку. Глеб стонал от натуги, проклиная советскую оборонную промышленность, не жалевшую чугуна и стали на подобные изделия. Когда горловина воздуховода освободилась, в свете фонарика стала видна еще одна решетка, перегородившая полуметровую в диаметре трубу.

– Это просто издевательство какое-то! – взвыл Глеб, хватаясь за сумку с инструментами.

Пожалуй, борьба с последним на пути к свободе препятствием оказалась самой драматичной и напряженной. В узкой трубе было крайне неудобно орудовать гаечными ключами, а скопившаяся за долгое время пыль мешала дышать и смотреть, забивая нос, рот, глаза, даже уши. Но Экклезиаст был прав, все в этом мире имеет предел и окончание, нашлись они и у решетки.

– Пять минут на отдых – и вперед, – объявил Глеб, растянувшись во весь рост на ящиках возле разобранного воздушного фильтра.

Думать о том, что труба может быть повреждена, попросту заглушена или выведет его не на поверхность, а всего лишь в соседнее помещение, он себе запретил. Не ошибается, как известно, лишь тот, кто ничего не делает.

Глеб полз по железной кишке, упираясь локтями, плечами и коленями в гладкий металл. Он жалел, что не догадался натянуть противогаз. Дышать было совершенно нечем, луч фонарика метался в клубах пыли, забившей воздуховод. Несколько раз возникало неодолимое желание бросить все, вернуться в бункер и ждать Акундина, но Глеб вспоминал о фактически оставленной на произвол судьбы Милке, стискивал зубы и упрямо лез вперед. В голове теннисным мячиком прыгала одна-единственная мысль:

«Я смогу! Я смогу! Я смогу!»

Когда Глеб вместо осточертевшего мельтешения пылинок увидел впереди бархатную

темноту, он не сразу понял, что труба закончилась. Судя по всему, воздуховод обрывался в просторном подвале; в углу громоздились старые радиаторы отопления, а ржавые водосточные трубы, как попало сваленные у кирпичной стены, напоминали выводок парализованных удавов. Железная лесенка вела вверх, к приоткрытой двери, из-за которой пробивался дневной свет...

Быстро отряхнув одежду, Глеб, с непривычки шурясь, огляделся. Он стоял в огороженном забором дворе какого-то заброшенного предприятия. За спиной высились заводские цеха с выбитыми стеклами, у закрученных проволокой ворот лежал на брюхе лишенный колес бортовой «ЗИЛ».

– Вот так, господин Акундин, – усмехнулся Глеб. – Вот таким вот образом...

Первым делом он набрал телефон Милки, но девушка не отвечала. Ругая себя последними словами, Глеб покинул территорию завода и поспешил на уличный шум. Поднявшись по заросшей грязным бурьяном дорожной насыпи, он увидел громады домов спальных кварталов. На крайнем из них краснели огромные буквы: «Нагатино».

Поймать машину удалось далеко не сразу – замурзанная одежда Глеба отпугивала таксистов и владельцев иномарок. В итоге на его отчаянные взмахи руки остановился серый «уазик»-буханка с надписью на дверце «Аварийная». Водитель без лишних вопросов кивнул на сиденье. Глеб забрался в машину, назвал адрес и устало откинулся на холодную жесткую спинку. Он не видел, как от насыпи к дороге метнулась ловкая фигура в армейском камуфляжном бушлате. Остановив первую же машину, красные «Жигули» одиннадцатой модели, человек в камуфляже забрался внутрь, и «одиннадцатая» устремилась следом за «уазиком».

По дороге Глеб постоянно набирал Милку, но в трубке звучало лишь: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». В очередной раз выслушав набившую оскомину фразу, Глеб сунул телефон в карман и пожалел, что не прихватил из бункера хотя бы монтировку – перспектива оказаться один на один с вооруженными убийцами, имея из оружия лишь перочинный ножик, его не радовала, хотя в общем-то ему было где-то даже и все равно, как там все сложится.

«Лишь бы Милка была жива и невредима, – думал он, прикрыв глаза. – А там кривая как-нибудь вывезет. Позвоню в СОБР, в конце концов. Никаких противозаконных деяний я не совершал».

Потоптавшись у знакомого подъезда, Глеб потянулся к кнопкам домофона, но тут дверь распахнулась, и одетые в оранжевые жилеты таджики с озабоченными лицами начали вытаскивать на улицу мешки со строительным мусором – у кого-то шел ремонт.

Лифт почему-то не работал, и Глеб поплелся на девятый этаж пешком. В подъезде царила гнетущая, подозрительная тишина. На четвертом этаже возле люка мусоропровода спал бомж. На пятом в детской коляске сидела кошка. На шестом Глеба ждали...

Когда он увидел женщину, прислонившуюся к крашеной стене подъезда, ему на мгновение показалось, что все это происходит не на самом деле, что он погружен в гейм, что вокруг виртуальная реальность. Женщина была фантастически, невероятно красива. Затянутой в черную кожу фигуре позавидовали бы самые известные фотомодели мира. Изяществу позы, грации движений – балерины и гимнастки. Гении холста и палитры отдали бы все, чтобы написать с незнакомки портрет.

Глеб, словно зачарованный, разглядывал ее. Длинная, без единой морщинки, смуглая шея, лицо с высокими скулами в обрамлении огненно-рыжих кудрей, ниспадающих на точеные плечи. Огромные зеленые глаза, умные и насмешливые. По-детски припухлые губы. Брови вразлет. Кокетливая родинка на левой щеке. Точеные бедра, налитые ягодицы, крепкая, манящая грудь, плоский живот, узкая талия, тонкие щиколотки, туфли на высоченных и стилетно-тонких каблуках... Женщина держала на отлете в левой руке коричневую дамскую сигарету, курившуюся ароматным дымком. Меж пальцев правой, опущенной, Глебу на мгновение почудилось легкое желтоватое сияние.

– Ну, здравствуй, Гарун ты наш быстроногий, – насмешливо произнесла, нет, даже не

произнесла, а пропела женщина, стряхивая пепел с сигареты.

– Почему Гарун? – бесцветным голосом спросил Глеб, судорожно пытаюсь понять, кого напоминает ему эта жутковатая, но такая до дрожи желанная красotka.

– Ну, как же? – Женщина коротко рассмеялась волнующим грудным смехом. – «Гарун бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла...»

– «Бежал он в страхе с поля брани, где кровь черкесская текла», – машинально закончил четверостишие Глеб. – Я ни от кого не бежал...

– Дурачок. – Женщина сделала единственный шаг с верхней ступеньки и вдруг оказалась на расстоянии вытянутой руки от Глеба. Он ощутил слабый аромат жимолости и гиацинта. – Если бы ты оставил то, что случайно попало в твои ручки, дома, мы никогда бы не встретились, и ты бы остался жить. Женился бы на этой милой конопушке, у вас родились бы детки... Дай!

Последнее слово прозвучало резко, как удар бича. Глеб, замороженный голосом незнакомки, дернулся, шарахнулся к стене, вжался в угол. Женщина нахмурилась, требовательно протянула руку.

– Что... Что вы сделали с Милкой? – выдавил из себя Глеб.

– Я не люблю повторять дважды, «коричневый». – В ее голосе отчетливо лязгнула сталь: – Дай сюда!

– М-м-м-м, – помотал головой Глеб, из последних сил пытаюсь противостоять сокрушительному давлению чужой, гасящей сознание воли. – У меня... нету... Ничего нету! Ничего! Что с Милкой?!

Желтое сияние потекло с пальцев незнакомки, светящейся змейкой устремилось к Глебу, оплело ноги, и он почувствовал сильную боль – точно миллионы невидимых когтей впились в кожу.

– А-а-а-а!..

Боль корежила и ломала Глеба. Мышцы свело судорогой, к горлу подкатил тугий тошнотный ком. Не в силах сопротивляться, он согнулся, упал на одно колено, царапая ногтями стену. Женщина холодно и равнодушно наблюдала за его мучениями. Глеб попытался рукой заслониться от этого взгляда, но сил не осталось, и он завалился на бок. Из носа потекла кровь, на сером бетоне пола расцвели алые пятна.

– Ты глупее, чем я думала, – сквозь шум в ушах донесся до него жестокий голос. – К чему это упорство, «коричневый»? Отдай то, что получил от Ксенфа, – и умрешь быстро, легко.

Глеб уже с трудом осознавал происходящее. Сознание спуталось, в голове мелькали обрывки мыслей:

«Милка... Почему ты здесь? Почему так больно? Какая ты красивая, Милка... Прости меня. Пожалуйста, прости. Ксенф? Кто такой Ксенф? Кажется, Акундин упоминал это имя... Изумруд. Я не отдам его. Он мой! Мой! Милка!»

Волна жара накатила на Глеба. Она родилась где-то внутри его – и растопила леденящую боль, алым облаком залил все вокруг. Очень тоненько зазвенели тысячи невидимых струн, рвущихся одна за другой, как на попавшей под нож бульдозера арфе. Мир перевернулся, разбился на мириады золотых осколков, но лишь для того, чтобы, повинаясь неведомым силам, вновь собраться воедино – уже другим. Боль исчезла полностью. Глеб не чувствовал своего тела, невообразимая легкость охватила его. Перед глазами кружился хоровод красных и желтых вспышек.

«Я умер, – понял он. – Но я могу думать и рассуждать. Значит, правы были те, кто утверждал, что после смерти физического тела человек продолжает оставаться разумным существом... нет, не существом... а кем? Субстанцией? Энергетическим сгустком? Бестелесным призраком?»

И тут он почувствовал, что замерз. Это грубое, плотское и жесткое ощущение подействовало, как пощечина – Глеб перестал витать в эмпиреях и вернулся на грешную землю. Вот только земля очень изменилась...

Нет, ничего не исчезло – был все тот же подъезд, разве что более темный, те же капли крови на полу, разве что более алые, и прекрасная женщина, что истязала его, тоже никуда не делась. Но какая странная метаморфоза произошла с ней! Она стала еще красивее, но это была уже не человеческая красота. Ее волосы поменяли цвет с рыжего на густо-синий. Незнакомка теперь по-оленьи выгибала ноги, и, приглядевшись, Глеб понял, что колени у нее смотрят назад. Но самое удивительное открытие ожидало его, когда взгляд скользнул вниз. Вместо человеческих ступней эти изящные ноги заканчивались аккуратными, тщательно ухоженными и отполированными копытцами. И, конечно, глаза. Звериные, бездонные глаза без белков, глядящие сейчас на копошащегося на полу Глеба с гневом и в то же время – с нескрываемым изумлением.

– А ты умеешь удивить, «коричневый», – пропела женщина, с цокотом переступая ногами.

Она говорила спокойно, точно не было несколько секунд – или минут? или часов? – назад той жуткой пытки и миллионов безжалостных когтей, впивавшихся в его тело. У Глеба сложилось впечатление, что их разговор начинался заново, с чистого листа. Он, пошатываясь, поднялся на ноги и с вызовом посмотрел на свою мучительницу.

– Я вижу, тебе стал доступен мой истинный облик, а это значит, что Пелена для тебя прозрачна, – понимающе наклонила голову знакомка. – Но клянусь Рогами Праотца и корнями Великого Ясеня, ты не мог сделать это сам! Тебе помогли...

Она соединила запястья и обвела вокруг себя вскинутыми руками. Глеб явственно рассмотрел широкие полосы света, бьющие из пальцев этой удивительной женщины.

– Поблизости нет ни одного мага, – задумчиво проговорила она, закончив непонятную процедуру. – А в тебе – ни грана магических способностей. Неужели тебе помог измениться... Что ж за штуковина досталась тебе от Ксенфа? Вот что, «коричневый»: ты останешься жить. Случай слишком неординарный. Тебя осматрят, как вы говорите, специалисты. И девушка твоя тоже останется жить. Сейчас она спит, но только от тебя зависит, суждено ли ей проснуться. Давай сюда этот... эту вещь. Не упрямясь. Поверь, мне уже не хочется видеть твое мертвое тело. Даю тебе слово – все будет хорошо.

«Да, – подумал Глеб. – Так, наверное, будет лучше. Главное – Милка жива. С ней ничего не случилось. А изумруд... В конце концов, это просто дорогая безделушка. Камень, пусть и наделенный какими-то удивительными свойствами».

Он сунул руку в карман, сжал горячее яйцо футляра и потянул его наружу, неотрывно глядя в мерцающие глаза женщины.

– Не-е-ет! – дикий рев прокатился по подъезду.

Он был настолько сильным, что перила отозвались металлическим гулом, а этажом ниже в окне лопнуло стекло. Этот клич потряс Глеба, а знакомку заставил отскочить в сторону и присесть, изготовившись к схватке. В ее руках появились длинные кривые ножи со странными Т-образными рукоятями, позволяющими держать их, пропустив клинки с волнистым узором на лезвиях меж пальцев сжатых кулаков.

На верхней площадке лестницы объявился некто могучий, лохматый, в порванной майке, широком кожаном поясе, украшенном медными и серебряными бляшками, и черных очках в пол-лица. И на секунду замер, разглядывая женщину с ножами в руках. Глеб не удивился, заметив, что перевитые узлами мышц и покрытые густой коричневой шерстью ноги нового действующего лица, так же как у знакомки, имеют мало общего с человеческими конечностями – они тоже сгибались назад и опирались на раздвоенные бычьи копыта.

«Кто это? – мелькнула у Погодина глуповатая в своей обыденности мысль. – Куда я попал? Или у меня глюки?»

– Этот парень со мной, – смутно знакомым голосом прогудел лохматый, с ненавистью глядя налитыми кровью глазами на женщину вниз. – Уходи!

– Милый мальчик, – рассмеялась та, разводя руки с клинками в стороны. – Вот и ты попался в мою мышеловку. Теперь каждый получит желаемое.

– Убирайся прочь, сука! – рявкнул здоровяк, выдергивая из наспинного кожаного чехла тесак.

– Не груби мне, щенок! – мгновенно ощерилась женщина. – Не тебе тягаться со мной.

– Проваливай в ад!

– Да ты и вправду щенок, – усмехнулась незнакомка. – Бывалый боевой пес никогда не полез бы в схватку с неизвестным противником очертя голову. И потом – я не сражаюсь со своей добычей. Я убиваю тех, кто мне мешает, и беру то, что хочу. – Женщина вытянула шею и пронзительным, режущим уши голосом пропела по-птичьи: – Силлипитирья!

Сверху, точно прямо с потолка, рухнули несколько фигур в черном. Вспыхнула призрачным светом частая серебристая сеть, готовая накрыть здоровяка в черных очках. Он, сжимая клинок, упал на четвереньки и неожиданно проворно для своей комплекции бросился вниз по лестнице, уходя из-под падающей сети.

Яростный рев, и здоровяк оказался совсем рядом. Женщина взвыла и метнулась наперерез, размазавшись в темное пятно, перечерченное льдистыми отблесками стали. Раздался металлический скрежет, брызнули искры – тесак столкнулся с кривыми ножами и отлетел в сторону, звеня по бетону. На плече и боку здоровяка появилось несколько глубоких ран, но он, не обращая на это внимания, огромной ручищей ухватил Глеба за пояс, рванул с места, ударом окутавшегося багровым пламенем кулака выбил двери лифта и, прижимая к себе человека, прыгнул в темноту. Пролетев несколько этажей, они неожиданно легко пробили крышу лифтовой кабины и рухнули на пол.

– Цел? – коротко спросил здоровяк, поднимаясь на ноги, и вновь его голос показался знакомым. Ткнул кнопку лифта, и тот поехал вниз. – Вот зараза, последние силы на то, чтобы дырку сделать, отдал...

– Они захватили Милку! – крикнул Глеб.

– С ней все в порядке, – низким голосом проворчал тот.

Глеб, все еще терзаемый сомнениями, посмотрел на широкий, украшенный медными и серебряными бляшками кожаный пояс здоровяка, потом на потную спину, бугрившуюся мышцами. В разрыве майки на левом плече он увидел татуировку. Очень знакомую татуировку в виде виноградного листа...

«Оставь ЕГО! – вдруг прозвучало в голове Глеба. – Спрячь ЕГО здесь! Так будет безопаснее. Потом вы вернетесь за НИМ!»

Глебу не пришлось раздумывать над тем, кто, точнее, что сейчас говорит с ним. Украдкой вытащив из кармана футляр с изумрудом, он сунул руку в трещину, образовавшуюся в стене кабины, и разжал пальцы. Удивительный камень канул во тьму.

Мужик с копытами, выскочив из остановившегося лифта, рванул вниз по лестнице. Через несколько мгновений они уже были на улице, причем Глеб не заметил, открывал ли его спаситель двери подъезда или просто вышиб их одну за другой.

– Лезь! – указав на огромный серебристый «Додж Караван», рыкнул Глебу здоровяк.

Погодин откатил дверцу и задохнулся от радости – на заднем диване мини-вэна, рассыпав рыжие кудряшки, сладко спала Милка. Усевшись на водительское сиденье, спаситель ударил копытом в педаль газа. Машина сорвалась с места, и Глеб полетел на пол, от неожиданности прикусив язык.

Поднявшись, он увидел за окном уносящийся назад двор и мчащихся параллельно машине жутких созданий, окруженных сгустками черной пыли. Остроухие желтоглазые твари, похожие на необычайно крупных волков, скалили клыкастые пасти.

– Боевые маги маах'керу, оборотни из племени Серохвостов, – спокойно ответил здоровяк на невысказанный вопрос Глеба. – Против них есть одно старое верное средство...

Схватив волосатой лапицей лежащий на соседнем сиденье «узи», он высунул пистолет-пулемет наружу и несколькими длинными очередями расстрелял оборотней. Пули, попадая в клыкастых созданий, взрывались, разбрасывая фонтаны ослепительных искр.

«Додж» вырвался вперед, преследователи отстали. Прямо по тротуару объехав затор на светофоре, здоровяк погнал мини-вэн по Ленинскому проспекту в сторону области.

– Серебро – проклятие маах'керу, – сказал он.
– Они мертвы? – с дрожью в голосе спросил Глеб.
– Нет, тут нужно что-то посильнее. Но на восстановление им понадобится какое-то время... А теперь, Глеб Погодин, у нас есть немного времени для откровенного разговора. – Великан снял черные очки. – Но прежде позволь представиться: сатра Акунд, сын клана Ксенфа. Добро пожаловать за Пелену, «коричневый»... Но почему ты начал видеть через нее, черт меня возьми?

Рассказ Глеба был коротким – в сущности, Алексей Акундин, оказавшийся на самом деле не человеком, а странным (и страшноватым!) существом сатра, носившим имя Акунд, знал практически все, за исключением истории с изумрудом. Но и сейчас Глеб все же утаил часть правды – какое-то внутреннее чувство подсказало ему, что не нужно говорить, где и как он расстался с камнем.

– Значит, это тот камушек помог тебе увидеть через Пелену, – продолжая гнать машину на предельной скорости, громко сказал Акунд. – Больше вроде нечему и некому. Хорошо, пусть так. Но, вразуми меня Глубокий Корень, зачем ты его спрятал? Любой серьезный маг просканирует твою память и...

– Он сам попросил об этом. Он сказал, что так будет безопаснее, – ответил Глеб, стараясь не смотреть на сидящего за рулем Акунда – вид сатра внушал ему страх.

– Он – это изумруд? Изумруд, который дал тебе сам Ксенф из Ксенфов, Владыка клана, в час своей смерти? – еще раз уточнил Акунд. – Я не буду даже извиняться, лишь просто скажу – я опять тебе не верю. Чего-то ты гонишь.

– Я сказал правду, – дрогнувшим голосом проговорил Глеб.

Некоторое время они молчали. «Додж» миновал развязку Кольцевой дороги и теперь мчался по Киевскому шоссе.

– Мы поедем в Обитель, к Учителю клана, Старшему магу Крице, – наконец сказал Акунд. – Если по бетонке, то часа за полтора управимся. Учитель мудр, а кроме того, он – лучший маг клана, да и среди всех сатра Москвы. Расскажем все, а уж он сумеет отличить правду ото лжи. Да и девчонку твою разбудит.

Глеб вздохнул. У него в голове не укладывалось – маги, кланы, сатра... Он покосился на спящую Милку и спросил, все так же стараясь глядеть в сторону:

– А вы... ты... В человеческом обличье вы можете... ну, с женщинами?

Акунд хохотнул:

– Можем. Только у нас нет никакого человеческого обличья. Мы всегда выглядим так, только обычные люди этого не видят. Пелена мешает. Она искажает восприятие людей, не позволяет им увидеть мир таким, какой он есть. Сквозь нее способны смотреть маги-люди, уроженцы гостевых сфер, ну и немногие лопухи вроде тебя.

– То есть сейчас мы...

– Как бы «за Пеленой». Она была создана много тысяч лет назад, чтобы вы, «коричневые», люди, не видели истинного облика обитателей остальных одиннадцати сфер.

– Но зачем?

– Для нашей безопасности, – помрачнел Акунд. – Когда-то, в первые тысячелетия после исхода, чужаки правили Землей. Но затем вас становилось все больше и больше. Начались войны. Один на один сатра, верог, слаш или элохим одолеют любого «коричневого». Но вы брали числом и ненавистью. Если бы мы не спрятались за Пелену, то погибли бы. По легенде, уроженцы синей сферы пытались бороться сила на силу. Но что-то нахимичили там с источниками и утонули с каким-то островом... Так что сейчас Пелена нужна для того, чтобы типы вроде тебя спали спокойно, а типы вроде меня не опасались, что их отправят в лабораторию или сожгут на костре только за копыта.

Глеб вспомнил первый из снов, навеянных изумрудом. Теперь ему многое стало понятно, но все равно в голове теснилась бесконечная очередь вопросов.

– Синяя сфера? Значит, маги, волшебники, сказочные существа – эльфы всякие, гномы, фавны, вот как вы, – это все правда существует? – задал он первый из своих вопросов.

– Еще раз слово «фавн» услышу – шею сломаю, – спокойно откликнулся Акунд. – Запомни: мы – сатра, уроженцы зеленой сферы. А что касается эльфов и гномов... Сфер вообще-то двенадцать, но синяя считается потерянной, ее уроженцев никто не видел пару тысячелетий. Вы, люди, принадлежите к коричневой сфере. Об остальном Учитель тебе растолкует куда как лучше меня. Я не силен в науках. Магия и прочие премудрости – это не мое, хотя кое-что умею...

– А что же... – Глеб хотел сказать «твое», но, вспомнив развороченные двери лифта, тесак, «узи», догадался и так: Акунд – воин, или, говоря привычным Глебу геймерским языком, персонаж, у которого прокачаны сила, ловкость и навыки владения оружием.

Затем мысли потекли в другом направлении – на память пришло прекрасное и жестокое лицо незнакомки в подъезде.

– Ваши женщины все такие красивые?

– Ты тоже заметил? – вопросом на вопрос ответил Акунд. – Вообще-то лично я предпочитаю «коричневых» – они нежнее, ласковее. Но если бы раньше встретил эту стерву с ножами, мимо бы не прошел. Признаться, такую я вижу впервые. Хороша... Но она – очень сильный маг, а кроме того, я никогда не лягу с сатрессой, которая якшается с погаными маах'керу.

– Почему?

– Все, хватит вопросов! – отрезал Акунд. – Дай мне немного отдохнуть от твоей болтовни – и готовься к встрече с многомудрым Крицей...

Смирив любопытство, Глеб умолк, и почти час в салоне «Доджа» царил молчание. За это время они проделали довольно большой путь, оказавшись, видимо, где-то на западе Подмосковья. Глеб заметил указатель, извещавший, что до Красногорска осталось пять с половиной километров. Акунд свернул на неприметную асфальтовую дорогу, уводившую в лес, и спустя несколько минут машина выехала на широкую поляну, посреди которой, на пологом холме, стояла усадьба, выстроенная в псевдоготическом стиле – с башенками, стрельчатыми витражными окнами и высокой оградой.

– Вот и обитель, – пояснил Акунд, сбрасывая скорость. – Мы называли ее просто – Школа. Здесь молодые сатра из нашего клана, обладающие способностями к магии, проходят начальный курс обучения, а те, у кого есть сильные магические способности, задерживаются на долгие годы. Я вот не задержался... – Он махнул лапицей. – Хотя чего там!

Глава 7

– ...Увы, молодые люди, я сейчас не могу снять заклятие и пробудить эту девушку без ущерба для ее здоровья, – виновато покачал седой головой Крица, отойдя от лежащей на скамье Милки.

– Но, Учитель... – Акунд растерянно глядел на старика.

– У нас осталось совсем мало энергии... – печально произнес Крица. – Сам знаешь, проблемы. – Он метнул на человека косой взгляд. – Экономим, как можем.

Глеб судорожно сглотнул – он все никак не мог привыкнуть к облику сатра. Козлоногий старик, если верить словам Акунда, был самым мудрым и опытным магом среди этих жутковатых созданий. Но и он оказался не в силах помочь девушке, заколдованной («Заколдованной! Да возможно ли такое?!» – разум отказывался верить, но и глаза, и уши уверяли в обратном) каким-то неведомым магом, злобным волшебником, возможно, той дьявольски красивой женщи...

«Сатрессой, – поправил себя Глеб. – Сатра и сатрессы – так они себя называют».

– Пока ее жизни ничего не угрожает, – продолжил Крица. – Но я ясно вижу «темную удавку», что охватывает шею этой девушки. Проследить, в чьих руках сейчас конец заклинания, я не в силах. Если же попробовать разорвать магическое вервие, она может умереть...

Заметив, что Глеб при этих словах вздрогнул, старик взял со стола золотой

колокольчик и потряс им. На мелодичный звон явился молодой сатра, облаченный в темно-зеленый замшевый костюм.

– Я слушаю вас, Учитель.

– Иппий, принеси нашим гостям вина и что-нибудь для подкрепления сил – у них за плечами тяжелые деяния.

– Да, Учитель, – склонил аккуратно причесанную голову сатра и исчез за бархатной портьерой.

Крица проводил его взглядом и обратился к Глебу и Акунду:

– Давайте-ка, друзья мои, присядем. И вы обстоятельно, по возможности избегая эмоций, расскажете мне обо всем, что с вами произошло.

Они говорили по очереди – сначала Глеб, потом Акунд, затем снова Глеб, а Алексей вставлял комментарии и реплики, которые прояснили некоторые неясные самому Глебу моменты. Например, выяснилось, что Акунд нарочно оставил его в бункере, уверенный, что Глеб выберется и приведет сатра к убийцам Ксенфа.

– Я хотел найти эту мразь, Учитель, – виновато пробубнил Акунд.

– Почему же ты не сообщил обо всем старейшинам клана? – спросил Крица.

Здоровяк помрачнел, опустил голову и еле слышно произнес:

– Я – приемный ребенок клана. Никто не знает, кто была моя мать, не говоря уж об отце. У меня нет никаких шансов даже основать семью – ни одна сатресса из приличного рода не свяжет свою судьбу с сиротой. Маг я слабый, и это тоже плохо. Выследив убийц Ксенфа, я надеялся на деле доказать... В общем, я все еще подумываю, чтобы обратить на себя внимание Базэла, попасть в службу безопасности клана. Он однажды отказал мне, и теперь, когда появилась такая возможность... Гордыня подвела меня, Учитель. Простите...

– Тебе не следует просить прощения у меня, – спокойно сказал старый маг. – Проси его у Всеотца сатра и своей совести. Впрочем, мне вполне понятны чувства, что двигали тобой. Скажу больше – я не осуждаю тебя. В конечном итоге твоё желание обрести положение в клане не более чем попытка устроить собственную судьбу, а она, как известно, благоволит смелым. Не будем больше об этом, вернемся к вашей истории. Уважаемый Глеб остановился на встрече с прекрасной сатрессой...

– Да уж, прекрасной, – усмехнулся Глеб. – В первые мгновения она действительно показалась мне совершенством. А потом чуть не убила. «Дай!» – говорит, руку тянет и давит, давит, как бетонная плита...

– Эта сатресса напичкана магией, Учитель, – подхватил Акунд. – Но я заметил странную вещь, когда она во время схватки на мгновение открылась, – её тело Силы деформировано, на нем имеется множество бугров.

– И это значит... – несколько менторским тоном произнес Крица.

– И это значит, что она использует артефакты, причем не простые, а вещицы из вживленных в тело, – закончил Акунд и улыбнулся, глянув на старого мага – мол, как ответ, правильно? – Такие на каждом углу не валяются.

– Вижу, что за годы, что прошли после того, как ты покинул Обитель, разум твой не окостенел, Акунд, – Крица расплылся в довольной улыбке. – Это похвала не только тебе, но и всем нам, твоим наставникам. Приятно осознавать, что мы недаром ели свой хлеб, хотя, когда ты учился, мы порой думали иначе. До меня доходили слухи, что ты ведешь, мягко говоря, низкий образ жизни – любовные похождения с женщинами, в том числе и «коричневыми», пирушки, драки... Но вместо гуляки и бретера я вижу перед собой сильного и думающего сатра, которого можно рекомендовать в службу безопасности клана.

Алексей просиял, хотел что-то сказать, но Крица мягким жестом остановил его:

– О твоей судьбе, Акунд, мы поговорим после. Сейчас я хочу услышать, что было дальше...

Поведав магу о перипетиях столкновения с охотящимися за изумрудом убийцами Ксенфа, Глеб и Акунд наконец умолкли.

– Выходит, изумруд ныне находится не у вас, уважаемый Глеб? – горестно всплеснул

руками Крица. – Это очень, очень плохо! У меня есть все основания предполагать, что именно этот камень и есть тот артефакт, что использовал Ксенф из Ксенфов, чтобы... Впрочем, это слишком важная тема, чтобы касаться ее сейчас. Мы сделаем вот что: отправимся за изумрудом. Но сначала вы подробно опишете мне эту странную компанию убийц – чтобы победить врага, нужно располагать максимумом информации о нем...

Они вновь, стараясь не забыть ни одной детали, поведали старому магу о прекрасной незнакомке-сатрессе и ее подручных.

– Так-так-так... – Стуча копытами, Крица прошелся от кресла до окна и обратно. – Боевые маги маах'керу, до этого были «коричневые» – и все это под началом мага-сатрессы... Хм... Странно, странно. Быть может, вы запомнили еще какие-либо приметы, обратили внимание на необычные подробности? Акунд? Глеб?

– Да для меня всё здесь... ну, за этой вашей Пеленой, состоит из необычных подробностей, – устало ответил Глеб.

Акунд ничего не стал говорить, лишь молча покачал головой.

– Стойте! – вдруг хлопнул себя ладонью по лбу Глеб. – Когда они набросились на Алексея... на Акунда, я хотел сказать, эта садистка что-то крикнула... Какое-то странное слово... Силибирия... Силипирия... Нет, там еще была буква «Т» в середине...

– Как-как? – оживился Крица. – Одну секунду, разрешите, я помогу вам...

Седой сатра сделал несколько пассивов, от его рук потекло голубое сияние. Холодные ладони легли на виски Глебу, и тот вдруг точно на мгновение перенесся назад во времени, очутившись в проклятом подъезде. Визг затянутой в кожу ведьмы ударил по ушам:

– Силлипитирья!

Теперь Глеб очень точно воспроизвел слово, и оно яростно зазвенело в тиши кабинета. Крица охнул, отшатнувшись.

– Точно, все так и было, – кивнул Акунд. – Что это значит, Учитель?

– Позвольте, молодые люди...

Крица прошел к темным полированным книжным шкафам, отпер дверцу и некоторое время разглядывал переплеты старинных книг, теснившихся на полках. Наконец он удовлетворенно воскликнул и вытащил одну из них:

– Вот! То, что надо. Посмотрим на букву «С»...

Под узловатыми высохшими пальцами сатра замелькали страницы. Глеб увидел, как пляшут в уголках тщательно прорисованные буквы. «С» выглядела как натянутый лук с птичьим пером вместо стрелы.

– Это «Криптобиблия», книга учета необъяснимых происшествий, загадочных событий и неясных поступков, – прошептал Акунд на ухо Глебу, и тот несколько ошеломленно кивнул.

– Салабория, заклятие, иссушающее очи... Сбан, убийца нерожденных... Сегандрофия... Сёх-агавр, проклятие Танцоров... Не то, это все не то... – скользя глазами по строчкам, бормотал Крица и вдруг радостно вскинулся, тыча пальцем в страницу: – Вот! Силлипитирья! Итак, слушайте: «Силлипитирья – в переводе с элладийского «мои соболезнования». С такими словами обращались к своим жертвам представители некогда существовавшего на Земле тайного сообщества ассасинов перед тем, как лишить их жизни. По непроверенным данным, само сообщество также именуется «Силлипитирья». Последний раз появление бойцов «Силлипитирьи» было зафиксировано «бесцветными» во время Десятилетней войны сатра. Как утверждается, нанимателями ассасинов выступал клан Ксенфа».

Крица отложил книгу, и она сама собой захлопнулась, но старый маг не обратил на это внимания. На его морщинистом лице читалось великое изумление. Сведения, почерпнутые из «Криптобиблии», настолько поразили Крицу, что он поднял палец к виску, да так и замер у стола, погружившись в раздумья. Глеб хотел было задать вопрос, но не посмел, слишком уж в глубокое сосредоточение погрузился старый сатра. Акунд, похоже, испытывал те же ощущения. Он сидел рядом ни жив ни мертв.

– Мне надо срочно связаться с Доротом и Стоящим у престола, – наконец вымолвил Крица. – Молодые люди, прошу вас извинить меня – дело срочное, архиважное и не может быть отложено на потом. Вы пока отдохнете в стенах нашей Обители...

Маг шагнул к столу, взялся за колокольчик и вдруг быстро повернулся к окну. С неожиданной для его возраста резвостью Крица бросился вперед, уперся руками в подоконник и уставился на цветные стекла в затейливом переплете, что-то выискивая взглядом.

– Что случилось, Учитель? – подал голос Акунд.

– Нас подслушивают... – еле слышно прошипел Крица, и Глеб уловил в его словах ярость. – Кто-то навел на окно заклятие «длинного уха»! Проклятие! Ну, на это у меня сил хватит...

Ударом кулака маг разбил стекло – разноцветные осколки посыпались на пол – и выкрикнул несколько непонятных слов, одновременно левой рукой бросив в дыру что-то невидимое. Глеб услышал раскатистый гром, и ему показалось, что с ладони Крицы полетели капли воды, устремились куда-то в сторону высившихся за лесом жилых домов. И тут же оттуда, из белой многоэтажки, выметнулась ослепительная молния и поразила старого мага в грудь. Раздался треск ломающихся костей, во все стороны брызнула кровь. Крица вскрикнул и рухнул на пол. Одежда на нем дымилась, из развороченной груди били алые струи.

– Скажите... Дэфтеру... измена... – прохрипел маг, пуская кровавые пузыри, и умолк.

– Учитель! – Акунд бросился к телу Крицы.

Глеб посмотрел в окно и увидел там еще один быстро приближающийся сгусток пламени. Он предостерегающе вскрикнул. Алексей обернулся. Его реакция была мгновенной.

– Ложись! – рявкнул Акунд, сильным ударом подсек Глебу ноги, и Погодин свалился за кресло.

В комнату влетела еще одна молния и превратила «Криптобиблонию», лежавшую на столе, в горстку пепла. Двери кабинета Крицы распахнулись, вбежали двое пожилых сатра и застыли, увидев мертвое тело у разбитого окна. В этот момент от ворот усадьбы по неведомому врагу нанесли удар маги-стражи Обители. Верхние этажи недавно построенного элитного дома-башни, высившегося в полукилометре от усадьбы, исчезли в дымном облаке взрыва...

Гюрза – Вепрю:

Я потеряла троих агентов. Есть информация, требующая уточнения. Необходима личная встреча.

Вепрь – Гюрзе:

Встреча пока невозможна. Прекратите все активные действия. Смерть агентов будет компенсирована.

Стражи Обители привели Глеба и Акунда в большую комнату, расположенную ниже уровня земли. Круглый стол, стулья с высокими спинками, на противоположной входу стене – барельеф в виде дерева, корнями уходящего в земные глубины, а ветвями достигающего небесных сфер. Остальные стены были завешены тяжелыми муаровыми портьерами.

Глеб задрал голову, разглядывая потолок комнаты, сработанный в виде звездного неба. Неизвестные мастера разместили на черном лабрадорите драгоценные камни, выложив из них очертания созвездий. Укрытые в стенах светильники подсвечивали рукотворный небосвод, и кристаллы лучились, отбрасывая крохотные разноцветные блики.

– Это Звездный зал, главный покой Обители, – сказал Глебу Акунд. – Сейчас здесь для разговора с нами соберутся все главные маги клана. – Он сделал паузу, воровато оглянулся и добавил: – Молчи об изумруде, понял?

– Но почему? – удивился Глеб. – Они же твои... соплеменники. Они помогут...

– Молчи, иначе я переломаю тебе все кости! – рыкнул Алексей, но тут же смягчился: – Ты же слышал? В клане измена. Доверять сейчас нельзя никому. Эх, Учитель. Если бы не нехватка энергии, он бы показал тем засранцам...

И могучий сатра выразительно сжал кулачищи.

Глеб хотел возразить, но не успел – в двустворчатые двери Звездного зала стали входить пожилые сатра в зеленых и синих мантиях. Звонко стуча копытами по полированному мрамору пола, они рассаживались вокруг стола. Вскоре почти все стулья оказались занятыми, пустовало лишь оббитое бархатом кресло и места рядом с Глебом и Акундом. Таким образом их как бы отделили от магов-«зеленых».

Одного из них Глеб уже видел. Когда «Додж» подъехал к Обители, этот высокий костистый старик с гривой полуседых волос и широкой черной бородой явился по зову стражей к воротам и говорил с Акундом, прежде чем их сопроводили в кабинет Крицы.

Именно он и заговорил первым:

– Высокие маги клана Ксенфа! Я, Рамер, Настоятель Обители знаний, собрал вас здесь по уже всем известному и трагическому поводу. Погиб Старший маг клана, многомудрый Крица, да будет его вечный путь за пределом усыпан драгоценными камнями, стократ более прекрасными, чем те, что украшают своды этого зала. Мы помним!

Маги как по команде поднялись и хором повторили:

– Мы помним!

Акунд тоже встал, а Глеб замешкался, и, когда все уже опустились, он оказался единственным стоящим на ногах. Украшенным перстнем пальцем Рамер ткнул в сторону Погодина:

– Ты, «коричневый», принес зло в нашу Обитель! И сейчас без утайки поведаешь нам все, что знаешь.

– Уважаемый Рамер, зло родилось не по воле этого человека, – глядя в стол, низким голосом сказал Акунд. – Это произошло в тот момент, когда кто-то задумал обезглавить клан. Я хотел бы...

– Как смеешь ты, безотчий сын, ничтожное существо, прерывать речь Настоятеля Обители? Что знаешь ты, бессмысленный прожигатель жизни, о том, что творится на самом деле? – неожиданно загремел Рамер. Гнев исказил благообразное лицо мага.

Глеб сидел ни жив ни мертв.

Акунд заскрипел зубами, но не отступил.

– Бывают времена, когда и прожигатель жизни знает больше самого многомудрого мага! – дерзко выкрикнул он.

– Кошунство! Кошунство! – пронеслось над столом.

Рамер ударил копытом в пол, простер руку к Акунду:

– Властью и волей своей я лишаю тебя, Акунд, сын клана, дара речи в стенах Обители! Ты пойдешь под замок и будешь сидеть там столь долго, сколь этого потребуют обстоятельства! Стража! Уведите.

Акунд вскочил, отбросив тяжелый стул, но несколько сатра, габаритами не уступающие Алексею, бросились к нему из-за портьер. Они умело скрутили Акунда и поволокли к дверям. Глеб беспомощно посмотрел на него и увидел, что плененный сатра, выпучив налитые кровью глаза, беззвучно шевелит губами, делая ему весьма недвусмысленный намек – молчи!

Оставшись среди суровых магов в одиночестве, Глеб оробел. На него смотрели несколько десятков пар глаз, и не было в них даже намек на сочувствие.

– Говори! – приказал Рамер.

Глеб собрался с силами и уже в который раз мысленно вернулся в тот злополучный осенний вечер, когда нелегкая понесла его на прогулку в Измайловский парк...

Это была примерно та же версия событий, которую вчера он излагал Алексею Акундину. Мол, стал случайным свидетелем убийства, по дурости обронил подписанную бейсболку, и вот теперь за ним охотятся страшные киллеры, дабы отправить на тот свет и

спрятать все концы в воду. Далее Глеб перешел к знакомству с Алексеем. Тут уже пришлось врать напрапалую – дескать, этот паркурщик клеился к моей девушке, кстати, она здесь, у вас, погружена в колдовской сон, с какой-то страшной магической удавкой на шее, вы же такие могучие и сильные, спасите ее! Когда я приехал к этому ловеласу, чтобы поговорить по-мужски, на нас напали неизвестные убийцы. Глеб красочно, в подробностях, описал первое столкновение с подручными прекрасной сатрессы, схватку в подъезде, прыжок с седьмого этажа на кучу выращенной не иначе как с помощью магии растительности и гонку по ночной Москве. Тут Глеб охрип и сделал паузу, чтобы попросить воды.

Возникший за спиной стражник сунул ему в руку высокий хрустальный стакан. Пока Глеб пил, маги негромко переговаривались. Судя по всему, наибольшее недоверие у них вызвал не рассказ, а то, что Акунд с его слабыми магическими способностями сумел сотворить какую-то «зеленую подушку».

– Даже с учетом использования разрушающегося объекта! – басил грузный, заросший бородищей до самых глаз сатра, потрясая над столом ладонью. – Одно из двух – или Акунд приобрел где-то очень хороший амулет, или это ложь!

– Первое вероятнее, но использовал он его мастерски. Выпрыгнув из окна – это же надо? – вклинился горбоносый маг с золотой цепью на шее. – Так или иначе, но надо будет потом повнимательнее присмотреться к этому дерзцу!

– Тихо, уважаемые! – прервал споры Рамер и небрежно бросил Глебу: – Продолжай.

Продолжать было легче. Глеб честно рассказал про меченую пулю, поездку к Милке, бункер и хитроумный план Акунда – самостоятельно выследить убийц Ксенфа, ловя их на Глеба, как на живца.

– Значит, этот глупец хотел в одиночку поймать покусившихся на жизнь Ксенфа из Ксенфов? – с нескрываемой иронией спросил Рамер.

– Наверное, – развел руками Глеб, делая вид, что сам не очень-то понимает мотивов, которые двигали его товарищем по несчастью.

– Говори дальше, – благосклонно наклонил голову Настоятель.

Воодушевившись, Глеб выдал «финалочку» – про оборотней и дьявольскую сатрессу, особо остановившись на том, что это именно она помогла ему увидеть через Пелену.

– Но зачем? – непонимающе переглянулись маги.

Глеб пожал плечами:

– Откуда я могу знать? Может, у нее какие свои планы? А потом появился Акунд, вытащил Милку... Вернее, он вытащил Милку еще раньше, а потом спас меня, расстрелял серебряными пулями гр... хр... Не помню, как он их называл, боевых магов-оборотней, в общем, и привез нас в вашу Обитель.

– Это все? – На этот раз в голосе Рамера явственно слышался холод.

– Нет! – торжественно выкрикнул Глеб. Самое главное он припас под конец и хотел выложить, как джокера на стол: – Помните, я говорил, что перед схваткой с Акундом та женщина в черной коже... сатресса, крикнула: «Силлипитирья!» Когда я... мы с Акундом рассказали все Крице... многомудрому магу, тому седому старцу, что так тепло нас принял, он достал волшебную книгу... «Криптобиблию», да? В общем, он прочитал там, что «Силлипитирья» – это какая-то банда наемных убийц. А дальше выяснилось, что нас подслушивают, и прилетела молния, и этот старый маг... погиб. Книга тоже сгорела. Вот теперь все.

Рухнув на стул, Глеб потянулся за стаканом, но оказалось, что он пуст. Маги, не обращая на него внимания, бурно обсуждали услышанное, временами начинали сыпать неизвестными Глебу терминами. Конец этому положил Рамер. Поднявшись, он припечатал ладонью стол, дождался тишины и заговорил. И хотя он обращался к Глебу, после первых же слов стало ясно, что речь его в большей мере адресована собравшимся магам.

– Мы услышали тебя, «коричневый». Не скрою, ты удивил всех. Но у меня есть подозрение, что ты не открыл нам всей правды. Твой рассказ содержит массу неясных моментов. Мы без труда могли бы заставить тебя выложить нам все, но сейчас, в условиях

энергетического голода, я принял иное решение. Итак: завтра состоится Совет клана. Это уже решенный вопрос, согласованный со Стоящим у престола, уважаемым Дэфтером и наибольшими клана. Ты будешь присутствовать на Совете. Там, при всех, тебя подвергнут заклинанию «открытой памяти». Надеюсь, то, что мы увидим и услышим завтра, не будет сильно отличаться от твоего сегодняшнего повествования, иначе... Ночь ты проведешь в Обители. Стража!

– Постойте! – вскинулся Глеб. – А Милка? Что будет с моей девушкой?

Он сам не заметил, как пропустил слово «бывшей». Рамер впервые за все время улыбнулся.

– Клан Ксенфа могуч, суров, но справедлив и чист от зла. Твоя женщина не имеет за собой никакой вины. Мы окажем ей помощь. Ныне «темная удавка» на ее шее оборвана, но не снята. До лучших времен «коричневая» будет храниться в Обители. Как только мы обретем прерванную связь с источниками, с нее снимут заклятие. Не беспокойся, ее жизни ничего не угрожает. Иди. В этом зале тебе больше нечего делать, человек, – в последнее слово настоятель вложил немало презрения.

Повинуясь приглашающему жесту стражника, Глеб поднялся и поплелся к выходу, переживая, почему маг сказал про Милку: «будет храниться», точно она была не живым, пусть и спящим, человеком, а замороженной тушкой курицы...

Гюрза – Вепрю:

Мы не прощаем смерть своих агентов. Пролитая кровь требует отмщения.

Вепрь – Гюрзе:

Если вы начнете действовать самостоятельно, я разорву контракт.

Гюрза – Вепрю:

Обстоятельства зачастую сильнее нас.

Вепрь – Гюрзе:

Последний раз прошу – никаких действий за пределами договора!

Гюрза – Вепрю:

Посмотрим...

Комната, в которой Глебу предстояло провести ночь, напоминала скорее тюремную камеру или монашескую келью. Узкая, с крохотным, забраным решеткой окном в торце, она была обставлена с поистине спартанским аскетизмом – кровать, столик и каменный писсуар с журчащей водой, сразу у входа.

Стражник, бородатый мускулистый тип, толкнул Глеба в комнату, положил на столик его сумку, вышел и запер за собой массивную, окованную железными полосами дверь.

– Приют убогого чухонца, – произнес Глеб, сел на кровать и скривился – судя по всему, хозяева не удосужились постелить матрац, и спать предстояло на голых досках, застеленных тонким шерстяным одеялом.

Он взял сумку, собираясь достать свитер – в его новом жилище было довольно прохладно, – и скривился вторично. Вещи в сумке лежали не так, как их складывал Глеб. Судя по всему, их вытряхнули, тщательно проверили, а потом запихали обратно. Впрочем, ничего не пропало – ни деньги, ни документы, ни диски.

– И на том спасибо, – проворчал Глеб и натянул свитер.

Положил сумку под голову, лег и отвернулся к стене. Лампочка под потолком немедленно погасла.

«Следят, – с досадой подумал Погодин. – Видеокамера или какой-нибудь магический прибамбас. Хотя скорее камера. Надо же – магия существует! С ума сойти можно...»

Затем в голове завертелись события прошедшего дня, самого, пожалуй, невероятного в жизни Глеба. Постепенно мысли переползли на то, что его ожидает:

«Завтра эти копытноногие сатра узнают всю правду об изумруде. Интересно, почему мне уже не страшно? Наверное, потому, что я так до конца и не верю в реальность происходящего. Все, к черту, надо выспаться! Глядишь, проснусь завтра в своей постели – вот будет хохма...»

С этой мыслью он и задремал, успев пожалеть напоследок, что сегодня ночью ему не удастся пообщаться с изумрудом и посмотреть во сне очередную историю из жизни магического камня...

Но выспаться в эту ночь Глебу было не суждено. Едва он отключился, как почувствовал чье-то прикосновение. Нет, не так – это скорее походило на дуновение легкого, но холодного ветерка, коснувшегося шеи, щеки, волос. Глеб открыл глаза – тьма, непроглядная, как в могиле. Он перевернулся на спину и прислушался. В комнате-камере стояла напряженная, звенящая тишина, даже вода в писсуаре перестала журчать.

«Откуда здесь взяться сквозняку? – Привычка рассуждать логически вновь взяла верх над эмоциями. – Окно закрыто наглухо, дверь тоже. Если бы кто-то отпер ее и вошел, я бы услышал лязг ключей, скрип и шаги. Значит... показалось?»

Вновь потянуло холодом.

«Как будто включился бесшумный кондиционер. – Подыскав аналогию из мира привычных вещей, Глеб нашарил на столике свернутую куртку и укрылся ею. – Возможно, так оно и есть, но кто и зачем охлаждает воздух в и без того холодном помещении? Или это такая пытка? Хм... но зачем им меня пытаться и мучить, если я и так завтра ничего не смогу утаить? Не стыкуется...»

И тут краем глаза он заметил слабое свечение у двери.

«Так светился экран старого бабушкиного телевизора после того, как его выключали», – вспомнил Глеб.

Он приподнялся, опираясь на локти, всмотрелся...

– Кто тут?

«Молчи! – прошелестел в сознании вроде бы знакомый голос. – Ляг и делай вид, что спишь. Говори мыслями».

«Хорошо, – выполнив просьбу неведомого гостя, отозвался Глеб. – Кто вы?»

«Ты общался со мной сегодня. Я – Крица».

«Так вас не убили? – Глеб решил, что просто из одного сна попал в другой, но тут же сомнение царапнуло сердце остреньким коготком. – Или...»

«Убили, – проговорил собеседник. – Я – не личность Учителя клана Ксенфа, а всего лишь ее оттиск, призрачная тень на стене. Все живущие имеют два тела – тварное и энергетическое, называемое еще телом Силы. Когда плоть умирает, тело Силы рассеивается, энергия сливается с энергетическим полем, что охватывает Землю. Мое ждала та же судьба. Но слишком много сил вложил я в свое время в создание Обители, слишком много меня в этих стенах. И поэтому неожиданно даже для меня получилось так, что мое тело Силы еще существует и некоторое время будет существовать, и я даже сохраняю осознание себя. Но это ненадолго, очень ненадолго», – в словах мертвого мага послышалась грусть.

«Вы сможете мне помочь? – едва не проговорил вслух Глеб. – Или сообщить своим все, что узнали от меня?»

«Тихо, тихо... – все тем же ровным мысленным голосом успокоил его маг. – Я уже не жив и говорить со своими учениками и учениками моих учеников не могу. Они не слышат меня, но почему я смог докричаться до тебя – большая загадка даже для меня. Есть нечто странное в тебе... Но оставим теперь наши персоны и перейдем к нашим незаконченным делам. Вам надо торопиться. Я уже побывал у Акунда, его держат в подземном узилище. Поговорить не сумел, но кое-что сделал, снял энергетический защитный контур и знаками указал путь. Скоро он будет здесь. Потом вы отправитесь за смарагдом. Когда камень окажется у вас в руках, постарайтесь связаться с местоблюстителем, Стоящим у престола,

его имя Дэфтер, людское – Василий Леонтьевич Декатин. Расскажите ему все, без утайки. В клане измена, кто-то хочет узурпировать власть. Скажите Дэфтеру, что я просил его продолжить поиски наследника Ксенфа. Мне кажется, только истинный наследник сможет спасти клан».

«Мы должны будем отдать изумруд Декатину?» – Привычка к четкой постановке условий выполняемой задачи подтолкнула Глеба задать этот вопрос.

Некоторое время Крица, точнее, его призрак, как решил для себя Глеб, молчал. Потом в голове вновь зашелестел бесцветный голос, и в нем прозвучали сомнение и досада:

«Нет. Вам, наверное, не следует встречаться с ним, это опасно. Ох, я запутался... Проклятие! Настали воистину черные времена. Набольшие клана не могут доверять друг другу... Если смарагд попадет к Дэфтеру, то окажется достоянием для многих. Местонахождение камня перестанет быть секретом. Тот же Страж клана, Базэл, если, конечно, это он стоит за смертью Ксенфа из Ксенфов, может попытаться силой захватить смарагд. Нет, ни в коем случае не отдавайте камень!»

«Помните, я рассказывал вам, что, умирая, Ксенф произнес: «Он сам найдет наследника»? Быть может, попытаться поговорить с камнем? Иногда у меня получается...»

«Ты не понимаешь, Глеб Погодин. Даже если вы – ты, Акунд и смарагд, все вместе – отыщете кровного сына Ксенфа, Совет клана никогда не признает его, объявив самозванцем. Нужно, необходимо, чтобы набольшие сами отыскивали наследника, чтобы у них не было и тени сомнения в его, говоря привычным для тебя языком, легитимности».

Глеб перевернулся на левый бок, подтянул сползшую куртку.

«Уважаемый Крица, но как быть с «Силлипитирьей»? Что, если они снова выследят нас?»

«Да, «Силлипитирья» – ключевой момент во всей этой истории. Убийц нанял тот, кто уже делал это во время Большой, иначе называемой Десятилетней, войны. Вторая часть предстоящего вам с Акундом деяния связана именно с этим. Вы пойдете к Игроку по прозвищу Аскет...»

«К кому?» – удивился Глеб.

«Не перебивай! Время нашей беседы подходит к концу. Акунд знает, кто это такой, и просветит тебя. Так вот: вы пойдете к Игроку по прозвищу Аскет. Он знает очень многое и может вам помочь. Выясните, кто нанимал «Силлипитирью». Но будьте осторожны – заставить или купить его невозможно, можно только убедить».

Крица умолк. Когда он заговорил вновь, голос старого мага изменился. Он стал слабее и звучал глуше:

«Акунд совсем близко. Я вложу все силы в то, чтобы обмануть систему слежения, затемнить объективы камер и продержатъ затемнение как можно дольше. Сейчас моя аура не должна поддерживать существование физического тела, и я могу не экономить. Часа на два меня хватит. Как только откроется лаз – не мешкай!»

«Лаз?!»

«Обитель была перестроена почти сорок лет назад. – Крица явственно, вполне человечески, усмехнулся. – И я принимал в этом очень большое участие. Я создавал проект и воплощал его в жизнь. Это мой дом, Глеб Погодин. Я знаю тут каждый отнорок, даже тот, о котором не ведает нынешний Настоятель».

Едва голос старого мага смолк, как пол еле заметно дрогнул. Каменная плита возле стола опустилась и ушла в сторону. Из квадратной дыры появилась лохматая голова Алексея Акундина.

«Нет, не Акундина, – поправил себя Глеб, – а сатра Акунда».

– А, это ты? – немного удивленно воскликнул Акунд. – Значит, правильно меня в эту сторону потянуло. Странно это все... И камера моя вдруг открылась, и я... – Увидев в углу колышущееся сияние, он осекся. – А это что за хрень?

Ответа Крицы Глеб не услышал, ведь тот предназначался бывшему ученику старого мага. Но Акунд выпучил глаза и некоторое время слушал, открыв рот.

– Давай! – прошептал он и исчез в дыре.

Перед тем как спрыгнуть, Глеб обернулся и посмотрел на колышущееся сияние:

«Скажите, а умирать – это страшно?»

«Это больно, Глеб Погодин. Больно и неприятно. Но – нет, не страшно. Страшно другое – умирать, зная, что ты не закончил всех земных дел. Ступайте! Да поможет вам Праотец! И спасибо, что помог мне поговорить с Акундом напоследок. Без твоего присутствия мне это, как я уже говорил, не удалось».

Подземный ход оказался очень тесным, да вдобавок еще и низким. Глеб в полной темноте ковылял следом за Акундом, то и дело задевая плечами и головой за выступы каменных стен. Ему оставалось только гадать, каково приходится в этой норе могучему сатра, однако тот двигался на удивление быстро и бесшумно, время от времени шепотом подгоняя спутника:

– Не возись! Наддай! Ходу, ходу!

Тьма вокруг, скрип песка под подошвами ботинок, далекий плеск воды. Каменная кишка прихотливо изгибалась, ветвилась, поднималась и опускалась, все дальше уводя двух беглецов от Обители. Глеб чувствовал усталость и странное, непривычное опустошение.

«Меня словно выжали, как выжимают белье. Сил почти не осталось», – билась в голове одинокая мысль.

Потом само собой сложилось четверостишие:

Если крысу гоняли и били,
Если дверью ей хвост прищемили,
Приготовьтесь встретить за дверью
Озверевшего злобного зверя.

«На словах это выглядит красиво и даже страшно. А на деле какой из меня зверь? – грустно подумал Глеб. – Так, зверек. Вот именно что крыса. Даже крысеныш. Маленький, испуганный зверек, путающийся под ногами дерущихся псов. Любой из них может походя щелкнуть челюстями – и все, этот свет станет для меня тем. Земля пухом, Глеб Погодин. Тем паче что сейчас я и так под землей. Каменные стены по прихоти какого-нибудь мага с копытами сдвинутся... нет, нельзя, нельзя об этом думать. Милка всегда говорит, что плохие мысли материализуются. Нужно быть позитивным! Милка... Ей-то каково? Лежит сейчас ни жива ни мертва в «хранилище». А виноват – я! Втравил ни в чем не повинного человека в историю».

В какой-то момент Глеб не выдержал нервного напряжения и срывающимся голосом спросил:

– Далеко еще? И где мы выйдем наружу?

– Потерпи, – как маленькому, ответил Акунд. – Ход должен закончиться в парке, у беседки Стеклянных слез. Потерпи.

Наружу они выбрались глубоко за полночь. Подземный ход упирался в постамент статуи, изображающей спящего волка. Акунд поднатужился и сдвинул гранитную глыбу в сторону. Глеб ожидал увидеть ночное звездное небо, но оно было закрыто тучами. Накапывал холодный дождик, таинственно шумели ветвями еле различимые в темноте деревья. Пахло мокрой травой, прелью, палой листвой; знобкий ветерок забрался под куртку, заставив Глеба поежиться.

– Это старый усадебный парк, – наклонившись, прошептал Акунд. – Вон там беседка Стеклянных слез и фонтан. Ворота – налево по дорожке. Но туда мы не пойдем.

– Охрана? – догадался Глеб.

– После нападения на Обитель все посты усилены боевыми магами. Если бы они стремились к этому, то нашли бы нас в два счета. Но стража ждет нападения извне, а не бегства изнутри. Это наш шанс. Возле ограды парка мы залезем на дерево, по сучьям переберемся за пределы Обители и окажемся на свободе. Только бы не напороться на

патруль... Тело Силы Крицы постарается сделать так, чтобы нас хватило не сразу. За пару часов мы должны уйти далеко. Все, погнали!

Пригибаясь к самой земле, Глеб поспешил за Акундом, стараясь не потерять его сторбленный силуэт из виду. В парке было лишь немногим светлее, чем в подземелье. Шелест дождя и шум ветра надежно прятали звуки шагов беглецов, узкие ясеневые листья, непрерывно осыпавшиеся с веток, маскировали их следы. Когда впереди смутно забелели кирпичные столбы высокой ограды, Глеб наконец-то успокоился. Пришла уверенность – у них все получится.

Но его напарник не зря опасался патрулей. Три могучие фигуры появились меж стволов внезапно, точно выросли из-под земли.

– Замри! – чуть слышно выдохнул Акунд, вжавшись в мокрую траву.

Глеб упал рядом, сжался, чувствуя, как бешено колотится сердце. Сквозь тонкие ветки какого-то куста он ясно видел стражников – три сатра медленно шли вдоль железной кованой решетки, осматривая ее.

– Это не патруль, – донесся до него голос Акунда. – Я не вижу мага. Простые охранники. Скорее всего, сработал внешний следящий контур, и их отправили из кордегардии проверить, что и как.

– То есть они – не за нами?

– Нет. Быть может, птица или зверь нарушили целостность контура...

– Смотри! – перебив Акунда и еле сдержавшись, чтобы не крикнуть, ткнул приятеля в бок кулаком Глеб. – Вон там, левее, на столбе! Видишь?

В сущности, он не мог точно объяснить, что именно заметил на увенчанной четырехскатной крышей вершине каменного столба. Какую-то тень, неясное, расплывчатое серое пятно, клуб дыма или тумана. Но Акунд, повернув голову, задышал громко и часто. Сквозь зубы он прошипел:

– Танцор! Лазутчик!

– Кто?

– Альв. Великий Праотец, он – маг! Как же...

Акунд не успел договорить – туманное пятно сорвалось со столба и поплыло по воздуху, медленно приближаясь сзади к ничего не подозревающим стражникам.

– Их надо предупредить, – зашептал Глеб, но сатра уже вскочил и рывкнул на весь парк:

– Парни! Опасность! Здесь Танцор!

Стражники, отшатнувшись от ограды, завертели головами, один полез рукой в кобуру на поясе. Туманное пятно приблизилось. Глеб ясно различил внутри него шуплую человекообразную фигурку, неспешно перебирающую тонкими ногами, словно шагающую по воздуху. В один момент показалось, что альв слабо светится изнутри.

«Как будто там неонка», – вспомнив популярную в Интернете шутку, Глеб истерически хихикнул.

От летящего туманного пятна веяло опасностью. Организм, получив новую порцию адреналина, подал сигнал – можно действовать. Глеб поднялся на ноги и устремился следом за Акундом, истошно голая:

– Он летит! Летит!

Стражники, наконец заметив и беглецов, и альва, встали треугольником, изготовившись к бою. Судя по всему, они собирались схватиться и с лазутчиком, и с Акундом. Себя из боевого расклада Глеб вычеркнул сразу – при всем желании он не мог тягаться с обученными драться сатра. И тут альв применил магию...

Ночная тьма рассеялась, желтая листва ясеней вспыхнула охряным светом, трава под ногами зашевелилась, капли дождя, напротив, зависли в воздухе. Альв полетел быстрее, описал полукруг над головами стражников, тщетно пытавшихся прицелиться, и скрылся среди роя возникших из ничего каменных глыб. Некоторые из них начали падать на землю, не производя никакого шума.

– Иллюзии! Не верьте, это обман! – взвыл Акунд, огромными прыжками приближаясь к

месту схватки.

Миг – и он оказался совсем рядом с троицей бойцов, промчавшись сквозь гранитную глыбу, которая, казалось, могла бы раздавить и танк.

– Стой! Замри, где стоишь! – приказал ему один из стражников.

Огромные камни не причинили им никакого вреда, и Глеб решил, что эти ребята хорошо подготовлены к схваткам подобного рода. Альв по-прежнему крутился, прятался в воздухе, лавируя между каменюками, ломал руки, делая какие-то пассы.

– Вызывайте магов! – крикнул Акунд. – Этот противник вам не по зубам!

– Заткнись и сядь! – процедил все тот же стражник.

Он сунул пистолет на место и вытащил из-за пазухи узкий гибкий ремень. Глеб сперва не понял, что это, но, когда стражник вложил в ременную петлю темный кругляш и начал раскручивать снаряд над головой, догадался – сатра хочет сбить альва с помощью пращи, да, похоже, не простой, а магической – иначе какой смысл пускать ее в ход вместо пистолета?

Однако в планы летающего чародея это явно не входило. Неожиданный порыв ветра принес запах сирени и звуки дивной, чарующей музыки. Прямо из беленого столба ограды вышел белый же единорог с золотой гривой, на мокрых стволах ясеней распустились огромные, удивительно прекрасные цветы...

– Вызывайте магов! – завопил Акунд таким отчаянным голосом, что Глеб, зачарованный волшебной альва, вздрогнул от неожиданности, хотя был уверен, что уже разучился это делать. – Он убьет вас! Арист, не будь ослом, пошли сигнал!

– П-пос-с-сила-а-а-ю-ю! – жутко оскалившись, выкрикнул стражник и с усилием метнул ядро из пращи в альва.

Тут же грохнуло, и в вышине, там, где неся в сторону туманного пятна смертоносный снаряд, вспыхнуло маленькое ослепительное солнце. Альв, не мешкая, рванулся в атаку. Он раскинул полупрозрачные руки, и на головы стражников пролился дождь из змей, пауков, ящериц, скорпионов и прочей опасной и омерзительной живности. Но это был всего лишь отвлекающий маневр. Пока, борясь с брезгливостью, сатра пытались не замечать ползающих по ним гадов, альв зажег траву под их копытами и одновременно, снизившись, взмахнул рукой.

Отвлеченные иллюзиями, стражники не успели среагировать на этот взмах – и проиграли схватку. Крохотные оперенные дротики поразили их, кого в шею, кого в лицо, а быстродействующий яд убил троих сатра быстрее, чем они успели понять, что же произошло.

– Ах ты... – От гнева лицо Акунда превратилось в жуткую маску.

Он подпрыгнул, ударил копытом в ствол ближайшего дерева и, получив ускорение, ухватился за толстую ветку, повиснув на ней, словно огромная обезьяна. Альв оказался всего в паре метров от раскачивающегося в воздухе сатра. Танцор попытался подняться на безопасную высоту, но Акунд был быстрее. Прогнувшись так, что затрещал позвоночник, он с силой бросил мускулистое тело вперед и вверх, взмахнул в полете рукой и сдернул альва на землю. Когда они приземлились, череп Танцора хрустнул под коленом Акунда. Тут же исчезли иллюзии – единорог, цветы, запахи, музыка. Дождь обрушился на землю с удвоенной силой, стало темно.

Глеб и Акунд стояли над телами погибших сатра. В стороне медленно рассеивалось туманное облако вокруг альва. В глубине раздавленной головы пульсировал крохотный голубой огонек. Танцор был самым омерзительным из виденных Глебом за Пеленой разумных существ.

– Проклятие! – простонал Акунд, ухватившись огромными ручищами за голову. – Что же делать? Сейчас здесь будут маги и стражники...

И тут тщедушное тело альва вдруг вспыхнуло и мгновенно сгорело дотла, не оставив даже пепла. Это и решило дело – Акунд закричал зубами, вскопытил траву.

– Это был подготовленный лазутчик. Видишь, заклинание на самоуничтожение? Все, теперь виновники смерти Ариста и остальных – мы! Уходим!

Он облапил Глеба и, не слушая возражений, забросил его на вершину каменного столба, поддерживающего ограду. Сам сатра ловко перелез через решетку. Чугунные завитки отозвались гулким звоном на удары его копыт. Глеб спрыгнул во тьму, едва не потеряв сумку, повернулся к Акунду:

– Ты знал этих... Которых убил Танцор?

– Да, – односложно ответил здоровяк. – С Аристом мы вместе... Впрочем, это уже не важно... Надо спешить. Теперь мы вне закона, и только Всеотец знает, удастся ли нам оправдаться...

Гюрза – Вепрю:

Следы Акунда и Погодина потеряны окончательно. Предлагаю расторгнуть контракт на паритетных условиях.

Вепрь – Гюрзе:

То есть?

Гюрза – Вепрю:

Фифти-фифти. Мы выполнили половину работы, вы платите половину гонорара.

Вепрь – Гюрзе:

Мне нужно подумать.

Гюрза – Вепрю:

Думайте, только недолго.

Вепрь – Гюрзе:

Я пока еще властен над своим временем.

Гюрза – Вепрю:

Самообман – худшая из форм лжи.

Глава 8

Лязгающий дверями на каждой выбоине оранжевый «пазик», натужно ревя двигателем, двигался в сторону Москвы. Старый автобус с трудом продирался сквозь автомобильную пробку, запечатавшую Волоколамское шоссе. В плотно набитом пассажирами салоне было душно; ливший всю ночь дождь к утру прекратился, но успел вымочить людей на остановках. От курток и плащей направляющихся в столицу на работу жителей Подмоскovie поднимался сырой пар.

Этот автобус идет прямо в ад.
Только вперед – ни шагу назад!
Все пассажиры обречены.
Никто не вернется с этой войны...

Глеб и Акунд сидели в самом конце салона, на жестких дерматиновых сиденьях, переговариваясь вполголоса. После отчасти удачного побега из Обители им предстояло решить: что делать дальше?

– Ты камень где скинул? – поинтересовался сатра.

Оказавшись среди «коричневых», он натянул на себя «маску», превратившись в уже знакомого Погодину разбитного парнягу. Настоящий облик сатра не изменился, и дико было видеть, как здоровяк с копытами вместо ступней и со звериными глазами произносит

словечки вроде: «круто», «ништяк» или «стремно». Для людей он выглядел как человек – и вел себя соответственно.

– Сам увидишь, – осторожно ответил Глеб.

Теперь, после всех перипетий, связанных с магией, он опасался говорить лишнее – вдруг за ними все же следят или подслушивают каким-то неведомым способом?

Припомнив разговор с призраком Крицы, Глеб спросил:

– А кто такой Базэл?

– Страж клана. Вне Пелены – Вадим Царев. По-вашему – начальник службы безопасности.

– Вроде бы Крица его подозревает?

– Ну, – односложно буркнул Акунд. – И это, сам понимаешь, для нас очень фигово. Хотя лично я не верю, что Базэл – изменник. Он честный сатра. Хотел бы власть прибрать, действовал бы прямо, без хитрости. А с наемниками, с чужими магами из этой «Силлипитирии», с оборотнями связываться... Не, не верю.

– Вера – категория иррациональная, – наставительно сказал Глеб. – Власть такая штука, что ради нее любой на все готов. По крайней мере, у нас, людей, так. Возьми учебник по истории – примеров масса.

– Сатра – не люди! – вскинулся Акунд, сверкнув глазами, и Глеб счел за лучшее переменить тему.

– Крица сказал, что нам нельзя встречаться с этим... – он запнулся, – ...Стойщим у престола.

– Дэфтером? – Акунд помрачнел. – Да, он мне тоже мигнул, что это глушняк. На подходе завалят за милую душу. Но на связь выйти необходимо. Только вот – как? А Учителя – жалко, мировой дед был, хотя мы с ним и цапались, когда я учился – ой-ей...

– Ну, если ты не знаешь... – разочарованно вздохнул Глеб. – Я думал, телефон там или у вас по магии как-то поговорить можно.

Сатра усмехнулся:

– Дэфтер по должности – это как вице-губернатор Московской области. Ты знаешь телефон вице-губернатора? А «по магии»... Может, как-то и можно, только херовый я маг, братуха! Да и сил на заклинания не осталось. Источники-то закрыты!

– Значит, торопиться с этим делом нам не следует, – рассудительно подытожил Глеб.

– Торопливость, она вообще... известно когда нужна. У нас явно не тот случай, – согласился Акунд. Пригладив непослушные кудри, он с тоской посмотрел на запотевшее окно, покосился в сторону угрюмых пассажиров и прошептал, наклонившись к самому уху Глеба: – У тебя денег много осталось?

– Ну, достаточно, – осторожно ответил Погодин. – В Турцию хватит смотаться. А что?

– Давай пока так: возьмем камень и попробуем состыковаться с Игроком. Ну, с Аскетом, про которого Учитель говорил. Если получится узнать, кто киллеров нанял, нам светлее станет дальше ползти. Факт?

– Факт, – осторожно кивнул Глеб. – Только...

– Что – «только»?

– Если бы еще наследника найти. Тогда сразу двух зайцев убили бы.

Акунд снова усмехнулся:

– Ну ты даешь, братуха! Вы же, «коричневые», сами говорите – за двумя зайцами погонишься...

– Да знаю я! – с досадой повысил голос Глеб. – Но было бы правильнее с Дэфтером в самом конце связаться и сразу все выложить: вот изменник, вот наследник, вот камень.

Сатра несколько секунд в упор разглядывал его, потом задумчиво произнес:

– Как Крица сказал, так и будет. Ты, братуха, пацан головастый, но башка твоя для ваших, «коричневых», заморочек хороша. А мы, сатра, иными тропками ходим. Все, кончай базар. Нам до «Тушинской» еще полчаса пилить, давай поспим. Умотался я за эту ночь – все равно что с десятков «прохожек» сделал...

Проникнуть в лифтовую шахту оказалось намного проще, чем думал Глеб. Две двери – подвальную и собственно ведущую в подлифтовые помещения – Акунд вскрыл с присущей ему сноровкой, у первой сбив замок, а вторую попросту выдавив плечом. Свои действия сатра сопровождал мрачными комментариями:

– Вот все же дебилы вы, «коричневые»... Ну что, разве это замок? И ведь верят, верят – заперто, надежно! А потом дома на воздух взлетают.

Глеб, обидевшись на «дебилов», ничего не стал говорить. Его буквально трясло от возбуждения – сейчас он увидит, возьмет в руки, вновь почувствует изумруд! Удивительный, таинственный смарагд, который держали в руках сам Александр Македонский, императоры Византии... да мало ли кто за тысячелетия, прошедшие с момента создания камня тем безликим магом, что погиб вместе с могущественной империей Аталана!

– Не трясись, – посоветовал Акунд, пробираясь по темному подвалу, без всякой системы заставленному деревянными ящиками с запчастями.

– Н-не могу, – лязгая зубами, признался Глеб.

– Приманил он тебя, приплавил... Ты как его отдавать-то будешь? – хмыкнул Алексей.

– Не твое дело! – неожиданно озлившись от осознания того, что с камнем скоро придется расстаться, огрызнулся Глеб.

– Ну-ну, – покачал головой его спутник. – Все, пришли. Ты уверен, что, когда чинили лифт, камень не утанули? Подобрал его какой-нибудь механик или слесарь – и ищи-свищи.

– Он здесь! – уверенно выкрикнул Глеб, оттолкнул сатра и ринулся вперед, подсвечивая себе брелоком-фонариком, по дороге купленным в киоске «Роспечати».

В квадратной шахте было пыльно. Гулко лязгал и грохотал над головой лифтовый механизм. Оглядевшись, Глеб понял, что стоит на дне слабо освещенного тусклыми лампами колодца, по которому и движется кабина лифта. Под ногами поскрипывал песок. Из него торчала бетонная плита, какие-то железки с резиновыми накладками. В памяти всплыли слова «прямок», «буфер».

– Ну что, нашел? – нетерпеливо спросил Акунд, просунувшись в узкий проем двери. – Чего ты копаешься?

– Отвали, – все так же грубо буркнул Глеб.

Присев на корточки, он принялся шарить руками во влажном песке, пытаясь на ощупь обнаружить футляр с изумрудом. Вскоре его усилия увенчались успехом – пальцы наткнулись на холодный полированный бок металлического яйца.

Это было как взрыв! У Глеба на мгновение потемнело в глазах, голова закружилась, и он без сил привалился к шершавой кирпичной стене. Камень послал своему хранителю такой мощный заряд эмоций, что, казалось, Глеба сейчас разорвет на части. В его голове бушевал настоящий тайфун из образов и обрывочных фраз. Но основной смысл месседжа был вполне понятен: ни в коем случае не открывать футляр.

– Ес-сть! – просвистел Глеб сквозь крепко сжатые зубы, сунул камень в карман и с трудом поднялся на ноги. – Вот он, смарагд Ксенфа!

– Ну-ка, дай поглядеть, что это за камешек, – прогудел за спиной Акунд.

Глеб медленно развернулся и в упор посмотрел на сатра:

– Мне бы не хотелось этого делать.

– Да ладно тебе, – широко ухмыльнулся здоровяк. – Что от него, убудет, что ли?

– Нет, – отрицательно покачал головой Глеб.

– Ты в натуре в отказ кинулся? – нахмурился Акунд. – Давай!

– Нет! – крикнул Глеб, шагнул назад, запнулся о буферный выступ на дне прямка и упал, но футляра с камнем не выпустил. – Он мой! Мой!

– Ты еще скажи: «моя прелесть»! – неожиданно успокоившись и напустив на себя беспечный вид, осклабился Акунд. – Горлум недоделанный... Ладно, не хочешь – не надо. Была бы честь предложена.

Здоровяк повернулся и побрел прочь от лифтовой шахты. Глебу стало нестерпимо

стыдно. Это человек... хорошо, пусть не человек, пусть сатра, который ходит своей тропкой, но все же – он уже не раз рисковал жизнью, чтобы спасти Глеба, а теперь натурально обиделся в ответ на отказ просто показать так важный для его клана артефакт.

– Акунд... Постой!

– Да пошел ты!

– Понимаешь, его нельзя открывать! Это... ну, очень важно. – Глеб вскочил и бросился вслед за сатра. – Помнишь, когда мы убегали от «Силлипитиры»... Ну, когда машину твою бросили?

– И что?

– Они нас все время вычисляли.

– Ну и?

– У меня в кармане футляр случайно приоткрылся, – признался Глеб. – Я так понимаю, что маги умеют камень чувствовать, а футляр блокирует его излучение.

Акунд остановился, медленно повернул голову:

– Вот оно что... Хотя верится с трудом. Как же мощно он должен излучать, чтобы его издали секли? Ладно, братуха, замнем для ясности на этом кадре. Но ты его резинкой какой перетяни, что ли. Если он опять откроется...

– Нет, – уверенно и твердо ответил Глеб, испытывая внутреннее облегчение оттого, что разговор на тему показа камня вроде бы завершен. – Больше не откроется.

Они вышли на улицу. Глеб отряхнул джинсы, куртку, полез за сигаретами.

– Слышь, братуха, – лениво произнес Акунд. – Надо бы камень-то перезанывать. С собой такую фиговину таскать стремно.

Погодину показалось, что это предложение сатра приготовил заранее.

«Он хочет знать, где будет спрятан изумруд, – пронеслось в голове. И тут же кольнуло запоздалое сожаление: – Дурак я. Не надо было соглашаться ехать за смарагдом. Лежал бы сейчас камень в приемке шахты и лежал. Дурак...»

Вепрь – Гюрзе:

Какие у меня гарантии неразглашения информации по нашему контракту в случае расторжения на паритетных условиях?

Гюрза – Вепрю:

Я не терплю оскорблений.

Вепрь – Гюрзе:

Прошу прощения. Хорошо, я принимаю ваше предложение.

Гюрза – Вепрю:

Встречаемся сегодня. Место и время вам известны. Напоследок передам вам параметры ауры теленка. Эта информация может вам пригодиться.

Камень перепрятали по всем правилам конспирации. Место выбирал Акунд. После некоторых раздумий он предложил заброшенную стройплощадку в районе «Калужской». Глеб не возражал. После эмоционального взрыва, пережитого в лифтовой шахте, им овладело странное оцепенение. С великими предосторожностями, озираясь и выжидая, они «упокоили», по выражению сатра, футляр с изумрудом в глухом бурьяне между бетонными блоками фундамента, так и не ставшего законченной постройкой.

– Ну, вот и ладушки, – жутковато улыбнулся Акунд, когда дело было сделано. – Теперь можно двигаться дальше.

– Куда? – равнодушно спросил Глеб.

– Увидишь, – загадочно пообещал сатра.

Глеб и Акунд ехали в такси по Третьему транспортному кольцу, приближаясь к

Кутузовскому проспекту. Москва, не скрытая более за Пеленой, предстала перед Глебом одновременно знакомым и совершенно неизвестным городом. Общая география столицы не претерпела значительных изменений – реки, набережные, мосты, улицы, переулки, шоссе, эстакады, развязки были на привычных местах, и внешний вид их тоже не подвергся коррекции. С домами все оказалось сложнее – некоторые здания изменили этажность, декор; кое-где высились и совершенно невероятные постройки, которые Глеб для себя определил как «нечеловеческие».

Местами поменялась наружная реклама – на месте надоевших до зубовного скрежета надписей и картинок, призывающих купить какой-нибудь товар или услугу, Погодин видел на плакатах, стендах и перетяжках странные изображения и еще более удивительные надписи.

По дорогам катили причудливые экипажи, собранные явно не на конвейерах автомобильных заводов, – с высокими дымовыми трубами, огромными колесами, и даже с парусами. В небе – Глеб даже привстал на сиденье, уставившись в окно, – порхали кажущиеся крохотными с такого расстояния, но по-настоящему крылатые люди!

«Точнее, нелюди», – поправил себя Погодин.

У него накопилось множество вопросов к сатра, но они четко условились – при «коричневых» не вести никаких разговоров, связанных с Пеленой и истинным видом обитаемого мира.

Машина миновала Студенческую улицу и поехала мимо огромного сталинского дома, фасадом выходящего на Кутузовский проспект и занимающего целый квартал. Глебу этот дом был хорошо знаком – когда-то тут, в подвальном помещении, находилась редакция журнала «Рестораны Москвы». Погодин писал для этого издания статьи по истории кулинарии и несколько раз приезжал получать гонорары. Помпезный имперский дом отчасти напоминал тот, в котором жил он сам. Теперь потрясенный Глеб увидел растущие прямо из крыши каменные столбы, высоко в небе изгибающиеся стрельчатыми арками. На арки опирался огромный, метров тридцать в поперечнике, белый матовый шар. Прямо перед ним торчала вышка сотовой связи, мигал на ее вершине алый огонек.

– Что это? – одними губами прошептал Глеб, украдкой кивнув на удивительный мяч, будто бы парящий в небе.

– Глюк, – улыбнулся Акунд, скосив глаза на удивленного Глеба. – Говорят, это магический радар. Ах да, ты же никогда не видел строений, созданных выходцами из бесцветной сферы. Обожди, вот доедем, я тебе растолкую в двух словах...

Когда такси, свернув с Третьего кольца на Ленинградку, проехало два квартала в сторону Белорусского вокзала, Акунд попросил водителя остановиться. Глеб достал деньги, рассчитался и следом за приятелем выбрался из машины.

– Куда теперь?

Сатра молча указал на многоэтажное здание со стеклянным фасадом. Над козырьком входа ясно читались буквы: «Второй Московский часовой завод «Слава». Погодин припомнил, что часы этой марки носил в молодости его отец. Раньше Глеб не раз проезжал мимо завода, где-то в Сети читал сообщение о том, что производство собираются закрывать, чтобы построить на этом месте очередной торговый центр. Собственно, больше ничего о «Славе» он не знал.

– И что тут? – поинтересовался он.

– Любопытство сгубило кошку, – раздраженно отмахнулся Акунд. – Ты можешь обойтись без вопросов? Братуха, я все тебе растолкую, только потом, потом...

За Пеленой облик часового завода практически не претерпел изменений, единственное – из многих окон торчали курящиеся дымками коленчатые трубы с остроконечными искрогасителями. Пройдя по тротуару несколько метров, Акунд и Глеб приблизились к входу. Наверное, для обычных людей здесь были обыкновенные стеклянные двери, как в большинстве учреждений столицы, но Глеб увидел массивные створки, отлитые из чугуна. По краям вился прихотливый орнамент – кольчатые змеи, когтистые ящерицы, пылающие

саламандры, пучеглазые рыбы разевали зубастые пасти, впиваясь друг в друга. Незвестный мастер умудрился, сохраняя общую гармонию узора, ни разу не повториться в комбинации существ. Глеб, разглядывая удивительные ворота, понял, что этому занятию можно предаваться часами.

Сатра взялся за висевший на внушительной цепи тяжелый молот и трижды ударил им в выпуклый бронзовый щит. К удивлению Погодина, звон раздался не на улице, а где-то за воротами, в глубине здания. Лязгнул засов, и в чугунной створке ворот на уровне груди обычного человека открылось крохотное зарешеченное оконце, за которым блеснули глаза привратника. Он смерил человека и сатра недовольным взглядом и спросил тонким голосом:

– Что надо?

– Сатра Акунд к почтенному Сог-Роту. По делу, – прогудел «зеленый», упершись в гладкий чугун огромной ладонью.

– Ждите, – мрачно, но все с теми же птичьими обертонами в голосе просвистели из-за двери.

Окошечко закрылось. Потянулось томительное ожидание. Глеб хотел было задать спутнику очередной вопрос, но вовремя осекся и, чтобы убить время, начал наблюдать за шумевшим неподалеку Ленинградским проспектом. Еще несколько дней назад ему и в голову не пришло бы, что это времяпрепровождение может быть настолько увлекательным!

Вот в толпе прохожих идет жуткое существо с пепельно-серой кожей, напоминающее дьявола, – рогатое, с необычной формы треугольной головой. И никто из москвичей и гостей столицы даже не подозревает, кто топчет асфальт рядом с ними, у кого они спрашивают закурить или как пройти к Рижскому рынку.

А вот среди веселых кадетов-суворовцев, щеголяющих в новеньких мундирчиках с красными погонами, белозубо смеется, скаля клыки, парнишка с острыми мохнатыми ушами, забавно торчащими по бокам от фуражки. Глеб уже знает – это представитель фиолетовой сферы, оборотень. Сатра их почему-то очень не любят, а вот с людьми, с «коричневыми», оборотни, выходит, прекрасно ладят.

Когда над головой Глеба пролетел ангел, он испугался. Это было как ушат холодной воды. Все же разные маги, эльфы, оборотни, вампиры и козлоногие сатиры в его представлении относились к мифологии, а значит, были существами пусть и оказавшимися реальными, иной раз и смертельно опасными, но все же сказочными, как бы полувиртуальными.

Иное дело – ангел. Настоящий ангел огромного роста, с белоснежными густооперенными крыльями, тень от которых накрыла Глеба, заставив его вздрогнуть. А когда Погодин на мгновение встретился глазами с очами – по-другому и не скажешь, – горящими на удивительно красивом лице крылатого создания, он похолодел, вжавшись спиной в чугунный узор на воротах. Во взгляде ангела чувствовалась такая сила и мощь, такая уверенность в собственной правоте, что у Глеба закружилась голова.

«Если существуют настоящие ангелы, значит, все библейские предания – правда, а стало быть, есть и Бог, и Дьявол?» – потерянно подумал он, глядя вслед высоко поднявшемуся над крышами существу.

Но тут послышалось пронзительное ржание, и на проезжей части, уверенно объезжая машины, появилась большая черная карета, запряженная шестеркой прекрасных вороных коней с плюмажами на спинах. Кучер, облаченный в кожаный плащ, гортанно покрикивал, рассекая воздух длинным бичом. В окне кареты на мгновение появилось узкое смуглое лицо. Глеб вновь почувствовал испуг. Но это был уже совсем другой страх, тоскливый и безнадежный, на грани паники. У пассажира кареты вместо глаз он увидел два аспидно-черных провала, в которых плескалась ненависть ко всему живому.

«А люди, наверное, видят вместо кареты большой длинный лимузин, какой-нибудь «Крайслер», и везет он олигарха. У кого еще может быть настолько душегубский взгляд?»

Его мысли прервал Акунд, с досадой ударивший кулаком по чугуну ворот:

– Ну что они там, уснули, что ли?

– А что здесь для тех, кто не видит через Пелену? – не удержался Глеб, радуясь возможности отвлечься.

– Офисы мелких торгово-закупочных фирм. Общага для гастарбайтеров. Склады.

– А зачем нам к этим... Часовщикам?

– Сог-Рот имел дела с Аскетом, – ответил сатра и тут же удивленно посмотрел на своего спутника: – А ты откуда знаешь, что мы зовем их Часовщиками?

– Ну, часовой завод...

– А-а, поэтому, – улыбнулся сатра. – Завод тут не при делах. Просто так совпало, что здесь поселились уроженцы желтой сферы, Часовщики из племени Наррха. Они и в самом деле большие мастера делать всякие механомагические прикамбасы.

Окошко в воротах распахнулось, уже знакомый голос чирикнул:

– Сатра, кто с тобой?

– «Коричневый». Мой... друг.

– Хорошо. Почтенный Сог-Рот тебя знает. Почтенный Сог-Рот ждет. Можно зайти. Быстро. Но помните, что вы гости, и помните, что Железный воин следит!

– Я в курсе, – усмехнулся Акунд и подмигнул Глебу: – Братуха, ничему не удивляйся и молчи, понял?

Глеб кивнул. Затрещали шестерни какого-то скрытого механизма, и створка ворот приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель смог протиснуться сатра. Следом за ним Погодин шагнул в полумрак и сразу почувствовал запах смазки, разогретого металла, едкую угольную гарь и тонкий аромат канифоли.

В небольшом холле царил полумрак. Привратник, очень маленький носатый и ушастый человечек с огромными белесыми глазами, стоял чуть поодаль, а рядом с ним высился металлический великан, пыхтящий дымом и паром из нескольких блестящих трубок, торчащих над круглой головой подобно рогам. По стенам за его спиной были во множестве развешаны жуткие маски... Нет, не маски! Приглядевшись, Глеб понял, что это отрубленные и высушенные головы людей и нелюдей!

– Железный воин! – тыча длинным тонким пальцем в колосса, предупреждающе просвистел привратник.

– Мы пришли с миром, – приложил ладонь к груди Акунд. – Почтенный Сог-Рот...

Он не успел договорить – из темноты появился еще один ушастый совиноглазый карлик в кожаном переднике, с круглой шапочкой на шишковатом черепе. Увидев сатра, он радостно осерил широкий рот в улыбке, больше напоминающей крысиный оскал:

– Почтенный Акунд! Будь здоров тысячу лет! Давно ты не грелся у моего горна! Проходи, дорогой гость, проходи. Мой дом – твой дом, моя женщина – твоя женщина, мое вино – твое вино, мое мастерство – твои деньги. Проходи!

– Здравствуй и ты, почтенный Наррха Сог-Рот! – пробасил Акунд. – Да будут твои искусство и мастерство самыми непревзойденными по всей Москве! Да продлятся дни твои в вечность, а творения твои переживут даже память о тебе!

Последняя фраза в этом цветистом обмене приветствиями показалась Глебу несколько некорректной, но, как известно, в чужой монастырь... Тем временем сатра и карлик обнялись, для чего Часовщику пришлось подняться на цыпочки, а Акунду – немного согнуться. Это выглядело смешно, если бы рядом не плевался огнем и дымом грозный Железный воин, а со стен не скалились мертвые головы, напоминающие, что с ушастыми карликами шутки плохи.

Когда церемония обмена любезностями закончилась, Акунд сухо представил Глеба – мол, мой знакомец, можно даже сказать, компаньон, и ему можно доверять.

– Похоже, твои дела идут не блестяще, почтенный Акунд! – зашебетал Сог-Рот, разглядывая круглыми, как блюдца, глазами Глеба. – Ты нанимаешься к «коричневым»... Впрочем, это не мое дело. Если почтенный Глеб Погодин жаждет познать наши обряды, ему будет интересно поучаствовать в обряде «новой крови». Он здоров и силен, как я вижу, и обликом как раз подходит под нынешнюю фазу Луны.

Услышав это, Глеб судорожно сглотнул. Что бы ни имел в виду карлик, его слова прозвучали слишком зловеще. Акунд, заметив реакцию Глеба, усмехнулся:

– Почтенный Сог-Рот, мы несколько спешим. Возможно, когда наши дела будут закончены, мы сможем вернуться к твоему предложению.

– Как скажешь, почтенный Акунд, – вежливо поклонился карлик и зыркнул на Погодина. – Прошу в мою мастерскую...

Глеб, следуя за сатра и Часовщиком, поднялся по заставленной коробами с углем и заваленной полосами железа лестнице на второй этаж и очутился в длинном задымленном коридоре. Здесь было многолюдно, если только это слово можно было применить по отношению к Часовщикам, снующим туда-сюда; стайки детей с визгом носились среди вывешенного на просушку белья, огибая станины каких-то механизмов, мешки и ящики. По обеим стенам коридора шли дверные проемы, задернутые холщовыми полотнищами. Впрочем, временами встречались и настоящие двери, сбитые из толстых деревянных брусьев.

В мастерской Сог-Рота, освещенной мятущимся пламенем горна и несколькими тусклыми электрическими лампочками, стоял несмолкаемый шум от множества тикающих, скрежещущих, звякающих и дребезжащих устройств и приборов, назначение которых осталось для Глеба тайной.

– Прошу! – Карлик указал гостям на широкую железную лавку, сам устроился в складном кресле.

В несколько движений он освободил верстак, украшенный могучими тисками, от металлического хлама, водрузил посередине настольную лампу, щелкнул выключателем. Стало светлее.

Глеб огляделся. Мастерская Часовщика походила одновременно на лабораторию, кузню и кабинет астролога: молоты, клещи, наковальня, ванная с маслом, реторты, бутылки, наполненные разноцветными жидкостями, книги, пучки трав, мешочки, банки, распечатки схем, чертежи, обычные слесарные инструменты, тут же новенький ноутбук, занавешенная тряпьем панель плазменного телевизора на грязной стене, GPS-навигатор, небрежно подвешенный за ремешок. И все закопченное, захватанное руками. Видно было, что Сог-Рот только что отложил работу, чтобы встретить гостей.

– Прежде чем мы начнем разговор, почтенный Сог-Рот, я бы хотел прояснить одно обстоятельство, – негромко обратился Акунд к карлику. – Этот «коричневый», как я уже говорил, не друг и не наниматель, а мой компаньон. Ты сам не раз заявлял, что ваши законы и правила чересчур строги и это мешает делам...

– Да, да, да, – закивал ушастью головой Часовщик. – Если бы ты сказал правду, он не вошел бы в Коричневый дом. Людям тут не место. Но я верю тебе, почтенный сатра. Стало быть, я верю и твоему компаньону Глебу Погодину. Ты ручаешься за него – этого достаточно. И не будем больше об этом.

Он трижды хлопнул в ладоши. Из дверей, ведущих в соседнее помещение, появилась согнутая в поклоне невысокая женщина в неопрятном балахоне до пола. Она просеменила к столу, поставила поднос с кувшином, кубками и тарелками, не поднимая глаз, попятилась и скрылась за занавесом.

– Новая кровь! – проводив женщину глазами и лукаво улыбаясь, чирикнул Сог-Рот.

Он проворно выметнулся из кресла и, сунув голову за занавеску, разразился длинной тирадой на своем птичьем языке.

– Он что, хочет, чтобы я – с этой? Добровольно?! – взволнованно прошептал Акунду Глеб.

– Успокойся, – засмеялся сатра, взял с подноса горсть ароматного риса и отправил в рот. – Для них секс с «коричневыми» – табу, позор. Кровь – это в буквальном смысле. Он хочет взять у тебя из жилы немного влаги жизни. Часовщики племени Наррхов используют ее для... А хрен его знает, для чего! Но они хорошо платят, имей в виду.

– Нет, – твердо произнес Глеб. – Мне моя кровь самому нужна. Вся.

– Ну, нет так нет. Ты ешь давай. Здесь нельзя отказываться от угощения – обидишь. Наррхи в этом плане повернуты на всю голову.

Оглядев тарелки и миски, Глеб счел за лучшее последовать совету Акунда. Он взял кусок лепешки, положил сверху ломоть истекающего соком жареного мяса, посыпал мелко нарубленной зеленью и принялся за еду, периодически зачерпывая щепотью рис из большого блюда. Кушанья Часовщиков по вкусу напоминали восточную кухню. По характеру приправ Глеб определил, что, скорее всего, влияние на кулинарные пристрастия карликов оказала Средняя Азия.

«Хотя еще неизвестно, кто на кого влиял», – вспомнив, что реальная история мира отличается от той, которую он изучал в школе, подумал Глеб.

Вернувшись за стол, карлик присоединился к трапезе. Он налил в кубки темный пенящийся напиток и жестом предложил выпить. Акунд охотно согласился, и Глебу ничего не оставалось, как последовать его примеру, хотя странный запах и грязноватая пена, шапкой поднявшаяся над кубком, не внушали ему доверия.

– Да будет благословен в веках этот дом, пламя в горне, умелые руки хозяина и наша нерушимая дружба! – торжественно произнес сатра явно ритуальный тост.

Все встали. Кубки со звоном столкнулись над столом. Глеб осторожно пригубил и обнаружил, что по вкусу напиток Часовщиков напоминает одновременно темное ирландское пиво и крепленое вино типа «Порто». Нельзя сказать, чтобы Погодин был поклонником этих напитков, а тем паче коктейля из них. Он хотел поставить кубок, но Акунд отрицательно покачал головой, давая понять, что выпить нужно все, до дна. Пришлось пить.

– Кушайте. – После выпитого улыбка Сог-Рота стала еще шире. – Когда пьешь ай-цараз, нужно много кушать! Еда есть. Еды много. Надо – еще принесут.

Некоторое время в мастерской стояла тишина. Глеб, чувствуя, как стремительно хмель растекается по телу, всерьез навалился на мясо и зелень. Акунд, которому кубок ай-цараза был что слону дробина, задумчиво глядел на тлеющие угли в горне, пожевывая длинную скрутку вяленого сыра.

Дождавшись, когда гости утолят голод, Сог-Рот заговорил о делах:

– Так что же привело тебя к моему горну, о почтенный Акунд? Быть может, ты хочешь приобрести что-то из оружия? У меня есть отличные двадцатипятизарядные «Когти гнева» и свежезачарованный «Драконий панцирь», а также...

Сатра жестом остановил хозяина мастерской:

– Благодарю, почтенный Сог-Рот, но я явился к тебе не как покупатель. Точнее, я хочу купить не то, что ты создал своими умелыми руками, да будут они сто лет не знать усталости. Мне нужно Слово.

– Слово? – вытаращил и без того огромные глаза Часовщик.

– Слово, – подтвердил Акунд. – Слово к Аскету. Я знаю, что оно у тебя есть.

В мастерской наступила тишина. Глебу показалось, что даже механизмы на полках перестали жужжать и тикать. Лишь угли в горне потрескивали, да гомонила где-то за дверью ребятня.

– Откуда ты знаешь, что я веду дела с Аскетом? – тихо спросил Сог-Рот.

– Знаю, – твердо ответил сатра. – И знание это умрет вместе со мной. Дай нам Слово. Мы хорошо заплатим. Деньгами. Скажем, тысяча долларов тебя устроит?

Часовщик закрыл глаза, размышляя. Его длинные тонкие пальцы зашевелились, словно перебирая невидимые четки. Наконец, подняв веки, Сог-Рот посмотрел на гостей. Глеб поразился, увидев, как отраженные огни ламп заплесали в зрачках Часовщика, точно живые.

– Мне не нужны деньги, почтенные. Год был удачным, много товаров продано. Нет, мне не нужны деньги.

– Чего же ты хочешь? – растерялся Акунд.

– Новая кровь! – Личико Часовщика расплылось в знакомой улыбке. – Глеб Погодин даст мне новой крови. Я дам вам Слово к Аскету. Хорошая сделка, а?

Акунд повернулся к Глебу, вопросительно посмотрел на него – мол, что скажешь?

Первая реакция Погодина была чисто инстинктивной: он схватился за опустевший кубок. Сог-Рот расценил этот жест по-своему, немедленно наполнил его ай-царазом, не забыв затем подлить себе и сатра.

– Выпьем за здоровье дорогих гостей, да будут их дороги долгими, встречи добрыми, а враги – мертвыми! – радостно провозгласил он. – Хорошая сделка, Глеб Погодин! Очень хорошая!

«Да уж, – вливая в себя пенящийся напиток, угрюмо посмотрел на довольного Часовщика Глеб. – Без меня меня женили. Я ему кровь, а он всего лишь какое-то слово... Правильно говорит Андрюха-Брюха: все носатые – пройдохи. Интересно, а как он кровь будет брать? И сколько?»

Последний вопрос Глеб, допив ай-цараз, озвучил.

– Вот столько, почтенный, всего лишь вот столечко! – щеря мелкие зубы, заверил его Сог-Рот, пальцами показывая расстояние в несколько сантиметров.

«Если в рюмке – то это немного, – решил Глеб. – А если в тазу?»

Но все оказалось гораздо проще. Порывшись в ящике под верстаком, Часовщик извлек оттуда упакованный в фабричный пакетик одноразовый шприц, не привычный когда-то Погодину тоненький «красный баян», а нормальный медицинский пятикубовик.

– Дай руку! Я все сделаю быстро! – стрекотнул Сог-Рот, цепко ухватив Глеба за запястье. – Закатай рукав. Сожми пальцы. Еще, еще... Закрой глаза.

– Зачем? – с трудом ворочая непослушным после ай-цараза языком, спросил Глеб.

– Крови не боишься, а? – Часовщик вытянул губы трубочкой. – Ай молодец! Другие «коричневые» боятся. На пол падают. Штаны мочат. Ты – мужчина. Хорошая сделка!

«Знал бы ты, лилипут чертов, сколько раз я тыкал в себя иголкой, – сам бы обмочился», – едва не ответил Глеб.

Сог-Рот зубами стянул со шприца упаковку, колпачок, примерился и умело и осторожно ввел иглу в вену. Поршень мягко поехал вверх, матовый цилиндр шприца заполнился кажущейся в полумраке мастерской почти черной кровью.

– Вот и все! – затряс ушастой головой Часовщик, быстро пряча шприц. Вместо ватки он сунул Глебу какую-то тряпку, предварительно макнув ее в широкое горлышко кувшина с ай-царазом. – На, пусть кровь твоя встанет и не течет наружу. Тут ей не место.

«Что я делаю? – Послушно зажимая мокрой тряпицей прокол, Погодин обвел помещение тоскливым пьяным взглядом. – Все, что произошло в последние несколько дней, – это бред, тяжкая галлюцинация...»

– Почтенный Сог-Рот, – заговорил тем временем внимательно наблюдавший за процедурой забора крови Акунд, – теперь твоя очередь.

– Да, да, – снова затряс головой Часовщик. – Аскет ныне облекся в водное кольцо, сокрылся от мира. Он стар и подозрителен, и может убить просто так. Слово успокоит его, ну а дальше вы должны действовать сами. Когда вы предстанете перед ним...

– Когда мы встретимся с Игроком, твоя часть сделки будет выполнена, почтенный, – нетерпеливо сказал Акунд.

Сог-Рот вздохнул.

– Слово такое...

И он издал серию горловых и шипящих звуков, будто змея, которой наступили на хвост. Глебу стало смешно – ни один человек не в состоянии повторить эту какофонию. Но оказалось, что сатра такое вполне под силу. Акунд несколько раз воспроизвел Слово, вопросительно посмотрел на Часовщика. Тот кивнул.

– Тогда позволь нам откланяться, почтенный. – Сатра поднялся во весь рост.

Глеб тоже попытался встать, но проклятый ай-цараз сыграл с ним злую шутку – ноги не слушались, голова кружилась, в ушах стоял гул.

– Сейчас! – Прижав руки к груди, Часовщик умчался за занавеску и вернулся с глиняной пиалой, полной напитка, похожего на странное, зеленоватое молоко. – Пей, Глеб Погодин. Это прояснит твой разум и укрепит тело. Пей.

Глеб выпил. «Молоко» было кислым и терпким. Его чуть не стошнило, но хмель действительно прошел.

– Спасибо, – возвращая пиалу, прошептал он.

– Прощай, почтенный, – поклонился Акунд Сог-Роту. – Да не угаснет пламя в твоём горне во веки веков!

Оказавшись на улице, Глеб ещё раз оглянулся на Коричневый дом Часовщиков.

– Интересно, что за гадостью он меня напоил?

– Скишим молоком трехцветной кошки, – думая о чём-то своём, рассеянно ответил сатра. – Эй, братуха, да я же пошутил!

Но Погодина уже вырвало...

Беглецы не могли видеть того, что произошло в мастерской Часовщика после их ухода. Сог-Рот некоторое время сидел без движения, глядя на закопченный циферблат старых ходиков. Наконец его рука скользнула за отворот грязной рабочей рубахи и извлекла самый обычный сотовый телефон. Набрав номер, карлик сухо произнес:

– Они были у меня, госпожа. Да, пять минут назад. Их интересовал Аскет. Я дал им Слово. Нет, мы заключили сделку, я не мог отказать. Хорошо. Надеюсь, вознаграждение поступит вовремя. Всего вам доброго, госпожа.

В бывшем кабинете Ксенофонтова сидели друг напротив друга, неспешно беседуя, Декатин и Царев. По крайней мере, секретарша Елизавета Львовна, зайдя туда, чтобы принести кофе, увидела именно это: заместитель погибшего шефа принимает доклад от начальника службы безопасности.

На самом же деле Дэфтер и Базэл встретились накануне чрезвычайного Совета клана, чтобы обсудить крайне тяжелое положение, в которое попали Ксенфы.

– После убийства Владыки, закрытия колодцев силы, атаки на Обитель и смерти Крицы совершенно понятно, что кто-то пытается ослабить и уничтожить нас, – гудел Страж клана, склонив голову и глядя на свои чудовищные кулаки, лежащие на полированной столешнице. – Я задействовал осведомителей и могу сказать: это не сатра из других кланов, хотя вроде бы им это интересно в первую очередь. Но информаторы сходятся в одном – никто и из других сфер не таит к нам вражды.

– Это было известно и так, уважаемый Страж, – устало помешивая ложечкой кофе, вздохнул Дэфтер. – Враг притаился где-то рядом, совсем рядом. Быть может, мы завтра на Совете будем говорить с ним. После загадочного побега Акунда и «коричневого» из Обители не осталось никаких сомнений – среди нас изменник или даже изменники. Беглецам помогли.

– Они убили троих! – возвысил голос Базэл. – Хотел бы я добраться до этого Акунда!

– Он, помнится, подавал пару лет назад прошение о зачислении в твою службу? – вопросительно изогнул бровь Стоящий у престола.

– Да. – Страж клана скрипнул зубами. – Не исключено, что уже тогда он замышлял черное дело. Смерть Акунда будет долгой и мучительной!

– Я бы не спешил с выводами. – Отставив чашку, Дэфтер потер виски. – Представь, что ты принял бы его. Вряд ли ему удалось бы тогда, будучи на виду, содейть что-либо против клана. Нет, тут все сложнее... Меня очень занимает этот «коричневый»! Глеб Погодин, кажется?

– А меня – «Силлипитирья», – отрубил Базэл. – Мы нашли несколько упоминаний об этих убийцах в отчетах Стражей клана прошлого века. Стало быть, такая организация действительно существует.

– Ты нелогичен, уважаемый Страж, – усмехнулся Дэфтер. – Если Акунд и Погодин – наши враги, то яснее ясного, что они, припутав сюда «Силлипитирью», хотели навести нас на ложный след. Клянусь корнями Великого дерева, я впервые оказался в такой темноте!

– Я совещался с парнями, – после некоторой паузы произнес Базэл. – Мы выработали пакет мероприятий для нормализации положения. Готов их предоставить.

– Ну-ну. – Дэфтер достал из кармана носовой платок, протер обширную лысину, отхлебнул из чашечки кофе. – Слушаю тебя, уважаемый.

Базэл засопел, выкладывая на стол из файл-бокса листы распечатки.

– В первую очередь мы должны достать из запасников все аккумулирующие амулеты, заполненные магической энергией, и передать их боевым магам клана. Маги-целители, маги-предсказатели, маги-наставники обязаны передать подобные предметы в распоряжение Совета клана.

– Это разумно, – кивнул Стоящий у престола. – Что еще?

– На прошлом Совете молодой глава рода Гиппосов Пекрес высказал ряд дельных, как нам кажется, мыслей, к которым, увы, не прислушались. Мы предлагаем объявить клан на военном положении и всю полноту власти передать Совету. Совет не распускать до нормализации ситуации. Начать постоянное круглосуточное патрулирование нашего домена. Усилить охрану всех объектов, принадлежащих клану, включая источники и бизнес-структуры. Обратиться за поддержкой к союзникам, хотя таковых у нас почти и нет. Много лет мы были сильны и ни в ком не нуждались.

– А это не преждевременно? – Дэфтер взял в руки карандаш и в задумчивости начал постукивать им о край малахитовой пепельницы. – Если реализовать все это, клан понесет большой экономический урон. Это во-первых. А во-вторых, мы открыто признаемся, что у Ксенфов большие проблемы. Это может спровоцировать наших недругов на открытые действия против клана. Надо крепко подумать...

– Времени на раздумья не осталось! – горячо возразил Базэл. – Мы балансируем на грани больших потрясений, и неизвестно, чем все закончится! Когда в дом стучится беда, ее не встречают, лежа на кровати. О Дэфтер, поддержи нас на Совете. Уверяю тебя – нет более преданных клану сатра, чем я и моя служба безопасности. Сказав «альфа», нужно говорить и «бета», разве не так?

– Так... – внимательно посмотрев в глаза Стражу клана, ответил Стоящий у престола. – И все же мне надо подумать...

Попрощавшись с Царевым, Декатин поднялся из кресла, подошел к большому панорамному окну и некоторое время любовался видом осеннего парка. Вернувшись за стол, он достал из отделанного золотом хьюмидора толстую, почти черную «куабу», щелкнул гильотинкой, обрезая кончик, но, потянувшись за зажигалкой, неожиданно отложил сигару и ткнул в кнопку селектора.

– Елизавета Львовна, соедините меня с Анастасией Владимировной. Срочно!

Когда закурлыкал телефон, Василий Леонтьевич, развалившись в кресле и задрав ноги на стол, всюду дымил «куабой», прикрыв глаза тяжелыми веками. Сняв трубку, он лениво буркнул:

– Да?

Строгий и холодный женский голос произнес:

– Господин Декатин, мне сказали, что вы...

– Настя, бросай все и поезжай в норку, – положив сигару в пепельницу, негромко сказал Декатин. – Я буду через час. Я соскучился...

Голос в трубке мгновенно изменился, потеплел, в нем появилась легкая хрипотца:

– Да, да, я поняла. Уже выезжаю. Что-то приготовить, купить?

– Ничего не надо.

– А...

– Что?

– У вас... У тебя есть что-то для твоей любимой ласковой кошечки?

Декатин усмехнулся, проворчал:

– Есть!

И нажал кнопку, отключая соединение.

– Ну, и куда мы дальше? – отдышавшись после очередного рвотного позыва,

поинтересовался у Акунда Глеб.

– Сог-Рот сказал, что Аскет облекся в водное кольцо. Я не помню точно, что это за хрень, но, по-моему, это где-то в Измайлово, – задумчиво проговорил сатра.

– Водное кольцо? Измайлово? – В голове Глеба мелькнула догадка. – Остров на Серебряно-Виноградном пруду?

– Да, типа того, – рассеянно кивнул Акунд. – Меня не это волнует. Все-таки побаиваюсь я к тому типу идти, Игроки – они опасны, как акулы или бешеные волки...

– А кто они вообще такие? – спросил Глеб.

– Маги. Но не такие, как все остальные. Могущественные, странные, и источники им не нужны.

– Понятно. – Глеб закурил. – Все одно ехать надо, чего на месте стоять?

– Ну, давай... – нехотя согласился сатра. – Как туда ехать?

– Можно на тачке, можно на метро.

– Вот уж хрен! – Акунд презрительно скривил губы. – Пусть на метро оборотни катаются...

Расплатившись с таксистом-бомбилкой у метро «Партизанская», Глеб про себя с сожалением отметил, что денег осталось не так много, как он думал. По дороге они перекусили в ресторанчике на «Электрозаводской» и купили мерзнущему сатра пушистый исландский свитер.

«Надо начинать экономить», – решил Погодин, еле поспевая за вышагивающим впереди Акундом.

Седая истина права,
Запоминайте, ради Бога:
Не в деньгах счастье, друзья,
А в том, что их должно быть много.

Оставив по левую руку высокие здания гостиницы «Измайловская» и пряничные шатры лубочного «кремля», через десять минут они уже стояли на берегу пруда, у Второго Бауманского моста. За серой водой поднимались полуоблетевшие кроны ив, скрывавшие стены бывшей царской усадьбы, после революции ставшей «городком имени Баумана».

– Если я все понимаю правильно, твой Аскет обитает именно там, – сказал Глеб.

– Не нравится мне все это. – Акунд сплюнул под ноги. – Блудня какая-то. Игроки – они... хм... Может, не пойдем?

– Но Крица сказал... – начал было Глеб.

Сатра раздраженно оборвал его:

– Знаю, знаю. А вдруг там засада?

– Ты ошибаешься, сатра, – раздался за спиной знакомый насмешливый голос. – Там засады нет. Я ждала вас здесь.

Глеб и Акунд обернулись одновременно – перед ними стояла, улыбаясь и поигрывая короткой тростью, затянута в черную кожу сатресса. Поодаль застыла еще одна женщина, красивая странной, болезненной красотой, очень худая и бледная. Глеб вздрогнул.

«Вот и все. «Силлипитирья». Кажется, это переводится как «мои соболезнования», – мысли рванули с места в карьер. – Может, милицию позвать? Хотя какая тут милиция. Эта магическая стерва... она, наверное, человек сто за раз уложить может...»

Акунд немного пригнул голову, сделал короткий скользящий шаг, оказавшись чуть впереди Глеба. В душе Погодина шевельнулось уважение к сатра. Его товарищ по несчастью был грубоватым, порой себе на уме, но в критические моменты он, не задумываясь, бросался в бой, прикрывая Глеба.

– Ты смелый мальчик, – улыбнулась сатресса. – Успокойся, я не буду убивать – ни тебя, ни «коричневого». Контракт разорван. Не заставляй меня делать тебе больно. Мне нужен камень.

– У нас его нет! – срывающимся голосом выкрикнул Глеб.

Мимо шли люди, обычные прохожие, любующиеся красотами этого заповедного уголка Москвы. Группа иностранцев, окружив гида, слушала его рассказ о царе Алексее Михайловиче. Веселой стайкой промчались школьники. Влюбленная парочка с цветами спустилась к самой воде.

«Интересно, что они видят? – отрешенно задал себе вопрос Погодин. – Наверное, двух красивых девушек и флиртующих с ними парней».

– Я так и думала, – кивнула сатресса. – Но времени у меня предостаточно. Ты, «коричневый», пойдешь и принесешь смарагд...

Вскинув голову, Акунд с ненавистью посмотрел на нее:

– Ты не Ксенф! Он не принадлежит тебе!

Заразительно рассмеявшись, сатресса склонила голову к плечу, искоса поглядела на сжавшего кулаки сатра.

– Мальчик, а ты забавный. Ты все еще не понял, что мне принадлежит все, что я только могу пожелать.

И вдруг, резко переменившись в лице, она хищно оскалилась и сдвинула брови. Бледная девушка, уловив смену настроения сатрессы, почти мгновенно оказалась совсем рядом. От нее исходила хорошо ощутимая волна холодной ненависти.

– «Коричневый»! Марш за камнем! Я не люблю повторять дважды! – Жесткий приказ точно бичом хлестнул Глеба.

– Я... Мне... – пролепетал он, совершенно потерявшись. – А как же Акунд?

– Он будет залогом.

– А гарантии?

– Не в твоём положении думать о гарантиях! – Голос сатрессы зазвенел. – Камень принесешь сюда. Времени тебе – сутки. – Она сунула трость под мышку, небрежно кивнула на Акунда и сказала своей спутнице: – Возьми его.

Тот рванулся, но девушка выпростала тонкую, почти прозрачную руку с черными ногтями, прищелкнула пальцами. Глеба как будто ударило невидимым бревном – он упал, а когда поднялся, увидел, что сатра, стуча копытами, послушно бредет следом за женщинами, а на безвольно отвисшей нижней губе мотается тонкая ниточка слюны...

Глава 9

Вагон метро болтало на невидимых в темноте стрелках, ритмичный грохот навязчиво бился в ушах.

– «Павелецкая», переход на станцию «Серпуховская», – прокатился по вагону безжизненный голос информатора.

Пассажиры зашевелились, кто-то начал протискиваться к выходу.

Голос торопил, роняя слова:

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Октябрьская».

Парень, уткнувшийся головой в пристроенную на коленях сумку, со стороны казался спящим. Никто не обращал на него внимания, никому не было дела до чужих проблем. Ну, спит и спит – может, пьяный, может, устал, а то и вовсе наркоман какой-нибудь. Ломка у него или умер уже. Пусть те, кому положено, на конечной станции разбираются.

На самом деле Глеб Погодин не умер, не спал и не был пьян. Он мучительно размышлял, как ему следует поступить теперь, когда ситуация обострилась донельзя. Вновь вспомнилось детство и история с мышами в пылесосном шланге.

«Оптимисты любят говорить, что выход есть всегда, – мысли ползли в голове словно нехотя, тяжелые и неповоротливые. – Наверное, оптимисты – это те, кто никогда не попадал вот в такое положение, как я. Все, с кем мне довелось иметь дело, либо гибнут, либо... Нет, «иметь дело» – не совсем правильные слова. Милка – разве с ней я «имел дело»? Или Акунд? А Крица? Чер-рт! Камень придется отдать. Ну и пусть. Жил же я без него – и дальше

проживу. Собственно, а чего я завелся? Я не сатра, не Часовщик, не маг и вообще влез во все это случайно. В конце концов, плевать мне на все эти магические заморочки! Да, плевать! Отдам камень, они отпустят Алексея... то есть Акунда...»

И вдруг Глеб отчетливо понял – не отпустят. И его самого тоже убьют. Жуткая хозяйка «Силлипитирья» свернет ему шею, как куренку. Получит камень, уберет свидетелей – и концы в воду. Или в землю. Или в огонь. Да мало ли способов!

Резко выпрямившись, Глеб напугал сидящего рядом мужичка-работягу. Тот, подхватив пластиковый кофр с инструментами, поспешно встал и отошел подальше от странного пассажира с безумными глазами. Но Глеб не обратил на это никакого внимания. Его разум отчаянно бился в паутине страха. Неожиданно из глубин подсознания поплававком всплыла подленькая мысль:

«А кто такой мне этот Акунд? Еще несколько дней назад я его и знать не знал. Сатресса решила, что я непременно постараюсь спасти его, принесу камень. Но ведь можно сделать по-другому. Отвезти изумруд в Обитель, сказать: «Вот ваш артефакт, расколдуйте Милку!» Потом мы вместе уедем из Москвы – и все будет хорошо».

На мгновение Глебу показалось – все, выход найден! Пусть через предательство, через смерть сатра, но ситуацию можно сделать благоприятной для себя. Однако холодная логика подсказала: обольщаться не следует. Если «Силлипитирья» сумела найти их в Измайлово, вполне вероятно, что передвижения Глеба тоже под контролем магов-убийц. Его просто не пустят в Обитель, перехватят по дороге.

«Или еще проще – возьмут в момент, когда я достану камень из тайника. А ведь и верно! Как я сразу не допер! – Ему сделалось жарко от этой безжалостной простоты. – Они не знали, где камень, но знали, что мы придем к Аскету. В заложники взяли именно Акунда, потому что сатра сопротивлялся бы до последнего. Они были уверены – я приведу их к изумруду. У меня нет друзей за Пеленой, я – всего лишь «коричневый». Сог-Рот... а ведь он и мог навести на наш след. Или не он? Да какая теперь разница... Н-да, куда ни кинь, всюду клин. Но что же делать? Ехать за камнем или попытаться сбежать? Совсем сбежать, «соскочить», как говорят в криминальных сериалах. Жизнь-то одна. Акунд погибнет, Милка вечно будет «храниться» в Обители, я потеряю все – работу, квартиру, но, если повезет, останусь в живых. Поселюсь в каком-нибудь Екатеринбурге или Новосибирске, постараюсь сменить документы, устроюсь по профессии... И всю оставшуюся жизнь буду трястись, ожидая, что вот сейчас откроется дверь и в нее войдет убийца из «Силлипитирья». Или из клана Ксенфа».

– «Октябрьская», переход на Калужско-Рижскую линию, – бесстрастно оповестил голос из динамика.

Поезд затормозил, за окнами сверкнули огни станции. Нужно было решаться – или идти за камнем, или...

– Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, – вслух произнес Глеб слышанную где-то фразу, поднялся и вышел из вагона.

Две девушки, сидевшие напротив, переглянулись и дружно расхохотались.

– В Кащенко сегодня день открытых дверей! – сквозь смех выдавила одна.

– Так стра-ашно жи-ить... – подражая Ренате Литвиновой, пропела вторая.

И они снова засмеялись...

Настя Шарко была довольна жизнью. А чего роптать и жаловаться на судьбу, если природа посредством папы и мамы одарила ее идеальной фигурой, симпатичным личиком и великолепными пепельно-серыми волосами, которые с помощью модного шампуня Настя превратила в настоящие платиновые локоны? Высокая грудь, большие голубые глаза, припухлые безо всякого силикона губы, по-детски изогнутые домиком брови – редкий мужчина не оборачивался, когда она шла по улице. Хотя справедливости ради надо признать, что как раз на улицах города Настя бывала реже всего. Бытие девушки, недавно отметившей свое двадцатидвухлетие, протекало по большей части за рулем красной «Ауди»,

в спа-салонах, фитнес-клубах, ночных увеселительных заведениях, офисе «Фонда Ксенофонтова» и собственной уютной квартирке, подаренной Насте год назад ее «мохнатым медведиком», как она именовала в минуты страсти Декатина. Квартирку о трех комнатах, расположенную на двадцать первом этаже элитного дома, по плану точечной застройки воткнутого среди старинных особняков на Елоховской, любовники между собой называли «норка». Именно туда сейчас и отправилась Настя, сообщив коллегам по финансово-экономическому отделу, что ей звонили из товарищества собственников жилья по поводу запаха гари, якобы доносящегося из-за входной двери.

– А вдруг я утюг забыла выключить? – закатывала глаза Настя, поспешно одеваясь.

Две дамы предпенсионного возраста, одна из которых по совместительству была начальницей Шарко, кивали, в душе злорадствуя – ну, может, хоть так Бог накажет эту бессовестную лярву, от которой в отделе толку чуть больше, чем от вешалки у дверей?

Бросив машину у подъезда, Настя стрелой влетела в лифт и, пока кабина поднималась на ее этаж, в нетерпении постукивала каблукками, царапая бирюзовыми ногтями металлическую панель с кнопками вызова. Причина такого поведения крылась отнюдь не в страстной любви к Декатину. «Мохнатый медведик», конечно, был «клевым папиком», а в постели вообще творил чудеса, иногда поражая опытную Настю какой-то нечеловеческой, звериной способностью заниматься любовью по нескольку часов подряд. Но все это для девушки было лишь приложением к главному – деньгам, положению в обществе и еще одной вещи, без которой Настя с некоторых пор уже не мыслила свое существование и которая имелаась только у Декатина.

В квартиру она вошла, напевая себе под нос куплет модной песенки певицы с мужским именем Максим:

Перекрашу квартиру в розовый цвет.
В спальне будет ночь, а на кухне рассвет.
Я выкину прочь все дверные замки.
Все будет петь по взмаху руки.

На самом деле перекрашивать что-либо здесь не было никакой нужды – дизайн и обстановка в «норке» делались согласно Настиним желаниям и капризам. Получилось, по мнению хозяйки, «миленько и без напряжения». Стены действительно отливали розовым, в косяки дверей были вставлены кристаллы Сваровски, от гламурной позолоты рябило в глазах, а мягкая мебель – кресла, диваны, пуфы, отороченные по всем швам пушистым белым мехом, напоминали каких-то обаятельных зверьков, не то беременных кроликов, не то поседевших шиншилл. Сами шиншиллы в «норке» тоже присутствовали – возились в позолоченной клетке. Ухаживал за ними специальный человек, угрюмый носатый биолог, аспирант МГУ, приходивший два раза в неделю. Настя, как-то решив похулиганить, попыталась затащить его в кровать – просто так, для души. «Специальный человек» настолько испугался, что у него произошел сердечный приступ. Декатин, когда Настя рассказала ему об этом случае, хохотал до слез, а отсмеявшись, ударил ее по лицу, не сильно, но обидно, и весело сказал:

– Еще раз узнаю о чем-то подобном – убью.

Настя не заплакала, не стала устраивать истерику, просто коротко сказала, что все поняла, потому что знала – «клевый папик» и вправду убьет. Было в нем что-то такое... Жуткое и завораживающее одновременно. Умом многое не понимая, да и не пытаясь понять, Настя «особым чувством блондинки» ощущала – шутить с Декатиным нельзя. Никогда.

Раздевшись в гардеробной до трусиков, девушка пробежалась по длинному коридору, сделала «колесо» – все же не зря «в школьные годы чудесные» несколько лет посещала секцию художественной гимнастики – и открыла дверь ванной.

– Да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое! – провозгласила Настя, открывая воду.

Обжигающие струи душа хлестнули по спине, ягодицам, бедрам. Поворачиваясь и так, и эдак, она жмурилась от наслаждения, а в душе все пело: «Скоро приедет папик и привезет «вкусняшку».

«Вкусняшка» и была с некоторых пор для Насти самым главным моментом в их отношениях с Декатиным. Густо-красный сладкий сироп с легким привкусом клубники «мохнатый медведик» привез, по его словам, из Греции. Он называл его «имиглико», что на языке страны олив и мраморных руин означало «полусладкое», а Настя говорила просто – «вкусняшка».

Она не задумывалась, что это такое на самом деле. Чайная ложка «имиглико», добавленная в бокал мохито вместо сахара, делала напиток безумно вкусным и дарила божественное опьянение – легкое, веселое, зажигающее страсть, а потом, после всего, уносящее в страну прекрасных видений. И еще один важный момент: сколько бы алкоголя Настя ни выпила, если в него добавлена хотя бы капля «вкусняшки», наутро никогда не болела голова, а тело было полно энергии и готово наслаждаться жизнью дальше.

Настя жалела только об одном – что запасы чудесного сиропа у Декатина очень невелики. Как-то она поинтересовалась, не собирается ли «медведик» в Грецию.

– А чего ты хочешь, киска? Там, как известно, все есть.

– Привези мне большую бутылку «вкусняшки», – попросила Настя.

Декатин странно сверкнул глазами, рассмеялся.

– «Имиглико» не бывает много. Его не разливают в большие бутылки. И в маленькие тоже. Это очень дорогое и редкое... лакомство. Но если ты будешь хорошо себя вести и наденешь сегодня вечером тот костюм медсестры, что я подарил на Рождество, я принесу тебе пузырек. Договорились?

– Конечно, мой медведик! – просияла Настя.

Подумаешь – надеть халатик с красным крестом, кружевные чулки и десять минут поиграть «в больничку». Насте приходилось в жизни делать куда более неприятные вещи, причем за куда менее щедрое вознаграждение...

К сожалению, тот пузырек давно кончился, и почти месяц Настя обходилась без «вкусняшки». Но совсем недавно, несколько дней назад, Декатин намекнул ей, что обзавелся бутылочкой «нашего полусладкого приятеля». Девушка тут же начала настаивать на свидании, но тут произошла трагедия – убили «большого шефа», как называл «медведик» Ксенофонтова, и Декатину стало не до развлечений с любовницей.

Звонок в дверь прозвучал, когда Настя допивала кофе. В прихожей, пододвинув «папику» вязанные перуанские тапочки-почикос, она взглянула в его круглое лицо и отметила про себя, что выглядит Декатин так себе – круги под глазами, резче, чем обычно, обозначившиеся морщины.

«Интересно, а сколько ему лет? – впервые задумалась девушка. – Он ведь уже совсем старый...»

Вслух же она произнесла традиционное:

– Медведи-ик мой пришел! Кисочка так соску-училась... Сразу в душик?

Декатин отрицательно покачал крупной головой, шагнул в комнату. Усевшись в пушистое кресло, он выставил на стол бутылку мартини, хрипло сказал:

– Давай-ка выпьем. Неси посуду.

Пока Настя доставала фужеры, рядом с мартини появилась крохотная, прямо-таки аптечная колбочка, в которой рубиново светилось «имиглико». Заметив ее, девушка радостно запрыгала, точно маленькая, хлопая в ладоши.

– Медведи-ик! Какой ты лапка! Вкусняшку принес!

– Сядь, – сухо указал на соседнее кресло Декатин.

Свернув пробку с мартини, он наполнил фужеры, откупорил колбочку и вылил ее содержимое в Настин напиток. «Имиглико» розовым облачком расплзлось в толще светло-желтого вина.

– Ну, за все хорошее! – Тост был не оригинальным, но иного и не требовалось.

Настя подхватила фужер, чокнулась и под затихающий в воздухе хрустальный звон с удовольствием глотнула терпко-сладкой, чуть обжигающей жидкости.

Заметив, что девушка собирается поставить фужер, Декатин нахмурился:

– Нет, киска. Выпей все. До дна.

Эти слова пробудили в душе Насти легкую тревогу. Но «вкусняшка» уже начала действовать, и мир постепенно наполнялся блаженной радостью, вытеснившей все неприятные мысли. Дурачась, девушка шумно выдохнула, как профессиональный алкоголик перед тем, как проглотить какую-нибудь спиртосодержащую дрянь, и лихо влила в себя martini, занюхав рукавом шелкового халатика. Ей было хорошо, и она пыталась рассмешить Декатина, но тот сидел бука буккой, угрюмо глядя перед собой.

В течение последующих десяти минут Настя, включив музыкальный центр, станцевала под «Спайс гёрлс» «полустриптиз» и рассказала «папику» несколько смешных, по ее мнению, анекдотов, вычитанных на «Одноклассниках». Василий Леонтьевич сидел не шевелясь. Вдруг он вскинул голову, посмотрел на часы и поманил девушку толстым волосатым пальцем.

– Что хочет медведик? – Полуголая Настя присела на подлокотник кресла, призывно потерлась о плечо Декатина, но тот в ответ лишь приобнял ее за загорелую талию и тихо, раздельно выговаривая слова, спросил:

– Ты знаешь, кто такой Вадим Царев?

– Ага, – весело тряхнула завитыми локонами Настя. – Он во-о-от такой! Человек-гора!

– Сейчас ты оденешься и поедешь в фонд. Царев у себя. Ты войдешь к нему и... и сделаешь так, чтобы он захотел тебя. Потом, когда все случится, ты достанешь вино. Главное – чтобы Царев его выпил. Ты меня понимаешь?

– Д-да, – несколько растерянно сказала Настя. – Но медведи-ик... у меня нет вина...

– Я дам тебе бутылку. Это будет весело. – Слова Декатина падали, как тяжелые камни. – Это нужно мне. Если ты все сделаешь правильно – получишь два вот таких пузырька «имиглико». Поняла?

И он впервые за все время посмотрел прямо в глаза девушке. Настя попыталась отодвинуться, но взгляд Декатина был наполнен такой силой, что она тут же сдалась.

– Да, – глухо произнесла Настя. – Я все сделаю... Когда надо ехать?

– Прямо сейчас. Иди, одевайся. Хотя нет, погоди... – Декатин вынул из кармана маленький шарик на цепочке. – Надо подстраховаться, а то вдруг эти проклятые ма... что-нибудь учуют. Смотри сюда, киска, смотри внимательно и верь моим словам...

Взгляд девушки сфокусировался на шарике, и тот засветился призрачным зеленым огнем. Глаза Насти стали совершенно пустыми, а Декатин поднес губы к ее уху и произнес несколько слов.

– Теперь иди. – Он хлопнул девушку по попке. – И быстрее! И упаси тебя Всеотец задержаться.

Декатин поднялся на ноги, бросил взгляд на часы. Когда Настя, волоча за собой по полу халатик, скрылась за дверью, он пробормотал:

– До Совета еще три часа. Мы должны успеть...

Осенний вечер накатывался на Москву, как неприятельская армия. Тяжелые тучи шли сплошным строем, густо бомбардируя город ледяной крупой. Пронзительный ветер трепал широкие ленты перетяжек, рвал афиши, раскачивал деревья, и их оголенные ветви секли стылый воздух, словно сабли. Густой туман дымовой завесой полз по запруженным автомобилями улицам. Под его прикрытием в столицу вступала зима, но никто из погруженных в свои житейские сиюминутные проблемы людей пока не замечал этого.

Зябко поеживаясь под порывами ветра, Глеб не спеша шел по улице Бутлерова, время от времени оглядываясь по сторонам. На душе у него теперь царило обреченное спокойствие. Выбор сделан, Рубикон перейден. В голове занозой сидела единственная мысль:

«Главное – чтобы быстро! Пусть больно, но быстро! Крица был прав – умирать, не доделав дела, страшно. Поэтому пусть все произойдет за несколько секунд... Как там пелось в какой-то старинной песне: «Если смерти – то мгновенной».

Вот и стройплощадка. Расшугав стаю бродячих собак, Глеб нашел дыру в заборе, протиснулся в щель между двумя отогнутыми листами профнастила и вломился в мокрый бурьян. Место, где лежал камень, он помнил хорошо. Когда до тайника осталось буквально два шага, Глеб остановился, сбросил сумку на землю, глубоко вдохнул холодный вечерний воздух. Вокруг громоздились глыбы бетона, сквозь туман смутно просвечивал остов здания, напоминающий развалины древнегреческого Парфенона.

– Здесь мне и лежать! – неизвестно кому сообщил Глеб.

Бурьян ответил меланхолическим шелестом, ветер швырнул в лицо пригоршню ледяных гранул. Достав сигареты, Глеб долго возился с зажигалкой. Курил он жадно, а когда в пальцах остался лишь обгорелый фильтр, потянулся было за второй сигаретой, но тут же убрал пачку в карман.

– Перед смертью не надышишься!

Быстро достав футляр с камнем из щели между бетонными блоками, Глеб выпрямился, протянул руку в туманную мглу.

– Вот смарагд! Забирайте! Ну?! – Его голос дрожал, срываясь на визг.

В ответ где-то на другой стороне стройплощадки залаяли собаки. Глеб ошалело огляделся – никого! – по-заячьи сиганул к сумке, подхватил ее и стремглав бросился прочь, петляя между раскуроченными бытовками... В голове набатом стучало:

«Жить! Жить! Жить!»

Шатаясь, точно пьяный, он выбежал на улицу и, распугивая одиноких прохожих, понесся к метро. Слежки не было. Глеб Погодин, живой и невредимый, с изумрудом, оказался на время предоставлен самому себе. И у него по-прежнему оставалось два пути, две возможности, два плана действий – либо отдать камень, либо уйти в бега.

Судорожно глотая табачный дым у входа в подземку, Глеб размышлял:

«Хоть монетку кидай... И человека, чтобы посоветоваться, нет. Нет?! Черт! Да на кой мне человек, когда есть...»

Отбросив недокуренную сигарету, он решительно рванул стеклянную дверь метро. Размахивая сумкой, едва не сбил дежурную, продрался через турникет, начисто забыв про карточку, и под трель свистка побежал вниз по эскалатору.

Над притихшим осенним леском плыл ароматный дымок мангала. Расторопный шашлычник, весело посверкивая глазами, насаживал обсыпанное приправами мясо на длинные шампуры. Поодаль, в резной деревянной беседке, вокруг застеленного крахмальной скатертью стола, молча сидели полтора десятка человек. Тишину нарушали лишь потрескивающие угли да тихий звон ветра в высоких хрустальных бокалах. Набольшие клана Ксенфа собрались на поминальную встречу, чтобы почтить память погибших и решить судьбы живых. Дэфтер, выждав положенное обычаями время, когда сидевшие за столом мысленно попрощались с Владыкой, старым магом и погибшими во время ночного происшествия в Обители воинами, подал знак наполнить бокалы темно-золотистым фалернским вином.

– Во славу Всеотца и Великого древа – да живет клан Ксенфов в веках! – провозгласил он.

Главы родов и старейшины поднялись с мест, пригубили, но никто не стал допивать вино до дна – важные дела нужно решать на трезвую голову.

И лесок в пойме Цны, и охотничьи угодья на заболоченном берегу реки, и трехэтажный особняк из дикого камня, возвышающийся на холме и наполовину скрытый багряными кленами, – все это официально принадлежало «Фонду Ксенофонтова» и проходило по документам как «оздоровительный пансионат», а на деле было жалованным имением Василия Леонтьевича Декатина. Чрезвычайный Совет клана Ксенфов собрался здесь не

случайно – территорию и дом надежно защищали охранные заклинания длительного действия, продублированные новейшими системами из числа тех, что берегут покой резиденций первых лиц европейских государств.

– Уважаемые сатра! Поскольку время дорого, предлагаю сразу заслушать мои предложения по выходу клана из той кризисной, сложной ситуации, в которой он оказался после смерти Владыки и Старшего мага.

Дэфтер говорил уверенно, напористо, подкрепляя каждую фразу энергичным жестом руки.

– Уважаемый, а почему мы не видим здесь Стража клана? – едва дождавшись, когда Дэфтер умолкнет, низко прогудел старейшина Адал.

– В самом деле, а где уважаемый Базэл? – присоединился к старику Дорот. – Без него...

– Базэл болен, – поспешно сообщил собравшимся Дэфтер. – Сегодня днем он почувствовал себя плохо. В настоящий момент им занимаются лекари из Обители.

Сидевшие за столом сатра нахмурились. Рамер, впервые надевший мантию Старшего мага клана, покачал седой головой:

– Неладно, когда в такой момент Страж клана позволяет себе болеть. У него нет такого права!

– Будем снисходительны, – в голосе Дэфтера зазвучали отеческие нотки. – Базэл очень переживает, что попал под подозрение. Он импульсивен и не совладал с собой...

– Хорошо, уважаемый Дэфтер. – Дорот сплел пальцы, прямо посмотрел на Стоящего у престола. – С Базэлом разберемся позже. Что ты хотел предложить Совету клана?

Дэфтер вытащил из внутреннего кармана сложенный лист бумаги, на котором он накануне по пунктам записал все то, что изложил ему Базэл, и время от времени сверяясь с написанным, начал говорить.

В эту речь Стоящий у престола вложил все свое ораторское умение. Он был логичен и убедителен. Каждый тезис Дэфтер подкреплял примерами из истории зеленой сферы Москвы, приводил доводы «за» и, в соответствии с высоким искусством риторики, «против», но так, чтобы у слушателей возникло убеждение, что они по своей воле соглашаются с предложениями временного главы клана.

Едва прозвучала фраза о передаче аккумулирующих амулетов боевым магам, как Адал встрепенулся:

– Верно, верно! Мы и сами хотели...

На него зашикали, и старик в смущении умолк. В дальнейшем слова Дэфтера прерывал лишь далекий шум деревьев да удары капель дождя по крыше беседки. Перед тем как закончить, Стоящий у престола подал слуге условный знак, и тот принес огромное блюдо с жареным мясом и зеленью.

– Прошу вас, уважаемые сатра, не торопитесь говорить. – Дэфтер обвел рукой стол. – Утолите свой голод, поразмыслите...

Несколько рук потянулись к блюду. Зажурчало вино.

– Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что размышлять тут не о чем, – сощурив близорукие глаза, решительно заявил глава рода Фемиксов Дорот. – Предложения разумные. У меня возражений нет. Уважаемый Рамер?

– Я согласен с уважаемым Дэфтером, – наклонил голову Старший маг. – Мы и впрямь стоим на грани катастрофы. Я от лица магов клана выступаю «за».

Дорот по очереди опросил глав родов клана. Никто не стал оспаривать разумность и своевременность принятия чрезвычайных мер, озвученных Дэфтером. Последним выпало говорить старому Адалу.

– Ну, это... если маги не против... Если весь клан... тогда мы согласны!

– Столь замечательное здравомыслие дает нам уверенность, что мы преодолеем все неурядицы, – несколько пафосно подытожил Стоящий у престола. – Осталась пара технических моментов. Координатором исполнения кризисного пакета выступлю я сам. И поскольку Страж клана болен, служба безопасности, ее боевые отряды и ополчение отныне

подчиняются также мне. Возражения есть?

Возражений не последовало. Дэфтер украдкой смахнул со лба пот – несмотря на прохладную погоду, ему было жарко. Только что он де-факто сумел, пусть и на время, полностью взять власть в клане. Ослабленном, лишенном источников магической энергии клане, который в самом скором времени – Стоящий у престола в этом не сомневался – вновь укрепитесь и возвысится. А там подчинится ему и де-юре, признав в мудром и по-хорошему расчетливом Дэфтере нового Владыку. В сущности, дело за малым – заставить всех сатра готовиться к отражению атаки на клан, а самому тем временем отыскать смарагд.

Да, и потом разобраться, как эта зеленая побрякушка, которую прежний Владыка столько лет прятал даже от ближайших соратников, контролирует источники.

– О сатра! – провозгласил он, хлопнув в ладоши. – Надеюсь, трапеза была сытной, а вино взбодрило вас. Теперь пора вершить судьбы клана. Я более не могу никого задерживать.

Хором возблагодарив Всеотца и хозяина стола за хлеб насущный, члены Совета стали подниматься. Многие, не откладывая дел в долгий ящик, вынимали телефоны. Старший маг и главы родов, направляясь по дорожке к воротам усадьбы, отдавали распоряжения своим помощникам, секретарям и референтам.

Дэфтер, ухватив толстыми пальцами жирный кусок хорошо прожаренного мяса, сунул его в рот, провожая взглядом озабоченных иерархов Ксенфов. Ему хотелось улыбнуться, сделать какую-нибудь глупость, например, заорать во все горло, но он твердо знал, что никогда не позволит себе поддаться эмоциям, тем более в такой ответственный момент.

Из дома выбежал слуга, приблизился и с поклоном подал Стоящему у престола записку от секретаря. Дэфтер рассеянно вытер руку о скатерть, взял бумагу, вчитался...

Ну вот, очередные дела, и никто не может обойтись без него, Стоящего у престола...

Интернет-кафе «Бит-байт», грязноватый подвальчик на Шаболовке, неподалеку от Шуховской башни, было хорошо знакомо Глебу еще по студенческим временам. Здесь не задавали лишних вопросов, не интересовались, как ты тратишь машинное время, – только плати. При этом компы были отделены друг от друга непрозрачными перегородками, создававшими иллюзию уединенности. Небольшой бар у входа, равнодушный парнишка в наушниках у стойки, тихая музыка, сгорбленные тени перед мерцающими экранами. Глеб взял литровую кружку пива, оплатил минимальное время – два часа – и прошел в дальний угол зальчика. По дороге он внимательно вглядывался в посетителей интернет-кафе. Все нормально, нелюдей вроде бы нет. Можно рискнуть. Залпом выпив полкружки отвратительной бурды, неизвестно почему именовавшейся пивом, Глеб уселся в продавленное кресло, взялся за мышку. Комп оставлял желать лучшего, апгрейд ему не делали года два, но, судя по количеству оперативки и данным видеокарты, игру он должен был потянуть.

– Ну, Супер-бета, давай! – подбодрил себя Глеб, нахлобучив на голову «лопухи» наушников.

Он выставил на таймере простеньких пластиковых «Касио» полчаса – дольше слишком опасно, вдруг излучение камня засечет «Силлипитирья» или просто какой-нибудь случайный маг – и открыл футляр с изумрудом. Все, теперь от Погодина уже ничего не зависело...

Глеб провалился в гейм, как в тяжелый, бредовый сон.

В Марьино его ждет недобитый демон Йама и зомби... Обиталище Хранителей встречает Глеба звуками тревожной, берedaющей душу музыки. Глебу кажется, что старцы глядят на него с осуждением. Конечно, это иллюзия, отражение эмоций Погодина.

«Если бы я пришел сюда победителем, все было бы иначе», – думает он, вооружаясь.

К боекомплекту из предыдущего эпизода прибавились гранаты и армейские аптечки.

«Это мне как не справившемуся с первого раза», – понимает Глеб.

Полный решимости покончить с демоном, он мчится на юго-восток столицы по ночным улицам. Редкие фонари выхватывают из темноты группки военных,

бронетранспортеры, машины связи.

Баррикады на кольце подсвечены пламенем нескольких костров. Отдыхающие спецназовцы, несколько палаток, антенны, угловатая глыба самоходного зенитного комплекса «Тунгуска» – все это Глеб замечает краем глаза, по пути к штабному «КамАЗу». В полумраке кунга он видит людей, склонившихся над мониторами компьютеров. Майор Егоров сидит на стуле, в руке – кружка с дымящейся жидкостью. Он мрачен и немногословен. Собственно, а о чем говорить – все и так ясно.

– Йама полностью контролирует территорию нефтеперерабатывающего завода и окрестные кварталы. Постарайся покончить с ним, иначе его армия зомби может соединиться с отрядами вампиров, которые движутся с севера. В Печатниках их сдерживают танки и десант, но вампиры прорвались на участке Кузьминского лесопарка. Если они доберутся до Верхних Полей – мы потеряем весь юго-восток города.

Припомнив стаю крылатых тварей, напавших на него возле Абельмановской площади, Глеб молча кивает майору и покидает кунг. В его душе борются азартный геймер и, собственно, сам Глеб Погодин, человек, пришедший в этот виртуальный мир лишь затем, чтобы попытаться выйти на связь со смарагдом и понять, что делать дальше. Он не знает, что нужно искать, какие приметы помогут ему понять, что он движется в правильном направлении. Поэтому приходится пока выполнять игровое задание, стараясь замечать любые отклонения от логики гейма, как это было в случае с призывом идти на Малые Каменщики.

Покинув блокпост на кольце, Глеб, не экономя сил, знакомой дорогой бежит в сторону нефтезавода. Вокруг высятся темные дома. Стоит тревожная, настороженная тишина. Фонари в этой части города не горят вовсе, и Глебу приходится задействовать прибор ночного видения. Зеленоватое свечение заливаet все вокруг, тонкий писк ПНВ раздражает, но с этим приходится мириться – переть наобум сквозь мрак – значит гарантированно подставить себя под удар.

По пустырю, разделяющему заводскую территорию и жилые кварталы, шарят лучи прожекторов. В небе рокочут вертолеты. Военных не видно, лишь догорает в стороне одинокая БМП. Столбы света то и дело выхватывают из темноты раскачивающихся зомби, поодиночке и группами бредущих в сторону мертвых многоэтажек.

– Избранный, Йама сейчас в административном здании. Все подходы надежно охраняются. Будь осторожен! – голосом Егорова предупреждает Глеба рация.

– Яволь, – бормочет он в ответ, передергивая затвор автомата.

План действий, родившийся в голове, максимально прост: стараясь как можно дольше оставаться незамеченным, краем пустыря добраться до заводской ограды, проникнуть внутрь, а дальше пусть говорят «Кедр» и «стечкин».

«Только бы не наткнуться на крупный отряд зомби», – думает Глеб, перебегая в темноте от кучи земли до большой катушки из-под кабеля.

На одиноких порождениях Йамы он не обращает внимания, равно как и на их попытки задержать его. Впереди уже ясно различим кирпичный забор завода – и широкий пролом, оставленный, судя по всему, взрывом НУРСа, выпущенного с вертолета.

«Мне – сюда», – думает Глеб и рывком преодолевает оставшееся расстояние.

Пока ему сопутствует удача. Но буквально в следующие секунды он понимает, насколько капризна эта дама: продавив низкие облака, из тьмы над головой Глеба материализуется огромный камуфлированный «крокодил» – многоцелевой ударный вертолет «Ми-24». Из его корпуса в землю бьет колонна ослепительного света. Глеб замирает, судорожно пытаясь скинуть ПНВ – попав в луч прожектора, прибор дает «засветку». Ощущение такое, будто Глеб оказался в очень мутной воде без маски.

На «крокодиле» начинают работать четырехствольные пулеметы ГШГ. От рокота винта и пулеметного грохота закладывает уши. Что-то орет рация, но Глеб ее не слышит. Он перестает ориентироваться, буквально на ощупь пытаясь покинуть освещенную зону. Наконец ему удается избавиться от прибора ночного видения. Зрение восстанавливается.

Увиденное потрясает Глеба: из темноты на него сплошной стеной прут сотни, если не тысячи зомби. Пули вертолетных ГШГ рубят их в кровавое месиво, но живых мертвецов так много, что урон практически незаметен.

«Если сейчас использовать гранаты, — думает Глеб, — то, возможно, мне удастся отбросить зомби от пролома, скользнуть внутрь и вдоль забора уйти в темноту — пусть потом ловят. Хотя вряд ли это поможет подобраться к Йама незамеченным. Демон для обнаружения противника наверняка пользуется не только зрением».

Расстреляв боекомплект, «крокодил» гасит прожектор и уходит в ночь. Ему на смену появляется второй вертолет и начинает обстреливать постройки за забором. Глеб бежит по пустырю прочь от пролома, а в спину ему летят камни и куски арматуры. Зомби не преследует одинокого бойца. У них, видимо, другая задача — не дать ему проникнуть на завод. Пока они успешно с нею справляются.

— Избранный, будь наготове — Йама выслал крупный отряд зомби тебе наперехват, — предупреждает Егоров. — Если будешь продолжать движение, попадешь в ловушку.

«Оказывается, все не так просто. — Глеб останавливается, начинает пятиться, стараясь заметить противника в темноте. — Но что делать-то? Прямо не получилось, в обход не получилось... Нужно искать третий путь, третий вариант...»

Рация включается, как всегда, неожиданно, но Глеб за долю секунды до того, как в ушах раздастся знакомый эфирный треск, понимает — вот оно, то, ради чего он все это и затеял.

— Избранный, третий путь лежит...

С оглушительным грохотом взрывается бак нефтехранилища. Гигантский огненный гриб встает в ночном небе, пустырь озаряется пламенем. Группки зомби, брошенный трактор, подбитый БТР — все видно как на ладони, но Глеба это не интересует.

— Где третий путь? Где?! — орет он в усик микрофона. — Не молчи! Ну!!

Треск и помехи. Со стороны домов по заводу начинают работать скорострельные пушки БМП. Трассеры расчерчивают небо, «крокодил» поднимается выше и делает два залпа неуправляемыми ракетами. Новые взрывы, сверху идет дождь из земли, осколков и человеческих останков. Перед Глебом падает рассеченный пополам зомби. У него нет ног, но он жив и судорожно цепляется черными пальцами за пучки жухлой травы, пытаясь подобраться ближе к застывшему без движения человеку. Машинально выстрелив в голову зомби, Глеб обрывает его страдания и снова кричит:

— Третий путь! Ответь, где он?

— Третий путь... — рвется сквозь помехи ломкий голос. — Избранный, третий путь лежит... озь... нь...

Черная земля под ногами Глеба вспучивается горбом. Он падает, быстро отползает. Комья грязи летят во все стороны. Из дыры, ворочая плоской головой, выбирается Йама. Отблески пожарища обливают его жидким пламенем. Йама скалит клыки, готовясь к прыжку. Становится понятно — в ближайшее время будет не до рации. Чуть не плача от досады, Глеб всаживает в демона полный магазин «Кедра», перезаряжает автомат, снова стреляет. Пули вонзаются в коричневую кожу Хозяина мертвых, не причиняя ему особого вреда. Глеб вспоминает слова Хранителя ключей: «Уязвимых зон на теле Йамы немного, но все же они есть. Это глаза, горло и паховая область. Не подходи к нему слишком близко — Йама, несмотря на кажущуюся неповоротливость, проворен и быстр. Его кожу трудно пробить одной пулей. Тебе придется несколько раз попасть в одно и то же место, чтобы ранить демона. После этого заставь его двигаться, тогда он вскоре ослабеет от потери крови».

Демон, словно услышав мысли противника, бросается в атаку. Глеб стреляет ему в голову, до последнего момента оставаясь на месте. Ему удастся попасть в левый глаз Йамы, разворотив глазницу, но, подпустив демона слишком близко, он лишается «Кедра» — взмахом мощной лапы Хозяин мертвых выбивает автомат из рук Глеба.

«Теперь мои дела плохи», — понимает он, отбегая в сторону.

Выстрелы «стечкина» напоминают отрывистый злой лай. Йама в ответ ревет раненым медведем. Двумя прыжками покрыв расстояние, отделяющее его от Глеба, демон вновь пускает в ход смертоносные когти, раздирая прочную ткань разгрузочного жилета. Красная полоска индикатора здоровья начинает ползти вниз, но времени задействовать аптечки или заклятия у Глеба нет – если он перестанет стрелять, Йама навалится на него всерьез.

«Надо бежать! Я смогу победить эту тварь только на расстоянии», – увлекшись, Глеб забывает и о загадочном «третьем пути», и о таймере.

Убить Йаму, избавить мир от подручного Лилит – вот что сейчас главное!

Рывок, еще рывок! Он бежит зигзагами, пытаясь сбросить буквально повисшего на плечах демона. Краем глаза замечает – вокруг собирается все больше и больше зомби, но живые мертвецы не вмешиваются в схватку. Переминаясь и глухо завывая, они ждут. Отблески горящего нефтехранилища делают их похожими на ожившие бронзовые статуи.

Когти Йамы впиваются в ногу Глебу. Перед глазами красная пелена. Дело плохо – жизненные силы кончаются, а демон и не думает отставать. Теперь Погодину уже не до наблюдений за зомби. Он напрягает все силы, совершает прыжки под стать зверям из семейства кошачьих, но все напрасно.

Спасительная идея приходит, когда красная полоска проваливается в самый низ, сигнализируя, что жить Глебу остается считанные секунды. Он резко останавливается и падает в мокрую траву. Тяжелая туша Йамы по инерции пролетает над ним; демон яростно рычит, когти взрыхляют землю. Развернувшись, он готовится броситься на лежащего человека, но Глеб уже на ногах. Две армейские аптечки восстанавливают его силы. Черный глаз «стечкина» смотрит в единственное оставшееся буркало Йамы.

«Я попаду», – уверенно думает Глеб.

Он очень хочет этого, а хотеть, как известно, – значит мочь.

Демон срывается с места. Палец плавно давит на спусковой крючок. Выстрел! Второй! Третий! Йама запрокидывается на спину, рычание переходит в пронзительный визг. Черные капли летят во все стороны, кровь заливает уродливую морду адского создания. Он еще жив, но ослеплен точными выстрелами Глеба. Остается добить монстра, оборвав его мучения. Это уже работа мясника, а не воина.

Йама, задрав голову, беспорядочно машет лапами, пытаясь зацепить проклятого двуногого. Он больше не может визжать, из пасти идет густая кровавая пена. Глеб, выбрав момент, переключает «стечкин» на автоматическую стрельбу и выпускает очередь в незащищенное горло демона. Коричневая кожа чудовища лопается, прямо в лицо Погодину бьет дурно пахнущая струя черной крови. Завалившись набок, Йама стрижет ногами. Он пытается встать, но жизнь стремительно покидает могучее тело демона. Начинается агония. Удовлетворенно выдохнув, Глеб перезаряжает пистолет, поднимает голову. Его глазам предстает удивительное зрелище – зомби, еще мгновение назад готовые наброситься на победителя, рядами валятся наземь. Со смертью хозяина приходит конец и их отвратительному бытию.

Включается рация.

– Избранный, спасибо! – весело кричит Егоров. – Теперь мы сможем перебросить все задействованные против Йамы силы в Кузьминки и остановить вампиров. Ты сделал большое дело, парень!

– Служу Советскому Союзу, – усмехается Глеб.

Он с надеждой смотрит на рацию, но черная коробочка на поясе умолкает. И тут же раздается трель таймера. Все, время вышло.

Выдравшись из гейма, Глеб одним длинным глотком «добил» пиво, записал сейфы на диск, закрыл футляр с изумрудом и быстро покинул «Бит-байт». Несмотря на то что завлакивающий будущее туман так и не рассеялся, он теперь твердо знал – у него есть и третий путь...

В расположенном глубоко под землей зале, которого Лика никогда не видела, всегда

пахло грибами. Она приходила сюда раз в месяц, строго в определенный день, и проделывала длинный путь – сначала в подвал ничем не примечательного дома в центре Москвы, затем из него по винтовой лестнице, подсвечивая себе фонариком.

У мощной тяжелой двери из черной стали фонарик полагалось гасить, и за ослушивание – Лика это знала – последует суровое наказание, а может быть, и смерть.

Поэтому она всегда выключала крохотный приборчик и ждала, когда глаза привыкнут. Этого никогда не происходило, и она на ощупь толкала дверь, вступала в сырой и теплый, пахнувший грибами зал.

Так случилось и сегодня.

– Ты пришла? – спросили из мрака голосом неприятным, резким, и что-то задвигалось, зашуршало вдали.

– Да, я готова служить, – ответила Лика.

– Очень хорошо. У нас есть для тебя задание... – произнес уже другой голос, более мягкий, и Лике показалось, что она видит мерцающие вдали огоньки, похожие на гаснущие угли.

Всякий раз ей мерещилось разное, и за тридцать с лишним лет она давно поняла, что в этом зале ей являются только иллюзии.

– Я готова.

– Тогда слушай. Нам нужно, чтобы ты отыскала мужчину. Человека, – заговорил третий, находившийся где-то наверху. – Зовут его Глеб Погодин. Попытайся его очаровать, одурманить, выманить из него все, что можно, и принеси нам его душу. Мы знаем, подобное тебе по силам.

– Но как я его найду? Город велик...

– Мы дадим тебе направление, – сказал первый голос. – А теперь откройся, настало время впитывать силу.

Лика вздрогнула и расслабилась – сейчас ей позволят дотянуться до источника, наполнить ауру энергией, восстановить растроченные за месяц силы. Понятное дело, что сам колодец расположен не тут, а где-то на поверхности и что ее хозяева лишь перебрасывают энергию с места на место.

Лика была магом-арендатором, то есть не входила ни в один орден, но в обмен на энергию иногда выполняла поручения обитателей пахнущего грибами подземелья.

Они не требовали многого, были щедры, и она расходовала свою силу планомерно, используя ее для того, чтобы создать прочный фундамент, опору к старости. Она понимала, что еще несколько лет, и она потеряет многое...

А ведь сколько мечтала молодая и глупая девчонка, три десятилетия назад попавшая в ученицы к настоящей ведьме! Но мечты сгинули, а она так и осталась – одной из многих, знающих о магии и мире «за Пеленой», но не имеющих власти.

В свое время у нее был шанс вступить в «Золотую розу», но она отказалась, захотела независимости. И в конце концов стала чуть ли не рабыней прячущихся во мраке существ, не принадлежащих к человеческому роду.

Энергия хлынула в ее тело Силы, и Лика задрожала, впитывая ее.

Через десять минут она закрыла черную дверь, включила фонарик и зашагала наверх.

Теперь она знала, куда ей идти.

Хозяева пообещали очень многое – возможность самой подключиться к их источнику. Но только в том случае, если она выполнит задание, если она возьмет верх над мужчиной по имени Глеб Погодин.

В себя Акунд пришел, оказавшись в салоне черного «БМВ». Сильно болело горло, кружилась голова, перед глазами плавали разноцветные круги. Он огляделся, встретил насмешливый взгляд сатрессы, устроившейся на переднем сиденье, и холодный, тяжелый – верог, той самой бледной девушки, что привела его сюда. Четвертым в машине был водитель, смуглокожий джинна. Его голый череп украшала крохотная вязаная шапочка,

больше напоминающая круглую заплатку. В ухе торчала серая таблетка телефонной гарнитуры «хенд-фри».

– «Короткий повод»? – прохрипел Акунд, массируя шею.

– Ты был не самым способным, но явно старательным учеником в этой вашей Обители. – Сатресса тронула водителя за плечо. – Поехали, Агаб.

«БМВ» заурчал двигателем и мягко скользнул в поток автомобилей.

– В вашей? – переспросил Акунд. – Но ты ведь тоже сатра!

– Есть вещи, более важные, чем форма конечностей и цвет волос.

Ответ прозвучал достаточно туманно, но Акунд понял, что ему хотели сказать.

Помолчав, он кашлянул и задал другой вопрос:

– Кто нас сдал? Часовщик?

Сатресса лишь коротко хохотнула в ответ.

– Зачем весь этот балаган? – В голосе Акунда прорезалась злость. – Ты могла бы получить камень без дурацких игр в заложников...

– А может, я влюбилась, – повернувшись к нему и глядя прямо в глаза, произнесла она с усмешкой.

Сатра не выдержал, отвел взгляд и проворчал:

– Для влюбленной ты слишком много улыбаешься и смеешься.

– Смотрите-ка, он еще и психолог! – окончательно развеселилась сатресса и тут же сменила тон: – А если я скажу, что ты меня заинтересовал? Ты сильный и смелый мальчик. Редко кому удавалось выскользнуть из моих коготков. Тебе вот удалось. А поскольку контракт аннулирован, мне нет нужды убивать тебя немедленно. Так что некоторое время ты будешь моим домашним питомцем, сатра Акунд.

– Я не буду ничьим питомцем, сатресса Не-знаю-как-тебя-там! – высокомерно гаркнул Акунд и отвернулся к окну.

– Можешь называть меня... Скулария. Да, Скулария. Хорошее элладийское имя. И не кипятись, мальчик. Ты даже не представляешь, от чего отказываешься.

– То есть мне уже было сделано предложение? – немедленно отреагировал Акунд.

Скулария опять рассмеялась, подмигнула невозмутимой верог, сидевшей рядом с сатра:

– Каков, а? Как там говорят местные «коричневые»: «На лету подметки режет»?

– Куда мы едем? – резко спросил Акунд. Ему надоела манера общения, предложенная его пленительницей.

– Это неправильный вопрос, – покачала головой Скулария.

– Ты думаешь, будет правильнее, если я спрошу, кто меня... нас заказал?

– Было бы чудесно, если бы ты прямо сейчас начал обращаться ко мне «госпожа Скулария». Или просто «госпожа». – Сатресса произнесла это тихо, мягко, но Акунд отчетливо услышал в ее голосе лязг стали.

Он решил не злить хозяйку магов-убийц понапрасну и повторил свой вопрос по-новому:

– Позволено ли мне будет узнать, кто предложил вам, госпожа Скулария, контракт на убийство меня и «коричневого» Глеба Погодина?

– Да кому вы нужны, – отмахнулась сатресса.

– То есть предметом контракта было... – начал Акунд. – Постойте... Изумруд? То есть все это из-за какого-то камня?

– А вот теперь ты оказался глупее, чем я думала. Смарагд – куш, ради которого можно рискнуть всем. Неужели ты этого не понимаешь?

– Так тебе нужен камень? Ты хочешь обречь Ксенфов на гибель ради этой вещи...

– Если бы ты знал, что это за вещь. Даже тебе, очень слабому магу, смарагд дал бы огромную власть...

– Он принадлежит клану! – отрезал Акунд.

– Кла-ану? – искренне удивилась Скулария. – Ах вот как? Так ты у нас патриот! Идеальный борец за интересы Ксенфов? Однако это новость! Но позволь спросить, что дал

тебе клан?

– Все! – задрал подбородок Акунд. – Я – сын клана. Меня воспитывали и учили на деньги Ксенфов.

– Ксенфы сделали тебя сиротой. Кто ты на самом деле? Брегн? Псари? Акалон? Твои родители были убиты. А ты сейчас расписываешься в верности их убийцам.

– Что было – то прошло. – Акунд скрипнул зубами. – У меня нет счетов к Ксенфам. А вот к тебе есть. Ты убила моего учителя, и за это я тебе еще отомщу...

– Госпожа! – вдруг зашипела сидевшая рядом верог и подкрепила слова коротким взмахом руки. – Надо говорить: «Ты убила моего учителя, госпожа»!

Акундин дернулся, словно его ударили наотмашь. Он попытался ответить, но не смог даже пошевелить пальцем – верог с помощью магии спеленала его, как младенца.

– Не дергайся зря, – пояснила наблюдавшая за экзекуцией Скулария. – Она сильнее тебя и не отсечена от источника. Так что ты там говорил про учителя?

– Ты убила его! – упрямо выкрикнул Акунд. – За что? Это тоже часть контракта? Я...

Верог снова ударила сатра «длинной рукой», уже сильнее.

– Госпожа! Говори: «госпожа»!

– Подожди, Светлана, – жестом остановила верог Скулария. – Ты потом поучишь этого гордеца хорошим манерам.

Некоторое время в салоне «БМВ» стояла тишина, нарушаемая лишь приглушенным уличным шумом, долетавшим сквозь тонированные стекла. За окнами мелькали дома, перекрестки, пролетела и осталась позади красная глыба Театра на Таганке.

– Я все еще не решила, что с тобой делать, Акунд Ксенф... – наконец произнесла сатресса. – Акунд... Переводится как «Копье». Интересно, это имя тебе дали родители или усыновители из Ксенфов? Ты и вправду прям, как копье. Ты силен. Слабые способности к магии ты компенсируешь отличной физической подготовкой. Сколько раз ты дрался насмерть? Семь? Восемь? Да, восемь. Пять побед. Два примирения, один раз твой противник не явился. Как видишь, я знаю о тебе все. И поэтому говорю – ты не продержишься против меня и пяти секунд.

– Без колдовства? – с иронией спросил Акунд.

– Увы, мальчик, – покачала головой Скулария. – Я не могу драться без магии. В мое тело вживлен двадцать один боевой амулет. И некоторые из них срабатывают помимо моей воли, на рефlekсах. Ты выбрал не того соперника, дурачок.

– И все равно я тебе еще врежу! – набычился сатра. – Смерть Крицы должна быть отомщена.

– О, мужчины! – простонала сатресса, закатывая глаза. – Как легко вами можно управлять... Все вы – акунды, копья. Никакой гибкости. Ладно, если тебе будет угодно, мы встретимся один на один. Но не сейчас, позже. После того, как «коричневый» принесет камень.

– А если не принесет? – буркнул Акунд.

– Принесет, принесет, – уверенно сказала Скулария. – Он же тоже мужчина. Копьеносная сущность не позволит ему поступить по-другому.

– Ты убьешь его?

– А как ты думаешь? Сам посуди – зачем мне живые свидетели?

– Но он же ничего не знает! – взвился Акунд. – Когда охотятся на вепря, не убивают оленя, случайно оказавшегося на пути охотников!

– На вепря? – сузила глаза Скулария. – Почему ты упомянул именно это животное?

Сатра не заметил ее тревоги, ответил просто:

– Это старинная поговорка Ксенфов. Так почему нужно убивать Глеба? Лиши его возможности видеть через Пелену...

– С чего это мне этим заниматься?

– Если ты дашь мне слово, что Глеб Погодин останется жив и здоров, я соглашусь служить тебе, – глядя в окно, через силу сказал Акунд.

Сатресса расхохоталась.

– Мальчик, во-первых, я никому и никогда ничего не даю. Я только беру. Беру то, что мне необходимо. А во-вторых, разве кто-то сказал, что нуждается в твоей службе?

Акунд выругался, получил еще один чувствительный удар от верог и умолк.

– Агаб, свяжись с Карлом, узнай, как обстоят дела, – распорядилась Скулария.

Водитель нашарил на груди пулстик «хенд-фри», полушепотом забубнил в микрофон, потом повернул голову и очень низким голосом нараспев объявил:

– Госпожа, Ксенфы начали разворачивать боевые порядки. Прослушка исключена. Наблюдение ведется.

Скулария кивнула, повернулась к Акунду:

– Вы с «коричневым» объявлены вне закона. Любой Ксенф при встрече обязан задержать вас, а в случае сопротивления – уничтожить. Какой смысл хранить верность тем, кто от тебя отказался?

– Это из-за вашего альва! – мрачно прогудел сатра. Взъерошив непослушные волосы, он внимательно посмотрел на сатрессу: – Госпожа, я все понял. Смерть моя, равно как и смерть моего товарища, неизбежна. И перед лицом ее я прошу вас – до того, как сердце мое остановится и дыхание пресечется, сообщите, кто... кем был ваш наниматель – и сейчас, и во время Десятилетней войны.

– Проклятая книга! – Скулария на миг потеряла контроль над собой, и яростное пламя взвилось над ее плечами, точно крылья.

Запахло паленой обивкой. Салон наполнился дымом. Верог отклонилась, вжавшись в сиденье. Акунд заслонил лицо руками. Только водитель-джинна продолжал невозмутимо управлять машиной, несмотря на то, что оранжевый пламенеющий язык лизнул его голову и из уха вытекла струйка расплавленного наушника. Он на несколько секунд приоткрыл все четыре окна, и дым выветрился.

– Опять придется чинить машину, – сердито проговорила сатресса, унимая огонь. В ее голосе явственно слышалась досада. – Видишь, Акунд Ксенф, до чего ты меня довел... Поверь, я не отдавала приказ убить Крицу. Когда агент, занимавшийся прослушкой, сообщил о книге и о том, что вы можете узнать нечто, чего вам знать нельзя, я велела уничтожить «Криптобиблонию». А дальше... это был несчастный случай. Если бы к окну подошел ты или «коричневый»... С такого расстояния трудно попасть, агент и так весь выложился и не смог потом защититься. В общем, я не буду оправдываться. И своего нанимателя тоже не назову. Это против всех правил. Все, хватит болтовни – мы приехали. Сегодня будь моим гостем, сатра Акунд Ксенф! Сатресса Скулария приглашает тебя разделить с ней стол и кров.

Акунд угрюмо кивнул. Ритуальная фраза, произнесенная Скуларией, означала лишь одно – до завтрашнего дня он доживет точно...

Разобравшись с неотложными делами, Стоящий у престола вышел в сад. Он брел по мокрой дорожке, выложенной шестигранной плиткой, обдумывая все, что было сказано на Совете. В настоящий момент ситуация на существующей в воображении Дэфтера шахматной доске виделась ему как близкая к патовой. Нужен был неожиданный, остроумный ход, способный положить начало лихой комбинации, ведущей к победе. Остановившись у старого дуба, роняющего с узловатых ветвей холодные капли, Стоящий у престола сорвал коричневый кожистый лист и, вертя его в пальцах, погрузился в глубокую задумчивость.

«Чтобы иерархи клана не отвлекались от борьбы с пусть и гипотетическим внешним врагом, надо подбросить им вполне реального врага внутреннего. Или спровоцировать кого-нибудь из чужаков на реальное нападение. Есть у меня один подход к Брегам... Гамбит – одна из самых изящных комбинаций в шахматах. Настю, конечно, жаль. Она была хорошей... игрушкой. Но высокая ставка требует жертв. «Имиглико» выжгло ее разум. Пусть теперь ею занимаются маги Рамера. Они ничего не узнают, кроме главного – что вполне определенный сатра заставил девушку отравить Стража клана. Мне же надо сосредоточиться на смарагде».

Неожиданно, заставив сатра вздрогнуть, чуть в стороне из кустов на поляну выскочил огромный пес, мускулистый доберман с узкой мордой, а следом за ним – еще два таких же зверя. Они принялись с лаем гоняться друг за другом, выдирая мощными лапами кустики жухлой травы.

Дэфтер держал при доме псарню, где жило с десятков охотничьих и служебных собак. Доберманы были его любимцами. Послушные, умные и сильные псы, признающие только одного хозяина, казались Стоящему у престола воплощением идеальных подданных. Да, именно подданных – тех, кто отдаст жизнь за своего господина и повелителя, никогда не предаст и выполнит любой приказ.

«Скоро, – наблюдая за возней доберманов, подумал Дэфтер, – совсем скоро у меня будут другие подданные. Не такие, как эти собаки, но все же... Путь в тысячу ли начинается с одного шага. Когда-то я сомневался, стоит ли делать этот шаг. Теперь до конца, до желанной цели, осталось всего ничего. Останавливаться нельзя. Иначе – смерть, потеря всего...»

И, отбросив скрученный в трубочку лист, он решительно зашагал к дому.

Глава 10

На Москву опускалась ночь. Глеб брел по улице, то и дело натыкаясь на прохожих. Свет фонарей бил в глаза, под ногами хлюпало – только что закончившийся дождь со снегом залил тротуары, вывесил на ветвях лип мириады хрустальных капель. Сильно похолодало. Нашарив в кармане сигареты, Глеб заметил, что при каждом выдохе из его рта вырывается облачко пара. Прикурив, он сделал глубокую затяжку и тут же закашлялся. Вымотанный невероятными событиями последних дней организм настойчиво требовал отдыха. С другой стороны, мозг, взвинченный информацией о третьем пути, работал со скоростью хорошего компьютера, пытаясь выявить, просчитать этот самый путь.

«Мне надо поспать, – понял Глеб. – Хотя бы час. А лучше – всю ночь. Но вот где? Домой явно нельзя – Акунд сказал, что мы с ним для сатра – убийцы и объявлены вне закона. Наверняка за квартирой наблюдают. Поехать к знакомым? К Андрюхе-Брюхе? Но там тоже может быть засада. Эти козлоногие амбалы с большой долей вероятности пробили мои связи. По крайней мере наши человеческие менты сделали бы именно так, а у сатра с их магией возможностей поболее... Тратиться на гостиницу – жаба душит. Денег и так осталось с гулькин нос, а возможностей пополнить запас нет. На улице ночевать слишком холодно и сыро. Что остается? Вокзалы? Аэропорты? Но там тоже небезопасно, вдруг сатра отправили патрули или контролируют залы ожидания с помощью магии, черт бы ее побрал! Куда же податься? Куда?»

От выпитого пива и тяжелых раздумий заболела голова. Мимо проехал трамвай; в освещенном на манер аквариума салоне колыхались люди – и нелюди. Глеб заметил окруженного туманным коконом альва и на задней площадке двух рогатых с серыми лицами, кажется, называемых дейвона.

Из припарковавшегося неподалеку «Вольво» выбиралась веселая компания – девушки с цветами, парни с пакетами, в которых соблазнительно звенели бутылки. Проводив хохочущих молодых людей взглядом, Глеб вздохнул:

«Счастливые люди. Сейчас завалятся на хату, будут есть, пить, танцевать, потом разобьются на парочки и...»

Он остановился. Впереди, на перекрестке, под светофором, стояло двое сатра. Одеты в длинные плащи, они о чем-то говорили, периодически оглядываясь по сторонам. У Глеба внутри все похолодело. Он повернулся и быстро пошел через улицу, стараясь не поворачивать голову. Если сатра заметят его...

На другой стороне, у входа в магазин, он увидел еще одного уроженца зеленой сферы. Точнее, уроженку. Высокая сатресса с пышной прической разговаривала по сотовому телефону. Глеб встал как вкопанный.

«Обложили. Все, теперь все. Алексея, то есть Акунда, не спасти», – мысли скакали в голове, как мячики.

– Эй, мудило! – ласково донеслось из-за спины. – Ты что, окаменел? Людям ехать надо!

Оглянувшись, Глеб обнаружил, что стал причиной автомобильной пробки. Поспешно покинув проезжую часть, он дошел до остановки и плюхнулся на скамейку, поставив сумку между ног. Откинулся на прозрачную стеклянную стенку и закрыл глаза. Если сатра увидели его, сейчас все и произойдет. Подойдут, скажут: «Не двигаться, «коричневый», вы арестованы!» – или как там у них это делается? Может быть, просто ударят по голове чем-нибудь тяжелым, да хотя бы кулаком...

Стараясь не соскользнуть в сонный омут, Глеб попытался отвлечься, подумать напоследок о чем-нибудь приятном, но в голову лезли тяжелые, темные мысли:

«Лиса, которую обложили охотники, наверное, тоже пытается вспомнить перед смертью о самом хорошем, что случилось с ней за всю недолгую жизнь».

– Мужчина! Молодой человек! Простите, я вам, вам! – Кто-то легонько потрепал Глеба по плечу.

Страх не было. Была только всепоглощающая усталость.

– Э? – Он поднял голову и открыл глаза.

Прямо перед ним обнаружилась приветливо и даже, пожалуй, как-то шаловливо улыбающаяся девушка, а по обе стороны от нее, на асфальте – два огромных клетчатых баула.

– Простите! – Глеб поднялся и зачем-то поклонился, непроизвольно сглотнув, – его неожиданная визави прямо-таки лучилась той не открытой еще наукой блудливой энергией, которую могут производить лишь некоторые женщины, а улавливать – все без исключения мужчины. Щечки с ямочками, красный смеющийся рот, густые каштановые кудри, рассыпавшиеся по плечам, высокая грудь и глаза... Зеленые, как астраханские арбузы, они заворожили Погодина мгновенно – и накрепко.

– Вы мне не поможете вещи до подъезда донести? – продолжая улыбаться, проворковала девушка, переступив ногами, отчего ее каблочки звонко цокнули об асфальт.

Глеб невольно скосил глаза вниз, на точеные коленки и короткие сапожки незнакомки – и сглотнул, судорожно и гулко.

– Конечно, помогу. Вот только у меня... сумка... – Глеб чуть ли не со злостью тряхнул своими вещами. – Она, правда, пустая почти...

– Так я же ее могу понести! – радостно сообщила ему девушка и, не давая опомниться, подхватила сумку, закинула за плечо. – Мой дом – во-он тот, с эркерами. Таксист, гад, высадил здесь, мол, там дорога разбита... А вас как зовут?

«Глеб», – едва не сказал Погодин, но вовремя прикусил язык. И ответил, как и подобает настоящему урке в бегах:

– Федор Степанович.

Девушка хихикнула, обожгла взглядом:

– А меня – Лика. Будем знакомы.

Неожиданно Глеб обнаружил, что уже довольно давно несет оказавшиеся весьма тяжелыми баулы, широко шагая вслед за девушкой. Вокруг шумел на разные голоса гигантский город. Приблизившаяся громада шестнадцатизэтажного дома нависла над Глебом, точно айсберг над обреченным «Титаником».

Лика магнитным ключом открыла подъездную дверь.

– Ставьте здесь, Федор Степанович.

– Не, не, донесу до лифта! – как-то слишком поспешно возразил Глеб, глядя на ее грудь.

Они подошли к лифту, и Лика ткнула точеным пальчиком с кровавой капелькой лака на ногте в обожженную неведомыми пироманами кнопку.

– Ну что это такое! – рассерженно топнула она каблучком. – Не работает... Опять сломали, скоты!

– Я донесу! – снова заторопился Глеб, хватаясь за ручки баулов. – Какой этаж?

– Пятый. Спасибо, Федор Степанович!

Все время, пока они поднимались по лестнице, он видел перед собой обтянутые сетчатыми чулочками девичьи ножки, бойко считающие ступеньки.

– Вот мы и пришли! – объявила Лика и жестом фокусника продемонстрировала Глебу ключ. – Вы уж, пожалуйста, занесите сумки в прихожую...

– Конечно... – У Погодина кружилась голова, но отнюдь не из-за восхождения на пятый этаж.

Лязгнула дверь, вспыхнул красноватый свет в прихожей Ликиной квартиры. Пахнуло корицей, лавандой и еще чем-то, необъяснимым и дразнящим. Глеб переступил порог и вдруг понял – не уйти!

– Чайку, чайку! Просто так я вас не отпущу, – щебетала девушка, ловко стряхивая с ног сапожки и одновременно скидывая на руки Глебу курточку.

– Не, не надо! Я пойду! – отчаянно замотал головой Погодин, прижавшись спиной к двери.

– Еще чего выдумали. Так, быстро – разувайтесь и мойте руки. Не деньги же мне вам предлагать.

При слове «деньги» Глеб смутился, послушно снял кроссовки и двинулся в ванную.

«В конце концов, почему нет? – подумал он. – Перекушу, отдохну. Да и хозяйка симпатная...»

В узком коридорчике, столкнувшись с Ликой, он попытался протиснуться мимо девушки, втянув живот и обдирая спиной стену, но хозяйка квартиры, словно нарочно, прижалась к Погодину, дав ему на мгновение ощутить удивительно упругие выпуклости, – и белкой ускакала в комнату, хихикая на бегу.

Потом, сидя на кухне, за столом под оранжевым абажуром, они пили чай с баранками. Разговор из серии «ни о чем» медленно тек, как ручей между камушков. Обсудили погоду (Глеб сумел вставить в Ликино щебетание только одну фразу: «Да, никудышная в этом году осень»), столичные пробки (тут ему пришлось только кивать), новую моду (Погодин тихо попивал чай, отводя глаза от голых Ликиных рук, порхавших над столом). С моды беседа съехала на качество одежды, с нее – на качество китайской одежды, а потом, как-то незаметно, на Китай вообще и на китайскую поэзию – в частности.

– Я так люблю Ли Бо! – воскликнула Лика. – Вот это знаете?

И начала нараспев декламировать:

За яшмовую штору
Одна
Красавица
Томится у окна.
Я вижу влажный блеск
В очах печальных —
Кто ведает,
О ком грустит она?

– Не знаю! – мотнул головой размякший от чая Глеб и непонятно зачем добавил: – Я сам пишу. Стихи. Поэт я. Вот.

– Ой, как интересно! – Лика вдруг вскочила, всплеснула руками и, наклонившись через стол, уставилась на Глеба своими глазищами.

– Я... мне... выйти... бы... – промямлил Погодин, обмирая.

Лика в ответ лишь отрицательно поводила пальцем перед его лицом и прошептала, обдавая жарким дыханием:

За каждую строчку,

За милый сердечный привет
Готов заплатить он
По тысяче звонких монет.¹

– Я... не надо... – выдавил из себя Глеб.

Происходило что-то неправильное, что-то очень нехорошее и даже злое. И самое ужасное – он ничего не мог с этим поделать.

– А. Теперь. Иди. В. Спальню. Молча, – продолжая глядеть ему в глаза и четко разделяя слова, глухим старушечьим голосом произнесла Лика.

Она обхватила запястье Погодина горячими цепкими пальцами и властно потащила его за собой.

Двигавшийся как сомнамбула Глеб послушно проследовал за девушкой через прихожую и гостиную в спальню. Там он обнаружил предусмотрительно задернутые шторы и сиреневый ночник, который освещал огромную кровать, полированный шкаф и тростниковую, явно китайского опять же происхождения, циновку на стене. Вглядевшись в изображение на циновке, Глеб почувствовал, как у него запылали уши, настолько неприличным показалось ему то, чем занимался сразу с тремя женщинами древнекитайский мужчина с косой.

– Ложись! – зловеще прошипела Лика и каким-то удивительным, слитным и неувловимым движением стянула с себя почти всю одежду сразу, оставшись лишь в прозрачной комбинашке.

Он рухнул на жалобно всхлипнувшую кровать, разбросав бессильные руки. Зазвучала тихая чарующая музыка. Тело девушки, полное одновременно и задорной молодости, и обворожительной опытности, манило и звало: «Прикоснись ко мне, поласкай меня!» Лика начала пританцовывать, бесстыдно двигая бедрами и оглаживая себя руками в такт музыке.

Перед глазами Глеба все плыло и колыхалось – комната, занавески, шкаф, Лика, бесовские китайцы на стене. И вдруг, повинаясь какому-то наитию, он встал и, собрав остатки воли в кулак, принялся хриплым голосом читать из своего секретного «Черного цикла»:

Сын черного дома,
Молюсь у свечи,
Прощения не прошу.
Ломлюсь в поклонах,
Взываю к ночи
И смерть под сердцем ношу.
Сдираю скальп с перевития вен,
Плюю на мертвый алтарь.
Танцую во мраке кирпичных стен,
Целую рассветную марь.

Кукушкой падаю в сизый дым.
Меня там не ждет никто...
Я был старым и был молодым.
Прошло десять лет? Или сто?
Сдирая руки, на столб креста
Влезу и огляжусь.
Зачем? Все просто. И цель проста —
Чем выше, тем лучше смотрюсь!

¹ Ли Бо. Перевод А. Гитовича (*Прим. ред.*).

Но солнце иссушит лохмотья кож,
Что укрывают висок.
Землю потряхнет вековая дрожь,
Когда упаду на песок.
Грохотом грома
Собьет сирень,
Что выросла у креста.
Черного дома исчезнет тень.
Вместо нее – пустота...

Глеб, тяжело дыша, рванул ворот рубашки. Взвизгнула и затихла музыка. Навалилась духота, от тяжелого запаха лаванды к горлу подкатил комок.

– Дурак! – каркнула с кровати пожилая женщина, завернувшаяся в покрывало. – Кто тебя просил стихи читать, а? Ну кто? Больной, что ли? Ты со всеми девчонками это делаешь?

– Что? – тупо спросил Глеб, тяжело садясь на край несостоявшегося ложа любви. – А вы... кто?

– Дед Пыхто! – зло сверкнула глазами женщина.

Погодин увидел в них знакомую зеленцу и затрясся:

– Не может быть... Не может...

– Что – испугался? – усмехнулась женщина, поднялась и поправила драпирующее ее покрывало. – Конечно, кто хочешь испугается. Другие-то, те, что не поэты, так и уходили. Довольные – и без денег. А ты... Придурок! И зачем ты им понадобился?

– Кому – им? – Глеб все же сумел справиться с неудержимым желанием бежать отсюда сломя голову. – Кто вы? И как вы... это делаете?

– Ведьма я, дурак, – будничным тоном ответила женщина, подошла к окну и с треском раздвинула шторы.

При этом с нее слетело покрывало, но ударивший в глаза мертвый свет уличных фонарей не дал Погодину рассмотреть ведьмину фигуру. Не дал – и возможно, к лучшему.

– Ведьма я, – повторила хозяйка квартиры. – Словотворящая, глаза отводящая... И каждый, кто со мной... ну, это самое... тот мне все имущество отдает. Деньги, душу, все, что захочу. Сам. Такое вот колдовство. А ты его разрушил. Сломал вербальный код. Стихи твои, кстати, ерундовые. Теперь шагай отсюда, Глеб Погодин. Сам не представляешь, чего ты меня лишил! – Она говорила горячо, как говорят только в большом возбуждении. – Они могут рассердиться, лишат меня доступа к источнику. А кто я без него? Старая тетка? Идти к другим? – Женщина фыркнула. – Кому я нужна? Слушай, а может, мы договоримся?

Хозяйка квартиры, осененная какой-то мыслью, присела на кровать, схватила Глеба за руку и горячо зашептала:

– А может, ты сам передо мной раскроешься? Ну, просто так, из жалости? Это не больно, ничем тебе не грозит. А я тебя уж потешу, по-стариковски, зато со вкусом... Сам не представляешь, чего лишаешься! Давай!

– Нет! – с трудом выдрав ладонь из по-птичьи цепких пальцев ведьмы, заорал Глеб.

Задев мебель, он выбежал в прихожую, сгреб в охапку сумку, обувь, куртку и прямо в носках бросился вниз по лестнице.

Повинуясь воле своих набольших, клан Ксенфа пришел в движение. Уже спустя несколько минут после окончания Совета в загородном доме Дэфтера сотни сатра, и не только сатра, вынуждены были оставить свои повседневные дела.

Стронулся с места и начал набирать обороты невидимый глазу маховик, именуемый «мобилизация клана». По всей Москве десятки компаний срочно переводились на «особый режим безопасности»; охрана получала приказы смотреть в оба и, если что, вызывать подкрепление. Старейшины и главы родов собирали боевые группы, проверяли, кто из мужчин готов воевать.

Особые изменения происходили на той территории, что считалась доменом Ксенфа. Около источников появились заслоны из опытных бойцов. Патрули разбили домен на квадраты, внимательно отслеживая любые подозрительные действия.

И везде звучало произносимое вполголоса, с опаской, чтобы, не дай Всеотец, судьбина не разгневалась, страшное слово «война».

В Обители маги клана согласно плану Дэфтера извлекали из подземных хранилищ аккумулирующие артефакты, налитые энергией до краев, и бронированные «Доджи» переправляли их по назначению.

Многие сатра спешно покидали город – женщин и детей высокопоставленных Ксенфов вывозили в область, подальше от Москвы с ее источниками, туда, куда не доберутся вражеские маги, а отбиться можно будет с помощью обычного оружия. Делалось это не только для того, чтобы обеспечить их безопасность, а и ради того, чтобы исключить захват заложников. В пансионатах и санаториях были заказаны места.

К полудню следующего дня клан был полностью отмобилизован. И тогда же Дэфтеру начали поступать первые сообщения об активности других кланов сатра, обитавших в Москве. Первыми отреагировали Брегны. Старейшины этого клана, едва только до них дошла информация о действиях Ксенфов, подняли по тревоге собственную «безопасность» и выставили усиленные посты около своих колодцев и иных важных объектов.

Напряжение сатра передалось и уроженцам других сфер. Все более-менее крупные объединения нелюдей замерли в тревожном ожидании, готовясь к худшему. В городе ощущалось гнетущее напряжение, и достаточно было одного неверного шага, одной искры, чтобы полыхнул пожар войны.

Когда Дэфтер убедился, что все идет именно так, как он и задумывал, Стоящему у престола не понадобилось прикладывать много усилий, дабы вызвать эту самую искру. По его приказу сатра из личной охраны передали Рамеру полубезумную Настю Шарко. Девушка, выкраденная прямо из квартиры Царева, все время хихикала и повторяла лишь одну фразу: «Медведик любит свою кисочку...»

А кроме того, Дэфтер пустил в дело одну давно заготовленную провокацию...

«А охота-то идет по-крупному. Эх, зря я так поспешно свалил от этой Лики. – Глеб, присев на бортик песочницы во дворе, завязывал кроссовки и пытался в уме разложить все по полочкам. – Акунд бы просто так не ушел, выпытал бы у старой карги, кто ее хозяева и чего ей от меня было надо. Может, вернуться? Нет, нельзя. Она, скорее всего, уже сообщила обо мне. Бежать надо. Спрятаться. Иначе – прощай камень, Акунду конец. Да и вообще... Нет, а как она меня заманила! Интересно, сколько мужиков у нее в спальне перебивало? И ведь пожаловаться потом некому. Сам пошел, сам остался...»

Приключений жажда,
Помни, дурачок:
Чем вкусней наживка,
Тем острей крючок!

Приведя одежду и обувь в порядок, Глеб темными дворами уходил все дальше и дальше от дома «словотворящей» ведьмы. Встреча с ней странным образом встряхнула его, прояснила голову, так что в ней родился простой и надежный план дальнейших действий.

Выбравшись на Ленинский проспект, Глеб поймал машину и поехал к Белорусскому вокзалу, в Коричневый дом, где обитал единственный его знакомый, которого – он был в этом уверен – не могли просчитать поимщики.

Часовщик Сог-Рот Наррх...

Привратнику, тому самому недоверчивому носатому коротышке или его сменщику – для Глеба все Часовщики были на одно лицо – он безапелляционно заявил:

– Я к почтенному Сог-Роту. За заказом.

– Смотри только, без глупостей! – проскрипел заспанный карлик.

– Знаю, знаю, – отмахнулся Погодин. – Сог-Рота зови.

На этот раз ждать пришлось недолго. Тяжелые двери Коричневого дома распахнулись, и Глеб вошел внутрь. Из полумрака, попыхивая паром, возник Железный воин, грозно надвинулся, занеся над головой огромный двуручный меч, по волнистому лезвию которого сбегали потоки красноватого пламени.

«И здесь магия, причем показушная, чтобы и не маги видели», – понял Глеб.

– Стой. Не ходи! – приказал привратник, повернулся и чирикнул в темноту.

Сог-Рот, освещая себе путь обычным фонариком, подошел и что-то буркнул в ответ, кивая ушастью головой. От Погодина не укрылось искреннее удивление, граничащее с испугом, в глазах Часовщика.

Они молча поднялись по лестнице, прошли тихим и темным коридором. В мастерской Сог-Рота тоже царил полумрак, лишь мерцало звездное небо скринсейвера на поднятом экране ноутбука да теплился ночник на стене.

– Что вторично привело тебя в мое скромное жилище, почтенный Глеб Погодин? – усадив гостя за верстак, поинтересовался карлик.

– Почтенный Сог-Рот, ты – единственный, кто может мне помочь. Мы с Акундом попали в беду. Чтобы спасти его, мне нужно укрыться до утра. Разреши провести это время у тебя, здесь, – подстраиваясь под манеру Часовщика изъясняться, сказал Глеб.

И вновь в огромных белесых глазах Сог-Рота промелькнули изумление и страх.

– Что ж, Глеб Погодин, будь моим гостем, – тщательно подбирая слова, произнес он. – Время позднее, и я не могу угостить тебя, как подобает. Не очернит ли твое сердце обида на недостойного хозяина этого скромного жилища, если я предложу лишь сыр, черствый хлеб и вареные зерна риса?

– Не очернит, – ответил Глеб.

– У нас, Наррхов, принято всегда платить за услуги – и свои, и чужие, – расставляя тарелки, вполголоса сказал Сог-Рот и бросил на Глеба быстрый, оценивающий взгляд.

Погодин хотел было ответить: «У меня есть деньги», но в последний момент прикусил язык.

«С этими ушастыми выжигами нужно быть осторожным», – подумал он.

Постаравшись принять как можно более беспечный вид, Глеб спросил:

– И что будет угодно почтенному Сог-Роту принять в качестве платы?

– Сведения! Расскажи мне, что случилось с почтенным Акундом, – торопливо ответил карлик. – Где он? Жив ли?

– Жив, – кивнул Глеб и принялся за полуночную трапезу.

Некоторое время он молчал, но не потому, что рот его был занят, – Погодин обдумывал, под каким соусом подать хитрому Часовщику информацию. За это время он умаял пресный рис, сжевал сыр и теперь уже безо всякого аппетита доедал хлеб, запивая его жидковатым чаем. Сог-Рот терпеливо ждал. Светящиеся цифры на табло электронных часов показывали «01–19».

Глеб покончил с поздним ужином и безо всякого притворства зевнул – спать хотелось невероятно.

– Акунда захватили какие-то злые... люди. Они требуют выкуп, – глядя прямо в глаза Часовщику, сообщил Погодин. – Меня отпустили, чтобы этот выкуп... собрать. Отпустили – и приделали хвост. Ты понимаешь, о чем я, почтенный?

– Вполне.

– В вашем Коричневом доме я могу чувствовать себя в безопасности?

– О, конечно, почтеннейший Глеб Погодин! – часто закивал Сог-Рот. – Мы отобьем любое нападение, и это знают все. Даже обезумевшие оборотни не сунутся в Коричневый дом!

Облизнув неожиданно черным языком тонкие губы, карлик принялся убирать со стола и как бы между прочим спросил:

– Велика ли сумма выкупа? Быть может, я смогу чем-то помочь?

– Сумма велика, но я сам справлюсь, – отрезал Глеб.

От него не укрылся быстрый взгляд Часовщика, брошенный на его сумку.

«Что я делаю? Этот коротышка зарежет меня, сожжет тело в тигле (или как там называется эта печка?) – и заберет смарагд. Н-да, вместо спокойного ночлега я, кажется, заработал на свою голову очередную проблему», – со злостью на себя подумал Погодин.

– Прошу, почтенный, проходи вот сюда, к лежанке, – кланяясь, бормотал Сог-Рот, приглашая Глеба в соседнюю комнату.

Вся она была разгорожена занавесами на крохотные клетушки. Та, что предназначалась Глебу, находилась у самого входа. Он увидел короткий топчан, покрытый колючим шерстяным покрывалом. Сразу захотелось лечь, закрыть глаза...

– Мирной ночи и удачного путешествия в страну грез. – Приторно улыбаясь, Сог-Рот еще раз поклонился и исчез за занавесом.

«Упырь носатый! – Глеб устроился на скрипучей лежанке. – Небось за ножом побежал. Выждет с полчаса и полезет. Чем отмахиваться-то? Вот так поспал...»

Пристроив сумку под голову, Погодин сунул левую руку в карман, сжал смарагд и вытаращился в темноту, изо всех сил стараясь удержаться и не соскользнуть в сонную пропасть. Поначалу это удавалось неплохо, но постепенно пришли мягкие, спокойные мысли о том, что чему быть – того не миновать, о судьбе, которой нельзя избежать, о древних временах, когда не только люди, но и нелюди были фаталистами, живя в согласии с миром и собой.

А потом он увидел, как алое солнце село в свинцовые балтийские волны. Закатный пожар сжег облака, вызолотил сосны и камни на берегу. Волны накатывали на песок, с шипением таяли меж прядей водорослей, а на смену уже шли новые валы, увенчанные шапками ноздреватой пены. Кричали чайки, им вторили из зарослей вереска кулики.

Курносый мальчик в большеватом, с чужого плеча, кожаном поежился и тронул сидевшего рядом старика за рукав.

– Дед, а что солнышко ночью под морем делает?

– Бьется с чудищами. Не мешай.

Мальчик некоторое время посидел молча, но любопытство взяло верх, и он снова обратился к старику:

– А с какими чудищами?

– Тьфу на тебя, Алмар! Еще слово – прогоню. Коли пришел море слушать – молчком сиди.

– Да мы так уж во-о-она скока сидим, – недовольно протянул мальчик. – Сидим-сидим, а ничего не слышно...

– Тш-ш-ш! – Старик костлявой ладонью зажал мальчику рот, пригнул беловолосую голову к камням. – Идут. Речную воду прошли, весла убирают, паруса ставить будут. Два драккара. Ярл Гудмунд это, из свейской земли. Далеко ходил, за три волока, за двенадцать порогов, в полуденные земли. Большую добычу взял ярл. Низко сидят драккары. Хирдманы устали. Вороны над мачтами кружат. Быть беде...

Мальчику стало страшно. Он разжал узловатые пальцы старика и прошептал одними губами:

– Какой беде, деда?

– Тш-ш-ш! – Старик полыхнул суровым взглядом, указал на едва выступающую над водой темную полосу. – Рог-остров это. Там, в укромной бухте, снежки лица Улвиса хоронятся. Он – не свей, не дан и не германского корня. Говорят, на проклятом Руяне-острове рабыня из восходных земель родила Улвиса, а отцом его был лютичанский коб, что приносил требы в храме кровавого бога Перкуна. Давно сожжен храм, травой порос клятый Руян, но живо порождение его, лиц Улвис Быстрая Погибель. Хитер Улвис. В дальние походы своих воинов-кметей не водит. Сидит на лебединой дороге, словно медведь на

водопойной тропе, словно паук у сети, и добычу ждет. Бывают такие волки, что только собратьев своих едят. Волчьей смертью зовут их. Риц Улвис – из таких. Будет битва. Слышишь? Стронулись снейки, грудями вспенили волну. Бьют весла, хрипят гребцы. У Улвиса две сотни кметей и еще четыре десятка. Свечи в походе много своих потеряли, теперь у них едва семь десятков наберется. Не пройти Гудмунду Рог-остров. Будет битва.

Подавшись вперед, мальчик приложил ладошку к уху – и впрямь услышал, как бурлит вода у бортов узких, быстроходных снейк, как скрежещут вынимаемые из ножен мечи, как звенят тетивы луков и бьет в нетерпении кулак лица Улвиса по резному наносью передового судна.

– А теперь закрой глаза – и смотри душой, – щекоча ухо мальчика седой бородой, выдохнул старик и вложил ему в руку резной амулет из можжевелевого корня.

Вмиг исчез берег, камни, сосны. Обратившись легкокрылой чайкой, понеслась душа мальчика над морскими просторами, уже наливающимися тяжелой ночной стынью, – вперед, туда, где путь двум низко сидящим в воде драккарам перерезала хищная стая быстрых снейк.

Увидел он красно-желтые паруса ярла Гудмунда, груды добычи – мехов, кож, тюков с шерстью, блюд и кубков, навалом лежащих меж широких бортов драккаров. Увидел и дружинников ярла, хирдманов, что с тревогой вглядывались в темнеющую морскую даль.

Сам Гудмунд стоял на носу передового драккара, изредка бросая через плечо взгляд на парнишку в зеленом плаще, что взобрался на мачту, держа наготове медный ромейский гнутый рог-буцину.

– Им бы отвернуть да обратно в Немую реку уйти, – из далекого далека донесся до мальчика надтреснутый старческий голос. – Но Великая мать милостива к нам, и этого не произойдет. Будет битва. Смотри же!

Дозорный на мачте увидел врага. Низкий протяжный вой буцины поплыл над волнами. Хирдманы на обоих драккарах бросились к оружию, развешанному вдоль бортов. А из вечернего сумрака одна за другой вылетали узкие снейки лица Улвиса – грабителя грабителей, морского паука, волчьей смерти.

Гудмунд свесился с носа своего корабля. Набухли жилы на бычей шее ярла, когда крикнул он:

– Я – Гудмунд, сын Тругга из Сигтуна, ярл. Кто посмел преградить мне путь? Кто ищет смерти от меча моего?

Улвис ответил с передовой снейки. Резкий, каркающий голос его ударил в уши мальчика:

– Смерть в битве – удел бесстрашных. Я, Улвис, безотчий сын, рекомый Быстрой Погибелью, отправлю в Вальхаллу и тебя, и твоих воинов.

– Прими выкуп – и разойдемся с миром. Я дам тебе золото и серебро из полуденных краев, – прогудел Гудмунд, и мальчик уловил сомнение и тревогу в его словах.

– Мне не нужен выкуп, – каркнул Улвис. – Я возьму все. А теперь пусть говорят пьющие кровь мечи и поющие с валькириями стрелы. Перкун с нами!

– Перкун с нами!! – подхватили кмети на снейках клич вождя.

Восемь быстроходных кораблей Улвиса разделились, нацелившись на драккары свеев. Свистнули первые стрелы, и первые погибшие воины, приняв смерть лицом, отправились к Одину пировать с его бесноватой дружиной эйнхериев.

Хирдманы Гудмунда приготовились дорого продать свои жизни. Им было за что драться. Позади остались бессчетные переходы, коварные речные пути проклятой Гардарики, где нельзя пройти силой, а можно лишь хитростью и уговором с мрачными воинами страны тысячи русленей. Позади были выжженные степи Дикого поля, пороги на великой реке, что славяне зовут Славутичем, и Ромейское море. Позади была и жаркая сеча у стен блистательного града городов Константинополя, и смерть побратимов, и жар погребальных костров. Теперь драккары завалены добычей и дом близко. Так неужели все это – напрасно? Неужели все достанется какому-то Улвису, пусть и зовущемуся Быстрой Погибелью? В душах воинов Гудмунда разгорался гнев. Выхватив мечи, они плашмя били

друг друга клинками по головам и плечам, ярясь перед предстоящей битвой. Стальной звон поплыл над волнами, и в нем утонули крики раненых.

Снежки подошли вплотную. С них на драккары полетели веревки с крючьями. Корабли Улвиса с четырех сторон атаковали драккары, и у Гудмунда не хватило воинов, чтобы отражать лезущих со всех сторон кметей Быстрой Погибели. В боевых кличах, отчаянных криках и предсмертных столах, в звоне сталкивающихся топоров и мечей, в скрежете железа и грохоте щитов пришла ночь и простерла свои непроглядные крыла над битвой. Запылали факелы. Вспыхнул парус на одном из драккаров. С протяжным скрипом, будто дерево в лесу, рухнула мачта, взметнув в темное небо мириады искр. Но битва продолжалась, и сложно было сказать, кто сейчас берет верх, – хирдманы рубились яростно, беря за одну свою жизнь две, а то и три жизни воинов Улвиса. Драккары были завалены окровавленными телами, запах пожарища смешивался с вонью горелого человеческого мяса.

– Где ты, Улвис, сын выдры, исчадие Нифльхельма? – ревел Гудмунд, огромным топором разя находчиков. – Выходи на бой, вонючий трус! Я покажу тебе, что такое быстрая гибель!

Улвис принял вызов. Облаченный в длинную, до колен, кольчугу и простой шлем с наносником, он отбросил щит и выступил против закованного в золоченые ромейские доспехи ярла с одним мечом. Битва стихла – кмети и хирдманы расступились, давая вождям место для поединка на скользкой от крови палубе драккара.

– Сейчас ты отправишься на дно и рыбы сожрут твои глаза! – оскалился Гудмунд. Он был выше жилистого, но худощавого Улвиса и превосходил его шириной плеч.

– Рыбам все равно, чьи глаза станут их сытостью, – усмехнулся Улвис и первым бросился на противника.

Его меч высек искры, столкнувшись с топором ярла свеев. Сталь ударила в сталь, а потом снова и снова, будто это был не бой, а забава двух подгулявших кузнецов, хвастающихся крепостью своих изделий.

Казалось, никто из сражавшихся не может взять верх, но опытный глаз бывалого воина заметил бы, что меч Улвиса уже дважды ударил в золоченый панцирь Гудмунда и только мастерство ромейских оружейников, выковавших чудесный доспех, спасло жизнь ярла. Понял это и сам Гудмунд. Он заревел, точно раненый медведь, и, с бешеной скоростью закрутив топором, ринулся в решающую атаку. Улвис не стал уклоняться. Когда окровавленный полумесяц топора взлетел над его головой, вождь находчиков просто присел и в длинном выпаде всадил свой клинок в щель между нагрудником и панцирной юбкой Гудмунда, пронзив печень ярла. Своей страшно закричал, выкатив глаза, прикусил язык и упал на мокрые от крови доски палубы.

– Перкун с нами! – воскликнули кмети, ударив мечами в щиты.

Хирдманы опустили бородатые головы. Битва была проиграна. Им осталось только умереть с честью, как подобает викингам.

– Теперь смотри внимательно, – прошептал старик мальчику. – Когда люди Улвиса убьют всех воинов Гудмунда, они начнут перегружать добычу на свои корабли. Самому Улвису нужен только смарагд. За ним послан он старцами-кобами, чтобы возродить черную славу Руяна-острова. И если камень здесь...

Слова старика потонули в шуме возобновившейся битвы. Нет, уже не битвы – побоища. Хирдманы теперь искали того, чем так славился Улвис, – быстрой гибели. Они сдирали с себя доспехи и, обнаженные, бросались на врага, встречая смерть с мечами в руках.

– Ваш Один будет доволен! – хохотали кмети, добывая раненых.

Мальчик засмотрелся на эту кровавую жатву и едва не пропустил момент, когда Улвис, вместе с десятком воинов разгребавший груды мешков на палубе драккара, торжествующе вскинул руку.

– Вот оно, Око Перкуна, дарующее власть над силой! Теперь это – мое!

– Я вижу смарагд! – завизжал мальчик, и крик его чаечьим граем понесся над ночным морем.

Старик охнул, вытянул из холщовой торбы тростниковую свирель. Тонкий, протяжный, призывный свист всполошил ночных птиц в кронах сосен. Но его услышали не только птицы. Таящиеся в зарослях рогоза воины племени карелов, славящиеся своей свирепостью на три круга земель, тоже услышали условный сигнал – и спустили на воду берестяные лодки-ваакари. Шаман-нойд, что служил хозяйке гор Маннута в святилище на далеком Дань-озере, повинувшись приказам духов предков, привел сюда, к балтийским берегам, полторы сотни лучших бойцов своего племени. Предки сказали, что мощь колодца, дарящего силу, иссякает и только Запорный камень, Сердце Лоухи, сможет вернуть волшебное могущество.

Беззвучно погрузив березовые весла в темную воду, карелы быстро погнали ваакари к полыхавшим драккарам и облепившим их снеккам. Воины Улвиса не ожидали нападения, увлеченные перегрузкой и дележом сокровищ ярла Гудмунда. Когда из тьмы в них полетели отравленные стрелы с игольчатыми наконечниками, снабженными шипами, чтобы труднее было выдернуть из раны, никто поначалу ничего не понял. По сигналу рица кмети оставили тюки с добычей и взялись за оружие, но было уже поздно – карелы на легких ваакари кружили вокруг сцепленных кораблей, убивая одного врага за другим и оставаясь невидимыми для людей Улвиса. Все кончилось еще до рассвета. Сам риц, носивший прозвище Быстрая Погибель, получил стрелу в шею и умер, так и не узнав, кто его убил. Когда последний кметь перестал шевелиться, карелы поднялись на суда, вырезали у убитых сердца и принесли их в жертву хозяину подземной силы Калме. Забрав из мертвой руки Улвиса камень, они прорубили днища драккаров и снекк и уплыли в ночь, не взяв ни единой золотой монеты.

Утро смыло с небес ночную темень, разбудило поползней, и они громкой переключкой приветствовали зарю нового дня. Чистые воды моря отразили рождение солнца, заиграв под его лучами живым золотом.

На берегу меж камней старый шаман похоронил мальчика. Маленькое сердце не выдержало испытания и разорвалось, едва душа вернулась в тело. Но это было не важно. Племя обрело камень, а значит, оно будет жить, и мощь его заставит покориться все окрестные народы там, на далекой родине, в стране скальных крепостей и тысячи тысяч озер.

Знакомый голос смарагда прозвучал в сознании Глеба:

«Старик еще не знает, что, вернувшись домой, воины, добывшие камень, принесут с собой и черную смерть, дыхание злобной Лоухи. Болезнь опустошит поселения вокруг Дань-озера на много дней пути. Его племя умрет, как умирали сотни и тысячи других племен и народов, а ОН на долгие века упокоится в могиле шамана-нойда у самого берега Дань-озера...»

«А как ты попал в Москву, к Ксенфу?»

«У НЕГО нет возможности изложить тебе это».

«Почему?»

«ОН не может долго говорить словами, ОН не смертный. Ищи подсказку в тех символах, что дарит тебе мир иллюзий. Тот, где ты великий воин, бьющийся со злом».

«В «Пришествии тьмы»?» – догадался Глеб.

«Да».

«Постой! Ты не сказал, кто наследник Ксенфа! Кому тебя отдать?! Не молчи! Слышишь – не молчи!»

Тишина. Сквозь сон Глеб услышал, как часы на стене пробили три раза. Он открыл глаза и сел. Страхи, связанные с Сог-Ротом, куда-то исчезли, испарились. Значит, игра. Гейм. Ну что же, пусть будет так. Времени до утра не так и мало. Он должен успеть...

Глава 11

– Уважаемый Рамер, она молчит! – Вошедший в покои Старшего мага сатра смущенно развел руками.

– Все, решительно все приходится делать самому, – проворчал Рамер, поднимаясь из глубокого кресла. – Вы возитесь с этой «коричневой» уже три часа – и никаких результатов.

– Ее разум причудливо искажен. Причем искажения эти носят не только энергетический, но и физиологический характер... Мы не можем понять, что это за заклятие.

– Признаки гипнотического внушения?

– Отсутствуют.

– Вот как? – Рамер удивленно поднял бровь. – Мне самому становится интересно.

– Ни одно из проверенных средств не смогло заставить ее ответить ни на один из наших вопросов. Это странно. Стало быть, что-то держит ее прямо сейчас, хотя мы не можем понять, как.

– «Ни одно», «ни на один», – передразнил мага Рамер. – И поэтому вы решили, что она – кукла, марионетка, а за ниточки дергает скрывающийся за ширмой кукловод?

– Именно так, уважаемый.

– Кто руководит дознанием?

– Диодим.

– Красные Руки? Что же он, в первый раз, что ли?... – Старший маг накинул на плечи теплый халат, запахнул, подпоясался и направился к двери. – Веди. Посмотрим, что за птицу прислал нам Стоящий у престола...

В Дознательном покое царил полумрак. Тихо гудели расставленные вдоль стен компьютеры, перемигивались индикаторами техномагические приборы, призванные помочь любому попавшему сюда человеку или нелюдю легко и быстро расстаться с информацией.

На широком лабораторном столе лежала нагая девушка, ее руки и ноги удерживались петлями захватов. Голова была облеплена датчиками, разноцветные провода тянулись к панелям, исчезая в разъемах. Извиваясь всем телом, девушка морщила мокрое от пота лицо, посмеивалась и время от времени шептала:

– Медведик любит свою кисочку... Медведик любит...

Маг Диодим, за огромные, будто ошпаренные ладони прозванный Красные Руки, шагнул навстречу Рамеру, ударил себя кулаком в грудь, поклонился.

– Уважаемый, мы столкнулись с глубокой блокировкой. Приборы выявили остаточные следы магического воздействия. Но оно так искажено и перекручено...

– Подожди, – сурово отстранил его Старший маг.

Подойдя к девушке, он внимательно всмотрелся в искаженное сладострастной гримасой лицо.

– Имя?

– Анастасия Шарко.

– Кто она?

– Сотрудница «Фонда Ксенофонта».

– Ясно.

Рамер сжал голову девушки, двумя пальцами оттянул веко, взглянул на расширенный зрачок.

– Что показал анализ крови?

– По двенадцати основным маркерам все чисто.

– Н-да, на полный у нас нет времени, а на «открытую память» – энергии... – Старший маг оглянулся. Один из помощников Диодима немедленно подкатил стул. Опустившись на него, Рамер нахмурился. – Она явно находится под действием какого-то препарата. Но какого? Ни одно из известных нам снадобий не дает такой сопротивляемости... Разве что имиглико, но его секрет утерян вот уже несколько веков назад...

– Из замеченных отклонений есть зубец на кривой Байцеля, – сообщил Диодим.

– Это просто повышенный эмоциональный фон, – отмахнулся Рамер. – Вот что, уважаемый. Прикажи доставить сюда из хранилища Шар Желаний.

Диодим заметно вздрогнул. Трое работающих в Дознательном покое младших магов еле слышно обменялись короткими фразами.

– Но, уважаемый Рамер, если мы используем Шар... – Красные руки мага-дознателя скрестились, изобразив понятный всем знак смерти.

– Я знаю! – раздраженно выкрикнул Рамер. – Только вот другого выхода у нас нет. В условиях военного положения счет идет, возможно, на минуты.

– Я все понял, – поклонился Диодим. Выпрямившись, он рявкнул своим помощникам: – Шар Желаний! Живо!

Когда полуметровая, абсолютно прозрачная сфера, выполненная из горного хрусталя, застыла рядом с девушкой, Рамер встал и подошел вплотную к артефакту. Шар Желаний был одним из немногочисленных предметов, дошедших до нынешних поколений сатра из глубины веков, еще с тех времен, когда их предки только пришли на Землю, сбежав со своей гибнущей родины. Цели, преследовавшиеся магами-искусниками при создании этой вещи, были прозрачны, как горный хрусталь, из которого они сработали артефакт.

Рамер произнес про себя строки из старинного «Наставления по работе с артефактами, хранящимися в Обители Знаний клана Ксенфа»:

«Буде установленным около испытуемого, артефактус надлежит привести в состояние полной готовности путем воздействия на него правой рукою дознавающего. Когда глубины хрустальной сферы окрасятся в цвет закатного неба, дознавающему требуется мысленно задать вопрос. В течение минуты он получит от испытуемого полный ответ, после чего...»

Скрипнув зубами, Рамер еще раз посмотрел на девушку. Стройное тело. Платиновые волосы. Лицо, даже искаженное, весьма привлекательно. Скорее всего, именно ее красота и привела в конечном итоге эту Анастасию Шарко в Дознательный покой Обители. А спустя некоторое время поведет дальше. Туда, откуда смертным нет возврата...

– Шар на исходную! – скомандовал Старший маг.

– Уважаемый, вы уверены... – прогудел Диодим.

– Военное положение! – раздраженно напомнил ему Рамер.

– Артефакт готов! – дрогнувшим голосом доложил один из младших магов.

– Всем отойти! В сторону, в сторону! – Рамер глубоко вдохнул и положил ладонь на холодную поверхность Шара Желаний.

В его прозрачной глубине немедленно вспыхнула красноватая искорка. Артефакт еле ощутимо задрожал, постепенно наливаясь густым багровым цветом. Дождавшись, когда это тревожное сияние заполнит собой весь шар, Старший маг клана Ксенфа звучно произнес:

– Испытуемая Анастасия Шарко, кто приказал тебе отравить начальника службы безопасности Царева?

Хрустальная сфера вспыхнула алым. Тело девушки выгнулось, она широко распахнула глаза, в них забился животный ужас.

– Я-я-я... Мне-е-е... Гр-р-р-рх... – захрипела она.

На красных губах показалась пена. Тревожно запищал динамик медицинского монитора, по экрану понеслись рваные зеленые кривые.

– Уважаемый, она нестабильна...

– Кто?! – взревел Рамер. – Говори!

– Филодом Брегн... – выдохнула девушка и рухнула на стол.

Лицо ее мгновенно залила восковая бледность; писк медицинского монитора сменился пронзительным однообразным звуком.

– Мертва, – констатировал Диодим.

– Мертва, – тяжело кивнул Старший маг. Он устало добрал до стула, рухнул на него. – Шар Желаний для своей работы высасывает жизненную силу жертвы... Значит, Филодом, Старший маг Брегнов. А он шагу не сделает без согласия своего Владыки. Проклятие... Хотя невероятно, откуда «коричневой» знать его имя?

– Но она сказала... – проговорил Диодим. – Она не могла соврать, она верила в свои слова!

– Это так. Перед нами провокация, но поддаваться на нее нельзя, – проворчал Рамер. – Ровно до того момента, пока мы не вернем контроль над источниками. А сейчас соедините

меня со Стоящим у престола...

Прежде чем включить ноутбук Сог-Рота на столе, Глеб откинулся на спинку стула, разглядывая свое туманное отражение в темной поверхности экрана. Тот, отраженный Глеб Погодин, казался большеголовым уродцем, умником-гигацефалом, персонажем из мрачной антиутопии.

«Может, я такой и есть?» – с тоской подумал Глеб. – Ладно, как там в старинном студенческом анекдоте? «Не хрен думать, трясти надо». Йама действовал на юге Москвы, с ним покончено. Остались север, запад и восток. Кажется, на восток искать печати отправился пес-демон Зипакна. На север – рогатый Эйрра. Этому нужны замки. А сама хозяйка адских тварей Лилит ждет меня на западе, промышляя ключи. Можно, конечно, действовать по логике гейма – сразиться с Эйррой, потом с Зипакной, а уж затем познакомиться с их госпожой. Но времени на прохождение всех эпизодов у меня нет. Лилит... Она очень похожа на Скуларию. Случайность? Или как раз в этом и кроется подсказка? Убив компьютерную Лилит, я обрету оружие против похитительницы Акунда? Вопросы, опять одни вопросы... Что ж, нанесу-ка я, пожалуй, визит этой дьяволице. Кем там она была в Ветхом завете? Первой женщиной, не устроившей ни Адама, ни Создателя? Вот и отлично, заодно поквитаюсь с рыжей чертовкой из «Силлипитири», пусть и виртуально».

Глеб достал диск, установил гейм, произвел все необходимые манипуляции с переносом сейвовских файлов и надел наушники.

Ветер гонит над головой низкие тучи. Гнется к земле трава, вдоль улицы, ведущей в глубь жилых, а точнее, сейчас уже не жилых кварталов, летят сор и пыль. И ни души вокруг!

«Военные ушли отсюда, зачистив район от мародеров, – понимает Глеб. – Мой путь лежит на запад. Но как понять, где он? Хм... Впрочем, я торможу. Дело к вечеру, вон солнце, просвечивает сквозь облачную пелену. Оно опустилось уже довольно низко. Стало быть, запад там. Вопрос номер два – как лучше и быстрее идти? Напрямик или через центр?»

Глеб пытается представить перед глазами карту Москвы. В общем и целом ему это удастся – память уверенно рисует овал, в центре него Садовое кольцо, затем Третье. Через оба кольца проходят линии основных транспортных магистралей... Получается, что напрямик в западные районы города ближе, чем через его центральную часть.

Забросив автомат за спину, Глеб начинает движение. В голове время от времени возникает какая-то неуловимая, тревожная мысль, но сейчас не до длительных размышлений – время дорого. Он идет через мертвый город, срезая углы. Белесое пятно солнца указывает ему путь. Главное – успеть.

Проскочив через очередной пустой двор с печально покачивающимися от ветра качелями, Глеб минует арку в многоэтажном доме-стене и выразительно ругается, глядя вперед.

Москва-река! Косогор, бетонные плиты набережной. Серая лента тянется в обе стороны, насколько хватает глаз. За рекой мрачно высятся ряды огромных домов. Глеб вспоминает название заречного района – Братеево.

Вот она, мысль, что не давала покоя, что терзала его всю дорогу! Он не сможет пересечь реку в этом месте, а где ближайший мост, Глеб не помнит.

«Город Москва имеет радиально-кольцевую застройку», – вспоминает Глеб фразу из учебника по москвоведению – был у них в школе такой предмет. А в любом городе, выстроенном по такому принципу, все движение осуществляется через центр.

«По крайней мере, там я точно не ошибусь с направлением и не застряну на берегу. Дальше едешь – точно будешь. Для бешеного пса сто верст – не крюк».

Развернувшись, Глеб бросается обратно, спиной ощущая тяжелые взгляды слепых окон. На знакомом кольце его встречают опустевшие баррикады, кучи стреляных гильз, ящики из-под боеприпасов и кострища. У того места, где стоял штабной «КамАЗ» майора Егорова, Глеб находит чью-то каску. Повертев тяжелую темно-зеленую полусферу в руках,

он зачем-то нахлобучивает ее. В душе возникает неприятное чувство обреченности на неудачу.

– Врешь, не возьмешь! – шепчет Глеб и покидает кольцо по улице Перерва.

Надо как можно скорее добраться до Люблинской, та выведет его на Волгоградку, которая упирается в Таганскую площадь. А уж с Таганки Глеб дойдет куда угодно даже с завязанными глазами.

Вот и Люблинская улица. Здесь все как везде – брошенные машины, дымы пожаров над крышами домов, вороний грай в кронах тополей. Теперь он уже не боится потерять направление. Теперь главное – успеть.

– Избранный! Немедленно возвращайся на базу! – вдруг взрывается истошным криком рация.

Голос незнаком Глебу, но почему-то он уверен, что это не смарагд.

– Что случилось? Кто на связи? – хрипит он в усик микрофона.

– Немедленно возвращайся на базу! Нас атаквали объединенные отряды вампиров и духов! Их ведут Эйрра и Зипакна! Без тебя мы не продержимся!

«А если это всего лишь отвлекающий маневр?» – думает Глеб.

База – это на Чистых прудах. Если сейчас изменить направление и бежать туда, до утра он точно не сумеет перевестись с Лилит.

Выбор – это всегда тяжело, особенно если тебе в ухо постоянно кричат, что только ты сможешь спасти Хранителей и предотвратить прорыв легионов тьмы из преисподней.

«Лилит – главная. Если я убью ее, закончится ли на этом гейм? – Мысли в голове Глеба вспыхивают и гаснут, как искорки над костром. – Наверное, да. По крайней мере, в фэнтези со смертью главного злодея гибнут и его подручные. Точно! Когда я убил Йаму, зомби сразу вышли из игры. Ну а раз так, то извините, Хранители. У меня есть дела поважнее».

Единственное, что волнует Глеба, – вопрос с оружием. Вступать в схватку с Лилит, имея в запасе лишь короткоствольный автомат, пистолет Стечкина и гранаты, кажется ему неразумным.

«Тут нужно что-то помощнее. Современная штурмовая винтовка с полным обвесом, какой-нибудь «Штайер» или «Хеклер-Кох». На худой конец «FN SCAR» или «SIG». Да даже «Абакан» с подствольником».

Глеб разбирается в стрелковом оружии довольно неплохо, может запросто перечислить боевые характеристики всех основных систем стран НАТО. Правда, он никогда не держал в руках даже обычный «калашников», но в данном случае это было несущественной деталью – в виртуальном мире Глеб Погодин мог считаться настоящим экспертом по оружию. Оставалось только это оружие добыть...

Двигаясь тем же путем, что и на встречу с двойником Акундина, он выбирается на Волгоградку. Людей не видно – ни военных, ни гражданских. Нет и демонических тварей. Проспект пуст. Ни-ко-го...

Рация жужжит в ухо «белым шумом». Это угнетает Глеба еще больше, чем отчаянные призывы о помощи, звучавшие до того, как он свернул с Люблинской. Видимо, на базе поняли, что на Избранного больше нет никакой надежды.

Миновав Третье транспортное кольцо, Глеб видит в стороне БТР, врезавшийся в угол кирпичной пятиэтажки. Судя по всему, здесь было жарко – окна в доме выбиты взрывной волной, стены хранят выбоины от пуль и осколков. На броне БТР он замечает темные подпалины, но огня и дыма не видно.

«В «коробочке» может быть какое-никакое оружие, – свернув с проспекта, думает Глеб. – Я только гляну – и продолжу путь».

Осмотрев БТР снаружи, он не находит видимых повреждений. Но машина покинута – распашная дверь в правой части корпуса открыта, внутри царит тьма. Включив фонарь, Глеб сует голову в квадратный проем. Луч света выхватывает бугристую от мышц спину, поросшую черной шерстью, острые уши над плешистой головой, какие-то кровавые ошметки на полу. В нос бьет мерзкий гнилостный запах.

Прежде чем Глеб понимает, что он видит, существо, обгладывающее труп солдата, резко поворачивается. Густое рычание, зеленоватые звериные глаза, окровавленные клыки... Похожая одновременно на человека и собаку тварь кидается на Глеба – и получает всю обойму «стечкина» прямо в оскаленную морду!

Спустя минуту, рассматривая убитое существо, Глеб понимает – это явно оборотень. По крайней мере, все обязательные для этих монстров признаки – общее человекоподобие фигуры, непомерно развитая мускулатура, когти, клыки – имеются. Переступив через развороченную пулями голову твари, он внимательно изучает внутренности БТР. Скорее всего, в тот момент, когда сюда ворвался оборотень, в «коробочке» было трое солдат. Двоих зверь обглодал, оставив лишь кости, третий труп был почти целым.

Внутренне содрогнувшись и мысленно поставив создателям игры пятерку за натурализм – даже сейчас Глеб оставался профессиональным геймером, – он лезет в носовую часть боевой машины. Тут его ждет приятный сюрприз: два укороченных вэвэшных «калашников» и спецзаказовский АЕК-971 с коллиматорным прицелом. Этот автомат, разработанный как замена АК-74, по неизвестным Глебу причинам не был принят на вооружение, но выпускался малыми партиями для спецподразделений. Его главную особенность составляло применение в конструкции схемы со сбалансированной автоматикой на основе газового двигателя, позволяющей практически исключить отклонение оружия при стрельбе короткими очередями. Другими словами, это был идеальный автомат для уличного боя, сочетающий в себе лучшие качества штурмовой и снайперской винтовок.

Обнаруживаются в БТР и патроны, несколько сотен стандартных «пять-сорок пять». Но главная удача поджидает Глеба в «сундуке», где обычно хранятся боеприпасы «коробочки». Помимо патронов и снарядов к пушке БТР там лежит тяжелый тубус от РПГ-27 «Таволга», мощного одноразового гранатомета, способного преодолеть динамическую защиту и прожечь насквозь броню любого современного танка.

– Это, несомненно, знак, и знак добрый, – бормочет вслух Глеб, выволакивая найденное добро из провонявшего кровью и человеческой требухой чрева БТР.

Он перекладывает патроны в карманы разгрузки, вешает АЕК-971 за спину, убирает подальше трубу гранатомета и, движимый внезапными чувствами, бросает в открытый люк «коробочки» одну за другой три гранаты.

Взрывы выбивают пыль из трещин в асфальте. БТР загорается, и это пламя успокаивает Глеба – ребята, погибшие от клыков и когтей адской твари, получили хоть такое, огненное, но погребение...

Прикосновение к плечу, робкое, но настойчивое. Резко обернувшись, Глеб теряет равновесие, падает – и выдирается из гейма, понимая, что кто-то побеспокоил его в реале. Горящий БТР, улицы, дома – все рвется на длинные ленты образов, размазывается перед глазами.

Задышавшись, как пловец, вынырнувший с большой глубины, Глеб, уронив стул, стоял посреди мастерской Часовщика, щурясь в полумрак.

Сог-Рот, тараша на него глаза-блюдца, топтался возле верстака, держа в руке нечто похожее на оптический прицел.

– Без разрешения... очень нехорошо... – пробормотал он.

– Прошу прощения. – Глеб провел рукой по лицу, точно сдирая с него прилипшую паутину. – Я воспользовался твоим ноутбуком, почтенный Сог-Рот. Мне очень надо. Я заплачу.

– Надо было спросить. – Карлик успокоился, повертел длинным носом, будто принюхиваясь. – Я проснулся, увидел, что вы здесь сидите, и понял, что происходит нечто странное. Тогда я взял магоскоп – я его сам сделал – и посмотрел на вас. И увидел нечто очень странное... Энергетическое тело деформировалось, было слито с ноутбуком.

– Это моя работа, – развел руками Глеб.

Он сказал почти правду, уверенный, что Сог-Рот удовлетворится таким объяснением.

– Почтенный, вы – не маг. – Часовщик улыбнулся одними губами. Почему-то он вдрут

начал обращаться к Погодину на «вы». – Но ваша работа связана с магией. Так не бывает... Но я сам это видел. Очень занятно... Я бы хотел изучить вас. Вы не против?

Глеб был не то чтобы против – он просто не понял, о чем говорит карлик.

– Как? Что изучить?

– Вас и вашу связь вот с этим, – Сог-Рот кивнул на ноутбук. Там, на экране, густо дымил взорванный БТР. – Рассмотреть заклинание с помощью магоскопа, – и он потряс «оптическим прицелом».

– Хорошо, я подумаю... – пробормотал Глеб. – Мне надо закончить. Почтенный Сог-Рот позволит?

– Да, конечно, но вы должны дать слово мага, что позволите наблюдать за вами. А потом не откажете мне...

– Мага?

– Безусловно. Вы, почтенный Глеб, – все же маг. Хотя не такой, как все остальные. Очень интересно, очень.

«Ходи в кино, там интересно», – едва не нагрубил карлику Глеб, но вовремя сдержался.

Тщательно подбирая слова, он произнес, тоже называя Часовщика на «вы»:

– Я даю слово, что попытаюсь удовлетворить ваше любопытство, но потом, позже. А сейчас мне необходимо...

– Да, да, конечно. Работайте. – Сог-Рот поклонился и поднес магоскоп к глазам. – Я буду сидеть тихо и не стану мешать.

«Черт, получилось как-то глупо – я пообещал этому ушастому гному то, о чем и сам не имею никакого представления, – подумал Глеб. – Ладно, это все потом. А сейчас – Лилит».

Вернувшись к столу, Глеб сосредоточился и погрузился в гейм, как в сон...

Изумруд ведет его – на запад, на запад. Миновав непривычно пустую, мрачную Таганку, Глеб после некоторых раздумий идет по Верхней Радищевской улице к Яузе. Старинные двух- и трехэтажные особняки, некогда принадлежавшие купцам и дворянам, а ныне украшенные логотипами банков и крупных компаний, выглядят угнетающе – окна темны, двери заперты.

На Большом Устинском мосту его ждут. Несколько десятков каких-то темных извивающихся тварей клубятся над парапетом, точно стая рыб у куска мяса. У Глеба нет желания знакомиться с этими созданиями накоротке. Он останавливается у гранитной тумбы, снимает автомат с предохранителя, откидывает складной приклад и вжимает его в плечо. В окуляре коллиматорного прицела движется красная точка. Совместив ее с одним из многоруких «кальмаров» на мосту, Глеб жмет на спусковой крючок. Автомат судорожно дергается – раз, другой. Звуки выстрелов сливаются в короткое: «Та-дах!» Всплеснув щупальцами, тварь с визгом летит через парапет моста.

– Очень хорошо, – шепчет Глеб.

АЕК-971 не подвел. Боя не будет, будет бойня.

Расстреляв два магазина, он расчищает проход через мост. Над Замоскворечьем висят бурые дымные тучи. Вид мертвой Кремлевской набережной лишней раз напоминает об ирреальности происходящего – обычно здесь даже глухой ночной порой проносятся машины, горят фонари. Слева остается сталинская высотка, похожая на мрачный готический замок. Там тоже не светится ни единого окна.

Проходя мимо убитых стражей моста, Глеб невольно бросает взгляд на трупы. Он видит груды блестящих черных щупалец, вооруженных зазубренными когтями, толстые чешуйчатые тела, разорванные пулями, оскаленные пасти, выпученные рыбы глаза. Попытка классифицировать нечисть заканчивается ничем – он никогда и нигде не видел ничего подобного.

По Раушской набережной, мимо глыбы ГЭС № 1, Глеб почти бегом добирается до «Балчуга». Он сворачивает на Большую Ордынку, и здесь его ждет новый сюрприз – асфальт под ногами ощутимо вздрагивает, с Болотной улицы слышатся громкие лязгающие звуки.

Спустя несколько секунд появляется и источник шума – огромная, не меньше десяти метров в высоту, угловатая человекообразная фигура.

Великан полностью состоит из автомобилей. Смятые, покореженные машины слагают его ноги, торс, руки и голову. Вместо глаз ярко светятся фары, рот хлопает крышкой капота, на руках топорщатся когти-бамперы.

«Кажется, живой объект, состоящий из неживой материи, называется големом», – вспоминает Глеб.

Этот противник ему явно не по зубам. Автомат тут бессилён. Ещё, правда, есть «Таволга», но как-то сомнительно, что гранатомет сможет убить того, кто изначально не жив.

Автомобильный голем перегораживает улицу и останавливается.

«Не надо было сворачивать сюда, – запоздало кается Глеб. – Пошел бы по Софийке и мимо храма Христа Спасителя – на Пречистенку, Зубовский и дальше, к Лужникам...»

Пригнув чудовищную голову, голем со скрежетом бросается вперед. Двигается он неожиданно проворно. Каждый шаг монстра сопровождается звоном и грохотом разлетающихся во все стороны автомобильных деталей.

Расстояние между Глебом и големом стремительно сокращается. Выбора нет – надо удирать, пока какое-нибудь еще более смертоносное создание не перекрыло путь к отступлению.

Сорвавшись с места, Глеб бежит по тротуару обратно к Москве-реке. Бежит – и понимает, что уйти от голема ему не удастся. Монстр двигается огромными скачками, настигая человека.

– Стоп! – командует себе Глеб, останавливаясь. – Никакой паники, никаких нервов. Надо просто отстрелить ему ногу.

Наверное, в реальной жизни он ни за что не сумел бы привести «Таволгу» в боевое положение и произвести выстрел. Но в гейме все иначе. Здесь главное – не суетиться.

Глеб опускается на одно колено, приняв классическую позу гранатометчиков. Подняв тяжелый тубус гранатомета на плечо, он поворачивает мушку вверх до упора, выдергивает чеку и поднимает предохранительную стойку. Руки делают все сами, быстро и четко.

Теперь «Таволга» готова к стрельбе. Глеб смотрит в прицельное отверстие диоптра, совмещая его с откинутой мушкой на конце тубуса. Голем приближается, размахивая длинными руками. Он рвет провода, валит столбы, отбрасывает со своего пути автомобили. От его шагов по фасадам домов змеются трещины, в окнах лопаются стекла.

«До него метров тридцать... Рано! – шепчет Глеб, оглаживая пальцами рычаг шептала. – Двадцать пять. Двадцать... Вот теперь пора!»

Он нажимает на рычаг. Тубус вздрагивает. Громкий хлопок бьет по ушам, треугольные резиновые лепестки диафрагмы разлетаются во все стороны. Оставляя за собой дымный след, реактивная граната устремляется к голему. Глеб стискивает зубы. Если он промахнулся – все, конец. Монстр убьет его, растопчет, вмажет в асфальт.

Банг! Граната попадает в место сочленения правой ноги и туловища голема. Кумулятивный заряд, предназначенный для преодоления динамической защиты танка, прожигает в массиве металла дыру, и граната несется дальше. Глеб ругается – все пропало, голем продолжает двигаться, а это значит, что Глебу не суждено добраться до Лилит!

«Надо выходить из гейма», – говорит себе Глеб.

И тут за спиной голема раздается оглушительный грохот – граната попадает в окно многоэтажного дома и взрывается внутри. Здание, расшатанное тяжелой поступью монстра, не выдерживает, и вся его передняя часть оседает. На железного великана обрушивается каменная лавина. Сбитый с ног голем падает и в мгновение ока оказывается погребенным под многометровым слоем кирпича, щебня, стальных балок, труб и кусков бетона. Непроглядное облако пыли повисает над Большой Ордынкой.

– Ну бывает же такое! – восхищенно крутит головой Глеб. – Прямо как в кино...

Он без приключений добирается до Комсомольского проспекта и тут, у станции метро

«Фрунзенская», впервые задумывается над конечной целью своего вояжа. Западная часть Москвы лежит перед ним, вот она, до нее подать рукой – достаточно лишь пересечь Метромост на Воробьевых горах.

А что дальше?

Где искать хозяйку адских тварей? На территории университета? В Черемушках? На Академике? В Филях? В Матвеевском? Или вообще на Рублевке? Где?

«Должна быть какая-то подсказка, – понимает Глеб. – Иначе все это было бы бессмысленно. Значит, нужно двигаться дальше».

На середине Метромоста он останавливается. Тихая, безжизненная, лежит вокруг Москва. Темными утесами высятся дома, оловянно светится вода внизу, деревья на набережной застыли, точно на фотографии.

А над всем этим горит одинокий теплый огонек. Желтая искорка, маяк, зажженный, чтобы привлечь его, Глеба Погодина, внимание, указать ему путь.

«Это окно в главном корпусе МГУ, в башне, – приглядевшись, догадывается Глеб. – Ну что ж, вот и подсказка. Посмотрим, что там такое...»

В этом огромном, устремленном ввысь доме, да нет, не доме – дворце! – он бывал несколько раз, в основном еще в студенческие годы. И всякий раз имперский стиль и размах, с которым было выстроено здание, приводили Глеба в восторг. Лепнина, мрамор, бронза и мореный дуб, огромные залы, широкие коридоры – и все это заполнено массой народа, по большей части молодежи, веселой, шумной, неформально одетой. Когнитивный диссонанс налицо, но, как ни странно, новое и старое, объединившись, порождали в МГУ какую-то совершенно особую, параллельную реальность – или, наоборот, вот именно так и должен был выглядеть в замыслах отцов СССР день сегодняшний, не случись в стране всего того, что произошло за последние два десятка лет?

Глеб с трудом отворяет тяжелую высокую дверь и входит в холл здания. Пустота. Тишина. Ни звука, ни движения, лишь часы на мраморной стене отсчитывают остановившееся время.

Надо подняться вверх. Можно идти по бесконечным лестницам, а можно воспользоваться скоростным лифтом. Можно – если он исправен.

Лифта не оказывается вовсе. Вместо разъезжающихся дверей – гладкая стена.

«Создатели игры не рассчитывали, что герой появится здесь, – и не стали прописывать лифт, – понимает Глеб. – Что ж, пойдем пешком».

До музея почвоведения, расположенного в башне, он добирается почти через полчаса. Здесь так же пустынно и тихо, как и внизу. В полумраке угадываются кожаные кресла и диваны, таинственно поблескивают стекла витрин, по дверцам шкафов гуляют желтые блики, падающие из неплотно прикрытой двери.

Автоматным стволом Глеб толкает ее. Он видит комнату, вероятно, что-то вроде лаборантской – столы, полки с папками и книгами, какие-то ящики.

У окна горит старинная настольная лампа. Стекланный абажур снят, а позади нее укреплено вогнутое зеркало, собирающее свет и бросающее его в пустоту. Между лампой и оконным стеклом находится огромная линза, зажата в лапках двух штативов. Глеб медленно подходит к этому непонятному сооружению, смотрит в окно.

Москва перед ним – как на ладони. Тихий, мертвый, невозможный город. Желтый луч лампы рассекает пространство над домами, над чашей стадиона в Лужниках, над Москвой-рекой, чтобы в конце концов упереться в большое окно на втором этаже старинного здания на Гоголевском бульваре.

«Я же проходил совсем недалеко от этого места! Обидно – сколько времени потрачено зря...»

Глеб заглядывает в линзу и видит в выпуклом стекле немного искаженную картинку: комната, портьеры, большая кровать антикварного вида под бархатным балдахином, вся в резьбе и позолоте. На кровати, разметавшись, лежит обнаженный Акунд. Край черной шелковой простыни прикрывает его чресла, могучая грудь мерно поднимается в такт

дыханию. Сатра спит.

Рядом с ним, сложив ноги по-турецки, спиной к Глебу, сидит нагая женщина с пышными рыжими волосами. Она перебирает что-то, разложенное на простыне рядом со спящим.

Лилит!

Глеб всматривается в линзу. Да, сомнений быть не может – это она. Посланница властелина ада, хозяйка и госпожа демонов, что опустошили Москву. Но при чем тут Акунд? Как он попал в гейм? Что вообще происходит?

Лилит поворачивает точеную шею, встряхивает кудрями. Глеб видит ее профиль.

Лилит или...

Глава убийц, гонявшихся за ним, Глебом?!

Точно, она! И дело не только в чертах лица. Сатрессу выдают изящные полированные копытца, не замеченные Глебом поначалу. Она потягивается, демонстрируя высокую грудь волнующей формы, снова возвращается к своему занятию.

Изображение в линзе внезапно увеличивается. Теперь Глеб смотрит как будто через очень мощную подзорную трубу. Он видит, как сатресса берет в руки кулон на цепочке, внимательно рассматривает, затем откладывает в сторону. Она перебирает украшения, золотые побрякушки, словно самая обычная женщина.

Переведя взгляд на Акунда, Глеб скрипит зубами – его плененный товарищ улыбается во сне.

«Он, по идее, должен сейчас находиться в каком-нибудь мрачном подвале, в камере, под охраной! Что происходит?»

Мысли Глеба прерывает пробуждение сатра. Акунд открывает глаза. Сатресса замечает это, наклоняется и целует его в губы. До Глеба долетают слова, звучащие гулко, словно из колодца:

– Отдохнул, милый?

– Да-а...

– Есть хочешь?

– Конечно, Скулария. – Акунд садится на кровати. – Быка бы съел!

Сатресса смеется, трижды хлопает в ладоши. Из-за портьеры появляется стройная девушка с подносом в руках. На подносе – бутылка вина, высокие стаканы, блюдо с украшенным зеленью мясом, горка лепешек и фрукты.

Молча опустив блюдо на простыню, девушка удаляется. Акунд и Скулария, касаясь друг друга голыми плечами, начинают есть, перешучиваясь, как старые друзья.

– Предатель, – шепчет Глеб. Гнев и обида душат его, возникает острое желание что-нибудь разбить, сломать, разрушить, дав волю накопившейся ярости.

– Скоро утро, – говорит Скулария, ошипывая виноградную гроздь. Она кладет ягоду в рот Акунду и продолжает: – Ты готов предъявить свои права, мой герой?

Сатра в ответ мычит что-то невнятное, пытаясь прожевать виноград. Гнев в душе Глеба сменяется чувством стыда. Ему стыдно за Акунда, за его наготу и покорность, за это вот расслабленное, коровье мычание.

– Ксенфы, подстрекаемые Дэфтером, схлестнутся с Брегнами. – Скулария потягивается, навзничь падает на кровать, улыбается. Ее лицо сейчас очень походит на мордочку сытой кошки. – Это случится уже сегодня днем. Или вечером. В крайнем случае завтра утром. Мы тем временем получим смарагд, а когда набольшие клана соберутся на военный совет, нанесем им визит. Уверена, никто из старейшин не выступит против – в ситуации, когда назревают полномасштабные боевые действия, им остро нужен доступ к колодцам силы, к источникам энергии.

– А Дэфтер? – спрашивает Акунд.

– Что – Дэфтер? Дэфтера я убью. – Скулария не перестает улыбаться. – Все просто: он виновен в смерти Ксенфа из Ксенфов.

– У тебя есть доказательства?

– Глупый, это же он нанял нас, «Силлипитирью»! – смеется Скулария. – Я предъявлю Ксенфам контракт, хотя это и запрещено всеми правилами.

– А потом?

– А потом ты взойдешь на престол. Мы взойдем.

Акундин тоже смеется, обнимает Скуларию – и с криком отшатывается.

– Извини, – разводит руками сатресса. – Одна из моих «игрушек» сработала.

– Что это было? – шипит Акунд, потирая ушибленное плечо.

В ответ Скулария пожимает плечами:

– «Морской еж». Тебе повезло – я успела попридержать колючки.

– И что же, теперь всегда перед этим... ну, ты понимаешь... тебе придется все эти хреновины деактивировать, а потом обратно включать? Неудобно.

– Нет, конечно. – Сатресса улыбается, и вдруг улыбка на ее лице сменяется гримасой боли: – Ты думаешь, зачем я вообще затеяла эту игру? Дело в том, что «Силлипитирья» ныне – тень, отблеск прежнего могущества... Она куда слабее и меньше, чем даже двадцать лет назад. Ну а кроме того, мне хочется иного, не того, что можно получить, возглавляя «Силлипитирью». Хочется спокойной, тихой жизни. И я готова пожертвовать одним ради другого.

– То есть принесешь «Силлипитирью» в жертву... – Акунд изображает рукой в воздухе некую кривую.

– Клянусь копытами Всеотца! – серьезно говорит Скулария.

Глеб следит за ними с возрастающим любопытством. Он уже успокоился и теперь старается собрать как можно больше информации, чтобы понять – а что теперь делать ему, обладателю опаснейшего сокровища?

«С одной стороны, вроде бы мне как раз ничего не угрожает. Акунд мой... нет, уже не друг. Но и не враг. Раз они так любовно договорились с этой Скуларией, вряд ли есть необходимость убивать меня. В конце концов, какое мне дело до их внутренних разборок? Кто там будет править в клане Ксенфа – Дэфтер, Скулария с Акундом или еще кто – мне-то что за беда? Отдам смарагд – и все закончится. Да, точно, все закончится... Но почему Акунд станет правителем? Ведь он сам говорил, что приемный ребенок клана?»

– Избранный! – рация оживает, как всегда, неожиданно. – Не верь Лилит! Она – мать лжи! Не верь!

Глеб вздрагивает и видит в линзе, как дергается Скулария. Дергается так, как будто слышит голос в рации.

– Чего ты? – удивляется Акунд.

– Нас... подслушивают? – неуверенно говорит сатресса, соскочив с кровати и озираясь. – Нет, это исключено... Странно, я как будто ощущаю чье-то присутствие... Как сквозняк...

Акунд смеется:

– Да ладно! В тебе столько магической ерунды... Она просто фонит!

– Замолчи, – тихо и властно произносит Скулария, сверкнув глазами.

Все это время Глеб стоит у линзы ни жив ни мертв.

Сатресса, оглядев комнату, поворачивается к окну. Приблизившись, она упирается руками в подоконник. Розовые соски расплываются о стекло. Глебу кажется, что Скулария смотрит прямо ему в глаза.

«Выключи лампу, дуралей!» – молнией проносится в мозгу.

Он торопливо нажимает на кнопку, и лаборатория погружается во тьму. Лицо Скуларии в линзе исчезает. Шумно выдохнув, Глеб садится на стул и обхватывает голову руками.

Мысли в его голове путаются, как водоросли. Ясно только одно – отдавать смарагд сатра нельзя. Ни в коем случае. Акунд, предатель он или его просто одурачили, сейчас такой же враг, как и жестокая сатресса.

«Надо выходить из гейма, – Глеб стискивает зубы. – А что потом? К Дэфтеру, даже

если бы я и знал, где его искать, нельзя – Скулария сказала, что именно он и есть заказчик убийства Ксенфа. Хотя стоп! А насколько вообще ей можно верить? Может, она специально путает Акундина? Ввела его в заблуждение, наврала, что Декатин ее нанял, и крутит, как хочет! Дэфтер – враг ей, это ясно, а враг моего врага – мой друг, так, кажется? Значит, надо во что бы то ни стало найти этого сатра. И поможет мне в этом Часовщик!»

Вынырнув из виртуала, Глеб огляделся и обнаружил карлика, все так же палившегося в «оптику». Глянул на часы и обалдел – если верить им, то он просидел за компом чуть ли не три четверти суток!

Время опять подходило к ночи.

– Ничего себе, – пробормотал он.

– Это стоило того, – сказал Сог-Рот. – Я уж думал, что вы, почтенный Глеб, никогда не выйдете оттуда. Желаете перекусить или, может быть, выпить?

– Нет, нет... – Есть и в самом деле не хотелось. – Мне пора. Все в порядке, я закончил, сейчас удалю свою программу.

– Почтенный мой гость, не скрою, ваш визит поначалу несколько обескуражил и даже испугал меня. Но после того как я увидел... вашу работу... в общем, наступило время раздумий. Я сделал выбор. У меня есть предложение для вас.

– Предложение? – удивился Глеб.

– Именно. Я помогу вам, а вы – мне. Это честная сделка. Хорошая сделка.

– В чем вы намерены мне помочь, уважаемый?

Сог-Рот замялся. Создавалось впечатление, что карлик не знает, с чего начать.

– Несколько лет назад мне пришлось выполнять заказ одного весьма влиятельного в Москве мага. Он сейчас... уже не дышит одним с нами воздухом. Так вот – когда заказ был готов, ко мне явился сатра. Точнее, сатресса...

Глеб вздрогнул. Его реакция не укрылась от Сог-Рота.

– Да, почтенный Глеб Погодин, это была именно она. Скулария, опытный маг и безжалостный убийца, которую я, к собственному удивлению, увидел сейчас на экране. Разумеется, причинить мне вред она не могла – мы, гр-хч-сг-от, или, как называют нас, Часовщики, – редко живем поодиночке, а справиться с целым племенем никому не под силу. Но Скулария пригрозила выдать меня...

– Выдать?

– Именно... – Сог-Рот замялся. – Понимаете, у нее был компромат. Я изготовил по заказу того мага одну вещьцу. Сердце огня. И применил для этого, в вашей терминологии, запрещенные технологии. Сердце огня – это фактически абсолютный уничтожитель, способный убить любого, даже самого сильного мага. Тот колдун, о котором я говорил, видимо, знал, что ему угрожает опасность, и упросил меня, не безвозмездно, разумеется, изготовить для него эту вещь. Наши маги и старейшины еще двести лет назад под страхом смерти запретили всем мастерам племени Наррхов делать Сердце огня. Я нарушил запрет – уж очень привлекательной оказалась цена, предложенная тем магом. Но его все равно убили, а потом...

– Она шантажировала вас?

– Именно. Вначале Скулария предложила мне сделать Сердце огня для нее. Но я отказался наотрез, ссылаясь, что в моем распоряжении не осталось других необходимых ингредиентов, очень древних ингредиентов. Тогда она предложила сделку. Да, именно сделку. Я предоставляю ей всю информацию о моих клиентах, а она не сообщает старейшинам о Сердце огня, изготовленном мною.

– То есть... – начал Глеб. – А, понимаю! У нас говорят – не обижайтесь! – «с паршивой овцы хоть шерсти клок».

– Да, почтенный, да, – печально кивнул карлик. – Я исправно выполнял свою часть сделки, она – свою. Постепенно я успокоился, да и Скулария обращалась ко мне редко, два-три раза в год. И вот несколько дней назад она позвонила и велела сообщить всю

информацию о сатра Акунде. Я не мог промолчать – сделка есть сделка. Собственно, сведений было мало – почтенный Акунд был моим клиентом всего трижды, да и заказывал оружие, он ведь очень слабый маг. А потом, буквально накануне вашего первого визита, сатресса позвонила вновь и сказала – если Акунд появится, известить ее.

– Что вы и сделали.

– Да, уважаемый Глеб Погодин, что я и сделал. – Сог-Рот вздохнул, развел короткие ручки с длинными пальцами. – Но...

– Зачем вы все это мне рассказываете? – спросил Глеб, тяжело глядя на карлика. – Совесть замучила?

– Совесть? – удивился Часовщик. – Что такое совесть?

Погодин махнул рукой:

– Ничего, забудьте.

– Если вас интересует, что мною движет в настоящий момент, я отвечу. – Сог-Рот черным языком облизнул губы. – Все просто: рано или поздно наша сделка со Скуларией станет вредить моей работе. Поэтому ее необходимо расторгнуть. Вопрос – как? Я осторожно навел справки об этой сатрессе. Информации крайне мало, но две вещи выяснить удалось: она никому не служит и занимается темными делами. Не удивлюсь, что именно она и убила того мага. Еще один момент: тело Скуларии буквально напиговано боевыми амулетами. А вживить мертвую плоть в живую – крайне сложная задача, она по плечу только нескольким магам в России, и стоит такое вживление невероятно дорого...

– Я не понимаю – зачем вы рассказываете все это мне? – повторил Глеб.

– Чтобы вы знали как можно больше о той, кого вам предстоит убить.

Глеб вскинул голову:

– Убить?! Мне?!

– Именно вам, почтенный Глеб Погодин, – твердо ответил карлик. – Два года назад я обманул Скуларию. У меня осталось немного тех веществ, что необходимы для приготовления смеси. Последний компонент я получил недавно и изготовил Сердце огня. Это гарантированная смерть даже для такого сильного мага, каким является сатресса.

Несколько секунд в мастерской царил тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов и гудением приборов. Глеб осмысливал сказанное Сог-Ротом. Наконец он поднялся со стула и протянул руку:

– Давайте!

– Но это не все! – заторопился Часовщик, тоже соскочив на пол. – С вами мы тоже заключим сделку...

Засмеявшись, Погодин еле удержался, чтобы не ударить карлика. Это надо же быть таким торгашом!

– Понимаю причину вашего смеха, – с тоской произнес Сог-Рот. – Но иначе я не могу. Сделка – это мое условие и гарантия безопасности.

– И что же требуется от меня, помимо смерти Скуларии?

– Мне хотелось бы иметь эксклюзивную возможность изучать ту необычную магию, которую вы используете для сплетения реальностей.

– Хорошо. – Глеб опять рассмеялся коротким нервным смешком. – Мы подпишем договор?

Сог-Рот замотал головой:

– Нет, достаточно будет вашего честного слова. Если вы его нарушите, на вас падет проклятие гр-хч-сг-от и вам никогда не будет удачи в делах. Итак?

– Я даю вам честное слово, что если и позволю кому себя изучать, то только вам, а вам – не откажу, – сказал Погодин.

Он понимал, что несколько лукавит – как можно обещать то, о чем сам не имеешь представления? Но, с другой стороны, Глеб надеялся таким образом хоть что-то узнать о своих способностях.

– И убьете Скуларию?

– А вот этого, почтенный Сог-Рот, я обещать ну никак не могу. Я вообще-то не убийца...

– Вижу. Но обстоятельства часто бывают сильнее убеждений. Пообещайте, что приложите максимум усилий.

– Я же не отказываюсь. Эта Скулария, она... – Глеб замялся. – Хорошо, обещаю. Где Сердце огня?

Часовщик сунул руку за пазуху и вытащил маленький пузырек с залитым сургучом горлышком. Внутри, за толстым стеклом, бился в такт ударам сердца крохотный огонек.

– Как это работает? – поинтересовался Глеб, осторожно беря пузырек двумя пальцами.

– Его нужно разбить в непосредственной близости от жертвы. Освобожденное магическое пламя испепелит любого бесследно.

– А если я сейчас уроню эту штуку и она кокнется вот здесь, у моих ног?

– Тогда сгорите вы. Я останусь невредим. Сердце огня – одноразовое оружие узкого радиуса действия.

Глеб осторожно убрал пузырек во внутренний карман куртки. Сог-Рот проводил его руку взглядом и добавил:

– Промаяхнуться нельзя. Второго шанса не представится.

– Я понял.

– Тогда – до свидания, почтенный Глеб Погодин. Надеюсь, все обстоятельства нашей сделки вы сохраните в тайне?

– Сохраню, почтенный Сог-Рот. Но у меня есть еще один вопрос.

– Слушаю вас.

– Как мне найти сатра Дэфтера?

– Я знаю о нем немного. Почтенный Дэфтер является Стоящим у престола клана Ксенфа. Кстати, к этому клану принадлежит и почтенный Акунд. С Дэфтером наверняка можно встретиться в «Фонде Ксенофонтова». Это неподалеку от метро «Партизанская», большое такое здание.

– Постараюсь найти.

– Я больше ничем не могу вам помочь, – твердо сказал Часовщик. – Но примите совет, почтенный: будьте очень осторожны. У вас не так много шансов выжить, а мне крайне любопытно изучить те особые заклинания...

– Ясно, – сказал Глеб и, не прощаясь, вышел из мастерской Сог-Рота.

Глава 12

В четырехгранном стакане с толстыми стенками благородно желтело виски. Дэфтер пригубил обжигающий напиток, откинулся в мягком кресле и погрузился в размышления.

Сделать так, чтобы известие о заказчике отравления Стража клана Базэла распространилось максимально широко среди Ксенфов, было нетрудно. Полученные из Обители результаты допроса Анастасии Шарко Дэфтер собственноручно оформил в виде информационной записки и разослал по официальным каналам всем главам родов и старейшинам. Уже через пять минут начали поступать отклики. Все они отличались редким единодушием. Подогреты предыдущими событиями, сатра вспыхнули, как порох. Тут все сложилось одно к одному – и оленья роса, которой травили Ксенфа из Ксенфов, и смерть Крицы, и гибель патрульных в Обители, и отравление Базэла...

Копившийся гнев клана искал выход. Дэфтер отлично понимал – импульсивные и яростные его соплеменники нуждаются в простом и ясном ответе на вопрос: «Кто же враг?» И он дал им этот ответ. Стоящего у престола мало заботила участь Брегнов. В конце концов, этот клан – давний соперник Ксенфов в споре за источники и власть. Рано или поздно столкновение все равно произошло бы.

Так уж устроен мир – слабый уступает сильному, покоряется ему, а если не хочет сдаваться, то его уничтожают. Конечно, сейчас, когда колодцы силы закрыты, Ксенфам

нечего и думать покончить с Брегнами. Но, во-первых, Стоящий у престола и не ставил перед собой такой задачи. С Брегнами он посчитается потом, когда станет Владыкой клана, а пока они призваны сыграть роль злого бабайки из детской сказки.

А во-вторых, это для простых бойцов и магов мир окрашен в три цвета – черный, белый и алый. Это они уверены в правильности изречения Чингисхана: «Чтобы в степи наступил мир, убей своего врага». А ему, Дэфтеру, более подходит другое высказывание: «Знакомый враг лучше незнакомого друга». Брегнов можно ослабить, потрепать, отобрать у них часть источников – и на время оставить в покое. Любая система устойчива только в положении равновесия. Если у Ксенфов исчезнут внешние враги, немедленно начнутся поиски врагов внутренних, а это чревато кровавой смутой и расколом.

Мысли Стоящего у престола перекинулись на другие кланы московских сатра. Акалоны толком не оправились после Десятилетней войны и вряд ли могут на равных конкурировать с Брегнами и Ксенфами. Совсем недавно через третьи руки к Дэфтеру пришла информация: в клане Акалон проблемы с магами, детей с хорошими способностями все меньше и меньше. Это означает лишь одно – лет через двадцать клан ослабеет. У Акалонов возникнут явные проблемы. Все прочие кланы можно вообще не брать в расчет – слабы, малочисленны, не имеют достаточного количества бойцов и чародеев. Через некоторое время, одолев Акалонов и укрепившись, можно будет или раздавить Брегнов, или предложить им союз. А почему бы и нет? Зачем терять воинов и магов, пытаясь полностью уничтожить противника? Гораздо умнее продемонстрировать врагу свою мощь, а затем протянуть руку дружбы. Деморализованные Брегны с радостью пожмут ее, не заметив, что это было вовсе не предложение партнерства. Нет, в тандеме кто-то всегда – лидер, а кто-то – ведомый. Так уж устроен этот подлуннейший из миров.

Дэфтер мечтательно прищурился, представляя заголовки новостных сообщений, лежащих на столах предводителей различных кланов и орденов по всей столице: «Два крупнейших клана «зеленых» объединяют силы! Москва на грани больших перемен. Дэфтер Ксенф из рода Декатов претендует на то, чтобы стать первым в истории предводителем всех сатра Москвы. Город встревожен. Кто знает, куда направлены устремления «зеленых»? Где истоки мощи Дэфтера?» И так далее...

Улыбнувшись, Стоящий у престола сделал глоток виски, потянулся за сигарой. Истоки мощи... Смарагд. Удивительный камень, незаслуженно доставшийся Ксенфу на излете Второй мировой войны. Много лет его верный помощник потратил на то, чтобы узнать тайну своего шефа, и преуспел.

Бывший Владыка клана был слабым магом, но даже он с помощью магического изумруда сумел невероятно возвыситься и стать главой клана. Он, Дэфтер, куда более силен и сведущ в магии. Он сумеет то, что доселе не удавалось никому в истории – объединить в единое целое источники целого города, а затем и страны. И тогда...

Президент Российской Федерации Декатин, а для посвященных – Дэфтер, Повелитель Сфер! Владыка не клана сатра, нет... Элохим, слаш, верог, джинна – все, даже «бесцветные», даже оборотни – все покорятся ему! Или он будет править из-за кулис, двигая собственных марионеток как угодно?

От невероятных перспектив у Дэфтера буквально закружилась голова. Одним глотком допив виски, он прикрыл глаза, переживая нервное возбуждение, внезапно охватившее его. Нет, нужно успокоиться, перестать предаваться мечтам. Нужно на время забыть о будущем и сосредоточиться на настоящем. Он еще не добыл камень. Он еще не подчинил себе клан. Грядет война с Брегнами. Война придуманная, ненастоящая, и нельзя допустить, чтобы она стала настоящей.

Рывком выбросив из кресла грузное тело, Стоящий у престола взялся за телефон. Пора было принимать отчеты. Командовать. Отдавать приказы уверенным голосом – и ждать, когда, наконец, к нему в руки попадет смарагд...

Капитан Щедрин не любил выходные дни. Суббота и воскресенье – нет ничего хуже.

Точнее, он не любил, когда ему выпадало дежурить в эти самые выходные. Отмотавшие трудовую пятидневку люди стремятся расслабиться, отдохнуть; семейные выгуливают детей во дворах, парках и скверах, дачники нескончаемыми караванами тянутся на родные фазенды. Но это «нормальный контингент», неприятностей милиции они почти не доставляют, разве что какой-нибудь задавленный начальством и бытом мужик примет лишнего, взбрыкнет и устроит домашний дебош с битьем посуды. Дети ревут, супруга за телефон хватается, мол, приезжайте, спасите... Тут все просто – приехали, скандалиста в наручники, жене сурово объявляется: сударыня, прощайтесь, поедет ваша пьяная половина на пятнадцать суток. Та, естественно, опять в слезы – ой, не надо, куда же вы кормильца, его ж с работы уволят. Ну а дальше совсем весело – иногда пять, а иногда и двадцать пять тысяч можно содрать с дурехи, что за годы семейной жизни так и не научилась рулить своим благоверным, не постигла немудреную женскую науку, главный закон которой гласит: «на коротком поводке даже такса удавится». За все надо платить, так мир устроен, причем не нами.

Совсем другое дело – холостой молодняк и подростки. Выходные – их время. Щедрин молодежь ненавидел люто. Вроде и сам таким был лет десять назад, да только как-то потише, поспокойнее они с приятелями себя вели в этом возрасте. Если драка, то без свидетелей, если пьянка, то без сабантуев и оргий. А теперь что? Нынешние тинейджеры будто с необитаемых островов вырвались. Все им надо делать в общественных местах, напоказ, говоря протокольным языком, «с особым цинизмом». Пьют, ругаются, морды бьют, режут друг друга, стреляют. С девчонками опять же... Хотя те тоже хороши, оторва на оторве. Набуздаются пива или коктейлей этих баночных – и туда же. Не раз приходилось экипажу Щедрина выезжать на девичьи разборки – жуть! Кровища, выдранные с корнями клоки волос, щеки, проткнутые пилками для ногтей, выцарапанные глаза – натурально, подпиленными этими же пилками ногтями.

Гуляет современная молодежь как в последний раз. То ли и вправду верят, что конец света близок. То ли не выдерживают ритма этого, нынешнего, когда все бегом, везде успеть надо. Раньше, когда Щедрин только службу начинал, головной болью для милиции неформалы были. Эх, где вы, те милые годочки... Накроешь, бывало, по наводке бдительных соседей на хате сходняк каких-нибудь хиппи, любителей музыку послушать и травку покурить втихаря. Привезешь весь волосатый кагал в отделение. Так они вежливые, тихие, начитанные. Философов цитируют, про свободу собраний говорят, идеологическую, так сказать, базу под свои посиделки подводят. Пообщаешься с такими – и как-то сам приобщаешься, культурным человеком себя чувствуешь.

А сейчас если и попадется неформал, так либо сатанист какой-нибудь, бомжей на кладбище в жертву приносящий, либо сумасшедший с пропирсингованным мозгом, либо торчок конченный, у которого «дорожки» даже на висках.

Или приезжих взять – те не лучше, а то и похуже москвичей будут. Хотя где они, москвичи-то? Кого ни ковырни, в каждом приезжий сидит, не в первом, так во втором поколении. И добро еще, если русский, а не горец или степняк. У этих понятия вообще другие. Был случай: экипаж Щедрина на пьяную драку ездил в район Соколиная Гора. Натуральная драка – трое парней кавказской наружности пластают друг друга посреди двора, скамейки на колья раскурочили, стекла в машинах побили. В сторонке две девчонки ревут.

Обработали бойцов, не без проблем, правда. Приковали друг к другу, давай разбираться. Тут и выясняется – все трое родные братья, а ссора у них как раз из-за девчонок тех и вышла. Щедрин, понятное дело, решил – не поделили, три на два-то не делится. Оказалось, наоборот: уступали друг другу. Типа «для тэбя, брат, ничэго нэ жалко!»

И главное – все они, все вот эти без царя в голове живущие людишки, цветы жизни, будущее наше, мать его, именно в выходные дни окончательно с катушек съезжают. Гуляй, Москва, понедельник не скоро!

Дежурство начинается в десять утра. Щедрин обычно приезжал на работу впритык, к

самому разводу – а чего без дела по двору ОВД шататься? Начальство увидит, припашут еще куда-нибудь. Но сегодня спозаранку нужно было тещу в аэропорт отвезти, а дальше расклад по времени получился – ни то ни се. Домой вроде ехать бессмысленно, только доедешь и уже на работу надо, а напрямки в ОВД все же рано. Рано-то рано, но куда ж деваться? Щедрин и поехал.

Коротая время до развода в уличной курилке, он потягивал кислую «мальборину», прислушиваясь к разговорам «ночников». Им тоже досталось не сахарное время. В ночь с пятницы, не зря прозванной в народе «питницей», на субботу дежурить хлопотно, канительно, но прибыльно – бухариков много. Старлей Некрасов, широко расставив крепкие ноги и устало потирая небритую щеку, не спеша рассказывал:

– К часу на Буракова подскочили. Там ресторанчик есть, ну, вы знаете, «Арамаси», до последнего клиента работают. Работяги с Сортировочной по пятницам там закупаются, а потом ковыляют по домам, один другого кривее. Ну и вот: едем по Буракова, сечем клиентов. Народишку на улице мало, вроде все тихо. Тут Гаврилин мне и Симоненко говорит: «Мужики, видите иномарку у продуктового магазина?» Я гляжу – ага, стоит «мерсюк» темный. На просвет вижу – внутри трое сидят. Мужики. У Гаври нюх, он сразу стойку сделал. Да и мне тоже непонятно – чего трем мужикам в машине просто так сидеть в час ночи? Явно ждут кого-то. Ну и вот: мы ход сбавили, катим потихоньку. Тут из двора «беха» вырывается. И в ней, главное, тоже трое! Подъехали они к «мерсюку», рядом встали. У меня холодок по спине до самой задницы – нечисто дело! Что-то будет... А они окна опустили, переговорили коротко, потом «мерсюк» уехал, а «беха» осталась, на смену. Понимаю: пастьба здесь. Причем магазин-то закрыт уже, народу вокруг – ни души. Ладно, подъезжаем к «бехе», встаем. Гавря автомат с предохранителя снял, Симоненко кобуру расстегнул, я тоже. Выходим. Те сидят. Я с водительской стороны подошел, стучу в дверцу. Ну, как обычно: «здрасьте-здрасьте, ваши документы». Водила стекло опустил, смотрит на меня. Здоровый такой, башка как у кабана. Не русский, черный, кучерявый, с носом. Но определить не могу – кто? Не чечен, не айзер, не армян.

– Айсор, может? – влез сержант Паршин. – Айсоры такие бывают, с башкой и большие.

– Да погоди ты! – отмахнулся Некрасов. – А то я айсоров не видал! Говорю же – не могу определить... Ну и вот: говорит мне водила, чисто так, без акцента, без фени – командир, да все у нас нормально, товарища ждем, он ночью улетает, в аэропорт поедет. Документы показал – все в порядке. Фамилия у него, кстати, самая простая оказалась: Фокин. Я голову нагнул, двух других пассажиров срисовал – они такие же носороги кудрявые. Ну, думаю, все. Или киллеры, или на шухере. Прошу выйти всех из машины, а у самого очко – жим-жим. Смотрю на Гаврю – он с лица сбледнул... Ну, чего ты, чего? Скажешь, не было?

– Да не сбледнул я! – тонким голосом выкрикнул старший сержант Гаврилин. – Тока, мужики, вот хоть режьте – почуял я косяк какой-то. И стремно стало. Они из тачки вылазят, а меня как будто в грудак кто толкает: уходи, уходи!

– В натуре, и меня так же, – пробурчал лейтенант Симоненко, нагибая коротко стриженную голову. – На измену подсел капитально.

Некрасов решительно рубанул воздух ладонью:

– Короче, голяк! Ксивы у этих, из «бехи», в норме. И главное – фамилии у всех русские, ты понимаешь? И прикинуты как олигархи – «гучи-дрючи», часы золотые. Но нервные, резкие, чуть чего – брови супят.

– Бандюки, факт, – пробормотал Щедрин.

Некрасов услышал, скривился:

– Ни хрена. В том-то и дело, Санек. Бандюков я хор-рошо знаю. Да и все наши тоже. Эти – другие. А время идет, надо отпускать да отваливать. Думаю: если сейчас досмотр проводить, неизвестно, чем все закончится. И тут...

– И тут белая «Ламборджини» вылетает с Пятой Соколиной! – возбужденно перебил старшего лейтенанта Гаврилин. – Килов под сто двадцать прет!

– Вот чего ты лезешь, а?! – взвился Некрасов. – Прямо неймется тебе. Как шило в жопе, твою мать!

– Ну все, все, старшой... – Гаврилин поднял ладони перед собой. – Молчу!

– Так и молчи. Ну и вот: «Ламборджини», белая. Красавица, а стоит, между прочим, три сотни тонн баксов!

– Да ну?... – недоверчиво протянул Паршин.

– Вот тебе и ну! У меня старший, Генка, по машинам с ума сходит, у него каталогов, распечаток всяких с компьютера – вся комната завалена. Короче, знаю я.

– Чего дальше-то было? – не утерпел Щедрин.

Некрасов хмыкнул, попросил сигарету. Прикурив, он выпустил облако сизого дыма и продолжил рассказ:

– Мы стоим, носороги стоят. Подлетает эта «Ламборджини» к нам, по тормозам бьет – аж дорожки дымятся на асфальте. И вылезает из нее баба, охренительная такая, с буферами. Волосы, правда, странные, темные, но с зеленоватым отливом, как у русалки, но зато до задницы, натурально. Ну и вот: командует она этим, из «бехи»: типа атас, все за мной. Потом на меня посмотрела и дунула. Легонько так, с ладошки, как будто воздушный поцелуй послала. А меня словно бревном садануло! Брык! – и я лежу. И Гавря рядом, и Симоненко. Пока поднялись, пока zenки протерли от пыли – они уже в точку ушли, и «Ламборджини», и «беха». Мы, конечно, мужикам на шоссе Энтузиастов передали: так, мол, и так, попытка нападения на патруль, но только глухо – ни на Авиамоторе, ни в Перове никто ничего не видел. Мы сперва сами попробовали проехаться, да тачка захромала. На «Жигулях» за «Ламборджини» разве угонишься? Вот, с шести утра загораем...

– Гавря, – Паршин недоверчиво посмотрел на сержанта. – Было такое?

– Гадом буду! – Гаврилин покраснел, беспомощно оглянулся на Симоненко.

Тот угрюмо кивнул.

– Теперь вот кумекаем – рапорт писать или ну его нах. – Некрасов бросил окурок в ведро с водой. – Чего посоветуете, мужики?

– А заяву по поводу нападения на патруль приняли? – спросил кто-то из подошедших «дневников».

– Не. Я связался с Давыдовым, он старшим на посту у Авиамотора был, попросил замять. – Некрасов жестом потребовал у Щедрина еще одну сигарету.

– Раз замяли, то и забудьте, – посоветовал тот же голос. – Ладно, мужики, пошли на инструктаж.

– Вы только это... поосторожнее сегодня, – сказал в спину патрульным Некрасов. – Предчувствие у меня...

«Пошел ты со своим предчувствием, – зло подумал Щедрин. – Тоже мне, Ванга в погонах нашлась».

Как обычно по субботам, дневная часть дежурства прошла более-менее спокойно. Главный геморрой, тоже как всегда в этот день, начался после четырех часов. Сперва в скверике у метро шумная компания студентов устроила разборки с битьем бутылок, затем дежурный по ОВД направил экипаж Щедрина вязать пьяного мужика в супермаркет «Перекресток», а дальше вызовы пошли косяком – драка, нападение, опять драка...

К окончанию дежурства экипаж вымотался донельзя. Водитель прапорщик Бойков и сержант-патрульный со звучной фамилией Карачун скучно матерились, слушая доносившуюся из рации многоголосицу. Судя по всему, все экипажи патрульно-постовой службы сегодня пахали как проклятые.

Неприятное предчувствие, поселившееся в душе Щедрина еще утром, после рассказа Некрасова о странном происшествии на улице Буракова, и весь день угнетавшее капитана, постепенно рассеялось, сошло на нет.

«Кажется, обошлось», – подумал Щедрин и посмотрел на часы – до вечернего развода, до двадцати двух часов, оставалось еще сорок минут.

В принципе, можно уже поворачивать «на базу». Их «полста седьмая» медленно ползла

по Красноказарменной улице к набережной. Осталось лишь свернуть налево – и здравствуй, родной ОВД. Но тут затрещала рация:

– Полста семь, Полста семь! Ответьте!

– Здесь Полста седьмой, – сквозь зубы прорычал Щедрин, чувствуя: вот оно, вот!

– Где находитесь?

– Красноказарменная.

– В Лефортовском парке, в районе стадиона, замечено скопление неустановленных лиц. Проверьте обстановку и доложите. Как поняли?

– Понял вас. Стадион в парке. – Щедрин еле удержался, чтобы не сплюнуть прямо в машине, и добавил не по форме: – Наверняка футболисты.

– Все может быть, Саша, – ответил дежурный, капитан Маклашкин. – Но у нас два звонка от граждан. Возможно, это фанаты или скины. Проверь, но глубоко не лезь, сразу вызывай меня. Конец связи.

Машина медленно катила по аллее парка, залитой светом фонарей. Щедрин с переднего сиденья вглядывался в просветы между деревьями. Несмотря на выходной, здесь было пустынно, и это насторожило капитана. Обычно Лефортовский парк многолюден – семейные пары с детьми, влюбленные, компании молодежи прогуливаются по заасфальтированным дорожкам, сидят на скамейках.

– Вымерли все, что ли? – проворчал Карачун, тиская автомат.

– Чего-то мне не по себе, – отозвался Бойков, сбрасывая газ. – Быстрее бы домой...

– Отставить разговоры! – строго одернул подчиненных Щедрин.

Он и сам чувствовал странное напряжение – точно невидимые, но сильные руки уперлись в грудь и не давали вдохнуть.

До стадиона оставалось метров двести. В конце аллеи темнели трехъярусные открытые трибуны, наполовину скрытые густым рябинником. Из кустов с правой стороны на дорожку вышел человек. Грязный плащ, сумка на колесиках, шаркающая походка... Наметанный глаз капитана сразу определил – бомж, охотник за бутылками.

– Тормози! – приказал он водителю. Машина остановилась. – Мотор не глуши.

Приоткрыв дверцу, Щедрин крикнул:

– Эй! Иди сюда.

Бомж, пошатываясь, подошел. Красное, опухшее лицо его, заросшее щетиной, выражало полнейшее равнодушие ко всему на свете. Щедрин уловил специфический запах и поморщился.

– Слышь, мужик, ты давно здесь шарисься?

– Да это... Ну, хожу вот, – проямлил бомж. Он был пьян, но не сильно, обычно такое состояние называют «подшофе».

– На стадион заходил?

– Ну...

– Чего видел?

– Это... мужики в футбол играют.

– Много?

Задумавшись, бомж покрутил растопыренной грязной пятерней перед носом капитана:

– Пять... десять... Человек двенадцать, наверное.

– Выпить хочешь?

– Ага. – Опухшее лицо расплылось в слюнявой улыбке.

– Тогда так. – Щедрин вылез из машины, стараясь дышать ртом – запах мочи и алкогольной изжоги, исходящий от бомжа, грозил свалить с ног. – Идешь на стадион, смотришь, что там сейчас, все ли тихо, возвращаешься, докладываешь и получаешь на чекушку. Понял?

– Ну...

– Сумку оставь.

– Не, я без нее, кормилицы...

– Оставь, я сказал! – нахмурился Щедрин.
– Все, понял, понял, начальник. – Бомж вздохнул, отпустил металлическую ручку и, покачиваясь, двинулся к стадиону.

– Будем подождать, – объявил Щедрин экипажу «полста седьмой» и закурил.
Налетел ветер, с деревьев дождем посыпались желтые листья. Время шло. Бомж давно скрылся в зарослях, и капитан, потоптавшись у открытой дверцы, резонно заметил:

– Пора бы ему уже и...
– Не вернется он, Андреич, – уверенно сказал Карачун из машины. – Вот зуб даю – не вернется.

Щедрин пнул ногой сумку-тележку. Внутри зазвенели бутылки.
– Должен вернуться.

Он хотел добавить что-то смешное про зуб сержанта, но шутка не получилась – на аллее появился бомж. Двигался он как-то странно – боком, широко размахивая руками. У Щедрина мелькнула мысль, что бомжара не стал дожидаться чекушки и где-то уже принял, причем принял хорошо, граммов двести пятьдесят – он еле стоял на ногах.

С трудом доковыляв до машины, бомж бессмысленными выпученными глазами посмотрел на капитана, нагнулся, ухватился за ручку своей сумки и завалился в кучу опавших листьев.

– Э, ты что? – Щедрин нагнулся над ним. – Мужик, ты меня слышишь?

Карачун, оббежав «Жигули», пнул бомжа:

– Нажрался, тварь! Отвечай!

Бомж молчал.

Щедрин присел на корточки, кривясь от запаха, тронул рукой голову в замызганной вязаной шапочке.

– Мужик! Вот ведь козел!

– Вставай, сука! – рявкнул Карачун, рванул бомжа за безвольно откинутую руку. – Опа, Андреич! Да он в отрубел!

«Началось», – непонятно для себя самого подумал Щедрин и приложил два пальца к горлу бомжа под челюстью.

Приложил – и сразу отдернул, точно обжегшись о неожиданно холодную кожу.

– Готов. Переверни-ка его.

Карачун, брезгливо отворачиваясь, перевалил тело на спину и зло выругался – на груди бомжа зияла, сочась кровью, жуткая рана с рваными краями.

– В машину! – похолодев, крикнул Щедрин. – Бойков, связь!

Капитан шагнул к открытой дверце, но тут со стороны стадиона послышались крики и почти сразу за ними – негромкий взрыв. Над трибунами поплыл белесый дымок. Что-то просвистело в воздухе, срезая ветки кленов и берез, звучно поцеловало капот «Жигулей». На асфальт посыпались осколки разбитой фары. Двигатель взвыл – и захлебнулся. Наступила жуткая, неправдоподобная тишина.

– Мать твою! – Щедрин вжался в сиденье, ухватил черную коробочку рации и заорал: – Дежурный! Здесь Полста седьмой! В парке убийство. Взорвано неопознанное устройство, возможно, боевая граната, машина повреждена! Дежурный, как слышишь? Дежурный!

– Связи нет, Андреич, – тихо сказал Бойков.

Щедрин беспомощно выпустил рацию, сунулся было за мобильным телефоном, но глянул на прапорщика и увидел, что тот неотрывно смотрит куда-то левее стадиона. Смотрит – и его глаза медленно стекленеют от ужаса.

– Рвем когти, капитан! – с истерикой в голосе крикнул Карачун с заднего сиденья.

– Поздно... – бухнул Щедрин. Он тоже увидел то, что так напугало бывшего Бойкова. – Попали мы, мужики...

По дорожке медленно ползла белая «Ламборджини» с разбитым лобовым стеклом. Откуда-то из недр машины шел жирный, густой дым, правая дверца отсутствовала, и из салона свешивалось окровавленное женское тело; длинные черные с прозеленью волосы

задевали пожухлую траву.

«Ламборджини» пересекла аллею, клюнула носом и завершила свой неспешный путь, ткнувшись в фонарный столб. Раздался грохот, полыхнуло пламя, и то, что еще секунду назад было автомобилем, превратилось в грудку пылающих обломков, похоронив под собой свою хозяйку.

– Ну ничего себе за хрень... – хрипло высказался Карачун. – Или...

Оцепенение, сковавшее капитана, прошло.

– Уходим, быстро! – Щедрин, пригнувшись, выбрался из машины.

Бойков и сержант последовали за ним. Петляя, они побежали прочь. Капитан на бегу достал мобильник.

– Зараза, батарея села! Леша, дай твой.

– У меня тоже сдохла!

– И у меня, – рассматривая телефон, сказал Бойков.

– Но так не бывает! – Щедрин остановился за увитой высохшим хмелем беседкой.

Вокруг по-прежнему не было ни души. За деревьями догорала невидимая отсюда «Ламборджини». Экипажу вроде бы ничего не угрожало, можно было перевести дух.

– Так не бывает, – повторил Щедрин. – Чтобы и рация, и все три мобильника...

Его слова оборвал рев моторов. Не меньше десятка мотоциклистов на мощных японских байках-спидерах вылетели на аллею и рванулись к стадиону. Одетые в черное, хищно пригибаясь к рулям своих железных коней, они пронеслись мимо беседки. Со стороны стадиона злобно пролаял пулемет. Над головами милиционеров засвистели пули. Они упали в листву.

– ПКМ, – определил опытный Бойков. Прапорщик, единственный из экипажа, не потерял присутствия духа. – Пулемет Калашникова, калибр семь-шестьдесят два. В Чечне такие ценились.

Один из мотоциклистов, выбитый пулей из седла, покатился по пыльному асфальту. Оставшийся без хозяина байк занесло, и он, высекая искры, скользнул в сторону. Пулемет бил не переставая откуда-то с верхней трибуны стадиона.

Сбросив скорость, мотоциклисты разъехались в стороны, один из них махнул рукой. Верхняя трибуна украсилась огненными шарами разрывов, донесся раскатистый грохот.

– Из гранатомета бьют, что ли? – вывернув голову, неизвестно у кого спросил Бойков. – Не, не похоже.

Парк потряс мощный взрыв. Стадион заволокло пылью, с неба посыпались куски бетона, измочаленные доски, куски арматуры. Побросав мотоциклы, одетые в черное бойцы устремились к руинам трибун.

– Ни хрена себе! – тоненько вскрикнул Карачун. Он был сильно напуган.

– Поползли, – распорядился Щедрин и первым двинулся в сторону от аллеи, задевая локтями корни деревьев. Рядом пыхтел Бойков, позади сипло, со всхлипом, дышал сержант.

Земля вдруг затряслась, заходила ходуном, начала вспучиваться.

– Что за...

Щедрин не успел договорить – здоровенный клен, высившийся в нескольких метрах от капитана, зашевелил ветками, зашатался и сделал попытку упасть. Следом закачались и другие деревья, словно весь парк ожил.

– Ма-а-амо! Дывитесь, хлопцы, який жаж! – от испуга перешел на родной язык Карачун. Он сел, обнял автомат. По совершенно белому лицу сержанта блуждала безумная улыбка.

С деревьев полетели обломки веток, устремились к мотоциклистам в конце аллеи. Вокруг тех возникло бирюзовое свечение, ветки и листья начали гореть прямо в воздухе. Но многие прорвались через заслон, с чавкающим звуком принялись впиваться в тела.

Выжить после этой атаки удалось четверым. Что-то на бегу крича друг другу, они бросились к байкам, но наперерез им уже бежали из глубины парка несколько человек в камуфляже. Застрекотал автомат, несколько раз грохнул пистолет.

И вновь полыхнул огонь, громыхнул взрыв, хотя ничего похожего на гранатомет в поле зрения не было.

«Я, наверное, сошел с ума, – подумал Щедрин. Оглянувшись на дико хохочущего Карачуна, на Бойкова, наблюдавшего невероятную сцену боя с совершенно помертвевшим лицом, капитан поправился: – Мы, наверное, сошли с ума...»

Он вскочил и, уже не думая о том, что может быть замечен одной из враждующих сторон, забыв о служебном долге, со всех ног бросился бежать в густые заросли...

– Уважаемый, – голос оператора дрогнул. – Патрульная группа засекла отряд Брегнов...

– Где? – быстро спросил Дэфтер, поворачиваясь к экранам, занимавшим всю стену командного пункта.

– У Лефортовского парка. – Оператор высветил участок, дал увеличение. – Наши патрульные продолжают наблюдение.

– Брегнов много?

– Две пятерки бойцов и тройка разведчиков. Они прощупывают подходы к источнику на территории стадиона.

– Передай Федре – пусть перебросит туда свою боевую группу. С врагом не церемониться, в случае проявления агрессии – отвечать, но по возможности без магии. Ее пускать в ход только в самом крайнем случае.

– Слушаюсь. – Оператор разложил консоль связи и принялся вызывать штаб Восточного района.

Дэфтер, прикрыв глаза, следил за ним сквозь ресницы, понимая – вот оно, началось!

На командном пункте клана, развернутом за сегодняшний день прямо в усадьбе Стоящего у престола, было душновато. Из соображений безопасности пункт разместили на самом нижнем уровне. Работающая аппаратура связи и компьютеры грели воздух, а единственный кондиционер не справлялся. Дэфтер вытер платком выступивший на лице пот, глотнул воды из высокого стакана. Наступил самый главный, ключевой момент, от которого зависела реализация всего плана Стоящего у престола по захвату власти в клане.

Надо показать, что война вот-вот начнется, но не допустить ее начала. Стоит врагам понять, что Ксенфы не имеют возможности использовать магию, – и случится непоправимое.

Прошло пять минут. За это время оператор принял отчеты от патрулей из других районов, несколько раз связывался с начштаба «Восток» Федрой, но пока никакой новой информации из Лефортово не поступало.

Сидя на голодном пайке, Ксенфы были вынуждены экономить магическую энергию. Только в крайнем случае, в безвыходной ситуации, разрешалось пускать в ход боевые заклинания.

– Уважаемый, разведка Брегнов вошла в контакт с заслоном источника на стадионе! – тревожным голосом сообщил оператор.

Дэфтер пружинисто вскочил, прильнул к экрану.

– Подкрепление уже выступило?

– Они на подходе. – Молодой сатра быстро пробежался пальцами по рядам кнопок, выводя звук на внешние динамики.

– ...Первый, я – Третий! – отрывисто произнес женский голос. – Заслон атакован!

– Это начштаба Федре, – шепнул оператор.

Дэфтер кивнул.

– Бой идет вовсю, это не разведка, это уже атака! Первый, у нас один раненый! Прошу разрешения лично принять участие в операции.

– Разрешаю, – несколько поспешно сказал в микрофон Дэфтер, думая, что его провокация сработала и у Брегнов, как и следовало ожидать, не выдержали нервы.

– Благодарю за доверие. На связи будет мой зам, Фемист.

Динамики смолкли. Оператор переключил звук на наушники, озабоченно застучал

пальцами по клавишам, меняя каналы. Стоящий у престола представил, как зеленоволосая Федра садится в свою белую «Ламборджини», о которой не менее, чем о хозяйке, втихаря мечтает каждый молодой сатра, и мчится к месту боя.

Вновь потянулись минуты ожидания. Дэфтер вертел в пальцах сигару и все никак не решался закурить.

«Главное – чтобы все ограничилось стычками», – едва ли не молил он.

– Брегны атаковали еще один источник! – выкрикнул оператор. – К Лефортово они подтянули группу быстрого реагирования! Ситуация обостряется! Так, непредвиденный фактор. В районе конфликта замечен милицейский экипаж.

– Менты? А им чего там надо? – удивился Дэфтер.

– Мы, как известно, расшугали из парка отдыхающих, чтобы никто не пострадал, в случае чего. – Оператор поморщился, пальцем оттянул наушники – видимо, звук был слишком громким. – Но энергии на то, чтобы поставить выталкивающий контур, не имеется. Поэтому район в принципе доступен...

– Это я понимаю! Но не хватало еще проблем с властями, – проворчал Дэфтер.

Выталкивающие контуры применялись магами, чтобы закрыть от людей тот или иной участок. Не знающие о Пелене «коричневые», попав под действие контура, испытывали тревогу, страх, головокружение и тошноту и, естественно, старались как можно скорее покинуть неприятное место.

Размышления Стоящего у престола опять прервал голос оператора:

– Маги Брегнов нанесли удар по группе Федры. Она убита... Руководство боем принял на себя Триф из рода Агапитов.

– Я о нем ничего не знаю. Кто он?

– Боевой маг из воспитанников Базэ... – оператор осекся. – Из службы безопасности. Должен справиться, послужной список хороший. Внимание! Брегны заперли заслон на стадионе. Их мобильная группа пошла в атаку!

– Докладывай о малейшем изменении обстановки, – быстро сказал Дэфтер. – И вызови резерв!

– Есть. Маги Брегнов не стесняются в средствах, – сообщил оператор спустя несколько секунд. – Триф запрашивает разрешения на боевые заклинания!

– Даже так? – Стоящий у престола едва не усмехнулся – рискованный малый этот Триф, надо будет запомнить. – А что, других возможностей нет?

– Там четверо убитых и семеро раненых.

– Пусть держатся. Патронов не жалеть. Если через пятнадцать минут, – Дэфтер глянул на часы, – резерв не подойдет, тогда я развязываю ему руки. Только пусть постарается расходовать энергию максимально экономно. И еще: тех ментов по окончании операции ликвидировать как нежелательных свидетелей. Прибрать за собой. Обставить все как бандитскую разборку. Все.

Оператор блеснул глазами, затараторил в микрофон, передавая приказ командующего. Стоящий у престола закурил, откинувшись на спинку неудобного офисного кресла.

«Надо будет сказать, чтобы сюда переставили мебель из моего кабинета, – решил он, выпуская клуб ароматного дыма. – И все же тяжело без магии тем, кто привык пускать ее в ход при малейшей опасности. Но ничего, заслон там хороший, этот Триф должен справиться. Менты некстати, но ладно. Брегны, конечно, идиоты, но их выходка мне на пользу. Да и наши вояки, узнав о смерти Федры, станут требовать крови, придется их осаживать. И никому уже не будет дела до наследия Ксенфа...»

Продравшись сквозь заросли акации, Щедрин увидел впереди ограду парка. Он со страхом оглянулся, ожидая обнаружить погоню, но позади никого не было.

«Карачун и Бойков остались там, – резануло капитана. – Ты их бросил!»

И тут же пришла другая мысль:

«А семья, дети? Кому было бы лучше, если бы я тоже остался там, среди оживших

деревьев?»

Ухватившись трясущимися руками за холодные железные прутья, Щедрин уперся ногой в столб ограды, поднатужился, поднимая непослушное тело в воздух, и тут какая-то неведомая сила сдернула его вниз. Капитан рухнул на землю, попытался встать, но не смог.

К нему подошли трое. Те самые, в камуфляже. Здоровенный мужик с седой головой и двое молодых парней с покрасневшими лицами.

– Этот – последний? – спросил один из парней.

– Да. Кончай его, – спокойно пробасил седой.

Блеснул нож.

– Не надо! – крикнул Щедрин. – Я представитель власти!

Парень нагнулся.

«Пистолет!» – вспыхнуло в мозгу капитана спасительное слово.

Он нашарил кобуру, выхватил табельный «макаров», большим пальцем сдвинул рычажок предохранителя...

Выстрелить Щедрин не успел – узкое кривое лезвие полоснуло его по горлу. Перед глазами закружились кроны облетевших деревьев, высокое небо с черточками птиц – и наступила тьма...

Мрачный пожилой таксист, не спрашивая разрешения, закурил. Приемник в машине был настроен на «Эхо Москвы». Напористая ведущая в прямом эфире допрашивала какого-то экономиста с заковыристой фамилией о причинах глобального финансового кризиса. Экономист сыпал терминами, названиями крупных международных корпораций и банков, совершал длительные экскурсы в историю и делал глубокомысленные намеки на то, что кризис – это нормально, это неотъемлемая часть развития цивилизованного общества.

– Кризис подобен скальпелю хирурга. Он удалит все нежизнеспособные органы мировой финансовой системы, и организм очистится от ненужного и вредного.

– Но это может привести к падению уровня жизни тех людей, которые оказались неконкурентоспособными в современных условиях, – пожилых, малоимущих, жителей депрессивных регионов, – почти радостно выкрикнула ведущая.

– Именно! – веско сказал экономист. – В сущности, такие индивидуумы и не нужны, они – балласт, от которого необходимо избавляться. И кризис поможет сделать это.

– Вот козлы! – процедил таксист, выплюнув окурок в окно.

– Зачем же вы слушаете? – не удержался Глеб.

– А мозги хорошо прочищает. Злит меня это «Эхо», а когда я злой, то соображаю лучше.

Бодренький джингл известил, что пришло время новостей. Диктор скороговоркой известил слушателей о международной обстановке:

– ...в Афганистане силы международной коалиции нанесли очередной авиаудар по позициям движения «Талибан», уничтожено около сорока боевиков. На фугасе подрывался конвой коалиционных сил, шесть военнослужащих США и один британец погибли... В Бангкоке состоялся саммит глав государств Юго-Восточной Азии... Тайфун «Джули» стал причиной гибели двенадцати человек на Филиппинах... В Дубае при заходе на посадку потерпел катастрофу «Боинг-семьсот сорок три», пострадало трое пассажиров, погибших нет...

– Слава богу, хоть кому-то повезло, – прокомментировал таксист.

– И к московским новостям, – продолжил диктор. – Сегодня, около часа назад, на востоке столицы, в Лефортовском парке, произошла массовая драка между неизвестными лицами. Драка закончилась стрельбой и взрывом. Сведений о пострадавших нет. Также нет и свидетелей происшествия. Как нам сообщил источник в ГУВД города Москвы, скорее всего имела место бандитская разборка между двумя конкурирующими организованными преступными группами. Ведется расследование, органы правопорядка переведены на усиленный режим несения службы.

Таксист хмыкнул:

– Добро пожаловать в девяностые. То-то я гляжу – ментов по городу стало много. О, накаркал!

Последняя фраза относилась к инспектору ГИБДД, стоявшему у края проезжей части. Он жезлом указал на машину, в которой ехал Глеб, и махнул на обочину, требуя остановиться. Рядом, прямо на тротуаре, темнел омововский «ЗИЛ» с бронированной будкой-кунгом. Несколько бойцов в масках и с автоматами досматривали уже остановленные гибэдэшником машины.

– Как же, нет пострадавших, – ворчал таксист, паркуясь возле «ЗИЛа». – Небось народу покрошили уйму. Если б пострадавших не было, хрен бы они такой кипеж развели...

Двое омововцев подошли к машине. Один встал у пассажирской двери, жестом показал Глебу – выходи. Второй уже разговаривал с вылезшим наружу водителем.

Посмотрев в сердито поблескивающие сквозь прорези маски глаза омововца, Глеб выбрался из машины.

– Старший лейтенант Гороховцев, – механически козырнул страж порядка. – Ваши документы.

Глеб сунул руку во внутренний карман, наблюдая, как двое омововцев ведут к «ЗИЛу» мужчину вполне респектабельной наружности, в костюме и при галстук.

– Я жаловаться буду! – кричал мужчина, кривя породистое, гладко выбритое лицо. – У меня важная встреча через сорок минут! Вы не имеете права...

– Как раз имеем, – усмехнулся один из омововцев. – Какая встреча на ночь глядя? С бабой, что ли? И еще – закон есть закон. Вы обязаны предъявить документы по первому требованию.

– Я гражданин своей страны! – крикнул выбритый. – Это произвол! Ну забыл я переложить паспорт и удостоверение из другого пиджака, забыл. Давайте позвоним...

– Ха-ар-рош орать! – рявкнул омововец. – В отделении разберутся, кто чего забыл. Все, грузись.

И он распахнул дверцу кунга.

«А ведь это мысль, – Глеб снова посмотрел в глаза стоявшему перед ним старлею. – В милиции меня никто не найдет, да и искать не будет! Отсижусь, выжду. Пока суета затихнет, а потом отправлюсь Декатина искать».

Вытащив руку из-за пазухи, Глеб зачем-то помахал ею в воздухе и с улыбкой произнес виноватым голосом:

– Ой, я, кажется, документы дома забыл.

Омововец поскущел.

– Придется проехать с нами. Для выяснения...

– Ну, с вами так с вами, – кивнул Глеб. – Куда идти – туда?

– Вас проводят. – Омововец монументально повернулся: – Саранских! Примите тут еще одного... забывчивого!

Запах грибов на этот раз казался Лике неприятным, а воздух подземного зала – холодным, почти ледяным. И все потому, что она тряслась от страха.

Она явилась к хозяевам, не выполнив задания.

Но не явиться не могла – ей четко приказали прийти не позднее чем через сутки после встречи с Глебом Погодиным. Встреча состоялась, она сделала все, что смогла, и неудача – не ее вина...

Вот только поверят ли в это хозяева?

– Ну? – спросил холодный голос.

– Я встретила с ним... – проговорила Лика. – Я пришла. Вот только...

– Что? – поинтересовался второй голос, прозвучавший так близко, что Лика вздрогнула и отогнала желание протянуть руку, чтобы пощупать того, кто стоял с ней рядом.

– Он... он не поддался мне. Он сломал мой наговор своим... хотя он не маг...

– Не ври нам! – первый голос хлестнул, точно ледяным кнутом. – Это невозможно!

– Я не вру. – Лика сглотнула. – Как начал стишки читать... Ну и порушил всю мою вербалистику. А что я могла сделать? Колдовство мое простое, не чета высокой магии... Что могла, я сделала!

– Ладно, ты не прибедряйся, – вступил третий голос. – Я думаю, ты не врешь. Просто не посмела бы. Но ты хотя бы успела понять, что он за человек? Латентный маг, а? Иначе как он сумел противостоять тебе?

– Нет, вроде нет. – Лика прокрутила в памяти встречу с Глебом Погодиным. – Не маг! Обычный парень, на нерве, странный какой-то, но в чем странность – не разглядела.

– Обычный? Ложь! – вновь вступил первый голос. – Как же он тогда смог?

– Все возможно в этом мире, – осадил его третий. – Задание ты не выполнила, одурманить и сделать своим его не смогла. А значит – и награды не получишь.

Лика пошатнулась – хотя и готовилась к подобному, но до последнего надеялась. Думала, что удастся уговорить, вымолить, встать на колени, но теперь поняла – нет, не удастся.

Что этим нелюдям ее просьбы?

– Но мы должны знать все подробности, – сказал второй голос. – Рассказывай. И не упускай мелочей, даже тех, которые ты считаешь неважными. Как он вел себя, что говорил, какие слова употреблял. Что это за стихи? Какова его аура?

Вглядываясь в клубящийся мрак, Лика рассказывала, а невидимые собеседники слушали ее. Они никак не комментировали, не задавали вопросов, но она чувствовала устремленные на нее взгляды, и капли холодного пота текли по ее лбу и щекам.

– Вот как... – проговорил первый голос, когда ведьма замолчала. – Странно все это выглядит.

– Стой и жди, – приказал второй, и мрак вокруг Лики задвигался.

Ей показалось, что краем уха она улавливает тонкие, еле различимые голоса. Подумала, что ее хозяева, принадлежащие непонятно к какой сфере, разговаривают так, чтобы она ничего не услышала, обсуждают, что делать дальше и как поступить с ней.

Робкая надежда вновь засветилась в душе Лики.

Свободный доступ к источнику – что это для них? Пустяк...

Во тьме послышалось движение – словно катили нечто большое и тяжелое. Прошелестели шаги, что-то хлопнуло, ухнуло и негромко, но солидно загудело.

– Сейчас будет свет, – объявил первый голос. – Слушайся того, кого увидишь. Он наши руки, глаза и уши. Ничего страшного с тобой не произойдет.

– Да-а... – растерянно проговорила Лика.

За все ее спуски в подземелье такого не происходило ни разу.

Свет зажегся, и она невольно зажмурилась. А открыв глаза, обнаружила, что находится в круге падающего сверху золотистого сияния и что за его границами сгустился еще более непроглядный мрак.

Напротив нее в круге стояло невысокое существо в темной накидке с капюшоном, полностью скрывавшим лицо. Видны были только белые изящные руки.

В одной существо держало обруч из золотистого материала, а от него уходил провод к похожему на стеклянный глобус прибору, расположенному на колесной платформе.

Лика узнала ментосканер – техномагический прибор, умеющий считывать информацию из мозга людей и нелюдей, как бы срисовывать недавний, верхний слой памяти.

– Иди сюда, – велело существо тонким голосом.

Лика подошла, обруч был надет ей на голову, и ментосканер загудел. В его объемистом чреве замелькали разноцветные вспышки, похожие на рождающиеся и гибнущие звезды.

Процесс не занял много времени – вспышки исчезли, в стеклянном глобусе возникло размазанное изображение человеческой фигуры, смутный контур, видимый словно сквозь туман.

– Ну и что это такое? – недоуменно спросило существо. – Лицо его где и аура?

– Не знаю, – пролепетала Лика.

Свет погас резко, словно задернули занавес, и ведьма от испуга чуть не взвизгнула.

– Иди, – велел один из голосов, – и возвращайся через месяц.

Не чуя под собой ног, Лика побрела туда, где во мраке крылся выход.

После столкновения в Лефортовском парке наступило относительное затишье. Домены кланов Брегнов и Ксенфов граничили между собой в немногих местах, а самый близкий к границе источник находился в Лефортово.

До столкновения в парке границу барражировали разъезды и разведгруппы кланов. Их возглавляли бывалые бойцы и опытные маги, прошедшие через горнило Десятилетней войны. Теперь, когда всем стало ясно – масштабных столкновений не избежать, дозорные отряды были отозваны, а заслоны у источников усилены.

И большим ропотом был встречен категорический приказ Стоящего у престола – не атаковать самим, не поддаваться на провокации, терпеть и ждать.

– Это «коричневым» хорошо – чуть что и: «бабы еще нарожают»! – раздраженно кричал он во время видеоконференции с начальниками укрепрайонов и штабов ополчения. – Мы не вправе рисковать жизнями Ксенфов, особенно нашей молодежи. Война будет нешуточной. Не следует забывать и о том удручающем положении, в которое мы попали после смерти Ксенфа из Ксенфов и блокады магических колодцев. Поэтому сейчас наша главная задача – быть готовыми отразить нападение, но не более того. Все, уважаемые, возвращайтесь к вашим обязанностям...

Покинув командный пункт, Стоящий у престола поднялся в дом. Плотнo поужинав, он с удовольствием выкурил сигару, обсудил с управляющим текущие хозяйственные дела – усадьба требовала немалых денег на содержание и обслуживание. Дэфтер лично контролировал эти траты, уверенный, что именно так и должно поступать хорошему хозяину.

Наверное, будь начавшаяся война настоящей, а не спровоцированной им самим, Стоящий у престола вел бы себя несколько иначе. Но, положив руку на сердце, Дэфтер не испытывал никаких волнений из-за возможных нападений Брегнов. Он хорошо знал от своих агентов, что дела у противоборствующего клана идут отнюдь не блестяще, и война для них сейчас тоже не ко времени.

Они показали когти, теперь посмотрят, что из этого выйдет, и в ближайшие часы ничего важного не произойдет.

Отпустив управляющего, Стоящий у престола перебрался из-за стола на диван и откинулся на мягкие подушки. С делами покончено, можно расслабиться и отдохнуть. Время для активных действий еще не пришло. Нужно подождать, всего лишь немного подождать...

Дэфтер задремал. В голове Стоящего у престола начали возникать приятные видения, некие картинки из ближайшего будущего – провозглашение его Владыкой клана, открытие колодцев, изъявление покорности со стороны других кланов сатра и дальнейшие победы, взятие власти над Москвой... И двенадцать обнаженных красоток на ложе в первую ночь после провозглашения Дэфтера первым всеобщим властелином зеленой сферы Москвы!

Он проснулся и первым делом глянул на часы – прошло всего пятнадцать минут. Селектор помигивал оранжевой панелью вызова.

– Что еще там стряслось? – проворчал Дэфтер, с трудом поднимаясь.

Он на затекших от неудобной позы ногах проковылял к столу, хлопнул ладонью по клавише соединения и буркнул:

– Да?

– Маг Неоптолем просит разрешения войти, – доложил секретарь.

Молодого чародея, еще в Обители прославившегося тонким умом и склонностью применять его для решения не совсем законных задач, Дэфтер заметил давно. А потом воспользовался первым же случаем, чтобы вытащить его из передраги, сделать своим должником и взять под контроль.

Старые колдуны хороши, но их мозги забиты всяким хламом вроде представлений о чести и достоинстве. И неплохо иметь своего, всецело преданного чародея.

Последние два дня Неоптолем корпел над неким заданием и, судя по всему, с ним справился.

– Пускай, – велел Стоящий у престола.

Неоптолем, необычайно стройный для сатра, переступил порог и изящно поклонился.

– Докладывай, – велел Дэфтер.

– Задача решена, – сказал Неоптолем. – Используя даже заблокированные колодцы как источники излучения и зная их координаты, мы можем определить нахождение объекта с заданными параметрами ауры с погрешностью до десяти метров. И это потребует минимальных затрат энергии, так что я готов произвести необходимый ритуал немедленно, прямо тут.

– Отлично. – Дэфтер в очередной раз похвалил себя за предусмотрительность. – Тебе что-нибудь для этого нужно?

– Только мой мозг и моя сила, – улыбнулся молодой маг. – И карта Москвы.

Карту доставили немедленно, и Неоптолем принялся за дело. Над картой поднялись столбики белого света – они обозначали источники, находящиеся под контролем клана Ксенфа. Между ними лег камешек, обычный аметист, на который была «начарована» аура человека по имени Глеб Погодин. Ее параметры Дэфтер получил от одной рыжей стервы.

Молодой маг щелкнул пальцами, от столбиков пошли тонкие лучи света. Уперлись в камень, и тот пополз по карте, пока не остановился и не вспыхнул фиолетовым огнем.

– Вот тут он сейчас, – немного рисуясь, заявил Неоптолем.

– Уверен? Что за место?

– Не знаю.

Дэфтер вызвал секретаря, приказал принять координаты и выяснить, что это за здание.

Ответ не заставил себя долго ждать.

– Уважаемый, это Отдел внутренних дел по Мещанскому району, расположен по адресу: улица Сретенка, дом...

– Ясно! – Дэфтер задумался, постукивая пальцами по столешнице. – Очень хорошо...

– Ну, так я пойду? И награда будет? – уточнил Неоптолем, глядя на Стоящего у престола с расчетливой хитрецой.

– Не сомневайся! – кивнул Дэфтер.

Ему сейчас было не до помощника-чародея. В тщательно продуманный план вмешался «его величество случай», и это вмешательство требовало некоторых срочных действий.

Секретарь проводил мага и замер в дверях кабинета. Он не первый год работал с Дэфтером и успел достаточно изучить своего патрона.

– Геспера ко мне, – не поднимая глаз, произнес Стоящий у престола. – Очень срочно!

– Понял, – кивнул секретарь, не выказывая удивления. Боевой маг Геспер считался одним из лучших специалистов клана по секретным операциям...

Глава 13

– Залазь давай, – Глеба подтолкнули в спину, и он полез в милицейский грузовик.

Только что его обыскали, но в карман, где лежал камень, а рядом с ним паспорт и прочие документы, не заглянули. Глеб удивился, но решил, что не иначе сам смарагд применил какую-то защитную магию.

Несмотря на то что на улице было довольно прохладно, в кунге стояла духота. У двери сидел милиционер в бронежилете, с автоматом АКСУ на коленях. Он глядел в пол и вытирал лоб грязным носовым платком.

Помимо Глеба в кунге набралось уже с десятков задержанных, людей по большей части солидных, хотя в дальнем углу на корточках примостилась троица явных гастарбайтеров азиатской внешности.

Задержанные вполголоса переговаривались, время от времени бросая испуганные взгляды на милиционера. Разговор в основном вертелся вокруг темы незаконности происходящего.

– Почему телефоны-то у всех отобрали? – шепотом негодовал грузный мужчина в дорогом костюме. – Это же безобразие, форменное безобразие! Я в Испании попадал в полицию – так там и кофеем поят, и сами позвонить адвокату или знакомым предлагают.

– А за что вас – в полицию? – спросил Глеб.

– Да ерунда! – Мужчина засмеялся, обнажив крупные зубы. – На серпантине обогнал машину, оказалось – это местный судья...

– Ну, я им устрою, – прошипел модно подстриженный парень в плаще. – У меня тесть в Общественной палате. Он Кучерену знает! Автор этого беспредела точно погон лишится! Устроили тридцать седьмой год...

– В тридцать седьмом ты бы, голубь, уже без зубов в собственной блевоте ползал, – мрачно сообщил парню милиционер с автоматом.

– А вы-то откуда знаете?! – с вызовом крикнул тот.

– Дедушка рассказывал, – жутковато улыбнулся в ответ страж порядка.

– Жена меня убьет, – пожаловался пожилой мужчина с серым помятым лицом. – А уж если до утра не отпустят... И как я оправдаюсь? «Прости, Зоренька, меня в милицию забрали». Детский сад, честное слово! – Привстав с длинной откидной скамейки, он обратился к милиционеру: – Вы не знаете – мне справку дадут, что я у вас был?

– Дадут, – лениво кивнул тот. – Кому справку, кому срок. Все, отставить разговоры!

– Из-за чего весь сыр-бор-то? – снова вступил в разговор обладатель дорогого костюма, побывавший в испанской полиции. – Теракт, что ли, где случился? Или убили кого-то из правительства?..

Щуплый мужичонка в заношенной кожаной куртке, поддернув вязаную шапочку, вполголоса сказал:

– Говорят, в Лефортово стрельба была со взрывами. Трое ментов там пропали. Только машину сгоревшую нашли.

– А, вон в чем дело... – Парень провел рукой по ежику волос, понимающе покивал. – Ну, тогда лучше не рыпаться. За своих они горло перегрызут, это факт. В Америке вообще, если полицейского убили, неписанный закон есть – живым убийцу не брать. Я в кино видел.

– А вот в Европе, – оживленно вклинился серолицый, – все законы писанные и строго выполняются. В Германии, например, полицейского произвола вообще нет. Все по закону. Когда же и у нас так будет?

Лязгнула железная дверь, и в кунг впихнули еще одного задержанного – пьяного юношу в красной куртке, явно студента.

– Все, это последний, сейчас поедem! – крикнул с улицы омоновец. – Осташев, тебя усилить?

Милиционер в бронежилете скользнул взглядом по напряженным лицам задержанных и отрицательно мотнул головой:

– Не, тут все тихо будет. – И, перехватив автомат, угрожающе спросил: – Ведь будет тихо, а?

Ему никто не ответил.

«ЗИЛ» взревел двигателем и тронулся с места. Сквозь забранные мелкой решеткой окна кунга Глеб видел проплывавшие мимо дома, машины, людей. В отличие от других ему было спокойно. Назначенный час встречи со Скуларией давно прошел. Камень она не получила. Акундин... По крайней мере ему ничего не угрожает, а об остальном Глеб предпочитал не думать. Предатель сатра или он с самого начала вел двойную игру – теперь это не столь уж и важно.

«Скулария со своими вампирами и прочими оборотнями после того, как я не принес камень, наверняка бросится искать меня, – подумал Глеб. – Все это время я просижу за решеткой. А потом можно будет попробовать попытать счастья в «Фонде Ксенофонта».

Отдать Дэфтеру камень – и уехать из Москвы».

И тут в голове запульсировало:

«А Милка? Из-за тебя она превратилась в полутруп, лежит сейчас, жутко подумать, в хранилище. Ее надо спасти! Надо, во что бы то ни стало! – Глеб закрыл глаза, откинул голову, прижавшись затылком к подрагивающей стенке кунга. – Вся надежда на этого Дэфтера. Если он не поможет – то уже никто... Впрочем, у меня есть чем удивить этого сатра. Камень, информация... Черт, как все непросто!»

«ЗИЛ» остановился. Глеб посмотрел в окно – окруженный глухим забором двор, милицмейские машины, люди в форме. Осташев, забросив автомат на плечо, поднялся и встал у двери, широко расставив ноги.

– Граждане задержанные! Выходим по одному, не спеша и без фокусов. Снаружи – охраняемая территория...

Глеба в числе других задержанных провели мимо милицмейских машин, и он оказался в дежурной части. Здесь было очень шумно, трезвонили телефоны. За стеклянной перегородкой бесновался злой майор с растрепанными волосами. Он одновременно разговаривал по телефону, переругивался с каким-то человеком в штатском и писал на компьютере.

– Еще десятка! – крикнул ему Осташев.

– Твою мать! – отозвался майор. – Охренели вы там совсем!

– Куда их? – проигнорировав ругань, флегматично спросил милиционер.

– «Обезьянник» полон. Давай в «четверку». Там вроде есть место. К утру я ими займусь... – И майор снова заорал в телефон: – Да нету, нету у меня людей! И вообще это твоя земля, сам разбирайся, что к чему, мать твою!

«Четверкой» оказалась камера в конце пропахшего табачным дымом коридора. Охранник, позвякивая ключами, отпер крашенную серой краской железную дверь, и изнутри ударила тугая волна спертого воздуха и многоголосица.

– Заводи! – велел Осташеву охранник.

Из камеры высунулся низенький толстый лысый мужчина в одной майке. Плечи и волосатые руки его были обильно покрыты татуировками.

– Ты че, начальник, охренел? Куда «заводи»? Тут и так не продохнуть, сидим как семки в подсолнухе. Вы когда эту шелупонь шухарить начнете? Я спать хочу!

– Слышь, Черепков, – процедил Осташев, впихивая задержанных в камеру. – Хавальник завали, а то к своим пятнадцати еще пятнашку отгребешь.

И уже другим тоном вполголоса добавил, толкнув в спину Глеба:

– К утру их дергать начнут. К полудню, думаю, все закончится. Все, вали на нары.

– Так бы сразу...

Татуированный Черепков повеселел, растолкал толпящихся в камере людей и взобрался на деревянный помост у противоположной от двери стены.

– Ну что, граждане! – поблескивая острыми глазками, обратился он к новичкам. – Которые фраера и мужики, вынай курево и бабки в общак. Кто при делах – обзовись, побазарим.

Глеб, вытянув шею, через плечи и головы – в небольшую камеру набили не менее трех десятков человек – с любопытством посмотрел на толстяка. Он, как всякий русский человек, имел представление об уголовных порядках, но вживую видел все это впервые.

– Я че, неясно выразился? – нахмурился Черепков. – Курево и баблосы на шконку, фраерье!

В камере повисло напряженное молчание.

– Вот ты, длинный... – ткнул толстяк пальцем в парня в плаще, переминавшегося с ноги на ногу рядом с ним. – Бабки есть?

– Черепок! А я гляжу – ты или не ты? – вдруг захохотал тот самый представительный мужчина в дорогом костюме, который попадал в испанскую полицию. – Ну надо же!

Лысый толстяк сузил глаза, присматриваясь.

– Бенц? Леша?

– Мы с ним в девяносто первом начинали! – объяснил Глебу мужчина, широко улыбаясь.

– Он что, вор в законе? – тихо спросил Глеб.

– Кто-о, Черепок? – Мужчина снова захохотал. – Да не, какой там... накосячил он, и Крестовый его еще тогда из бригады... отчислил, в общем.

Отодвинув мощным плечом парня в плаще, Бенц шагнул к помосту, властно сказал Черепкову:

– Ну-ка, сморщись.

Оглянувшись, он нашел глазами старика с серым лицом, махнул рукой:

– Отец, иди присядь. В ногах правды нет, нет ее и в другом месте.

Усадив серолицего, Бенц обратился к поникшему толстяку:

– Гляжу, пахануешь ты, а? Заблатовал, как деды на Колыме! За что подвис?

– Пятнаху впаяли. В четверг мы с мужиками бухнули после смены – ну, я и того... – нехотя начал рассказывать Черепков. Он явно робел перед старым знакомым. – В ларьке стекла побил, с ментами сцепился...

– А чем занимаешься?

– Да в автосервисе на Подбельского...

– Ясно. Ну все, мужики, воровская власть в этой отдельно взятой камере кончилась, чего не скажешь обо всей стране. У кого есть претензии к бывшему пахану Черепку?

Из толпы задержанных раздался чей-то тонкий голос:

– Он деньги у меня забрал!

– Да-а? И много?

– Тысячу триста пятьдесят рублей!

Бенц посмотрел на Черепка таким взглядом, что тот съежился, уменьшившись едва ли не вдвое.

– Отдай!

– Да на, возьми, терпила гребаный! – Толстяк бросил под ноги задержанным горсть смятых бумажек.

Глеб устал стоять, как оловянный солдатик, и протиснулся к стене, чтобы опереться на нее. Здесь, в углу камеры, обосновались азиатские гастарбайтеры, встретившие среди уже сидевших в «четверке» земляков.

А рядом с ними стоял нелюдь с бледным лицом.

Он был высок, широкоплеч, но при этом тощ, словно изможден, голый череп его блестел. Одетый в синий свитер и джинсовую куртку элохим не шевелился и как будто даже не дышал, за спиной его бугрился горб – сложенные крылья. В прозрачных глазах, обращенных в пол, стыла непонятная тоска.

«Статуя, – подумал Глеб. – Белая каменная статуя. Интересно, каким он видится остальным там, вне Пелены?»

– Вот мы и встретились, – негромко произнес элохим, поднял глаза, и на его голове возникло нечто похожее на маленькую корону из черного металла.

– Вы мне? – вздрогнул Глеб.

– Тебе, – без тени улыбки ответил «белый». – Сейчас наш разговор никто не слышит, но лучше не повышать голоса. Ты понимаешь меня?

Глеб ошарашенно молчал. Элохим был настолько чужд окружающей действительности, настолько невероятен здесь, в душной камере предварительного заключения Отдела внутренних дел по Мещанскому району, что казался нереальным.

«Акундин говорил, что «белые» очень властные и богатые типы, – вспомнил Глеб. – Неужели этот не смог «отмазаться» от ментов? Что ж это тогда?»

– Я попал сюда намеренно. Линии судеб легко читаются, надо лишь уметь видеть – и использовать. Ты так и будешь топтаться в стороне? – холодно осведомился элохим. – Встань рядом. Нам необходимо побеседовать. Не бойся, нас никто не услышит.

– О чем? – непроизвольно вырвалось у Глеба.

– О тебе. О тех деяниях, что ты уже совершил и еще совершишь. О камне.

– Вы знаете про камень?

– Я – Аскет, – с достоинством произнес элохим. – Ты должен был слышать обо мне. Границы моих познаний обширны. Но это не имеет отношения к нашему разговору.

– А что имеет? – тупо спросил Глеб, понимая, что перед ним тот самый загадочный Игрок, к которому их отправил умирающий Крица.

Выглядел тот, честно говоря, не особенно впечатляюще.

– Успокойся, прежде всего – успокойся. Я не собираюсь ни отнимать у тебя камень, ни передавать тебя в руки кого бы то ни было. Я просто помогаю разрешиться ситуации.

– Да ну? Не верится, – пробормотал Глеб. – Но для чего вам это нужно?

– Этого я не могу тебе открыть.

– Тогда зачем мы...

– Не утомляй меня бесконечными вопросами! Помолчи и послушай. Наш обитаемый мир – это сложная, многогранная, многоцветная и многообъемная фигура, являющаяся частью еще более сложной конструкции, называемой Вселенная. Для того, чтобы все составляющие ее части находились на своих местах, необходимо равновесие энергий, конгруэнтность силовых полей, симметричность расположения узловых точек...

– Как на весах?

Игрок впервые за время их разговора улыбнулся, точнее, изобразил улыбку, холодную и искусственную.

– Хорошо, что ты нашел понятный тебе аналог. Продолжим: если равновесие будет нарушено, начнется энтропическое рассеивание энергии, обеднение силовых линий и полей и вся система станет нестабильной, что в конечном счете может привести к ее разрушению и гибели. Ты понимаешь мои слова?

– Более-менее, – пожал плечами Глеб. – А почему равновесие может быть нарушено?

– Не «почему», а «кем», – сказал Игрок. – На энергетику мира большое влияние оказывают все живущие в нем. Они черпают силу, производят с ней определенные манипуляции – и возвращают обратно уже в измененном виде.

– Это делают маги, – догадался Глеб. – Я понял – речь идет о магической энергии! Но при чем тут я и мой камень?

– Это не твой камень, – спокойно поправил его Аскет. – Ты вновь перебил меня. Так вот: очень важно в процессе забора силы не допускать дисбаланса, иначе возникнет энергетический перекося, который приведет к нарушению равновесия всей системы. В идеале вполне реально избежать этого посредством стерилизации мира, то есть уничтожения всех разумных существ, ибо не только магия, но и научные технологии влияют на распределение энергии. Однако на практике, увы, это невозможно...

Глеб не удержался и насмешливо фыркнул. Игрок напомнил ему старичка-ботаника, соседа по дому, безвредного идиота, постоянно бормочущего себе под нос какую-то ахинею о необходимости уничтожения человечества ради возрождения утраченного растительного покрова Земли.

Хотя, учитывая возможности, связанные со статусом Игрока, он был вовсе не так уж безобиден. Но при этом очевидно и абсолютно безумен и непредсказуем.

– Я не сказал ничего, что могло бы вызвать такую твою психоэмоциональную реакцию, – холодно произнес Аскет. – Все слишком серьезно. Любая система логична и рациональна. Но когда в процессы вмешивается алогичный, иррациональный фактор, это грозит дестабилизацией. И этот фактор – ты.

– Я?!

– Именно ты. Точнее, не ты, а твое вмешательство в развитие событий вокруг престолонаследия в клане Ксенфов. Оно вывело систему из равновесия. Ты стал последней песчинкой на весах.

– Да куда я не вмешивался! – выкрикнул Глеб.

Люди в камере испуганно обернулись.

– Тише, тише! – прошипел Игрок. – Ты и вправду не понимаешь... Что ж, попробую объяснить по-другому...

Он замолчал и некоторое время беззвучно шевелил тонкими губами, словно проговаривая что-то про себя. Когда голос элохим опять обрел силу, Глеб обратил внимание, что речь его стала более живой, окрасилась эмоциями.

«Он – как робот. Как будто перенастроился», – мелькнула в голове мысль, но развивать ее Погодин не стал, полностью сосредоточившись на том, что говорит ему Игрок:

– Итак, сейчас в городе начинается военный конфликт между двумя крупнейшими кланами сатра Москвы – Ксенфов и Брегнов. Это потребует большого количества магической энергии. Маги черпают ее из источников, называемых еще колодцами силы. Источники Ксенфов заблокированы с помощью артефакта, что лежит у тебя в кармане. Эта ситуация совершенно неестественна. И чем дольше она тянется, тем хуже все закончится. Естественный энергообмен будет нарушаться, дисбаланс усиливаться. Еще хуже пойдет дело, если конфликт разгорится всерьез и Брегны начнут качать энергию активно. С вероятностью девяносто семь процентов возникнет некий процесс... Его трудно описать в привычных для тебя терминах. Скажи мне, что будет, если в кипящий паровой котел с плотно закрученной крышкой добавить еще пара?

– Ну... – Глеб замялся. – Наверное, крышку выбьет...

– Правильно. Точнее, котел взорвется. Заблокированные источники Ксенфов получают дополнительную энергию и, иносказательно говоря, переполняются. Начнутся неконтролируемые выбросы и свободное истечение силы на поверхность. Думаю, не надо объяснять, к чему это может привести...

– Как раз надо, – твердо сказал Глеб. – Что оно вообще такое, эта ваша магическая энергия?

– Я все время забываю, что ты не обладаешь способностями к магии, – досадливо сморщил белое лицо Аскет. – Извини, сквозь Пелену могут видеть только маги «коричневых», имеющие представление об истинном устройстве этого мира. Ты не такой. Хорошо, слушай: энергетические потоки, вырвавшись из колодцев, затопят весь город. Это будет похоже на катастрофическое наводнение, землетрясение и ураган одновременно, но – энергетическое. Во-первых, сотни аур подвергнутся ударам, отсюда вспышки болезней, сердечные приступы, инфаркты. Естественно, многие десятки жертв среди уроженцев всех двенадцати сфер.

Глеб поежился – в контексте всего того, о чем говорил Игрок, ему очень не понравилось словечко «естественно».

– Далее, во-вторых, – менторским тоном продолжил тот, – возможны искажения в работе всех долгодействующих заклинаний, начиная с Пелены и заканчивая охранными, сдерживающими и техномагическими, что приведет к некоторому количеству катастроф. В-третьих, выжившие окажутся подверженными сильнейшим изменениям личности. Крохотные, латентные способности к магии, никак не проявлявшие себя до этого момента, у отдельных индивидуумов могут оказаться чудовищно усилены, раздуты, что вкупе с разрушенной психикой приведет к появлению безумных магов, которые начнут проявлять свои способности неконтролируемым образом. Последствия их деятельности непредсказуемы даже для меня. Но и это еще не все... Хотя дальнейшее слишком сложно, чтобы объяснять тебе, – неожиданно закончил Аскет.

– Да заберите вы этот камень и отдайте, кому там он полагается, – с испугом забормотал Глеб, нашаривая в кармане футляр с изумрудом.

– Увы, сейчас это невозможно, – покачал гладкой головой Игрок. – Время упущено. Сейчас наследник Ксенфа ни в коем случае не должен получить смарагд, иначе...

Он замолчал.

– Иначе – что? – нетерпеливо придвинулся к нему Глеб.

– Иначе клан окажется во власти тех, кто использует его как оружие для достижения

собственных целей. Это тоже чревато различными негативными последствиями.

– И так плохо, и так нехорошо. – Глеб вздохнул. – Что же делать?

– Тебе – ничего. Ты принял правильное решение, когда решил скрыться, спрятаться здесь. Место, конечно, не особенно надежное, но это лучше, чем ничего. Будем надеяться, что алчущие заполучить смарагд не найдут тебя.

– И сколько мне тут сидеть? Утром всех задержанных начнут вызывать для проверки. Когда выяснится, кто я, меня отпустят.

– Сделай так, чтобы стражи порядка оставили тебя в камере. Сутки, лучше двое – вот тот срок, который понадобится мне, чтобы исключить все негативные последствия нарушения энергетического равновесия. Потом можешь выходить и отдавать камень.

– Кому? Этому... Дэфтеру?

– Нет, наследнику.

Глеб с досадой посмотрел на Игрока. Опять речь заходит о наследнике! Знать бы еще, кто это. Хотя... Кое-какие догадки касательно его личности у Погодина появились.

– Если я правильно понимаю, камень не должен достаться Скуларии? – осторожно спросил он.

– Ты правильно понимаешь.

– Сейчас Акундин... я хотел сказать – сатра Акунд – находится в ее власти. Вы освободите его, так? И я отдам ему камень. Ведь это он – сын Ксенфа? Он? Из-за этого Скулария не убила его, а подчинила и решила использовать?

Аскет кивнул и добавил:

– Он освободится сам. Или не освободится. Мертвый Владыка сумел зачаровать камень на свою кровь, и поэтому только его отпрыск сумеет воспользоваться смарагдом.

– А клан примет его?

– Нет, конечно. Свое право на престол Акунду придется доказать.

– А, вот как... – проговорил Глеб. – А что это за штука у вас на голове?

И он указал на черную корону, которую, похоже, видел только он один. Для остальных голова Игрока оставалась гладкой.

– Вопросы, вопросы... – Аскет закрыл глаза. – Это всего лишь мой «союзник». А вообще, ты утомил меня. Мое время на исходе. Я и так сказал тебе больше дозволенного. Подумай, крепко подумай. Будущее тысяч разумных существ сейчас находится в твоих руках. Сделаешь все правильно – и никто не пострадает. Ошибешься... Что ж, в истории Земли бывало всякое.

«Он сейчас оставит меня, – понял Глеб. – Уйдет сквозь стену, испарится, улетит через зарешеченное окно. Исчезнет, а я так и буду сидеть тут со своими вопросами».

– Да, еще одно... – Игрок внезапно ожил. – Я сделаю так, чтобы тебя не нашли так быстро. А ну, иди сюда... – Он протянул руку и взял Глеба за запястье. В другой лапище Аскета непонятно как оказалась зажата мозолистая длань Черепка. – Обмен внешностями... Искажение тел Силы. Это может быть неприятно...

Перед глазами Глеба все закружилось, завертелось. Показалось, что он сейчас проснется, вынырнет из этого дурацкого сна про какой-то камень и молодого уродо-бездельника. Пойдет на кухню, похмелится и двинет в родимый автосервис...

Затем все закончилось, и Глеб понял, что он находится все там же, Черепок сидит на помосте, а Игрок улыбается, мягко, одними уголками губ.

Судя по тому, что лампочка под потолком не горела, а в оконце пробивался дневной свет, времени прошло гораздо больше, чем можно было подумать. Глеб пробыл в отключке почти всю ночь, и никто из сокамерников этого не заметил.

Загремел замок, дверь камеры со скрежетом отворилась. Задержанные разом прекратили разговоры, повернув головы к появившемуся на пороге милиционеру.

– Граждане, задержанные без документов! По трое – на выход! – скомандовал он.

– Я! Я первый! – закричал парень в плаще, пробираясь к двери. – Меня девушка ждет...

– Пусть с ним идут старик и вот ты, в шапочке, – распорядился Бенц.

Троица покинула камеру, но милиционер не уходил. Достав из кармана бумажку, он прочитал едва ли не по слогам:

– Задержанный Рокотов! За мной!

Аскет отлепился от стены, открыл глаза.

– Я ухожу, ты остаешься. Запомни: сутки. Лучше – двое.

– Но у меня есть еще вопросы! – схватил его за руку Глеб. – Постойте!

– Просто выполни мои указания.

И он начал проталкиваться к выходу.

– Указания... – повторил Глеб, глядя в затылок Игроку. – Указания... Все мне указывают. Все мною руководят. Подай, принеси, ходи туда, сиди тут... А я вам не мальчик на побегушках!

Последнюю фразу он выкрикнул, выкрикнул с бешенством, сжимая кулаки. Глеб понимал, что делает что-то не то, но остановиться уже не мог. Внезапный приступ озлобления на всех и вся заставил его забыть об осторожности.

– Стой, гад! – заорал Погодин и рванулся следом за Аскетом. – Стой! Я не буду! Я не хочу!..

Игрок, уже покидавший камеру, обернулся и коротким движением ткнул Глеба собранными в щепоть пальцами в солнечное сплетение. Дверь захлопнулась. Острая боль пронзила Погодина. Крик застрял в горле, он закашлялся, согнулся, судорожно хватая воздух.

– Вона как человека корежит, – с сочувствием сказал кто-то.

– С непривычки, – откликнулся Бенц. – По первому разу у многих нервы не выдерживают. Слышь, аладдины! Ну-ка, тащите его сюда, пусть полежит.

Таджики послушно подхватили Глеба под локотки и довели до топчана.

– Отдохни, братан, – заботливо освободил место Черепок.

– Да пошли вы все!.. – простонал сквозь зубы Погодин, скорчившись на холодных крашеных досках.

– Мы-то пойдем. Гляди, чтобы ты тут не остался, – беззлобно отозвался Бенц. – Курить хочешь?

– Да.

– Ну, держи тогда.

Он сунул Глебу сигарету, чиркнул зажигалкой, потом закурил сам и, выпустив к потолку струю дыма, глубокомысленно изрек:

– Все, что не убивает, делает меня сильнее. Знаешь, кто сказал?

– Ницше, – прошептал Глеб.

– А раз знаешь, прими бесплатный совет: не обострай. Понял?

– Более-менее...

– Плохо, что более-менее. Понятливость – залог выживаемости.

– Тоже Ницше?

– Нет, – коротко хохотнул Бенц. – Это уже я.

Глеб сел, посмотрел на бывшего бандита, превратившегося ныне, судя по всему, в преуспевающего бизнесмена.

– Почему я должен всех понимать? Почему никто не хочет понимать меня?

– Понимают тех, кто это заслужил. Ты – нет.

– А кто решает – заслужил я или нет? – упрямо спросил Глеб.

– Люди. Человеки разумные. Вон они, вокруг. Видишь?

– Не вижу...

Бенц сочувственно похлопал его по плечу.

– Дурак ты. Дальше носа смотреть не хочешь. Скучно с тобой. Вали отсюда!

Глеб молча поднялся и убрел в угол. Дверь камеры снова распахнулась, и уже знакомый милиционер пригласил к майору следующую троицу задержанных.

– А че, тех уже отпустили? – с любопытством спросил Черепок.

– Нет, в Бутырку отправили, – усмехнулся страж порядка. – Ясное дело отпустили. Понаберут ротозеев без документов, а нам потом тут канителиться...

Скорость, с которой вызывали и отпускали задержанных, напугала Глеба. Прошло менее часа, а в камере осталось всего пятеро – сам Погодин, Черепков и таджики. За это время Глеб так ничего и не надумал. Единственное, что показалось ему разумным в словах Аскета, так это мысль задержаться в милиции. Оставалось только каким-то образом осуществить эту идею.

Чем бестолку впотьмах блуждать,
Свернуть рискуя шею,
Присесть и просто подождать
И безопасней, и умнее.

– Тебе что, особое приглашение требуется? – удивился охранник, в очередной раз заглянув в камеру после того, как привел назад таджиков. У них не оказалось разрешения на пребывание в России. – А ну, давай бегом!

Глеб уныло поплелся за ним. В кабинете, за столом, заваленным бумагами, майор с красными глазами, не поднимая головы, спросил:

– Фамилия, имя, отчество, адрес?

– Я... Я не помню! – выпалил Глеб.

– Чего? – по-детски вытаращился не ожидавший такого ответа милиционер. – Как это – «не помню»?

– А вот так. Забыл.

– Пьяный, что ли? – Недоверчиво вглядываясь в лицо Погодина, майор втянул носом воздух. – Или под кайфом?

– Нет, просто память плохая.

– Послушайте, гражданин! Нам тут в бирюльки играть некогда! – Майор скривился, как от зубной боли. – Или вы называете ваши данные, или возвращаетесь в камеру.

– Хорошо, возвращаюсь.

– Ага... – Записав что-то в журнал, майор снял трубку телефона: – Осташев! Зайди ко мне.

В кабинет вошел тот самый милиционер в бронежилете, что сопровождал Глеба и остальных задержанных.

– Вы где этого взяли? – спросил майор.

– Там же, где всех. При досмотре, в тачке ехал. А что?

– Говорит, что не помнит, как его зовут. Хочет вернуться в камеру.

– Да-а? – Осташев всмотрелся в лицо Глеба. – Трезвый вроде.

– Досматривали его?

– Ну да, омовцы еще. Телефон отобрали, как положено. Он там, в ящике. Еще сумка с вещами была.

Майор выдвинул ящик стола, достал мобильник Глеба.

– Батарея села. Осташев, а в сумке что?

– Барахло носильное, диски компьютерные в количестве двух штук. Ничего интересного.

– Ясно. Все одно к одному. Гражданин, вы точно уверены, что не помните своих данных?

– Не помню, – подтвердил Глеб, чувствуя себя последним кретином.

Побарабанив пальцами по столу, майор поднял на Осташева красные глаза:

– Короче, отведи-ка ты его в «десятку». И пусть посидит до вечера. А там Иваныча смена, вот пусть он и разбирается.

Глеб встал, дурашливо поклонился майору:

– Премного благодарен.

Осташев от дверей спросил:

– Может, дурку вызвать?

– Иваныч решит, – уклончиво ответил майор.

Камера под номером десять оказалась намного меньше «четверки». Здесь имелся только коричневый унитаз в углу и узкий топчан у противоположной от входа стены. Окна не было. Не было в камере и сидельцев.

– Одиночка, – усмехнулся Глеб, когда дверь за ним закрылась. – Что ж, так оно даже лучше.

Он прилег на топчан и закрыл глаза...

Этот сон не понравился Глебу с самого начала. Слишком холодным, неудобным он был. Стойкое ощущение опасности, возникнув в самом начале, не оставляло Погодина до момента пробуждения. Он точно стоял на краю пропасти, и малейшее неверное движение могло привести к падению в бездну.

Ветер гнал легкую поземку, замечая корявые полярные березки. День, едва начавшись, потух; невидимое за облаками солнце ушло за горизонт, быстро смеркалось. Клаус приказал горным стрелкам остановиться. Он поднялся на косо торчащий из снежных застругов скальный обломок, стянул рукавицы и достал бинокль. Бронзовые окуляры обожгли веки, на глаза навернулись слезы. Клаус выругался, сморгнул и осмотрел лежащее впереди плоскогорье.

Ему открылся безрадостный северный пейзаж – снег, камни, темная полоска леса на юго-востоке и неровный контур горного массива на севере.

«Джек Лондон придумал правильный термин – «белое безмолвие», – подумал Клаус, убирая бинокль в футляр.

Надо было торопиться, чтобы до наступления полной темноты добраться до леса. Ночевать на ветру, под открытым небом, в глубоком снегу значило поставить всю операцию под угрозу срыва.

«Группа еле тащится, – оглядев своих бойцов, скривился Клаус. – Герои Нарвика! Горные великаны! «Северная звезда укажет нам дорогу к победе»! Какая тут, к черту, победа... Эти русские снега доконают кого угодно. Впрочем, и тут обман. Никакие эти снега не русские, а лапландские. Русские были два года назад под Волоколамском, там, где остался Дитрих, а я едва не потерял руку. Проклятие, а ведь если бы потерял, сидел бы сейчас где-нибудь в канцелярии с соответствующей нашивкой на мундире штурмбаннфюрера, перекладывал бумажки и каждый день видел Клару...»

К командиру спецгруппы, неожиданно застывшему без движения на голой скале, подошел человек в собачьей парке. Он единственный из всего отряда не имел оружия.

– Герр гауптштурмфюрер, какие-то проблемы?

– Нет, герр Гофман, просто задумался.

Клаус с неприязнью оглянулся на «господина инспектора», как официально именовался сотрудник «Аненербе», прикомандированный к спецгруппе. Этот человек с бледным, точно припорошенным снегом лицом пугал и злил Клауса. И чтобы скрыть замешательство, он заорал на осевших в снег солдат:

– Подъем, проклятые лентяи! Нас ждет лес, жаркий костер и хороший глоток шнапса перед сном! Но время не ждет!

Стрелки с ворчанием поднялись и гуськом двинулись к далекому лесу. Обершарфюрер, а попросту фельдфебель Йонсон, швед по национальности, выслал вперед боевое охранение из двух бойцов, но вскоре был вынужден отозвать их – ветер усилился, и поземка превратилась в низовую метель.

– Вы любите Джека Лондона? – поинтересовался из-за спины Клауса шагавший следом за ним «господин инспектор».

– С чего вы взяли? – грубовато спросил командир спецгруппы, про себя удивившись сходству мыслей.

– Да так... – герр Гофман помахал в стылом воздухе меховой рукавицей. – «Время не ждет»...

– Люблю, хоть он и проклятый янки! – с вызовом буркнул Клаус. – В книгах Лондона ни на йоту нет той заумной ерунды, что заполняет сотни томов всемирно известных писак. Если бы он был немцем, я бы при встрече пожал ему руку. Да я и так пожму эту самую руку, когда встречу его!

«Господин инспектор» рассмеялся:

– Мой милый герр Родд, в ближайшее время это у вас никак не получится.

– Почему?

– Видите ли, Джек Лондон умер. Еще в шестнадцатом году.

– Ну и молодец. Эта поганая жизнь доконает кого угодно... – прошептал Клаус в обросшие инеем усы.

Разговор с «господином инспектором» раздражал его. Если начистоту, Клауса раздражало все: эта дикая северная страна, горные стрелки из дивизии «Норд», оказавшиеся под его началом, а главное – непонятное задание, от которого за километр несло «собачьим дерьмом». «Вляпаться в собачье дерьмо» – так в их штурмбанне, батальоне специального назначения СС, где Клаус прослужил два с лишним года, назывались заведомо опасные или даже невыполнимые задания.

Костер, разложенный на дне глубокой снежной ямы, догорал. Метель утихла, и над голыми ветвями лиственниц высыпали крупные северные звезды. Уставшие за день стрелки паковались в спальные мешки, Йонсон расставлял караулы. Клаус, подсвечивая себе потайным фонариком, разглядывал карту. До цели, неведомого Дань-озера, лежащего посреди безлюдного плоскогорья, оставался всего один дневной переход. Но, черт возьми, этот переход еще нужно было совершить!

«И самое паскудное, что нам предстоит не атака на секретный командный пункт русских, не уничтожение огневой точки, зенитной батареи или поста связи, а поиски кладбища местных шаманов-нойдов, – скрипел зубами Клаус. – Ух, черт бы побрал всех этих затейников из «Аненербе»!»

Он вспомнил текст приказа, полученного перед выступлением спецгруппы: «По обнаружении кладбища обеспечить его оборону вплоть до распоряжения господина инспектора Гофмана».

«Наверняка этот оккультный индюк будет рыться в шаманских костях, выискивая какую-нибудь мистическую дрянь! – Мысли Клауса становились все злее, все ожесточеннее. – Нашим генералам и фюрерам лучше было бы озаботиться увеличением производства танков, пушек и самолетов. Колдовскими штучками войны не выиграть, особенно здесь, на земле древнего Йотунхейма. Здесь царство Локи, отца обмана. Здесь – белое безмолвие, а белый цвет нуждается в красках, из которых самые яркие – красная и черная. Залить эту землю кровью русских, закоптить ее дымами горящей техники, а уж потом можно и тревожить древние кости».

Утром группа покинула лес и двинулась на северо-восток. Облаченные в маскхалаты стрелки натянули на лица связанные из белой шерсти ламы защитные маски – похолодало, и ветер сделался нестерпимым. Теперь, когда даже лица людей скрылись под масками, группа напоминала отряд привидений. Белые каски, белые рюкзаки, даже винтовки выкрашены в белый цвет. Автоматы с собой не брали – на морозе смазка густела и оружие часто отказывало. Впрочем, здесь нет крупных соединений русских, лишь небольшие патрульные отряды. Бои в Лапландии – это не та война, когда нужно добиваться огневого перевеса над противником. Тут все решает меткий выстрел, так Клаусу объяснили офицеры из дивизии «Норд».

Единственным человеком, не носившим зимнего камуфляжа, был все тот же «господин инспектор». Рыжая шуба его выделялась на снегу, как пламя костра. Клаус предложил герру Гофману натянуть поверх одежды маскхалат, но тот лишь усмехнулся:

– Дорогой друг, я вас уверяю, на данном этапе это совершенно лишняя

предосторожность.

Озеро открылось ближе к вечеру – небольшая черная пярющая клякса на белой скатерти снегов. Солдаты удивленно переговаривались, указывая на темную воду, исходящую туманом.

– Герр гауптштурмфюрер, ребята интересуются – почему вода в озере не замерзла? Тут даже моча на лету превращается в лед! – обтерев с маски иней, поинтересовался фельдфебель Йонсон у Клауса.

– Потому что это не просто вода, а выдача старухи Хель, хозяйки царства мертвых, – попытался пошутить Клаус и тут же скривился, как от зубной боли, – вот, начинаются колдовские штучки!

– Поосторожнее с такими словами, герр Родд, – оборвал смех стрелков «господин инспектор». – Я пойду на берег, а вы смотрите в оба.

Группа заняла оборону на скалах; Клаус вместе с Йонсоном распределил людей по секторам для наблюдения и ведения стрельбы. Собачья шуба «господина инспектора» мелькала в тумане у самой воды. Там валялись стволы деревьев, камни, высились обглоданные ветрами жерди с тряпицами и ленточками.

– Огня не зажигать, переключка каждые три минуты! – скомандовал Клаус.

Он присел на рюкзак, негнушимися от холода пальцами извлек из планшета карту. Обратно можно было уйти более короткой дорогой – через перевал Партомчорр. Там, за ним, у реки Лотта, уже стояли финские части и батальон зенитчиков. Без движения Клаус мгновенно промерз до костей и нетерпеливо оглянулся на «господина инспектора» – где он, чего мешкает?

Ждать пришлось до полуночи. Солдаты грызли каменный шоколад, шевелили ногами и руками, чтобы совсем не окоченеть. Над снегами зажглось северное сияние, и его мертвящие сполохи наводили тоску на стрелков. Клаус вспомнил читанную в детстве книгу о лапландских троллях, горных великанах, медведях-оборотнях и невидимых воинах с пламенными мечами. Эти воины были одержимыми. Их заколдовал злобный одноногий демон-вампир Равк и заставлял биться между собой, пожирая павших. Северное сияние и есть отблески пламенных мечей сражающихся, оно предрекает смерть кого-то из бойцов и торжество демона.

– Тьфу! – В сердцах Клаус плюнул в снег.

Слюна захрустела на лету. Значит, температура уже ниже тридцати по Цельсию. Опять Джек Лондон. Проклятие! Он полез за фляжкой, но тут из-за увенчанного снежной шапкой валуна донесся предостерегающий крик Йонсона. Клаус поднялся, посмотрел на восток, откуда вероятнее всего можно было ожидать появления русского патруля, – и его бросило в жар.

По каменистой заснеженной равнине на позиции группы наступали пехотные цепи, не меньше батальона. Северное сияние полыхало вовсю, и Клаус ясно видел идущих в атаку русских. Одетые в шинели и ватники, сжимавшие в руках винтовки с примкнутыми штыками, они не прятались, не пытались слиться с местностью, избежать обнаружения. Нет, напротив, солдаты шагали в полный рост, и их мерная поступь с каждой секундой приближала трагическую развязку.

Клаусу стало страшно. Он слишком хорошо помнил, что такое атака русской пехоты. Он слишком хорошо знал, что такое русское бесстрашие и пренебрежение к смерти в бою. И еще он очень хорошо прочувствовал на собственной шкуре, что такое русский штык, узкий четырехгранный штык, который пробивает плоть, точно игла – ткань.

Именно вот такие отчаянные броски истерзанной отступлениями русской пехоты остановили движение вермахта под Москвой два года назад. Не имея тяжелого вооружения, эти странные солдаты в ватниках рыли в глинистой промерзлой земле траншеи и раз за разом кидались из них в убийственные контратаки. Это не было похоже на правильную войну, какую надлежит вести солдатам двадцатого века. Наверное, так воевали в Средневековье – на поле сходились вооруженные отряды и побеждали не те, кто сильнее, а те, в ком было

больше злости и ненависти.

«К тому времени мы уже изрядно озлобили русских», – с содроганием подумал Клаус.

Еще он вспомнил, что бывало потом, когда на позиции солдат в ватниках бросали танки. Только русские могли обороняться без тяжелого вооружения, разменивая свои жизни на танки в соотношении один к одному. А однажды одиннадцать человек уничтожили восемнадцать танков, не имея ни пушек, ни минометов, а лишь винтовки, гранаты и свою ненависть. Клаус был на том поле и, видя сгоревшие танки и развороченные окопы русских, ясно понял тогда, что Москву они не возьмут. Не возьмут не потому, что из глубины необъятной России уже подтягивались свежие, прекрасно экипированные и вооруженные части, не потому, что танковая армада русского генерала Катуква уже нанесла обескровленным дивизиям вермахта жестокий удар во фланг. Просто победить людей, не знающих страха, нельзя.

И вот теперь эти солдаты идут на его позиции. Клаус не думал о том, откуда тут взялась русская пехота. Ужас сковал его, лишил возможности мыслить здраво. Он закричал, срываясь на визг:

– Огонь! Не ждите! Стреляйте! Йонсон, пулемет! Не давайте им подойти близко! Да стреляйте же, стреляйте!

Захлопали выстрелы. Над снегами засвистели пули. Эти звуки несколько успокоили Клауса, и он повернулся к озеру. Проклятый «господин инспектор» бежал к камням, за которыми засели стрелки спецгруппы, что-то крича на бегу. Клаус разобрал слова:

– Это галлюцинация! Перестаньте! Не тратьте патроны!

Русские приближались. Казалось, что плотный огонь не наносит их цепям никакого урона.

– Назад! Посмотрите назад! – надрывался «господин инспектор».

Он сбросил тяжелую парку и остался в зеленом свитере. Клаус перевел взгляд туда, куда указывал герр Гофман. На склоне пологого холма он увидел трех человек. Просто трех гражданских, мужчин, не имевших оружия.

– Убейте их! – Голос «господина инспектора» чудно зазвенел.

Клаус достал пистолет и, широко шагая, двинулся к странной троице. Что произошло дальше, он не понял. Сизая мгла потекла с холма к озеру, видимость снизилась, звуки выстрелов сделались тягучими, басовитыми. Люди на склоне исчезли, чтобы возникнуть совсем рядом, у озера. «Господин инспектор» шарахнулся от них, замахал руками.

За спиной Клауса уже шла рукопашная – горные стрелки схватились с добравшимися до камней русскими. Лязг металла, крики, взрыв гранаты – и вдруг все стихло. Мгла рассеялась. Клаус огляделся – из всей группы в живых осталось лишь пятеро. Русской пехоты нигде не было видно. Он вспомнил слова герра Гофмана о галлюцинациях и вдруг подумал о Кларе:

«Кларисса, моя любовь... Прощай! Мы больше никогда не увидимся...»

Оставшиеся стрелки сгруппировались вокруг своего командира, выставив стволы винтовок. Клаус посмотрел в глаза фельдфебеля Йонсона и увидел в них обреченность.

– Герр... гаупт... мы... перестреляли... друг друга, – прохрипел швед, сжимая в огромных руках дымящийся пулемет.

– Спина к спине! Убейте всех, всех!! – завизжал Клаус и, вскинув пистолет, первым выстрелил в «господина инспектора», прячущегося за камнями.

Дружный залп вспорол тишину. Троица гражданских, двигавшаяся к озеру, распалась – один упал, двое других побежали. Высокий человек в маскхалате огромными прыжками кинулся к стрелкам, второй рванулся к «господину инспектору». Неожиданно из камней, где прятался Гофман, вырвался огненный шар и ударил в бегущего. Ответом была молния, раздробившая здоровенный валун в щебень. От грохота у Клауса заложило уши.

«Я сошел с ума, – подумал он, меняя обойму «парабеллума». – Может быть, это сон?»

Здоровяк, что, петляя, мчался к ним, оказался совсем рядом. Казалось, пули не причиняют ему никакого вреда. В руках этот человек сжимал саперную лопатку.

«Человек?!» – Клаус сделал шаг назад, запнулся и сел в снег.

Нет, это был не человек. Здоровяк в маскхалате не носил валенок, его ноги были вывернуты в обратную сторону; а вместо ступней имелись копыта. Львиная грива черных волос развевалась на ветру, горящие желтым огнем глаза вселяли ужас. Он перепрыгнул через Клауса и обрушился на стрелков с такой яростью, что никто не успел даже отбежать в сторону. Под ударами саперной лопатки и еще какого-то голубоватого клинка, то появлявшегося, то исчезающего, солдаты падали один за другим. Кровь била фонтанами, отрубленные конечности летели в снег. Последним здоровяк убил Йонсона – разрубил пополам вместе с пулеметом, который швед успел поднять в тщетной попытке защититься от смертоносного лезвия. Клаус увидел брызнувшие мозги, петли кишечника, змеящиеся на снегу; в нос ему ударил тяжелый смрад разорванных внутренностей. Мыслей, эмоций, чувств уже не осталось. Клаус просто поднял пистолет и выстрелил в спину врагу. Тот заревел, поворачиваясь, но не успел обрушить лопатку на голову Клауса – «господин инспектор», расправившись со своим противником, выскочил из-за скального обломка. Впрочем, нет, это был уже не герр Гофман. Потрясенный Клаус увидел дьявола – такого, каким всегда представлял себе повелителя ада: рогатого, воняющего серой, с жестоким треугольным лицом.

– Сатра, ты проиграл! – произнес дьявол голосом, от которого кровь застыла в жилах гауптштурмфюрера. – Тебе не выстоять против меня. Ты выбросил всю свою силу. Печатный Камень отныне принадлежит мне. С его помощью мы замкнем источники Германии, и сила наша возрастет многократно.

– Ты сильный маг, дейвона, – кивнул здоровяк, перехватывая лопатку. – Но ты совершил ошибку.

– Какую? – Тонкие серые губы изогнулись в ироничной улыбке.

– Ты недооценил своего противника и оставил свидетеля, – последовал кивок в сторону Клауса. – Он сейчас видит нас такими, какие мы есть, Пелена более не властна над ним.

– Не смейся меня, козлоногий, – резко ответил дьявол. – Тебе не одолеть меня, а значит, никаких свидетелей не будет.

– Ты совершил ошибку... – басом повторил здоровяк. – Ты подошел слишком близко...

И в следующее мгновение он прыгнул на противника, занеся лопатку для рокового удара. Дьявол выкрикнул какие-то слова, и яркое пламя вспыхнуло на кончиках его пальцев, но тот, кого он называл сатра, уже обрушил окровавленное лезвие на рогатую голову.

Яркая вспышка осветила снег, изувеченные трупы стрелков, серые камни. Клаус закрылся ладонью, а когда отнял ее от лица, то увидел перед собой здоровяка, внимательно рассматривающего его. Желтые звериные глаза без белков заглянули, казалось, в самую душу гауптштурмфюрера.

«Я все же пожму руку Джеку Лондону», – подумал Клаус, сунул ствол «парабеллума» в рот и нажал на спуск...

Сатра Ксенф одиноко горбился у костра. Бойцы их отряда, посланные за смарагдом, погибли. «Коричневые», что шли за камнем под водительством дейвона из вражеского лагеря, из проклятого всеми ордена, тоже мертвы. Он остался один. Один – но с добычей.

Выкатив на широкую ладонь изумруд, сатра некоторое время разглядывал его.

– Я назову тебя «Смарагд Ксенфа», – прогудел над заснеженным берегом озера низкий голос. – И клянусь памятью моего отца, никто из отправивших меня сюда тебя не получит. Ты – мой! Ты сделаешь Владыкой меня, и я стану Ксенфом из Ксенфов!

Он еще долго сидел у огня и, скрежеща зубами, выталкивал из себя пули. Окровавленные смятые кусочки свинца падали в подтаявший снег. Глеб понимал, что сатра использовал какую-то магию, заживляющую раны. Когда на смуглой коже остались лишь розоватые шрамы, Ксенф вновь взял в руки изумруд.

– Ты сменил множество владельцев. Но я намерен положить этому предел. Отныне ты будешь принадлежать моему роду. В час моей кончины я передам тебя своему сыну, а он – своему. Я еще не знаю, как я это сделаю, но я сделаю.

Поцеловав камень, Ксенф убрал его в серебристый футляр. Сатра ждала долгая дорога домой...

«Он действительно стал Владыкой клана, – мысленно обратился Глеб к смарагду, ожидая, что удивительный камень откликнется, как это уже не раз бывало. – Игрок назвал мне имя его сына. Но ему сейчас нельзя...»

«Он знает, – пришел ответ. – Аскет не совсем прав, но в главном он не ошибся: ты должен пройти по лезвию меча над пропастью, заполненной кипящей лавой. ЕГО нельзя отдавать сейчас, но ЕГО необходимо отдать до того, как начнется настоящая война. Иначе погибнут сотни...»

«Ты все знаешь, ты все понимаешь. Тебе открыто прошлое и будущее. Помоги мне!» – буквально взмолился Глеб.

«Ты преувеличиваешь ЕГО возможности, – отозвался смарагд. – ОН не может прямо влиять на события. ОН не может думать и понимать. ОН – не смертный. ОН даже не знает, что произойдет через час. Возможно, одной из заинтересованных сторон надоест ждать. Возможно, кто-то попытается захватить ЕГО силой».

«Но никто из этих сторон – ни Дэфтер, ни Скулария – не знают, что ты здесь!»

«Это не так. Тебя ищут. Будь готов – за тобой могут прийти в любой момент».

«И что делать?»

«Ничего. Сохранять спокойствие. Игрок помог тебе, а большего, чем он, не сможет сделать никто».

Открыв глаза, Глеб несколько секунд смотрел на грязную стену камеры. Как всегда после сна, навеванного изумрудом, он не вполне отдавал себе отчет в том, что ему сказал камень, а что просто пригрезилось утомленному мозгу.

«Что он сотворил со мной? Что?» – Глеб провел руками вдоль тела, потом несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь вспомнить, что делал и говорил элохим.

Но память в этот раз подвела – от разговора остались какие-то ошметки, обрывки фраз. А концовка и те часы, что он провел непонятно где, и вовсе слились в одно блеклое пятно.

И тут ему почему-то припомнились запахи корицы и лаванды, наглухо задернутые шторы в спальне, сиреневый ночник и ласковая девушка Лика, оказавшаяся пожилой женщиной, «словотворящей ведьмой».

Интересно все же, кто ее хозяева?

В замке загремел ключ. Глеб быстро поднялся, сжал кулаки. В голове застучало:

«Вот и все! Вот сейчас в камеру войдет Скулария или угрюмые сатра с топорами...»

Дверь распахнулась. Охранник встал на пороге, пропуская внутрь лысого Черепкова. На толстяке белел фартук, в руках он держал стакан и миску. В коридоре виднелась тележка с посудой и дымящейся кастрюлей.

– О, старый знакомый, – ухмыльнулся Черепок. – Жратва приходит точно по расписанию.

Он поставил стакан с чаем и миску с кашей и куском хлеба на край топчана.

– Спасибо, – выдавил из себя Глеб и, сердясь на себя за испуг, нарочито грубо, с вызовом спросил: – А чего, сгущенки не будет?

– Охренел? – удивился Черепок. – Поназакрывали дебилов...

– Разошлись! – предостерегающе крикнул охранник. – Черепков, выходи давай!

– Да все путем, начальник. Просто придурок этот рамсы попутал...

Он вышел из камеры, дверь захлопнулась. Глеб сел на топчан, с жадностью выпил полстакана теплого, отдающего веником чая и захихикал. За ним пока не пришли. Пока не пришли...

Глава 14

– Не пришел твой «коричневый», – спокойно глядя на серую воду пруда, сказала Скулария. – Ни вчера, ни сегодня. И где он – я не знаю.

Акунд молча пожал плечами.

Новая машина, достаточно скромный, но вместительный и комфортабельный «Ниссан Мурано», стояла на краю аллеи. Редкие прохожие обходили ее стороной. Акунд знал, что виной тому особое заклинание, наложенное верог. Сама Светлана сидела на переднем сиденье рядом с водителем, неподвижная и безгласная.

– Да, похоже, я его недооценила... – Скулария, расположившись на заднем диване в довольно фривольной позе, потянулась, точно сытая кошка. – Есть какие-нибудь соображения по поводу того, где нам теперь искать этого Глеба Погодина?

Акунд снова пожал плечами. Он и вправду не знал ответа на этот вопрос. Скулария отбросила со лба прядь рыжих волос, искоса посмотрела на хмурого сатра:

– Кстати, а зачем вы шли к Аскету?

– Я хотел узнать, кто из клана Ксенфа нанимал «Силлипитирию» в Десятилетней войне.

– Ну, теперь ты это знаешь...

– Знаю, – вяло кивнул Акунд. – Может быть, он пришел, но не видит нас?

Скулария покачала головой:

– У меня здесь шесть агентов. Он не приходил и не придет. Что-то случилось. – Сатресса тронула верог за плечо: – Извести всех, что наблюдение снимается. И усиль группу, контролирующую особняк Дэфтера. Особое внимание его личной охране. Как только кто-нибудь из них покинет дом, пусть садятся ему на хвост.

– Да, госпожа.

Достав из рукава шубки телефон, девушка набрала номер, коротко передала слова Скуларии и начала принимать доклады от агентов. Это заняло не больше минуты.

– Госпожа, все исполнено. Мы можем возвращаться?

– Пожалуй. – Скулария опять бросила косой взгляд на Акунда. – Ты готов занять трон Владыки Ксенфов?

– Да.

– Тогда думай, Всеотец тебя раздери! – неожиданно взорвалась сатресса, толкнув Акунда в плечо. – Или ты считаешь, что это должна делать только я?! Нам нужно как можно скорее добыть камень! Без него ничего не получится.

Он перехватил руку Скуларии, сжал – и тут же с криком отпустил. Нечто очень быстрое выскочило из запястья сатрессы, оставив на пальцах Акунда глубокие порезы.

– Ты что?! – спросил он.

– Не забывайся, милый. Будешь распускать руки – можешь потерять голову. В конце концов, в истории ведь были кланы сатра, управляемые женщинами, – с обворожительной улыбкой промурлыкала Скулария.

Когда двое высоких широкоплечих мужчин вошли в помещение дежурной части Мещанского ОВД, знакомый Глебу майор с красными глазами готовился передавать дела сменщику. К вечеру в дежурке стало попросторнее – всех задержанных ночью по плану «Перехват» отпустили, завсегдатаи из числа местных алкашей мирно спали на отполированных множеством тел скамейках «обезьянника», а серьезных происшествий на территории ОВД, слава богу, не произошло.

На мгновение застыв у дверей, чтобы сориентироваться, мужчины двинулись к стеклянной перегородке. Майору они сразу не понравились – слишком спортивны для своего возраста и стиля одежды. Такие строгие темно-серые костюмы обычно носят или дипломаты, или разведчики, что, в принципе, зачастую одно и то же.

– Слушаю вас, – внимательно всматриваясь в лица гостей, как можно холоднее произнес майор.

– Добрый день, – поздоровался один из гостей. – Мы из...

В воздухе возникло краснокрылое удостоверение. Майор вздохнул. Предчувствия не обманули его. Взяв «корочки», он пробежал глазами по тексту: «Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации. Девятое

управление. Замятин Евгений Григорьевич, подполковник».

– А это мой коллега капитан Суворин.

– Слушаю вас, – повторил майор. Теперь в его голосе было куда больше чувства.

– По нашим данным, среди ваших задержанных есть человек, представляющий крайний интерес для нашего ведомства, – взял слово второй грушник. – То есть я хотел сказать...

Замятин одарил косноязычного коллегу красноречивым взглядом.

– Товарищ капитан хотел сказать, что мы должны забрать одного из задержанных, находящихся на территории ОВД.

– Вот как? – Майор еле заметно усмехнулся. – Кого же?

– Понимаете, мы сами не знаем, как он выглядит, только имя и фамилию, – наклонившись к окошечку в прозрачной перегородке, доверительным тоном произнес подполковник. – Звучит глупо, но факт.

Майор вздохнул и подумал:

«Сумасшедший день в сумасшедшем доме».

Возникла мысль, что собеседник ему лжет, но тут же пропала – зачем еще?

– Ситуация такова, – продолжил Замятин. – Наше управление занимается военными технологиями. Так случилось, что некий очень важный... скажем, прибор... да, именно прибор... пропал из одного конструкторского бюро и оказался не в тех руках. Мы действительно не знаем, кто его взял.

– Ну, давайте посмотрим... Как его звать?

– Глеб Погодин.

– Нет, такого у нас нет... – сверившись с документами, ответил майор.

– Он может скрываться под чужим именем, – сказал Замятин. – И у нас есть возможность определить того человека, который нам нужен, не по внешности.

– Каким образом?

– Прибор испускает некое излучение... нет, нет, не пугайтесь, это не радиация. Излучение совершенно безвредно для людей. Кроме того, самого прибора здесь быть не может, на похитителе осталось лишь остаточное излучение. И у нас есть датчик, позволяющий определять его. Суворин!

Капитан вытащил из кармана серебристую пластинку, напоминающую мобильный телефон. На круглом экранчике двигалась, помигивая, красная полоска.

– Вот видите? Датчик показывает, что похититель находится в этом здании. При сближении датчика и прибора цвет полосы индикатора поменяется на желтый. Нам нужно всего лишь обойти всех задержанных и выяснить, кто из них нас интересует.

– Мне нужно разрешение начальства, – тихо сказал майор.

– Уже! – широко улыбнулся подполковник, жестом фокусника выкладывая на широкий разделительный барьер лист бумаги. – Вот приказ начальника ГУВД города Москвы об оказании всяческого содействия нашей миссии.

– Ну что ж. – Майор поднялся, крикнул в открытую дверь комнаты отдыха: – Осташев! Заменяй меня. Идемте.

Глеб сидел на топчане и, чтобы как-то убить время, изучал стены камеры. Здесь было на что посмотреть. Многочисленные сидельцы, видимо, считали своим долгом оставить о себе какую-то память, отметить, сообщить важную информацию своим товарищам или просто незнакомым коллегам по нелегкой воровской профессии. В итоге стены оказались сплошь покрыты письменами, и камера напоминала не столько узилище, сколько древнеегипетский храм.

Конечно, администрация как могла боролась с этим настенным творчеством. Выцарапанные в штукатурке надписи закрашивали, скалывали, затирали грунтовкой, но большинство из них все равно читалось довольно легко.

Самым старым по времени оказалось монументальное предостережение, высеченное

высоко над дверью: «Чуваки, Карик стучит. Пласты скинул. Рик. Март 1965 г.». У унитаза среди всяких непристойностей выделялось короткое: «Светка – сука!» Классическое «Мочи «Зенит», «Спартак» – чемпион!» указывало, что в камере сидели футбольные фанаты, а «Россия для русских!» и «Слава России!» – скинхеды. Многочисленные «Здесь был...» перемежались с настоящими философами типа «Закон суров, а мы суровее». Внимание Глеба привлекла полустертая надпись, за которой стояла настоящая трагедия: «Товарищи! Мы из «СО». Одного расстреляли. Мы не сдадимся. Октябрь 1993 год». Вспомнив, что происходило в Москве в октябре означенного года, Глеб помрачнел.

«Видимо, «Союз офицеров» Терехова. Да, на этих стенах просто криминальная летопись России...»

В коридоре послышались шаги нескольких человек. Глеб насторожился. Он поднялся с топчана, подошел к двери и прижался ухом к холодному железу. Вскоре стало ясно – идет какая-то проверка.

– Здесь тоже пусто, – громко произнес уверенный голос. – Давайте следующую.

Следующей была камера Глеба. Он успел отойти от двери прежде, чем она распахнулась. На пороге стоял красноглазый майор и... Глеб обмер, сердце часто забилося. Сатра! Два одетых в безукоризненные костюмы зеленых с суровыми лицами.

Нашли!

– Здесь у нас гражданин с амнезией, – сказал майор. – Упорно не хочет вспоминать, как его зовут.

«Вот и все, – пронеслось в голове. – Зря я поверил Аскету. Сопротивляться не имеет смысла».

Один из сатра вытянул по направлению к Глебу руку с плоской коробочкой. Послышался ритмичный писк. Ни жив ни мертв, Погодин смотрел в пол, ожидая, что произойдет дальше. «Зеленые» переглянулись, во взглядах их возникло сомнение.

– Нет, это не он, – прогудел второй сатра. – Идемте дальше.

«Что значит «не он»? В смысле – не я? – Глеб ошарашенно уставился на закрывшуюся дверь. – Пронесло? Но почему? Или... Или тот Игрок ночью все же что-то сделал со мной? Как он сказал – обмен внешностями?... Искжение тел Силы?»

Он снова прильнул к двери – и услышал:

– Мы осмотрели все камеры?

– Да.

– Других задержанных нет?

– Нет. Хотя... Есть еще один, Черепков. Пятнадцатисуточник. Он посуду моет в хозблоке.

– Ведите.

Шаги стали удаляться в конец коридора. Вскоре оттуда донесся говорок толстяка:

– Куда, начальник? А что я сделал-то?

«Точно, обман Аскета сработал! Но они быстро разберутся, что забрали не того. Так, а теперь надо уматывать отсюда как можно скорее!»

Погодин уперся лбом в дверь и начал отсчитывать секунды. Дойдя до ста двадцати, он решил, что сатра с Черепком уже покинули ОВД, и ударил кулаком в гулкий металл:

– Эй, кто-нибудь! Я вспомнил! Эй, я все вспомнил!

Час спустя Глеб шагал по пустынной Сретенке. Моросило, ветер бросал водяную пыль в лицо. Неприятный разговор с майором был уже в прошлом, сумка, телефон и свобода вернулись к Погодину. Правда, бумажник его облегчился на сто долларов, но это были мелочи по сравнению с тем, что ему снова удалось выкрутиться, обмануть тех, кто охотится за камнем.

«Интересно, кто были эти сатра? Слуги Дэфтера? Или Скуларии? В любом случае скоро они поймут, что произошло. Поймут – или уже поняли. Что ж, этот гейм, похоже, подходит к финалу. – Глеб, прячась от ветра, шагнул в темный провал арки, ведущей в глухой дворик-колодец, и закурил. – Ну, все, хватит подвигов и приключений. Чтобы там ни

говорил Игрок, а мне пора ехать в «Фонд Ксенофонтова». «Сколь веревочке ни виться, все равно конец придет» – так, кажется, гласит народная мудрость...»

На Москву спускался очередной осенний вечер. Ущелья улиц заполнили автомобили, и сквозь сумеречную мглу их стоповые красные огни казались сотнями горящих глаз неведомых хищников, готовящихся напасть на многолюдный город.

Знобкий ветер, пригнавший тяжелые дождевые тучи, рвал с деревьев на бульварах последние листья, качал провода и вывески, выворачивал зонты и гнал по тротуарам потоки воды. Быстро стемнело, и окна домов загорались уютным светом, лишний раз подчеркивая, насколько промозглая погода стоит на улице.

Люди, вжимая головы в поднятые воротники и прячась от дождя под зонтами и капюшонами, торопились как можно скорее добраться домой.

Дэфтер отошел от окна и вернулся к столу. Члены Совета клана молча смотрели на Стоящего у престола.

– После боя в Лефортово назад пути у нас нет, – твердо сказал Дэфтер. – Как нет у нас и возможности вести затяжную войну. Поэтому предлагаю здесь и сейчас разработать план внезапного удара по Брегнам.

Он изо всех сил старался выглядеть уверенным и спокойным, но на самом деле Стоящий у престола испытывал дикое раздражение. Глеб Погодин и смарагд непонятным образом выскользнули у него из рук. Слишком много времени ушло на то, чтобы отыскать очень не вовремя уехавшего за город Геспера и найти подход, чтобы вытащить изумруд из ОВД, не привлекая ненужного внимания.

И все эти часы Неоптолем утверждал, что Глеб Погодин находится на том же месте. Но когда час назад Геспер и его помощник доставили к Дэфтеру человека с искомыми параметрами ауры, выяснилось, что они привели не того!

Как это случилось – объяснить никто не мог, а времени на то, чтобы проводить ритуал повторно, пока не было.

Он встал у карты Москвы, взял в руки указку.

– Первым делом мы должны захватить хотя бы один вражеский источник, чтобы наши маги могли проявить себя полностью. Удобнее всего взяться за вот этот. Наши штурмовые отряды должны нанести отвлекающие удары – вот здесь, здесь и здесь. После того как Брегны задействуют резервы, начнется главная атака. Она должна увенчаться молниеносным успехом, и мы начнем подключать наших чародеев к захваченному колодцу. Ведь так?

– Так. – Рамер поморщился. – Да только это сложная и долгая процедура...

– Время на то, чтобы ее осуществить, я вам обеспечу. Но для этого нам нужно провести не просто военную операцию! – Дэфтер отложил указку. – Точнее, это будет военная операция нового типа. Война начата не нами, но мы ее закончим, быстро и решительно, несмотря на нынешнее положение. Пара источников в наших руках, и Брегны запросят перемирия. Я уверен в этом.

– В середине прошлого века говорили «тотального типа», – с запозданием вступил в разговор Дорот.

– Тотального! – блеснул глазами Дэфтер. – Да, отличное определение для нашей новой стратегии. Тотальная военная операция... Звучит!

– Хотелось бы услышать детали, – ворчливо проговорил выглядевший задумчивым Адал.

– Детали? – переспросил Стоящий у престола. – Отлично! Сейчас будут детали. Мы снимаем со всех объектов, включая «Фонд Ксенофонтова», охрану из сатра. Формируем дополнительные штурмовые группы, я назвал их «истребительными», усиленные лучшими магами Обители. Их задача – атаковать места компактного проживания Брегнов. Это будет еще лучшим отвлекающим маневром, чем обманные удары по не интересующим нас источникам! Инструктаж бойцов этих отрядов я возьму на себя. Конечно, опомнившись, противник бросит свои лучшие силы, чтобы уничтожить наших штурмовиков, а в это время

мы без лишнего шума возьмем то, что хотим. Ну а «истребителям» придется быть жесткими. Пленных не брать! Убивать всех! Женщин, детей, стариков – всех! Возникнет паника, хаос. Это сыграет нам на руку. Возражения, замечания, предложения?

Ксенфы мрачно молчали, кое-кто глядел в пол. Рамер с любопытством смотрел в лицо Стоящему у престола, Дорот постукивал карандашом по браслету часов.

– Если возражений нет...

Дэфтер не успел закончить фразу – со своего места поднялся Адал. Старейшина выглядел рассерженным. Топорща седую бороду, он начал говорить:

– Никогда сатра не воевали таким образом! Это все мерзко! Когда в бою гибнут воины... Что ж, это наш удел – отдавать жизни за свой клан. Но женщины, дети... Такого никогда не бывало.

– Все когда-то происходит в первый раз, – жестко усмехнулся Дэфтер. – Войну начали не мы. Или ты забыл, уважаемый, что Брегны убили нашего Владыку? Или ты забыл, что их агенты отравили Базэла, и Страж клана до сих пор балансирует между жизнью и смертью? Почему мы должны церемониться с врагом? Молчишь? Ты стар, Адал, а старости свойственна сентиментальность. Пекрес, каково твое мнение?

Молодой сатра вскочил, поднял вверх сжатый кулак.

– Мне нравится план уважаемого Дэфтера! Если мы будем действовать жестоко, то сломаем Брегнов. Надо захватить источник, а затем брать другие! Мы победим!

– Вот! – Стоящий у престола торжествующе указал пальцем на Пекреса. – Это правильное понимание нашей новой – тотальной – стратегии! Нужно смотреть шире и дальше. Разгромив и ослабив клан Брегнов, мы присоединим его к себе и продемонстрируем всей Москве, что сильны и безжалостны. Это будет не просто операция, это будет акция устрашения!

– Есть одно «но», – сухо произнес Рамер.

Дэфтер умолк и раздраженно уставился на Старшего мага.

– У нас слишком мало энергии для полноценного противостояния магам Брегнов. В открытом магическом бою мы не сумеем их одолеть. Даже пробить заслон одного-единственного источника будет проблематично.

– И убивать мирных соплеменников мы не будем! – рявкнул Адал. – Лучше погибнуть с честью, чем победить бесчестно!

Многие поддержали его одобрительным гулом. Только Пекрес из рода Гиппосов – воинственный дурачок даже не догадывается, что его используют, – мрачно нахмурился.

– Ну что ж... – Дэфтер улыбнулся, думая о том, что все идет так, как надо: его безумный план тотальной войны не примут, и вот тогда он, как бы под давлением, прикажет воздержаться от активных действий. – Раз так... я не могу идти против воли клана. Есть второй вариант действий – оборонительный...

На то, чтобы изложить его, Стоящему у престола понадобилось десять минут. Адал вновь скривился, на этот раз от осознания того, что опять придется защищаться, но махнул ладонью и промолчал.

– Подождем, посмотрим, – сказал Дэфтер, выслушав одобрительные реплики глав родов. – Да, вот еще что: штаб клана переносится в здание «Фонда Ксенофонтова». Оно достаточно удалено от предстоящего театра военных действий и безопасно. Все, уважаемые, Совет окончен. Будьте бдительны...

Измайловский парк, холодный, неуютный, встретил Погодина неумолчным шумом деревьев, пронзительным ветром и странным безлюдьем. Стоял довольно поздний час, но даже в это время по аллеям парка обычно бродили собачники, бегали трусцой приверженцы здорового образа жизни, гуляла молодежь. Сейчас же парк словно вымер.

«Все возвращается на круги своя, – усмехнулся Глеб. Ему было здорово не по себе. – С Измайловского парка все началось – здесь и закончится».

«Фонд Ксенофонтова» располагался, как выяснил Глеб путем опроса людей на

автобусной остановке, неподалеку от станции метро «Партизанская». Это было совсем рядом с Серебряно-Виноградным прудом и городком Баумана, куда они с Акундом приезжали в надежде встретиться с Аскетом, а в итоге попали в западню Скуларии.

С тех пор многое переменялось. Аскет сам пришел к Глебу, Акунд теперь заодно с сатрессой, а он, Глеб, бредет через пустынный парк, сжимая в кармане футляр с изумрудом, и в голове его звенит оглушающая пустота.

Глеб понимал, что с таким настроением идти на важную встречу по меньшей мере глупо, но поделать с собой ничего не мог. Обычно он всегда пытался просчитать события, в которых должен был принять участие, будь это тривиальные переговоры по тестированию нового гейма или даже банальный поход в магазин. Но как Глеб ни старался, у него ничего не выходило. О Дэфтере он знал только то, что сказал ему призрак Крицы: «Когда камень окажется у вас в руках, постарайтесь связаться с местоблюстителем, Стоящим у престола, его имя Дэфтер, а в мире вне Пелены – Василий Леонтьевич Декатин». Затем мертвый маг переменял мнение и предостерег Погодина, уверяя, что сразу отдавать камень нельзя. Но с тех пор произошла масса событий, и ситуация кардинально изменилась. Если сейчас Москва находится на грани ужасной катастрофы, тут уже не до осторожности.

Да, Игрок упоминал что-то о крови Ксенфа – только ей подчинится изумруд. Но это будет проблемой Декатина, а не его, Глеба...

И потом – какая ему разница, кто распечатает магические колодцы и предотвратит катаклизм? В сущности, все эти сатра и прочие нелюди заботятся только о собственной выгоде – почему же он должен быть другим?

А своя выгода у Погодина была. Даже не выгода, а цель, единственная и важнейшая цель, уцелевшая во всех этих передерягах. Та цель, которой нужно было достичь во что бы то ни стало. Цель эту звали Милка Игнашевич, и в настоящий момент она находилась в магической коме где-то в подвалах Обители.

«Сразу жестко поставлю одно-единственное условие: мол, меняю камень на Милку, – думал Глеб, вглядываясь в стеклянный фасад здания фонда, появившийся над кронами облетевших деревьев. – Только бы Дэфтер был на месте...»

«И согласился встретиться с тобой», – добавил внутренний голос.

Глеб вздохнул, достал сигарету. Внутренний голос был прав. Судя по всему, сатра Дэфтер, а для «коричневых» – господин Декатин, занимал высокий пост по обе стороны Пелены. Такие не любят разговаривать со случайными людьми. Оставалось надеяться только на то, что Глеба узнают. Акунд говорил, что после трагического происшествия в Обители, когда погибли патрульные сатра, их должны были объявить вне закона.

«Значит, есть какие-то фотографии, магические отпечатки личности или что там у них бывает?»

Глеб остановился у края дороги, отделявшей парк от территории фонда, и закурил. Громада офисного здания, отражая зеркальным фасадом множество вечерних огней, казалась висющей в воздухе. Забор, камеры, автоматические ворота, охранники-люди в черных форменных бушлатах. Все на самом современном уровне, все солидно и основательно.

«Интересно, а почему я не вижу ни одного сатра?» – подумал Глеб, выкинул окурок, сунул руки в карманы и шагнул на асфальт.

Чтобы добраться до дверей фонда, ему нужно было пройти через одноэтажную постройку с надписью «Охрана» над входом. Постаравшись сделать равнодушное лицо, Погодин на деревянных ногах вошел внутрь, остановился у турникета и сказал дежурному, вопросительно взглянувшему на него из-за перегородки:

– Я к господину Декатину.

– Простите, но уже поздно, фонд не работает, – покачал тот головой.

– У меня очень важное дело! – повысил голос Глеб. – Личного характера!

Охранник досадливо дернул уголком рта, но, сохраняя вежливый тон, ответил:

– Прошу прощения, но фонд закрыт. Я рекомендую вам зайти днем, в рабочее время.

– Но Декатин-то сейчас здесь?

– Не могу вам сказать. Заходите в другой раз.

По голосу охранника Глеб понял, что лимит вежливости по отношению к странному посетителю исчерпан, однако отступить не собирался. В конце концов, другого раза может и не быть.

– Мне очень нужно встретиться с Василием Леонтьевичем! Помогите мне, а?

– Послушайте! – Охранник выпятил челюсть. – Я же русским языком вам говорю: поздно уже! Прохоров!

Из двери по ту сторону турникета появился еще один охранник, сурово взглянул на дежурного.

– Чего?

– Проводи гражданина. И дверь запри. А то шляются все кому не лень...

– Прошу вас. – Прохоров прошел через турникет и слегка подтолкнул Глеба. – Прошу, прошу!

Погодину ничего не оставалось, как покинуть помещение. Оказавшись на крыльце, он услышал, как дежурный раздраженно произнес:

– Ходят тут... Декатина им подай. Уроды...

И тотчас же раздалась трель телефона.

– Охрана, Григорьев слушает. Что? Да, все в порядке. Когда? Сейчас? Слушаюсь!

Дверь закрылась, сухо клацнул замок. Глеб отошел в сторону, бросил взгляд за забор. Охранники, курившие у здания фонда, вдруг, точно по команде, схватились за рации. Получив какие-то указания, они побросали сигареты в урну и быстро разошлись.

«Что-то случилось», – подумал Глеб.

На всякий случай он перебрался подальше от проходной и спрятался в тени деревьев на другой стороне дороги. В неведении Погодин находился недолго – буквально через пять минут показалась кавалькада черных автомобилей с мигалками. Автоматические ворота начали открываться. Из них выступили несколько охранников.

Глеб прижался к черному стволу липы.

«А вот, кажется, и господин Декатин пожаловал».

Машины приближались. Впереди шли два «Хаммера», за ними – шесть абсолютно одинаковых «Мерседесов» представительского класса. Джипы остановились у ворот, захлопали дверцы, и к охранникам в черном прибавились громилы в камуфляже.

Сатра! Глеб сжался, чувствуя, как от волнения у него взмокла спина. Он был уже совершенно точно уверен, что в одном из «Мерседесов» сидит Декатин. Но если сейчас покинуть свое укрытие и выйти наперерез кортежу, шансов глупо погибнуть у него будет много, а вот сделать то, ради чего он оказался тут, – ничтожно мало.

Машины начали заворачивать в ворота. Откуда рядом с ними вдруг появился «Ниссан Мурано», Глеб не понял. Казалось, хищный силуэт кроссовера соткался на асфальте прямо из воздуха и перегородил проезд. Кортеж завизжал тормозами. Множественный звук передернутых затворов слился с треском раций и отрывистыми командами.

Дверцы «Ниссана» распахнулись разом. Из автомобиля подчеркнуто неспешно выбрались Скулария, Акунд и знакомая Погодину девушка-верог. Глеб скрипнул зубами, нашарил в кармане запечатанный сургучом пузырек, который дал ему Сог-Рот. Ситуация осложнялась.

Охранники-люди взяли незваных гостей на прицел. Охранники-сатра окружили «Ниссан» плотным кольцом. Один из них, седой могучий старик с длинной бородой, что-то спросил у Акунда. Старик ответил Скулария и указала рукой на один из «Мерседесов». Там тоже началось движение – приехавшие сатра, судя по богатым одеяниям, явно важные персоны – в сопровождении охраны покидали машины. Большинство сразу двинулось к зданию фонда, но несколько «зеленых» приблизились к окруженному «Ниссану». Глеб заметил среди них невысокого толстого сатра, к которому все относились с необычайным почтением.

«Уж не это ли Декатин-Дэфтер? Может, попробовать сейчас? Вроде стрелять никто не

собирается, скорее всего будет толковище. Подберусь поближе, крикну – мол, господин Дэфтер, вяжите их, они хотят вас убить, камень у меня! А потом кину пузырек с Сердцем огня под ноги Скуларии. Она же убила Ксенфа, сатра мне только спасибо скажут. И все, конец этому кошмару...»

Глеб поморщился. Ему не нравился собственный план, но, похоже, выбора у него просто не осталось. События развивались согласно какой-то непонятной Погодину логике, и он был всего лишь сухим листом, подхваченным ураганом.

Повинуясь приказу Дэфтера, охранники-люди сняли оцепление и быстро скрылись в здании фонда. У распахнутых ворот остались только нелюди. Если бы они хотели, то наверняка засекли бы Глеба. Но сатра сосредоточили внимание на Скуларии, Акунде и верог.

Погодину удалось, все еще оставаясь незамеченным, наблюдать за странной встречей. Он не слышал, о чем говорили Скулария и сатра, но благодаря увиденному сквозь волшебную линзу Погодин был в курсе замыслов хозяйки «Силлипитиры».

«Сейчас она попытается убедить верхушку клана Ксенфа, что их лидер Дэфтер – узурпатор и преступник. Покажет контракт, а потом нанесет удар. Или вначале представит Акунда как наследника Ксенфа?»

Глеб увидел, как Дэфтер сделал приглашающий жест, явно намереваясь поговорить со Скуларией с глазу на глаз. Сатресса отрицательно покачала головой. Акунд высился за ее спиной безмолвным манекеном, девушка-верог стояла рядом с хозяйкой, бросая по сторонам настороженные взгляды.

Шаг, другой, третий... Погодин чувствовал себя марионеткой, управляемой неизвестным кукловодом при помощи невидимых нитей. Здравый смысл предостерегал его – стой, не ходи! Но ноги сами несли Глеба к машинам, а пальцы уже сжали футляр с изумрудом.

Неожиданно окружавшие Скуларию и Дэфтера сатра зашумели. Послышалось несколько гневных выкриков.

«Она сказала про убийство Ксенфа», – догадался Глеб.

Он, двигаясь точно сомнамбула, преодолел уже половину пути.

– Таким образом, уважаемые сатра, – долетел до Глеба голос Скуларии, – ваш Стоящий у престола – обыкновенный преступник, пытавшийся прибрать к рукам власть в клане... Всем желающим я могу продемонстрировать контракт...

Дэфтер зарычал, ткнул толстым пальцем в сатрессу:

– Это подлог! Все знают, что такой контракт может быть только фальшивкой! Ни одна серьезная организация не сдаст заказчика ни при каких обстоятельствах! Адал, убейте их!

Старик с седой бородой подал знак воинам-сатра и сам направился к Скуларии. Верог заслонила хозяйку, с ее тонких пальцев на асфальт потекли струи огня. Акунд все так же неподвижно стоял у машины. Глебу показалось даже, что он смотрит в сторону.

«Околдовали его, что ли?» – мелькнуло в голове.

– Нет, Светлана! – взвизгнула Скулария. – И вы, доблестные сатра, тоже остановитесь! Вот мой свидетель, тот, кто докажет правоту сказанного мною. Сатра Акунд!

– Это убийца, он вне закона! – рявкнул Адал, но мановением руки остановил бойцов.

– Ты не знаешь главного, уважаемый. – Глеб не услышал в голосе Скуларии даже намека на страх.

«Она контролирует ситуацию, – сообразил он. – Значит, у этой дьяволицы есть какой-то козырь в рукаве».

– Этот сатра невиновен. И он – не сын клана. У него был отец, – продолжила говорить Скулария. – Его звали...

Дэфтер оттолкнул седого сотника, колобком выкатился на свободное пространство перед сатрессой и резко выбросил руку. С нее сорвался поток снежинок.

– Умри!! – рявкнул он.

Скулария мягко присела, легко отмахнулась, и струя снежной пыли взвилась, описала дугу и врезалась в дерево, превратив его в щепки.

– Его звали Ксенф! – выкрикнула сатресса. – Ксенф из Ксенфов! Он был...

Стоящий у престола не дал ей договорить. Глеб не знал, насколько сильным магом был Дэфтер, но он пустил в ход нечто, намного превосходящее способности того же Акунда, скорее всего, некий припрятанный на крайний случай амулет.

То, что он увидел, потрясло воображение геймера. На Скуларию, верог и Акунда обрушилась лавина огня, пронизанная короткими молниями. Земля задрожала, асфальт пошел трещинами, и из них хлынули потоки кипящей воды, грозящие сварить троицу нелюдей заживо. Все вокруг заволочло туманом. Скулария и верог выставили руки, словно удерживая незримую стену, о которую бессильно разбился атакующий порыв Стоящего у престола.

– Не стойте! Убейте их, убейте их всех! – ревел Дэфтер.

Воины, повинаясь его приказу, вновь двинулись вперед, но их остановил сатра с благообразным лицом, до этого момента державшийся в тени.

– Не спешите! – бросил он властно. – Уважаемый Дэфтер, к чему горячиться? Они в нашей власти, и мы всегда успеем отправить их к Праотцу. Мне кажется, стоит выслушать доводы этой сатрессы.

– Уйди, Дорот! – повернув оскаленное лицо, закричал Дэфтер. – Ты не знаешь этой ведьмы. Она способна на все!

– Она даже не пытается применять атакующие заклинания, – спокойно возразил ему Дорот. – Мне кажется, ты превышаешь...

– Мне плевать, что там тебе кажется! – Дэфтер оставил попытки уничтожить незваных гостей с помощью магии и обратился к бородатому: – Адал! Помоги! Я не... Измена в клане...

Он захрипел, упал на одно колено. Глеб сквозь рассеивающийся под порывами ветра туман увидел, как верог шевелит пальцами, точно душит кого-то.

«Она не дает ему дышать! А Скулария-то совсем близко!»

Погодин стоял уже возле «Ниссана» и при желании мог дотронуться до покрытого каплями воды крыла машины. Пузырек с Сердцем огня был зажат в руке. Обтянутая черной кожей спина сатрессы маячила в паре метров от Глеба.

– Ваш законный Владыка – Акунд Ксенф! – закричала Скулария воинам, стеной надвигавшимся на нее. – Остановитесь, во имя Великого древа, или я убью вас!

«Не убьешь! – подумал Глеб и размахнулся. – Не успеешь. Сейчас все и завершится...»

Он не заметил момента, когда Дэфтер сумел сломить магию девушки-верог. Она вскрикнула и отлетела в сторону. Толстяк бросился вперед, вытянув руку с пистолетом. Обычным человеческим пистолетом, кажется, армейским «кольтом».

Выстрел! Второй! Третий! Глеб взмахнул рукой и разжал пальцы. Сердце огня начало свой короткий полет, который должен был закончиться смертью Скуларии. Сияя рубиновым огоньком, пузырек взмыл в воздух, и тут время остановилось. На мгновение Погодину показалось даже, что он видит зависшие цилиндрики пуль, выпущенных из пистолета Дэфтера. Мгновения спрессовались в секунды, минуты, часы...

Скулария повернулась и в упор посмотрела на отважившегося бросить ей вызов человека. Она улыбалась, но в звериных глазах сатрессы Глеб увидел свою смерть.

Сердце огня все летело и летело, но очень медленно, словно продираясь сквозь воздух. Дэфтер выстрелил еще раз.

«Он – никудышный стрелок, – подумал Глеб. – С пяти метров ни разу не попал».

– Ах ты! – взвизгнула Скулария. В ее опущенной руке появился длинный широкий клинок, лезвие сияло чистым серебром.

Перепуганному Глебу стало ясно – он провалил все дело. Скулария каким-то магическим чутьем уловила его атаку и оказалась достаточно быстра, чтобы приостановить полет Сердца огня и расправиться с незадачливым киллером. Помощи ждать неоткуда и не от кого. Теоретически Акунд мог бы помочь Глебу, но сатра стоял в двух шагах от Скуларии, совершенно равнодушный ко всему происходящему.

«Верог! Она контролирует его», – догадался Глеб.

– Прощай! – Клинок сатрессы взлетел над головой Глеба. – Силлипитирья!

– Госпожа! – резанул по ушам отчаянный вопль верог.

Ни Скулария, ни Глеб не видели, как Дэфтер, отбросив бесполезный пистолет, вытащил нож. Толстяк прыгнул вперед, смазанной тенью скользнул к Скуларии. Он бил наверняка, и клинок в его руке должен был разрезать сатрессе шею. Должен был – если бы не предупреждающий крик верог. Скулария успела увернуться в самый последний момент. Магический клинок столкнулся с обычным. Раздался короткий треск, и во все стороны брызнули осколки и брызги металла.

Пузырек с Сердцем огня завершил полет, ударившись об асфальт. Вот только на том месте, где до этого была Скулария, теперь стоял Дэфтер...

Хрустально зазвенев, пузырек разлетелся на мелкие кусочки. Полыхнуло нестерпимо яркое пламя. Жаром Глебу опалило волосы, брови и ресницы. Охранники-сатра во главе с Адалом отшатнулись, прикрываясь руками. Дэфтер успел еще кинуться в сторону, но огонь рванулся вверх, обьяв грузное тело Стоящего у престола пламенеющим коконом. Кожа на лице сатра вспучилась, губы почернели. Крик, вырвавшийся у него, умер, поглощенный оглушительным треском пламени. А следом за ним умер и сам Дэфтер. Умер – и обратился в пепел, не оставив после себя даже обугленных костей. Огонь, расправившись со своей жертвой, опал, волна жара рассеялась, и перед потрясенными сатра оказался лишь пяточок высушенного асфальта и горсть черного праха на нем.

В наступившей тишине громко прозвучал голос Скуларии:

– Что ни случается – все к лучшему...

«Беги! – неожиданным громом прозвучал в сознании Глеба голос смарагда. – Спасай себя и ЕГО! Иначе ОН окажется не у тех, у кого должен!»

И Глеб, отбросив сумку, побежал. Без цели, не выбирая направления, сломя голову понесся прочь от дороги, от машин, от Скуларии.

Глеб не видел, как разъяренные непонятной и жуткой смертью Дэфтера воины сатра набросились на сатрессу, как по ее сигналу из кустов появились сидевшие в засаде бойцы «Силлипитирьи» и вступили в схватку с «зелеными». Как маги клана Ксенфа, наконец-то разобравшиеся, что к чему, вступили в бой. Как сила столкнулась с силой и воздух загудел от заклинаний. Как Скулария, стиснув зубы, устремилась за ускользящим смарагдом, как верог бросила Акунда и помчалась за хозяйкой. Не видел он и финала яростной схватки нелюдей – сатра и подоспевшие люди-охранники разметали нападавших, убив не менее десяти. Несколько уцелевших сочли за лучшее отступить и скрылись во тьме. На искореженном пяточке асфальта остались только мертвые тела и догорающий «Ниссан».

– А где этот? Где Акунд? – устало спросил Рамер.

– Уважаемый, он тоже бежал, – ответил тяжело дышащий Адал. – Сумел сбросить с себя «короткий повод» и рванул прочь. Я даже не понял куда.

– Догоните их и убейте. Впрочем, Акунда и «коричневого» хорошо бы взять живыми, – распорядился Дорот. После смерти Стоящего у престола он де-факто стал главой клана. – Все же надо проверить, не родня ли он Владыке...

И лицо главы рода Фемиксов стало озабоченным.

Ничего этого Глеб не видел и не слышал. Он бежал, спасая свою жизнь. Ветер свистел в ушах, ветки хлестали по лицу, под ногами чавкала жирная грязь. Наверное, если бы Погодин подумал, он бы выбрал какое-то направление, постарался выбраться из парка, чтобы укрыться на улицах города, среди людей. Но все мысли исчезли, уступив место страху, обычному животному страху.

Так Глеб не бегал никогда в жизни. Совершая огромные прыжки, продираясь сквозь кустарник и трескучий частокол бурьяна, он петлял по огромному парку, все углубляясь и углубляясь в чащу. Страх придавал ему силы, гнал вперед, подстегивал, точно плеть. Ночь укрыла беглеца черным плащом, и след его затерялся среди мокрых деревьев...

Глава 15

Выбравшись из леса, Глеб на секунду остановился. Тусклый ночной свет никогда не спящей Москвы разливался над городом. Впереди лежала сырая пустошь, а за ней возвышались темные корпуса какого-то заброшенного завода. Несколько цехов, обнесенная забором территория, желтый скелет башенного крана. Ржавые ворота были гостеприимно распахнуты.

«Там можно спрятаться, – подумал Глеб, вновь срываясь с места. На бегу он оглянулся – между деревьями мелькали темные тени. Преследователи не отставали. – Есть ли у меня шансы на спасение? Если да, то минимальные. Но пока я жив, я не сдамся!»

Оставляя в грязи цепочку следов, он пересек пустошь и вбежал в ворота. Все пространство за забором занимали старые строительные вагончики-бытовки. Видимо, их свозили сюда со всей Москвы. Обшарпанные, с сорванными дверьми, вагончики были расставлены безо всякой системы, образуя настоящий лабиринт. Глеб углубился в него, стараясь держать направление на кран. У него пересохло в горле, пот заливал глаза. Он очень устал и постепенно начал терять способность рассуждать здраво и принимать решения. У Погодина осталось только одно желание – убежать, скрыться, спрятаться от жутких нелюдей.

Скулария, верог и двое оборотней, отправившихся в погоню вслед за хозяйкой, не стали задерживаться на пустоши перед заводом. Миновав ворота, сатресса на бегу скомандовала своим бойцам:

– Найдите его и добудьте камень. Если взять «коричневого» живым не получится – я не в претензии. Он уже приговорен. Силлипитиры!

Оборотни, раздевшись и приняв звериный облик, исчезли между вагончиками. Они двигались быстро и бесшумно, чувствительные носы вбирали недоступные прямоходящим запахи.

Глебу вначале повезло – он умудрился не заблудиться между вагончиков и выбрался к пустым заводским цехам. Слева темнел вход в один из них, справа в серое небо уходила ажурная башня крана. Ветер раскачивал тяжелый крюк, свисающий с длинной стрелы над полуразобранной крышей одного из цехов. По всей видимости, с помощью крана оттуда извлекали какие-то станки или механизмы.

Куда бежать дальше? Решение нужно было принимать быстро. Но Погодин уже не мог этого сделать. Потратив все силы на бегство, он превратился в жертву, в добычу, которую преследуют охотники. Он руководствовался не разумом, а первобытными инстинктами. Эти инстинкты оттолкнули его от темного зева дверей, ведущих в цех, и погнали к крану.

Ухватившись за мокрую холодную скобу лестницы, ведущей к будке крановщика, Глеб обернулся и затравленным взглядом окинул скопище вагончиков. Он заметил силуэты оборотней, неумолимо идущих по следу. Подниматься на кран было безумием – его быстро заметят, но именно безумие и двигало Погодиным, когда он начал свое восхождение.

Крик, донесшийся от заводских ворот, еще больше усилил испуг Глеба.

– Скулария!! – проревел чей-то могучий голос. – Я пришел! Я – пришел!!

Этот яростный вопль заставил Глеба ускорить подъем. Минуя промежуточные площадки, марш за маршем, он забирался все выше и выше. Постепенно перед Глебом открывалась панорама всего кладбища вагончиков. Он разглядел не только рыщущих по нему оборотней, не только Скуларию с верог, носившей красивое имя Светлана, но и того, кто звал главу «Силлипитиры».

Акунд! Сатра не бросил его! Избавившись от чар, он нашел в себе силы последовать за Глебом. За Глебом – или за камнем? Впрочем, пока изумруд лежал во внутреннем кармане куртки Погодина, это было не так уж и важно.

Сатра не стал тратить время на поиски прохода через скопище вагончиков. Он одним прыжком оказался на крыше крайнего из них и снова закричал:

– Скулария!! Выходи!

– Убей его! – взвизгнула сатресса. – Светлана, он твой!

Девушка сорвалась с места и размазанной белесой тенью скользнула навстречу Акунду. Он бежал по крышам строительных вагончиков, перепрыгивая с одного на другой. Временами сатра хватался за низко висящие кабели освещения и, перебирая руками, несясь по воздуху, точно гигантская обезьяна.

Верог на миг упустила его из виду и вновь заметила врага слишком поздно. Акунд буквально рухнул на нее сверху, ударил чудовищными кулаками раз, другой, третий. Изломанное тело отлетело к стене и замерло.

– Это называется – не лезь не в свое дело и не прислуживайся! – прорычал сатра. – Сука хладнокровная!

– Ты умреш-ш-шь, – прошипела в ответ Светлана.

Акунд не ожидал, что его противница окажется настолько живучей. Удары сатра могли бы убить и быка, но верог недаром славятся неистощимой жизненной силой. Поддерживая одной рукой другую, Светлана поднялась на ноги и тут же атаковала, используя магию.

Она действовала прямолинейно, но очень эффективно, применяя самые простые и сильные заклинания. От голубоватого вихря «заморозки» Акунд сумел уклониться, «ветер перемен» пропустил над собой. Несколько огненных шариков разнесли ближайший вагончик, а два по касательной заделали сатра, сбив его с ног. Акунд, понимая, что ему во что бы то ни стало нужно перемещаться, иначе он будет легкой мишенью, немедленно вскочил, но движения сатра уже не были столь стремительными. Кривясь от боли, он руками затушил тлеющую одежду.

Светлана нагнулась, и от ее пальцев побежали дорожки искрящегося бесцветного пламени, петляя и высушивая землю. Сатра слишком поздно сообразил, что верог таким образом старается ограничить ему пространство для маневра. Он попытался было перепрыгнуть через ближайшую полосу огня, но получил чувствительный удар током и взвыл от боли. Через мгновение бегущий по земле огонь окружил его со всех сторон. Верог изобразила на бледном лице нечто, напоминающее улыбку, и поднялась в воздух на несколько метров.

Все уроженцы красной сферы обладают способностью к левитации и прекрасно умеют заживлять свои раны. Светлана не была исключением. Повиснув над Акундом, она обрушила на зажатого в огненном кольце сатра несколько ударов «молота». И он, давно не имевший возможности пополнить силы из источника, не смог их отразить. Деактивировав огненное заклинание, верог через клубы пара и пыли подлетела к тяжело ворочавшемуся на земле Акунду.

– Посмотри на меня, сатра, – негромко сказала она. – Посмотри – и запомни, как выглядит твоя смерть.

– Н-на!! – выдохнул Акунд, буквально выбросив свое окровавленное тело вперед и вверх. В руке он сжимал обломок толстого деревянного бруса.

Взмахнув им, как теннисист ракеткой, он сбил верог на землю. Та еще в падении метнула тонкий золотистый луч, но промахнулась. Сияющий клинок прошел мимо головы Акунда и разнес кусок бетонной стены далеко позади него.

– Ого, как ты умеешь! – преодолевая боль, усмехнулся сатра.

Светлана пыталась подняться, ворочаясь в мутной луже. Ее одежда превратилась в грязные лохмотья, дрожащие руки и ноги не слушались верог.

– Я вы-ы-ыпью тебя! – провыла Светлана, с трудом взлетая.

Акунд увидел, как в оскаленной пасти верог сверкнули сахарно-белые тонкие клыки, и почувствовал, что теряет способность двигаться.

Вновь «короткий повод»! Она воспользовалась тем, что он остановился, и пустила в ход излюбленное заклинание вампиров, позволяющее взять жертву под контроль. Сатра выругался и одним прыжком переброшил себя к крашенному коричневой краской вагончику на противоположной стороне прохода. Верог, злобно визжа, метнулась за ним. Дверь в

вагончик оказалась заперта, и Акунд нырнул в окно, разбив макушкой мутное пыльное стекло. Светлана подлетела ближе и просунула голову внутрь.

– Все, сатра, теперь ты мой! – торжествующе захохотала она.

– Ну, это вряд ли, – буркнул Акунд и ударил кулаком в стену вагончика.

Большой кусок стекла, застрявший в верхней части рамы, от сотрясения выровнялся и скользнул вниз. Верог выпучила глаза, начала что-то говорить, но не успела издать и нескольких звуков, захлебнувшись собственной густой темной кровью. Стекло, точно нож гильотины, отрубило Светлане голову.

Акунд поднял ее за волосы, посмотрел в затухающие глаза и сплюнул в сторону.

– Так, одной тварью меньше.

Выбираясь из вагончика, он едва не наступил на бьющееся в агонии тело верог. Демонстрируя поразительную живучесть, обезглавленная девушка шарила вокруг себя руками, словно пытаясь найти и вернуть на место отрубленную голову. Перешагнув через лужу дымящейся крови, Акунд бросился туда, откуда слышался пронзительный вой оборотней. На бегу он подпрыгнул и легко отломил от торцевой стены одного из вагончиков кривую ржавую трубу-гусак с грязно-серыми обрывками проводов.

Глеб поднялся на треть высоты крана, когда внизу раздался протяжный вой. Глянув вниз, он увидел два волчьих силуэта.

«Оборотни, или, как их называл Акунд, маах'керу! Они нашли меня, нашли свою жертву».

Обросшие серой шерстью подручные Скуларии выли, подняв уродливые морды. Затем один из них превратился в человека и глумливо рявкнул:

– Иди сюда, живая съешь!

Глеб зажмурился и едва не сорвался с лестницы. Он думал, что после пережитого за последние дни уже ничто не сможет его напугать, но перспектива погибнуть в пасть монстров, перспектива быть съеденным заживо окончательно низвела его разум к животному состоянию.

– Нет, господа, нет... Я улечу... Как птица... Нет... – бессвязно забормотал Погодин и быстро полез вверх, судорожно стискивая прутья ступенек.

Оборотни устремились к крану. Они уже подобрались к подножию лестницы, когда их настиг срывающийся голос Акунда:

– Эй, твари! А про меня вы забыли?

Пошатываясь, сатра вышел на открытое пространство перед краном и, расплескивая лужи, двинулся навстречу маах'керу, сжав двумя руками ржавый гусак, словно бейсбольную биту.

У Акунда не было ни огнестрельного оружия с серебряными пулями, ни кинжала с посеребренным лезвием, а это означало, что схватка с оборотнями, которые к тому же были магами, предстояла серьезная.

Один на один маах'керу легко мог справиться даже с очень сильным человеком, да и против сатра он имел хорошие шансы. Даже против здорового и полного сил сатра. Два оборотня, причем не простых, а натасканных на убийство, представляли для уроженца зеленой сферы реальную угрозу. По всем раскладам выходило, что шансов на победу у Акунда нет. И тем не менее он ринулся на врага, изрыгая проклятия.

Маах'керу не отступили. Тот, что превратился в человека, замахал руками, прибегая к магии. А волк набросился на Акунда, намереваясь опрокинуть его на землю.

Сатра не стал уклоняться от сшибки. Свистнул в воздухе гусак, раздался глухой удар, и оборотень с воем покатился по грязи, обильно поливая ее кровью из раны на морде.

Второй швырнул во врага змеящуюся молнию, но, не надеясь на успех, вновь обратился зверем, и на этот раз – черной пантерой. Несколько обликов имеют лишь маах'керу с магическими способностями, и Акунду «повезло» столкнуться именно с такими.

Сатра увернулся от молнии, и тут враг повис на нем, пустив в ход длинные кривые

когти и пытаюсь добраться до его шеи. Собрав все силы, Акунд воткнул в пасть противнику ржавую трубу и сдавил ему горло.

Известно, что маах'керу из-за фантастической способности к регенерации очень трудно убить. Ферменты, отвечающие за регенерацию, блокирует серебро. Без него отправить оборотня на тот свет можно лишь двумя способами – разорвать на части или задушить. Акунд выбрал второй. Не обращая внимания на глубокие раны, которые наносила ему пантера, он прижимал маах'керу к земле, стискивая пальцы на жесткой шее монстра. От напряжения у сатра вздулись на руках вены, лицо покраснело, глаза налились кровью. Нужно было спешить покончить с этим врагом, пока не восстановился другой.

Акунд успел. Мертвый маах'керу замер в грязи. Едва сатра успел распрямиться, как первый оборотень, тоже поменяв облик, рванулся на него. В этот раз наследнику Ксенфа пришлось сразиться с огромным орлом. Не уступающий размерами боевому топорю клюв крылатого хищника едва не раскроил Акунду череп, крылья хлестнули по лицу.

Изогнувшись, он ухватил птицу за горло. Маах'керу сообразил, какая участь его ждет, и попытался вырваться, но Акунд коротким ударом кулака разбил череп, додушил, а затем, схватив обмякшее тело за хвост, шмякнул тварь об землю.

В этот момент к крану вышла заблудившаяся среди вагончиков Скулария. Глеб, скорчившийся на полу будки крановщика, уже немного пришел в себя и даже попытался крикнуть, чтобы предупредить Акунда – как-никак сатра бился сейчас и за его жизнь тоже. Но крик умер в горле Погодина, когда сатресса, мгновенно оценив ситуацию, метнула в окровавленного сатра нечто невидимое, но по сокрушительной силе равное крепостному тарану.

Удар пришелся Акунду в грудь и швырнул сатра на ближайшую бытовку. Не давая Акунду опомниться, Скулария несколько раз ударила его «длинной рукой», буквально похоронив под обломками вагончика. Потом с помощью молнии подожгла груды строительного мусора и приблизилась, дабы удостовериться, что с сатра покончено.

Акунд возник из пламени, словно бессмертный герой фильмов ужасов. Скулария находилась совсем близко от него, и сатра прыгнул, стараясь еще более сократить дистанцию. Он отлично понимал, что имеет дело с сильным магом, и пытался хоть как-то уменьшить преимущество сатрессы, навязав ей ближний бой. Первый из оборотней невероятным образом пришел в себя, перекинулся в волка и поспешил на помощь хозяйке. Три фигуры – черная, кроваво-красная и серая – сплелись в рычащий ком, стремительно покотившийся прямо в огонь.

Глеб не сразу понял, что произошло в следующий момент. До него долетел истошный визг маах'керу, потом послышался голос Скуларии, выкрикивавшей какие-то слова на неизвестном Погодину языке, грохнул взрыв, породивший темное пыльное облако. Оно поглотило несколько вагончиков, пламя пожарища и сражавшихся нелюдей.

И вдруг стало очень тихо.

«Все, – понял Глеб. – Акунд мертв. Мертв, потому что после такого остаться в живых просто-напросто невозможно. Скулария и ее подручный, я так понимаю, тоже. Я остался один. Да и всегда был один, если начистоту. Милку жалко...»

Пыль рассеялась. Внимательно оглядев дымящиеся развалины и груды мусора, возникшие на том месте, где до начала битвы между Скуларией и Акундом стояли строительные вагончики, Глеб, к немалому своему облегчению, нигде не заметил движения.

«Все же не очень верится, что сатресса действительно погибла. Но если это так, то ситуация в корне меняется. По крайней мере, охотников за моей головой, а точнее, за камнем больше не осталось. Те парни из клана о нем не знают».

Глеб повеселел. Усевшись на площадке возле кабины крана, он свесил ноги и достал сигареты. Можно было, конечно, спуститься вниз и покурить, стоя на твердой надежной земле, но Погодин устал, а кроме того, что-то или кто-то подсказывал ему – торопиться не следует.

Он не выкурил и половины сигареты, когда услышал шепот. Тихий ласковый шепот:

– Вот мы и остались одни, Глеб Погодин... Так даже лучше... Лучше... Иди сюда, дурачок...

Выронив сигарету, Глеб посмотрел вниз и увидел запрокинутое, покрытое копотью лицо забирающейся на кран сатрессы.

Скулария! Жива!

Сердце заколотилось как бешеное. Вскочив, Погодин обошел кабину и полез на стрелу крана. Еще ничего не закончилось, и жизнь его по-прежнему была в опасности...

Осторожно ставя ноги на мокрые стальные уголки, Глеб медленно двигался по стреле. Теперь единственной возможностью спастись было добраться до ее оконечности, спуститься по тросу и прыгнуть на полуразобранную крышу заводского цеха. На глаз крюк и крышу разделяло не более четырех метров. Высоковато, конечно, но не смертельно.

Порыв ветра ощутимо качнул кран. Глеб опустил на четвереньки и посмотрел вниз. Закружилась голова, руки ослабли, ноги стали ватными.

Не то чтобы Погодин боялся высоты, но четкое осознание того, что внизу бездна, падение в которую совершенно точно оборвет его жизнь, буквально парализовало Глеба. Вцепившись в холодный металл стрелы, он зажмурился, часто дыша открытым ртом. Нужно было как-то взять себя в руки, расслабиться, отвлечься... Вспомнилось двестишестое, придуманное еще в школе:

Что, рыба, бьешься на песке?
Ищи кратчайший путь к реке!

Новый порыв ветра донес до ушей Глеба тихий ритмичный звон. Переборов страх, он все же нашел в себе силы открыть глаза. Звон доносился от башни крана. Ступеньки под копытами Скуларии звенели, как ксилофон.

Страх перед бездной исчез, растворился в новом и куда более сильном чувстве – ненависти к сатрессе.

– Гнида! – выругался Глеб.

Поднявшись на ноги, он уверенно зашагал по стреле, не обращая внимания на ветер и дождь. Нужно было во что бы то ни стало успеть спуститься и покинуть стройку до того, как Скулария доберется до него. У Погодина имелись все шансы сделать это.

Видимо, сатресса тоже поняла, что добыча может ускользнуть. Остановившись на одной из площадок, она потеряла плечо, а потом взмахнула рукой. Чары начали действовать мгновенно. Воздух стал плотным и упругим, как резина, капли дождя повисли в нем, медленно истончаясь, вытягиваясь в длинные нити.

Эти нити зашевелились, переплетаясь, и вскоре потрясенный Погодин понял, что со всех сторон окружен самой настоящей паутиной. Он попробовал разорвать ее – и не смог. Попробовал пролезть сквозь довольно крупные ячейки – и застрял. На то, чтобы освободиться, потратил немало сил. Водяная паутина превратилась в кокон, и он медленно сжимался, грозя полностью обездвижить Глеба. Сквозь переливчатую сетку он видел, что Скулария одолела уже половину башни. Надо было что-то делать...

Единственная возможность избавиться от кокона – попробовать пролезть внутрь стрелы. Глеб несколько секунд раздумывал, сумеет ли он справиться со своими нервами – все же одно дело находиться поверх металлической конструкции, и совсем другое – быть в ней, там, где от возможности сорваться тебя отделяет лишь неловкое движение. Призрачный кокон тем временем сжался настолько, что его колышущиеся стенки коснулись плеч Глеба.

– Выбора у меня нет, – пробормотал он и, согнувшись, поставил ноги на жирно блестящий от смазки трос внутри стрелы.

Цепляясь за него, Глеб прогнулся и лег спиной на поперечные балки. Кокон над головой практически схлопнулся, став непроглядно-серым.

«Будем надеяться, что Скулария не видела, что меня внутри нет», – подумал Глеб и пополз, отталкиваясь ногами от приваренных наискосок уголков.

Он старался не думать, что под ним сейчас не менее тридцати метров пустоты. Гораздо более Погодина в этот момент интересовал другой вопрос – как, каким образом он будет спускаться по тросу? Получится ли это сделать вообще и получится ли это сделать быстро?

То, что спуститься вниз ему не суждено, Глеб понял, уткнувшись головой в металлический щиток, перегораживающий ферму стрелы. Трос проходил сквозь него через отверстие не более десяти сантиметров в диаметре. Можно было бы перелезть через щиток сверху, но едва Глеб просунул голову между балками, как водяной кокон, словно живой, сорвался с места и ринулся к нему, на лету вновь разворачиваясь в ловчую сеть.

Похоже, он чуял свою цель, едва та выглядывала из-под прикрытия железа.

Акунда Глеб заметил не сразу. Лихорадочно соображая, как же выбраться из ловушки, в которую он сам себя загнал, Погодин случайно скользнул взглядом по земле и едва не сорвался вниз от удивления. Он увидел, как зашевелилась гора тлеющего мусора, как огромные руки сатра разбросали обломки досок и куски кровельного железа. Выбравшись на открытое пространство, Акунд, припадая на одну ногу, побрел к крану. За ним потянулся кровавый след.

– Смарагд! – заревел он. – Бросай смарагд!

Глеб, судорожно вцепившись в балку, посмотрел на сатра. Сверху тот казался чуть ли не карликом, куколкой, которую шутник-художник раскрасил красными полосами и пятнами. Погодин не сразу понял, что это кровь.

– Смарагд! – От голоса Акунда, казалось, завибрировала вся конструкция крана.

Вывернув голову, Глеб поискал глазами Скулярию и увидел, что сатресса одолела подъем и теперь перебирается на стрелу. От него не укрылось, что в ее движениях появилась некоторая суетливость, как будто Скулярия нервничала.

«Наверняка так и есть, – подумал Глеб. – Для нее заполучить изумруд означает больше, чем для политика средней руки – выиграть президентские выборы».

Ветер, утихший было, яростно засвистел в переплетах стальных конструкций крана. Скулярия заскакала по балкам стрелы, на бегу, не глядя, метнула в Акунда веер огненных шариков и сразу же послала следом водяной бич.

«Она тоже устала. У нее не хватает сил на полновесные заклинания», – догадался Погодин, наблюдая, как огненные шары взрываются вокруг Акунда, расплескивая грязь, как толстый водяной жгут пытается обвить его, словно живой удав свою добычу, – и рассыпается туманом мельчайших брызг, как только сатра голыми руками раздирает его холодные объятия.

– Бросай! – Акунд уже не прокричал – провыл это слово.

Глеб в нерешительности вытащил из кармана футляр с камнем. Щелкнула застежка. Изумруд лежал в своем бархатном ложе, уютно светясь глубокой травяной зеленью.

«Дон! Дон! Дон!» – запел металл стрелы под копытцами Скулярии.

Глеб оглянулся – сатресса приближалась. Счет времени пошел на секунды.

Он перевел взгляд на камень. Что же делать? Отдать? Сбросить вниз Акунду? Навсегда отказаться от возможности стать кем-то, отказаться от могущества, славы, богатства... Или оставить – и бросить все силы на то, чтобы попытаться выкрутиться, каким-то образом стравить Скулярию и Акунда, под шумок улизнуть, а уже потом, в спокойной обстановке надежного убежища, трезво прикинуть, каким образом можно будет использовать смарагд.

«У тебя была на это масса времени, – упрекнул себя Глеб. – Чтобы использовать камень, нужно быть магом. И не просто магом, а наследником Ксенфа или чародеем, способным снять наговор на кровь, сделанный бывшим Владыкой».

«А вдруг во мне действительно есть скрытые способности? – немедленно ответил внутренний голос, второе «я», альтер эго Погодина. – Вдруг Часовщик не врал, и я маг нового, неизвестного за Пеленой типа? Ведь разговаривал же со мной изумруд! Ведь умею же я «входить в гейм»! Нет, абсолютно точно, я маг! Поэтому камень отдавать нельзя...»

«Да какой там маг! – продолжился диалог в голове Глеба. – Куда ты лезешь? С этой стрелы вместе с камнем ты скорее попадешь не в надежное убежище, а напрямую в ад.

Акунд – сын Ксенфа. Смарагд принадлежит ему. Ты же сам хотел передать камень законному наследнику. Вот он, стоит внизу и ждет. Ты обязан это сделать! Обязан по всем законам, по всем правилам, и человеческим, и нелюдским».

«По каким еще правилам?»

«Тебя просил об этом старый Ксенф. Невыполнение воли умирающего – это... это...»

«Что? Грех? Ха-ха! Можно подумать, я один такой. А вокруг все – просто святые. Тот же Ксенф...»

«Акунд спас тебе жизнь. Ты обязан отблагодарить».

«Я не просил его спасать меня. Может, я бы и сам справился!»

Глеб чувствовал – борьба с самим собой заходит в тупик, аргументы и контраргументы он может генерировать до бесконечности, но это ничего не изменит.

Камень нужно отдать.

Ведь если Аскет тогда не соврал... а зачем ему врать?..

Он последний раз взгляделся в таинственную зеленую бездну, в недра изумруда, и словно наяву увидел бушующее море, обсидиановые глыбы на берегу Одинокого острова, колдуна в полированной маске и воинов Аталана, сжимающих в руках боевые весла.

– Клянусь семенем Всеотца, – долетел до Глеба сквозь свист ветра прерывающийся голос Скуларии, – я исполню любое твоё желание, «коричневый»! Отдай камень – и ты станешь самым... самым...

Сатресса была совсем близко. Даже не оборачиваясь, Погодин чувствовал это. Те секунды, которые у него оставались на раздумья, закончились. Пришло время принятия решения.

– ...Самым могущественным немагом в Москве! – Крик Скуларии полоснул Глеба по ушам. – Отдай!!

Двумя пальцами вытащив изумруд из футляра, Глеб посмотрел на застывшего внизу Акунда. Сатра больше не кричал. Он просто стоял и наблюдал за тем, как Скулария все ближе и ближе подбирается к Погодину. Выдержке наследника Ксенфа можно было позавидовать. На его глазах рушилось все – он же просто ждал, понимая, что повлиять на развитие событий не может, а может только просить, но это было бы унижением для гордого сатра.

Глубоко вдохнув – как перед прыжком в холодную воду, – Глеб разжал пальцы. Лучащийся зеленью камень на мгновение, казалось, завис в воздухе, точно не хотел расставаться со своим хранителем. Скулария взвизгнула. Собрав остатки сил, она черной пантерой бросилась вперед, совершила невероятный прыжок – и почти дотянулась до смарагда. Глеб видел, как рука повисшей на стреле сатрессы прошла в воздухе рядом с падающим камнем. Скулария промахнулась всего на каких-то пять сантиметров.

Изумруд медленно уменьшался в размерах, удаляясь от Глеба. В этот момент Погодину почудилось, как множество голосов прежних хозяев удивительного камня прокричали ему не то слова благодарности, не то проклятия. Но на самом ли деле он услышал этих людей и нелюдей или виной всему был шум ветра в ушах и усталость, навалившаяся вдруг, точно бетонная плита?

Скулария, вцепившись в нижнюю балку стрелы, завороченно провожала взглядом падающий изумруд. Понимала ли сатресса, что проиграла? Или, наоборот, в этот миг в ее хорошенькой головке возник новый план? Узнать это Глебу было не суждено. Он лег грудью на ледяной металл, разжал руки. Очень хотелось закрыть глаза, но пока превратившийся в зеленую точку камень не закончил свой полет, Глеб не нашел в себе силы сделать это.

Запрокинув искаженное гримасой ненависти, побелевшее лицо, Скулария прошипела:

– Ты умрешь, «коричневый»! Глупец, на что ты надеялся? Акунд слабый колдун, и сил в нем не осталось! Я убью его и все равно завладею камнем. Ты упустил свой шанс. Пусть клан Ксенфов погибнет – мне плевать! Со смарагдом я подчиню себе любой другой. Я возьму под контроль все колодцы в городе. Да что там в городе – в стране! В мире! Смотри, что такое настоящая высшая магия!

И она вдруг захохотала неожиданно загустевшим, басовитым голосом, от которого Глеба продрал озноб, во сто крат сильнее того холода, что нес ветер.

– К черной земле, что принимает в себя всякого, взываю я! К черной воде, что топит в себе всякого, взываю я! К черным корням, что пьют всякого, взываю я! К черному ветру, что иссушает всякого, взываю я! Смерть, приди же и возьми то, что твое по праву! Твоей власти отдаю я сих малых...

Голос Скуларии сделался еще более низким. Это был уже не голос, а глухой подземный гул, в нем тонули отдельные слова. Вокруг ее тела разлилось зеленоватое сияние, в котором потрясенный Глеб увидел очертания разнообразных предметов – светящиеся призрачные силуэты.

Кольца, амулеты на цепочках, камни, ножи, браслеты, кости, серебряная чаша, золотая корона повисли в сгустившемся воздухе и хороводом закружились вокруг висящей над бездной хозяйки. Наливаясь недобрым, сумеречным светом, каждый из них породил тонкую темную нить, тянущуюся к голове Скуларии. Теперь уже казалось, что вокруг нее вращается зелено-золотое колесо с пульсирующими спицами.

От холода и какого-то общего опустошения души и тела Глеб не мог думать, говорить, двигаться. Он лишь наблюдал, как сатресса готовилась нанести последний, решающий удар с помощью всей совокупности вживленных в ее тело амулетов.

И в этот миг смарагд закончил свое бесконечное падение и с тихим шлепком лег в окровавленную ладонь Акунда.

Он действительно был никудышным магом, этот черноволосый сатра, всю недолгую жизнь проживший изгоем, безвестным сиротой. Обреченный на сострадательное презрение со стороны соплеменников, он с детских лет пытался доказать всем: он, Акунд, что-то значит. Изнуряя сильное тело многочасовыми тренировками, он пытался стать тем, кем и должен был быть по праву рождения, – сильнейшим среди сильных. Судьба жестоко обошлась с ним, но вот пришло время расплаты за все унижения, за годы прозябания, за невидимое клеймо «ребенка клана», за драки и хулиганские выходки, у которых была одна единственная цель – заставить всех вокруг если не уважать, так хотя бы бояться себя.

Поэтому, когда наследство убитого отца соединилось наконец с наследником, когда тело Силы Акунда Ксенфа ощутило ту мощь, что содержал в себе зеленый кристалл, он, несмотря на боль, несмотря на раны, терзавшие его тело, засмеялся, ибо в одно короткое мгновение увидел, что его ждет, и понял, чем теперь обладает.

И смех его напугал Скуларию. Безжалостная убийца, служившая в этой жизни лишь себе – и Смерти, – она услышала в смехе сатра свой приговор. Золотисто-зеленое колесо, спаянное из теней смертоносных амулетов, сорвалось с оси и рухнуло вниз, на Акунда.

Сжав смарагд, он не стал плести сложных заклинаний – да он и не умел этого делать. Нахмутив брови на обожженном лице, сатра просто пожелал силы, и камень откликнулся на это желание нового хозяина. Множество магов Ксенфа в то мгновение ощутили, как исчезают незримые створы, что запечатывали колодцы, принадлежавшие их клану. Находящиеся на боевых постах, ожидающие атаки врага, они поняли – что-то случилось.

Чистая, бешеная сила ударила из колодцев, и невидимые для глаз лишенных магии людей и нелюдей струи ее устремились к одной точке, туда, где стоял с камнем в руке Акунд Ксенф.

Магическая энергия слилась в единый бурлящий поток и, подчиняясь воле хозяина смарагда, ударила навстречу колесу Скуларии. Поток был настолько плотным, настолько насыщенным, что обрел видимый образ. Глеб запомнил это как столб яркого зеленого огня, вдруг вырвавшийся из поднятой руки Акунда. Испепелив без остатка призрачное колесо, пламя рванулось дальше – ввысь!

Скулария закричала, одним рывком забросила свое гибкое тело на стрелу крана, но большего сделать не успела. Прозрачный зеленый столб с ревом ударил в металл.

Жар опалил Глеба, изгнав холод. Железо под руками сделалось нестерпимо горячим. Стрела мелко задрожала, сам кран несколько раз качнулся.

Сатресса пыталась спастись, и ей почти удалось это, но прыжок, что совершила она, стремясь вырваться из гибельных объятий пламени, оказался для Скуларии последним. Она сгорела в воздухе, как сгорают бабочки-траурницы над огнем свечи – с треском и без остатка...

Огненный столб опал, исчез. Наступила жуткая, неправдоподобная тишина. И в этой тишине отчетливо прозвучал такой знакомый, привычно насмешливый голос Акунда:

– Ну что, братуха?.. Вот и все. Сам спустишься или помочь?

Они сидели рядом на ржавой рельсине – сатра и человек. Глеб курил, пытаясь заставить пальцы держать сигарету без дрожи. Акунд, с помощью обретенной магической энергии слегка подлечивший жуткие раны, смотрел на темное небо. Ночь висела над кладбищем вагончиков, тихая и спокойная.

– А что дальше? – спросил Глеб. – Ты теперь этот... Владыка?

– Сейчас, разогнался. Придется доказывать. Эти старперы так просто мне власть не отдадут. Хотя с учетом тех возможностей, что дает эта штука... Закрою колодцы опять, и пусть делают, что хотят. – Акунд подкинул смарагд на ладони, точно мячик. – А все же интересно, откуда она взялась? Кто ее сделал? Ведь она позволяет творить вещи, невозможные для обычных магов...

– Сейчас узнаешь.

И Глеб коротко пересказал сон про старика в маске.

– Не, фигня это все, – махнул рукой сатра. – Не знаю, что эта хреновина тебе показала, но все это похоже на обман. Атлантида, если она и была, утонула двенадцать тысяч лет назад, когда мы и остальные только пришли на Землю, а маги из синей сферы участвовали в создании Пелены три тысячи лет назад. Так что не сходится...

Глеб только плечами пожал.

– Так что впереди много всякой болтовни и проверок, – продолжал Акунд. – И потом дел выше крыши – войну надо остановить, с прихвостнями Дэфтера разобраться. Но прежде я хотел бы услышать от тебя, Глеб Погодин, – чего ты желаешь? Акунд Ксенф готов отблагодарить тебя за все то, что ты сделал для него – и для клана.

Услышав эти слова, Глеб повернулся и посмотрел на сатра. Посмотрел – и отвел глаза, не выдержав бестрепетного взгляда своего товарища. Теперь уже бывшего товарища, потому что тот сатра, которого знал Погодин, тот Акунд исчез. Рядом с Глебом сидел будущий Владыка клана. И если он предлагал что-то, молчать в ответ было нельзя.

– Есть у меня одна просьба. – Глеб щелчком отбросил окуроч, поднялся. – Девушка... Милка... Она в Обители лежит. Ну, ты... вы знаете, что там с ней...

– Значит, этим и займемся в первую очередь. – Акунд хлопнул себя левой ладонью по грязному колену и тоже встал. – После того, как всех убедим, кто я такой. Объяснение насчет колодцев я придумаю, не бойся... А о камушке пока говорить никому не будем, лады?

И сатра спрятал изумруд Ксенфов в футляр и убрал в карман штанов.